538647

Герольд
Бельгер

тамыр

Воздух времени

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

Сочинения в десяти томах.
Избранное

«Балалар әдебиеті»
Алматы 2012

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

Избранные сочинения
том девятый

ВОЗДУХ ВРЕМЕНИ

«Балалар әдебиеті»
Алматы 2012

УДК 821.0
ББК 83.3 (0) 84.5Каз
Б 44

ВЫПУЩЕНО ПО ПРОГРАММЕ
«ИЗДАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ВАЖНЫХ
ВИДОВ ЛИТЕРАТУРЫ»
КОМИТЕТ ИНФОРМАЦИИ И АРХИВОВ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Бельгер Герольд.
Б 44 Избранное: Сочинения в десяти томах. /*Герольд Бельгер.* — Алматы, «Балалар әдебиеті», 2012.

ISBN 978-601-252-019-4
Т.9. ВОЗДУХ ВРЕМЕНИ. *Критика* — 432 с.

ISBN 978-601-252-059-0

В 9-й том Избранного Герольда Бельгера вошли главным образом критичесике работы автора — статьи, обзоры, исследования, рецензии о казахской, россйко-немецкой и мировой литературах. Критика отличают глубокое знание предмета, диапазон мышления, ясный слог, умение сближать факты разных языков и культур, аналитичность, доброжелательный тон.

538647

УДК 821.0
ББК 83.3 (0)

ISBN 978-601-252-059-0 (Т-9)
ISBN 978-601-252-019-4

© **Бельгер Г., 2012**
© **«Балалар әдебиеті», 2012**

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА

ОТ ДОБРА ХУДА НЕ БЫВАЕТ
(Доброта в казахской ментальности)

«Там, где царит добро, в душах людских мед разливается, там, где расплеснулось зло, кровь проливается».

Айтеке би

I

У каждого народа существуют ключевые слова-понятия, которые являются основополагающими, отражающими суть бытия.

Думаю, ДОБРО относится к таким словам-понятиям.

Каждый народ в той, или иной мере, прежде всего, культивирует в своем сознании ДОБРО и МИЛОСЕРДИЕ. Именно эти понятия наполняют созидательным смыслом его бытование на земле.

Истина эта бесспорная. А потому кажется банальной.

Настолько банальной, что в наш драматический, трагический век, когда везде и всюду царит культ насилия, наживы, цинизма, вседозволенности, тотального одичания и оскотинивания, считается неприличным, немодным даже говорить об этом.

Это - увы! - приводит к деградации Духа. К размыванию основ человечности. К катастрофическому упадку нравственности.

И мы это видим везде и всюду - по методически развращающему народ телевидению, по дрянной беллетристике, по блудливым речам политиков, по действиям тех, кто возалкал править обществом.

Недавно в Алматы с помпой, треском прошел II медиафорум. Официальная печать захлебывалась от восторга. О чем только не говорилось на Форуме? Однако, слов «добро», «гуманизм», «милосердие» я не услышал.

Помните благородный Дон Кихот, услышав чей-то плач, тотчас садился на коня и мчался на помощь.

- Санчо, там плачут!

Ныне не то, что одинокий плач, рыдают в отчаянии целые народы. И никто на помощь им не спешит. Нет ни благородного рыцаря Дон Кихота, ни верного его Санчо.

Вырастают поколения людей, для которых понятие «добро», «милосердие» — нонсенс, пустой звук.

Добрый человек — ныне слабый человек, неумеха, кисляй, бестолочь, слюнтяй, рохля.

Быть милосердным — стало признаком слабости. Ныне в чести хапуга, рвач, наглец, нахал, ловкач, циник, крутой, юркач, насильник, ұр да жық.

Искривились пути человеческие. Что-то неладно в датском королевстве.

Так продолжаться вечно не может. Необходимо вернуться к первозданным истокам, к незамутненному роднику человечности.

II

Еще до войны, там, на Волге, где я родился, запомнил строки из антифашистской песни: «Einheitsfront»

Und weil der Mensch ein Mensch ist,
Hat er Stiefel im Gesicht nicht gern.
Er will unter sich keinen Sklawen sehn,
Und über sich keinen Herrn

Подстрочный перевод: И потому, что — Человек, он не терпит, чтобы били его сапогом в лицо. Он не желает видеть под собою раба и господина над собой.

Слова эти взывают к свободе, равенству, братству, доброте, милосердию. Они — лейтмотив философии жизни.

III

Моя племянница, воспитательница детского сада, рассказывает мне, что дети — трех-пятилетки — за последние годы сильно изменились. Они стали агрессивными, черствыми, жестокими, безжалостными, бьют сообща слабых, злорадствуют.

Симптом тревожный. Значит, в самом обществе завелась гниль. И смотреть на все это равнодушно — уже преступно.

IV

Изменилось само восприятие детей. Знакомый член-корр с женой-бабушкой читают трехлетнему внуку «Сказку о рыбаке и рыбке». Мальчик, выслушав сказку, выдал свое заключение: «Старуха, конечно, дура. Но и старик — дурак. Почему ему надо было докладывать старухе, что сказала рыбка?»

Не знаменательно ли? Вот источник эгоизма, индивидуализма.

V

Между тем, понятия «добро», «милосердие» никогда не были пустыми, абстрактными. О том свидетельствует сама лексика.

Вот короткий синонимический ряд в русском языке слова «добро»: добрый, благодушие, добродушие, беззлобие, незлобивость, доброжелательство, доброта, кротость, благожелательный, сочувственный, благорасположенный, добросердечный, сердечность, душевный, добротный, добродей и т.д.

Вспомним казахские адекваты: мейірбан, мейірімді, ізгі, қайырымды, кішіпейілді, ізгі ниетті, шапағатты, мархабатты.

Немцы говорят: Güte, Herzensgüte, gut, gutherzig, gutmutig.

— В добрый час! — говорит русский.

— Оң сапар! Ақ жол! — говорит казах.

— Glück auf! — говорит немец.

Корни человечности, доброты, милосердия едины. Основы культур едины.

VI

Первоначальный вариант известной строфы пушкинского «Памятника» звучал так:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел.
Что вслед Радищеву восславил я свободу,
И милосердие воспел.

Вот она, истинная роль, вот оно, истинное место милосердия в ее высоком значении. А добро и милосердие — братья-близнецы.

VII

Основы доброты, милосердия, человечности я получил в семье и в ауле.

Аул!

Это короткое, гулкое казахское слово властно и мощно ворвалось впервые в мое сознание и неожиданно всколыхнуло душу синеоким сентябрьским днем 1941 года. Долго петлявшая между пшеничными полями, ковыльным простором и березовыми колками дорога, вдруг взметнулась на бурый косогор и в низине, недалеко от приречного тугая, темной полоской уходившего за горизонт, как на ладони открылось истомленному взору невзрачное казахское селение с убогими, разбросанными там-сям плоскокрышими домишками и чахлыми ивовыми пристройками.

Тихо. Пустынно. Просторно. Безлюдно.

Незнакомый, неведомый мир. Огромный непостижимый.

— Аул, — произнес возница, смуглый, скуластый, узкоглазый мужичонка в нелепой войлочной шапчонке на бритой голове.

— Казахишес дорф, — перевел отец.

— Аул, — эхом отозвалось в моей душе первое казахское слово.

...И что бы мы делали без внимания, заботы, сочувствия и помощи аулчан, казахов, о которых мы, спецпереселенцы, ничегошеньки и не знали!!

Вот уже одна соседка несет кастрюльку молока, другая идет с миской айрана, третья угощает горстью-другой

иримчика и курта, баскарма, председатель колхоза, расщедрился несколькими килограммами пшеницы и ячменя, кто-то завез мешочек неочищенного проса, коктерекский уста-кузнец выточил из камня маленькую ручную мельницу... Словом, аул в беде нас не оставил.

Я быстро сошелся со своими чернявыми, скуластыми сверстниками, носился с ними по аулу, начал осваивать казахский язык, сердобольные тетки-апашки в длинных платьях, плюшевых безрукавках, белых жаулыках, то и дело угощали меня аульными яствами, старики гладили меня по голове, говорили «айналайын», «неміс бала», «першылдың баласы» (сын фельдшера), «біздің Кира» (искаженное «наш Гера»). Никто не называл меня ни единым обидным словом. Никто не подчеркивал мое чужеродство. В моем родном ауле я чужим не был.

VIII

Доброте, гуманизму, милосердию никто нас, аульных шалопаев, специально не учил. Эти качества нам прививались исподволь, на примерах повседневного бытия. Они вытекали из ментальности казахов, сложившейся в течение не одного десятилетия.

В чем выражалась эта ментальность!

— в уважении к взрослым.

— в почтении к старейшинам.

— во внимании к больным, немощным, слабым.

— в желании помочь всем страждущим.

— в поддержании огня в очаге каждого дома.

— в уважении к памяти предков.

— в соблюдении канонов этики, благословенных предками.

— в неукоснительном соблюдении запретов, освященных народным опытом.

— в сохранении норм народной педагогики и т.д.

Я выделил лишь некоторые приметы, которые воспитали нас в добре и милосердии.

И я знаю: все эти качества и достоинства вошли в плоть и кровь моих сверстников. Эти правила казахской ментальности стали основой гражданского и человеческого поведения.

IX

Есть еще одна черта казахской аульной ментальности, о которой уместно сказать. Казах просто так, ради красного словца, даже шутки ради не унижает, не оскорбляет человека иной национальности, не придумывает для него уничижительного клише. Это грех. Это не прилично. Это осуждается.

Андрей Семенов в «ДН» (№ 8/95) подробно описал представление русского мещанства о других нациях. Он приводит примеры тому, какими уничижительными прозвищами и кличками награждают русские, скажем, евреев, немцев, татар, азиатов, якутов, корейцев, китайцев и т.д. Вообще на эту тему написано немало. И читать это неловко.

Мои двоюродные братья в русских селах в военное время все были «фрицы», «гансы», «фашисты», «немчура», «немец-перец колбаса» и т.д.

Я выросший в казахском ауле, таких слов не слышал. Наоборот, я был аульным любимцем, баловнем. Ко мне в ауле относились лучше, чем к моим казахским сверстникам.

И это так характерно казахской ментальности.

X

Добру, ласке, щедрости учили в ауле с детства. У каждого ребенка был свой любимый, нежный ягненок, жеребенок, щенок. Любовь к животным, к окружающей среде — лужайке, полянке, деревцам, речке, колодцу — воспитывала доброту, сочувствие, милосердие.

Аул был святыней, зеленым причалом, нравственной опорой, основой, школой.

Есть объемное казахское понятие — ИМАН. Означает оно — совесть, стыд, благость, вера, святость. К этому понятию часто прибегал Абай. Он проповедовал иман — совесть в сердце.

Вот что должно лежать в основе нашей жизнедеятельности.

Иман! Имани-гуль. Казахи говорят: «Бетінің иманы

бар», т.е. на лице его совесть, стыд. Великое слово даже без религиозной окраски.

В Казахстане много партий, но нет партии иман. А была бы — вступил бы в нее.

XI

Зная трагическую судьбу российских немцев, так сказать, изнутри, чувствуя ее каждой клеткой, я невольно сравниваю, сопоставляю ее с судьбой казахов. И нахожу много общего, схожего, в том числе и то, что настораживает. Ну, например, мне порою чудится, что те, казахи, которых я знавал в военные и послевоенные годы, были добрее, искреннее, щедрее, более открытыми. Вообще в казахах много удивительных достоинств и человеческих качеств, которые не знают, не замечают не только другие, но и сами казахи. Эти достоинства запечатлены в казахском языке, истории, нравственности, культуре, быте, фольклоре, песнях и кюях. И за столетия бурной, драматической кочевой, мирной и ратной жизни казахами накоплен столь колоссальный и прочный запас здравой национальной ментальности, что мне кажется, им уготовлена долгая и удачливая, самодостаточная судьба на этой прекрасной и грешной земле. Иншалла! Да будет так!

«Руханият», пилотный номер, 2003
«Профессионал Казахстана», № 4/ 2004

О МУДРОМ МОРИСЕ

Не знаю, для кого как, но для меня наш город без Мориса Давидовича Симашко заметно потускнел.

Он был мудрец. Человек бывалый, шумный, контактный, веселый и грустный одновременно.

Я его называл двоюродным братом. Дело в том, что его мать была поволжской немкой из Марксштадта, из Шмидтов, которых среди немцев столько, сколько Ивановых среди русских. Уважительно, но с юмором Морис Давидович рассказывал о своих немецких тетушках, которые на немецкий лад коверкали русские слова и своего непослушного племянника называли не иначе, как «ушасни репёнок».

Но двоюродным братом я воспринимал его не только поэтому. Нас связывало, смею полагать, духовное, высокое братство. Он был для меня старшим братом. Интересным собеседником.

По казахским понятиям родственных отношений, он приходился мне как бы «жиеном» — племянником по материнской линии. Так к вящей радости казахов я его и представлял неизменно в областях и аулах, где нам доводилось бывать вместе.

Подписывая свои книги мне, он неизменно прибегал к слову «родство», и мне было приятно иметь такого родственника.

Книги его — «Повести Черных и Красных песков», «Хроника царя Кавада», «Маздак», «Искупление дабира», «Семирамида», «Падение Ханабада», «Колокол», «Комиссар Джангильдин», «Путешествие в Карфаген», «Дорога на Святую землю» — и поныне стоят у меня на почетном месте.

Нельзя сказать, что в Казахстане его недооценивали. Наоборот. Он был лауреатом многих премий, в том числе и Государственной. Он был Народным писателем. Членом

национального Совета по госполитике. Его уважали. Книги его переводили на многие языки мира. А вот на казахском у него не было ни одной книги, хотя он сам переводил многих. То же, впрочем, и у меня. Перевел я примерно 25 томов казахской прозы, а первой книжкой на казахском языке удостоился лишь в прошлом году.

Наверно, это несправедливо. Или не совсем справедливо.

Для Мориса Средняя Азия и Казахстан были таинственной и увлекательной Книгой, которую он любил, читал и перечитывал, изучал и анализировал, по-своему излагал и блистательно проецировал на современность. Он глубоко вникал в историю арабов, персов, таджиков, туркмен, узбеков, в цивилизацию народов и знал, куда ведет течение жизни.

Он не был безмятежным. Дух его покоя не знал.

Вот фраза из последнего его творения, «Четвертый Рим», написанного уже в Израиле (или, точнее, завершенного там): «Может быть, и вправду бродят во мне какие-то дрожжи, не дают покоя...»

С тяжелым сердцем он уезжал из Алматы. Несколько месяцев прощался с друзьями. Писал прощальные письма. В том числе и на имя Президента. Уверял всех, и в первую очередь самого себя, в том, что он вернется, непременно вернется, да, да, обязательно, купит себе однокомнатную квартиру и будет работать в тиши и уединении, ибо жить и работать он, де, может только здесь, в Казахстане, а там, на Святой земле, он чужак, там не нужны ни он сам, ни его творчество.

Он это очень точно сознавал.

«А ты не уедешь?» — допытывался он.

«Нет, не уеду. В Германии я ведь тоже уже не нужен. Ни я, ни мои опусы, ни мои казахские познания».

У нас было братское единство и в этом вопросе. Он, однако, допустил ошибку. Не уехал бы, и поныне, уверен, сидел бы среди нас в ПЕН-клубе, где был вице-президентом, потягивал бы любимый коньячок, жаловался бы на проклятую подагру, травил бы анекдоты, читал бы стихи обожаемых им Багрицкого, Франко, Шевченко, которых знал наизусть, украшал бы наши писательские будни. Как нам не хватает его крепко поперченных импровизаций!

А рассказывать он умел — заслушаешься. Артистически вклинивал в свои рассказы-экспромты разные байки, фривольные частушки, прибаутки, анекдоты разных народов, нередко прибегая к так называемой ненормативной лексике, которая в его устах звучала, впрочем, естественно, ярко и высоко, благородно, не смущая даже нежный дамский слух.

Бывало, каждый вечер, отработав день за письменным столом, он звонил мне и вкрадчиво, с нарочитым кавказским акцентом в соответствии с известным анекдотом спрашивал: «Ге-е-ерольд? Как живешь?» И я так же, по анекдоту, отвечал неизменно: «С удовольствием».

Увы, все это в прошлом. Остались его книги, память о нем, голос, интонация.

Умел он точно выражаться и давать меткие характеристики. Помню, в Союзе писателей Казахстана зашел как-то разговор, куда и к кому меня определить: то ли к казахам, то ли к немцам, то ли отнести к русской литературе. Кто-то назвал меня «российско-немецким писателем», кто-то «казахско-русским», кто-то «советско-немецким», и тогда Морис Давидович положил конец спору, сказав емко: «Бельгер вам — не хрен собачий».

Я это воспринял как высшую оценку.

«Давар», № 3/04.
«Книголюб», Спецвыпуск, 2005.

ПОБОРНИК НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА

Это была удивительно одаренная, яркая, многогранная личность.

Писатель, публицист, просветитель, общественный деятель.

Мое поколение выросло, ничего не зная ни о нем, ни о его творчестве.

Ныне его имя упоминается в ряду славной когорты казахской духовности — Алихана Букейханова, Шакарима Кудайбердиева, Ахмета Байтурсынова, Мир-Якуба Дулатова, Магжана Жумабаева, Жусупбека Аймаутова, Халела Досмухамедова, Кошке Кеменгерова и др.

Он умер рано, при невыясненных обстоятельствах, в возрасте 33 лет. Был на редкость образован, деятелен, целеустремлен. Одинаково свободно изъяснялся и писал по-казахски и по-русски. Занимал высокие ответственные посты: в революционных комитетах, молодежных союзах, кооперативном движении, в представительстве Туркестанской автономии, в плановой комиссии, в комиссариате народного образования и т.д. Он находился в первых рядах строителей нового Казахстана. В 20-х — начале 30-х годов имя его было весьма популярно.

Родом он из Акмолинской области. Учился в разных местах: в русско-киргизском училище в Полтавке, в Омском сельскохозяйственном училище, на курсах кооперации при Омском политехническом институте, в Московском институте железнодорожных инженеров по специальности искусственные сооружения. Упорно занимался самообразованием. Был литературно одарен: писал романы, повести, рассказы, очерки, исследовательские и критические статьи, литературные обзоры, предисловия к книгам. Был ярким полемистом, оратором.

Звали его Смагул САДВОКАСОВ.

Конечно, я имел о нем некоторое представление: читал какие-то отрывки, встречал его имя в литературоведческих изданиях последних десятилетий, ссылки на его труды и суждения по тому или иному поводу. Теперь мне попал в руки вышедший в конце прошлого года в алматинском издательстве «Алаш» двухтомник его сочинений с обстоятельной статьей доктора филологии Дихана Камзабекулы.

Знакомство оказалось приятным, волнующим, познавательным, поучительным.

О том и попытаюсь коротко поведать.

Содержание первого тома составляют художественные произведения Смагула Садвокасова (незаконченный роман «Сарсенбек», повести и рассказы «Салмакбай, Сагындык», «Серебряный колокол», «Кульпаш», «Аптономиа», «Салмакбай, Махамбет»), статьи по литературе и истории («Киргизская литература», «Из истории киргизов», «Стихотворения Беимбета», «О национальном театре», «История освободительного движения народов Запада и Востока», «Байбише, токал», «Предисловие к переводу «Песни о Козы-Корпеш и Баян-сулу», «Предисловие к сборнику рассказов «Молодой Казахстан») и другие работы, написанные автором по-казахски и по-русски.

Все эти произведения были опубликованы в газетах, журналах, книгах в 1919-1928 годах.

Читать их сегодня весьма любопытно. В них дыхание той эпохи на крутом переломе казахского национального сознания, крушения, ломки патриархального уклада и трудного становления нового — приемлемого и неприемлемого, напористого стремления к образованию, просвещению, цивилизации, мотивы осмысления векового развития степняков-номадов. Жизнь и судьба казахов на стыке эпох, борьба за национальное освобождение, события 1916 года, когда казахов рекрутировали на тыловые работы, мучительные поиски верного пути, осознание своего места в истории — таковы ключевые моменты художественных произведений молодого беллетриста. В этих произведениях запечатлены живые картины казахского аула, сочные национальные типы-

характеры, многообразная тональность казахского речестроя. Можно сказать, что они являются предтечей будущей казахской реалистической прозы.

Непреходящий интерес представляют суждения Смагула Садвокасова об истории казахов, о мощи их устной литературы, о своеобразии казахского фольклора, о значении и роли Абая в развитии казахской литературы, о казахских писателях 20-х годов в переводе их произведений на русский язык и многое-многое другое.

Наиболее характерным в мировоззренческом представлении С. Садвокасова тех лет является его предисловие к сборнику рассказов «Молодой Казахстан». Сборник этот вышел в Москве в 1928 году. В коротком, но емком предисловии к этому сборнику Садвокасов знакомит русского читателя с основными этапами развития казахской литературы, упоминает народных акынов Шоже, Марабая, Маката, Биржан сала, характеризует Абая как основоположника новой письменной казахской литературы, причисляет к его последователям А.Байтурсынова, М. Дулатова, М. Жумабаева, С. Торайгырова, Б. Кулеева, О. Карашева.

538647

Вот несколько цитат из этого предисловия:

«Что же касается М.Жумабаева, то он в одно время был властителем дум казахской молодежи».

«Среди поэтов-коммунистов наибольшей известностью пользуются Сакен, Сабит Муканов и многообещающий, талантливый Жансугуров. По части формы стиха Сакен куда слабее Жумабаева».

«По содержанию своих произведений и мастерству слога М.Ауэзов является, пожалуй, наиболее крупной фигурой в современной казахской литературе. Он единственный среди казахских писателей, который пишет исключительно прозой. За последнее время он стал писать из жизни казахской интеллигенции: тема совершенно до сих пор нетронутая никем. По своей идеологии М.Ауэзов считается попутчиком».

«Легче всего Ж. Аймаутову удаются переводы европейских писателей. Им переведены на казахский язык многие вещи А.Пушкина, Дж. Лондона, Герберта Уэльса, Ковради Берковичи, Вс. Иванова и др. Ж. Аймаутов тоже считается попутчиком».

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. Муканова

«Начиная с 20 года Майлин стал писать короткие рассказы, а еще позже — повести. Прозой он завоевал симпатии читателей еще больше, чем стихами».

Напоминаю, оценки эти относятся к 1927 году.

Нетрудно догадаться, что Смагул Садвокасов очень чутко улавливал все новое, истинно талантливое в литературе, и в этом смысле обладал тонким вкусом и здравым штандпунктом.

Во второй том трудов С. Садвокасова вошли его исследования («Нужда аула», «Казахстан», «Кооперация и казахский шаруа», «Основные проблемы, возникшие при районировании Киргизии», «О национальностях и националах» и др.), доклады, произнесенные на пленумах и конференциях крайкома, на съездах учителей и т.д., более пятидесяти статей и заметок на разные общественно-политические и социальные темы («Первая всероссийская конференция молодежи восточных национальностей», «Советская власть и киргизы», «К отмене калыма у киргиз», «В.Ленин», «Ленин и национальный вопрос», «Национальный вопрос в Киргизии», «Вопрос о земле» и др.), а также письма и официальные записки. Труды эти не только явственно запечатлели историю казахов в начале прошлого века, они изобилуют точными, документальными сведениями о том, уже не близком нам времени. Тем не менее они и сегодня звучат актуально, ибо многие вопросы — о земле, о национальностях, об образовании и медицинском обслуживании в аулах, об изучении и осмыслении национальной ментальности, о стремлении к общечеловеческим ценностям, к культуре — не сняты с повестки дня и поныне.

Вот что писал Садвокасов еще в 1919 году в очерке «Нужда аула»: «Самая насущнейшая нужда аула — это просвещение. Без него никакие нововведения в степи немыслимы. Немыслимы также всякие мероприятия, связанные с улучшением экономического благосостояния киргизского народа».

Он умел писать сжато, энергично, ясно. Вот пример из его написанного по-русски очерка:

«Вот степь — родина киргиза, где создалась его многовековая история, которую никто не изучал, где

вложено все его богатство, которым воспользовались многие, но которое тоже никто не изучал. Вот аул, служивший и продолжающий служить «золотым дном» для пронырливых купцов и торговцев и вообще «ученых», которые тоже не постарались сделать ему чего-нибудь хорошего.

Здесь вы не видите признаков благополучия. Аул нуждается во всем, в нем недостает всего. Там нет школ, а потому жители его пребывают в темноте. Там нет больниц, а потому они — киргизы — массами погибают от таких болезней, от которых в цивилизованных странах не умирает почти никто, а об агрономах, о ветеринарных врачах и др. говорить не приходится».

О чем бы ни писал С.Садвокасов, он знал свой предмет. Писал со знанием, с четкой целью, с болью в сердце. Он был просвещенный деятель. И потому его суждения, его мировоззренческий посыл, его мировидение и просветительский пафос даже за далью лет не оставляют нас, современников, равнодушными.

Двухтомник Смагула Садвокасова — серьезный вклад в познание казахстанской истории и ментальности, в осмысление единого процесса национального духовного развития. Он восполняет большой пробел в сознании казахского Духа в его историческом аспекте.

«Простор», № 11/04

НО ВСЕ ЖЕ НЕЛЬЗЯ БРОСАТЬ ВЕСЛА

Да, нельзя бросать весла и надо грести...

Тезис этот как философское кредо творческого человека убедительно и проникновенно прозвучал в нобелевской речи Альбера Камю почти пятьдесят лет тому назад.

Как актуален этот тезис в наше время! И не только в условиях Казахстана.

О том — о литературе и литераторах — мои раздумья.

Упорно чудится мне, что литература в Казахстане находится ныне в растерянности, на распутье. А, пожалуй, еще точнее в застое, в кризисе.

В чем это выражается? Внешне, с первого, поверхностного, взгляда все вроде о'кей, даже тамаша. Издательств и типографий с диковинными названиями — пруд пруди. Газет и журналов — море. Печатной продукции — океан. И книжные ярмарки проводятся, и тои случаются — аж пыль столбом, и даже премии — какие-никакие — вручаются. А литературы, как таковой, в высоком, изначальном понимании почти как бы и нет. Она, как инвалид, чикиляет по обочине бытия. Место и значение ее в обществе незаметно, ничтожно. И голос литераторов в неуемной политической трескотне, можно сказать, не слышен. Отодвинуты они на периферию массового сознания. Писательство — ныне не престижная профессия. Положению писателя — моральному и материальному — не позавидуешь. Так и слышится назойливый рефрен Владимира Познера — такие вот времена.

Для литературы легких времен никогда и не было. Да, вероятно, и не может, и не должно быть. «Я вообще думаю, что литература состоит из сплошных кризисов. Сам путь литературы — это перманентный кризис», — утверждал в одном интервью («ЛГ», 4.XI.1992) Андрей Синявский.

Да и писатель, коли он выбрал стезю сочинительства, не должен уповать на легкую и благополучную жизнь. Он сам выбрал эту «сладкую каторгу». Значит, нечего пенять на судьбу, на время, на власть и прочие пакости и житейские неурядицы.

Мужество писателя, о чем исповедально написал некогда Юрий Казаков, — особое мужество. Писательство, интеллектуальный труд, как и всякое творчество, — зона высокой культуры, а культура, как верно заметил Ганс Магнус Энценсбергер, — «удел меньшинства». Это тебе не политикой промышлять, в мажилисе словеса толочь, не гольфом на лужайке душу тешить, не перед власть предержащими и толстосумами лебезить.

Самый большой грех писателя — когда он молчит. О да, молчание — тоже позиция, но писателя она не красит. Ибо непишущий писатель — нонсенс. Писательская позиция — толстовское кредо: «Не могу молчать!»

Никто, думаю, не станет оспаривать очевидную истину о том, что в нашем обществе происходят не одни позитивные явления. Всякое бывает, разное случается в развивающемся, строящемся обществе с амбициозными намерениями и декларативными помыслами. А по поведению подавляющего большинства наших «каламгеров» создается впечатление, что у нас либо глубокий застой, либо наступило благодатное, мифическое время, когда жаворонки свивают гнезда в шерсти барана. Иначе как объяснить тотальное молчание 90% членов нашего славного писательского союза?

В чем тут дело? Нет, думается мне, писатели наши в одночасье не ослепли и не оглохли. Все прекрасно видят, все слышат, обо всем здраво рассуждают, а в частных, доверительных беседах, случается, возмущаются, недоумевают, поражаются, от удивления за ворот хватаются: «Апырай, что же творится? Что происходит? Вокруг нескончаемое шоу, сплошной спектакль, обалденные постановки. Неужто других дел-забот в государстве не осталось? Одно ликование, карнавал, ламбада. Одни от сытости прыгают-скачут, другие по бедности по базарам шастают, толкутся, рыщут в

поисках повседневного прокорма-напака́. О, Аллах, какой беспредел пошел в образовании, здравоохранении, в милиции, в чиновничьем бардаке-царстве! Куда идем? Что нас ждет впереди? Неужто это и есть рыночный рай? Неужто хаос и есть реформа?»

Знаю: подобные думы гложут многих. Писателей — тоже. Но публично о том помалкивают, как рыба в Сорбулаке. Незаметно, исподтишка вновь вернулся тотальный страх: «Ойбай, лучше язык держать за зубами. Не то выгонят, отнимут последнее, на детях-внуках отыграются, ни с чем останешься. Такой заман наступил — разумнее промолчать, переждать, пересидеть. Кто наберет воды в рот — к тому благоденствие придет».

Вот и вся политика, вся позиция премудрого пескаря. Отсюда и нулевой престиж современного писателя. И зачем народу писатель-молчун, писатель-попрошайка, писатель-лизоблюд? Зачем читателю «а-ляу-ляй-поэзия», многоверстовый дастарханный дастан, словесные побрякушки, основанные на лжи и фарисействе, трескучие-боспебайские оды во славу преуспевающих во власти и на ниве банального воровства?

Литература все же искони зиждется на совести и чести. А товар этот нынче слишком подешевел. Даже «отцы народа» запросто обходятся без этих химер — культура, искусство, совесть, честь, благородство, порядочность. Да и национальный язык в конце концов не нужен. Пусть о нем литераторы-бедуины горло дерут. Язык нуворишей — доллар.

Чуткие литераторы уловили это мутное течение жизни, поняли, что спрос с них невелик, и потому одни забились в свои норки, довольствуясь уделом рака-отшельника, другие по стародавней привычке строчат-катают дряблые опусы на потребу дня, третьи забросили перо в кусты и пополнили ряды чиновников-пустоплясов, а кто-то по инерции сотрясает воздух о духе, о зове предков, о славных потомках Атиллы и Чингисхана, о национальной гордости и ментальности, о небывалом подъеме и расцвете свободной страны.

Поневоле оглядываешься назад, вспоминаешь далекие времена. О литературе я грезил рано, с того момента, как начал вести дневник в начальных классах, и особенно с

того времени, как стал кропать наивные и беспомощные стишки уже старшеклассником, а привел меня в журнал «Жулдыз», в Союз писателей, в литературную вольницу Абдижамил Нурпеисов. Он и Аскара Сулейменова переманил в журнал, который тогда редактировал. Было это в октябре 1963 г. после окончания аспирантуры КазПИ им. Абая. Союз писателей в то затхлое, скованное время был островком свободного духа, вольномыслия, очагом раскрепощенности, человеческой открытости, веселого общения, бражничества и дружбы. Мне повезло: я попал в круг молодых, талантливых, начитанных, мыслящих литераторов-замандасов: Кадыр Мырза-Али, Саги Жиенбаев, Аскар Сулейменов, Саин Муратбеков, Зейнолла Сериккалиев, Калихан Искаков, Сабырхан Асанов, Аким Тарази, Абиш Кекилбаев. Прекрасные имена! Вдохновенные порывы! Дерзновенные мечты! Братские отношения! Все вольнодумцы, знали иностранных писателей, увлекались самиздатом, диссидентской литературой. В Союзе писателей собирались художники, музыканты, литераторы, ученые, актеры, спорили, дискутировали, обменивались новостями, говорили крамольные речи, сыпали экспромтами, то и дело возникали нестандартные ситуации, о которых с восторгом, завистью, испугом рассказывали потом во всем городе. Свободно, задорно мы общались с нашими благословенными аксакалами — Сабитом Мукановым, Габитом Мусреповым, Габиденом Мустафиным, Таиром Жароковым, Хамзой Есенжановым, Абу Сарсенбаевым, Иваном Шуховым, Дмитрием Снегиным и многими-многими другими, составлявщими гордость и славу казахстанской литературы. То время со всеми нюансами отражено в моих дневниках. Конечно, плелись интриги, писались жалобы-колобки («домалақ арыз»), возникали конфликты, преследовались локальные интересы, вспыхивали стычки, нелицеприятно обсуждались рукописи, но при всем при том была аура любви и уважения к родной культуре и литературе, искренняя заинтересованность в творчестве, чувство локтя собратьев по перу, по призванию, высокое стремление служить народу, чувство ответственности перед Временем, перед страной, перед своим даром и ощущение востребованности обществом.

Это было, было. И именно это обеспечивало огромный престиж писателя в том обществе, где он обитал и творил. Писатель был «избранником земли» (Гёте), любимцем читателей, кумиром молодежи, баловнем судьбы, властителем дум, выразителем чаяний народа. Служителя пера окружал ореол свободной, раскрепощенной личности, который обладал некой магией слов, тайной воздействия на людей.

Я застал то время — какие-нибудь 40-45 лет назад. И все это ныне кануло в Лету, исчезло, испарилось, растворилось, опошлилось, опоганилось, обесценилось. Ныне каждый, кто издает книги, мнит себя писателем. А книги издают все, кому не лень: и политик, и пронырабизнесмен, и вор в законе, и недоучка-прохиндей, и пенсионер, и домохозяйка, и президент, и резидент, и дворник, и постовой милиционер. Все издают книги. Да еще как! Позолоченные, посеребренные, в суперобложке, с цветными фотографиями, с тиснением на коже. Профессиональному писателю ни по дизайну, ни по тиражу уже не тягаться с ними. Дошло до того, что хохмача-затейника М. Жванецкого вполне всерьез по Центральному телевидению объявили в одном ряду с Гоголем, Толстым и Достоевским, а один популярный телеведущий втолковывал несмышленым зрителям, что Жванецкий превзошел их всех по всем литературным статьям и параметрам. Вот так-то!

И катастрофически редеющий и тупеющий читатель искренне полагает, что так оно и есть.

Вот где зарыта собака тотальной деградации и бездуховности.

Между тем почву независимости и суверенности Казахстана долгие годы терпеливо и усердно взрыхляло не одно поколение казахских литераторов. Да, да, именно они, а не безликие партаппаратчики посеяли зерна свободы и зачастую с большим риском для себя взрастили их. Нет, не мессия объявился в Казахстане и провозгласил свободу и независимость, как это ныне стараются жандайшапы-льстецы внушить своим согражданам. Это результат огромного коллективного труда и усилий людей, осененных божьим даром творчества. Это они, писатели и поэты, заронили в души соплеменников искру свободы,

о которой мечтали веками. Не в одночасье это случилось и не с неба благодать свалилась. Так могут полагать лишь гольфисты, возомнившие себя политиками-благодетелями и вконец ошалевшие от богатства и безделья.

Теперь эти провозвестники свободы, сеятели добра и нравственности, просветители, донкихоты, совестливые и честные труженики пера обернулись как бы эмигрантами в своей стране, на своей земле. Они теперь, как мастодонты, вымирающее «чернильное племя» (Л. Леонов).

Приходят на память слова поэта: «Всё не так, ребята!»

Случается, заглядываю в книжные магазины. Завал! Чего только нет?! Огромные залежи глянцевых томов о Сталине, его маршалах и генералах, его окружении (можно подумать, что в Казахстане кишмя кишат сталинисты), детективы, как водится, с голыми девками молочной упитанности, с пышными формами и звериным оскалом, серии бандитской литературы, серии великих любовниц, любовников, проходимцев и прохиндеев, серии фантастической дребедени, беллетристического вздора, дамских изделий с ужимками и претензиями — обалдеть! Казахстанских писателей не вижу, за исключением публицистических поэм неистового Мухтара Шаханова. Половодье масс-литературы. Засилье. И эту макулатуру, завозимую с барахолок России (вспоминается тут поневоле «запрещенец» Туркменбаши), видимо, кто-то читает, искренне полагая, что это и есть литература. Грустно и тоскливо. «Свобода обратилась пустотой, — слышишь в таких случаях голос Чингиза Айтматова. — Массовая литература человека не совершенствует. Забавляя его, развлекая его, она его оставляет таким, какой он есть».

Позволю себе возразить: таким не оставляет. Она его обедняет, унижает, опрощает, духовно опустошает, оскотинивает.

Сильнейший урон нашей литературе нанес распад Советского Союза. Парадоксально: к крушению его активно приложили руку сами писатели во всех уголках империи. Получилось себе же во вред. По известному златоусту: «Хотели, как лучше, а вышло, как всегда».

Литература не может и не должна существовать (прозябать) в замкнутом пространстве. Варясь в

маленьком казане в собственном соку, она лишается шарма, обаяния, смысла, назначения. Поистине, для искусства, для культуры не может быть границ-преград. Отгородился — обрек себя на гибель. Даже в то время, которое мы теперь окрестили волюнтаристским или застойным, литература обладала широким горизонтом: писатели тесно и регулярно общались со своими коллегами из всех республик и большинства зарубежных стран, встречались на бесконечных всесоюзных совещаниях, симпозиумах, круглых столах, декадах культуры и литературы, переводили и издавали друг друга, и радость от подобных творческих контактов была взаимна и велика. Мы знали, чем живут, что заботит и волнует наших собратьев-тамыров по ремеслу, читали друг друга, исповедовали старую истину: «Поэт поэту — кунак», гордились дружбой и великодушно популяризировали друг друга. Это был великий праздник общения, родства божьих избранников, и вместе с литераторами радовался и народ, представляемый ими. Как приятно было видеть вместе литературных братьев: Михаила Дудина, Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Мустая Карима, Давида Кугультинова, Чингиза Айтматова! Их дружба объединяла и облагораживала народы, озаряла светом благородства и подлинной духовности.

Теперь разбрелись писатели по своим национальным каморкам, каждый чешет свою болячку, каждый замкнулся в своем крохотном мирке, не ведая о жизни и душевной смуте коллеги за речкой или за бугром. А как переводили казахских писателей на русский язык и через него на иностранные языки! Какие кадры воспитали-выпестовали, которые занимались художественным переводом непосредственно с языка на язык! Сколько казахских книг издавалось за рубежом! Я был тогда внештатным консультантом по казахской литературе в издательстве «Фольк унд Вельт» (ГДР), находился в переписке с его заведующим отделом советской литературы Лео Кошутом и его коллегами — редакторами и переводчиками, и именно в ту пору «онемечились» два десятка казахских прозаиков.

Кого из казахских писателей сейчас переводят на иностранные языки? Никого! Или точнее: раз-два и обчелся.

Мои младшие друзья, учившиеся на переводчика в Литературном институте им. Горького, ныне все ушли в чиновники на хлебные места. Из практикующих переводчиков с казахского на русский язык я могу назвать теперь разве что одну Майру Жанузакову.

Досадно. Печально.

Сейчас кое-где мелькают имена переводчиков с английского на казахский или даже наоборот, с казахского на французский, немецкий, но явление это спорадическое и почти не востребованное.

Замкнутость для литературы (в т.ч. и казахской) — опасная болезнь. Она со временем разъедает здоровую ткань национальной культуры.

Затрону, пожалуй, еще одну деликатную тему: оплата писательского труда. Когда-то труд этот оплачивался достойно. Все учитывалось: тема, художественный уровень, жанр, листаж, тираж, переиздание. Все было довольно четко регламентировано, упорядочено: шкала оплаты за поэтическую строчку, за листаж прозы или публицистики. Писатель творил и кормился литературой. Она была его профессией. Ему создавались условия для творчества. Он чувствовал себя нужным. Я, например, с тридцати лет занимаюсь исключительно литературой: перевожу, пишу, редактирую, составляю книги. В течении сорока лет литература — моя профессия. Зарплату-жалованье получал, когда учительствовал и депутатствовал один год в Верховном Совете (нелегитимный XIII созыв). Следовательно, источником моего существования были гонорары.

Теперь понятие «гонорар» почти вышло из употребления. Нынешние молодые литераторы ищут его в толковых словарях. Подавляющее большинство газет, журналов, издательств не оплачивают труд писателя. Многие издательства шарахаются от известных, именитых писателей и, чтобы не платить им, охотнее печатают молодых, неизвестных, которые рады уже тому, что их издают. Бывает и так, что в качестве гонорара автору выдают определенное количество его книг: иди, мол, и

реализуй сам. Стало правилом, что издательства требуют деньги от самого писателя: гони деньгу — издадим.

Что же это получается?

Писатель корпит над романом год-два-три, протирает штаны в архивах, ночи не спит, иссушает свои мозги и надрывает душу, потом приносит свое творение, рожденное в муках, в издательство, а там прикидывают первым долгом: будет ли с этого сочинения навар? Если нет, то зачем издавать? Времена-то рыночные.

Смешно? Нет, прискорбно. Несуразно. Бессмысленно. Для профессионального писателя оскорбительно.

Как быть? «Все. Хватит. Не шкрябай больше пером. Литература умерла. И больше она никому не нужна», — нашептывает мне на ухо мой коллега по писательскому цеху Есенгельды во время прогулок.

В самом деле, либо пиши по зову души, по профессиональной потребности в свое удовольствие, в стол, либо решительно не мучай ни себя, ни бумагу. Собственно, это и происходит. Отдельные дон кихоты и ходжи насреддины продолжают писать, положив зубы на полку, другие — поневоле переквалифицируются кто на что горазд, помня абаевский совет: «Хоть зад ишака обмывай, а трудись». Но, как заметил один острослов, ныне на одних только писателей не хватает ишачьих задов, не говоря уже о других.

Самое обидное, унизительное — если твой труд не оплачивается. Я, например, пишу много, печатаюсь часто, но сознание того, что мои усилия и старания чаще всего никак не оцениваются, приводит меня в уныние и оторопь. Правда, я могу заработать на чай-пай переводами литературных изделий богатеев, благо, в таковых недостатка нет. Но это почти то же, что выходить на панель.

В последние годы обрел утешение: получаю так называемую президентскую стипендию, которую я воспринимаю с благодарностью не как единовременное пособие, не как подаяние, а как честно заработанный годовой гонорар за все мои литературные работы. Это какой-никакой стимул. Это позволяет держаться на плаву и как бы усмиряет мою профессиональную обиду.

Знаю: будучи министром, Мухтар Кул-Мухаммед пытался в эту проблему на государственном уровне внести кое-какие коррективы, чего-то он даже добился, но в общем гонорарная политика в нашей суверенной стране остается достаточно шаткой. Достойная оплата писательского труда, похоже, тоже остается в прошлом. Невостребованный писатель, конечно, вырождается, вымирает. Бесплатная халтура напористо вытесняет полнокровную литературу. А подлинную национальную литературу на нефтедоллары из-за рубежа не приобретешь. Писатель — не футболист-гастролер.

Правда, существует один выход: приспособиться к власти, перейти в стан временщиков, стать прислугой, пожертвовать своей свободой, правдой, честью, гордостью, мимикрировать. Многие мои коллеги так и поступают, присматривая себе комфортную нишу, но доподлинно знаю, чувствуют они себя неуютно, в разладе с совестью, постоянно ощущают, что предали свой дар, свой талант, свое призвание за понюшку табаку. И еще расплодившиеся, как поганые грибы, разные политические партии и общественные движения охотно втягивают своевольных писателей в свою орбиту, в свой корпоративный клан, но этот уже совсем не писательский удел. Невозможно, немыслимо мешать божий дар с яичницей.

Праздник казахской литературы, на мой взгляд, остался позади. Конечно, литература не умрет, вся не вымрет, пока есть народ. История человечества это неоднократно доказала. Но идиллии никогда не будет, наступят для литературы тяжкие испытания. Власть предержащие, по-моему, все далее отойдут от культуры. Их вполне устраивают дорогостоящие забавы. Через десяток лет они не удоволятся даже гольфом. Зачем им литература? А литературе, естественно, не нужна власть. Разрыв между ними искони глубок. Власть и литература будут существовать параллельно, попеременно посылая друг друга в нокдаун. И нечего самообманываться. «Будут бедные беднеть, богатеи богатеть» — это Джанни Родари еще когда сказал.

Для писателя будущего необходимы еще больший объем духовного содержания, еще больше энергии

творчества. И сердце, и душа его должны быть еще больше и добрее, дабы вместить в себе всю безмерную боль людскую. То самое «спокойное мужество», о котором постоянно упоминал Альбер Камю. Писатель будущего должен исповедовать одну философию: философию долга, ответственности и надежды. Будить человека в человеке — на это он обречен.

Пессимистический взгляд некоторых моих друзей на казахскую (казахстанскую) литературу я не совсем разделяю. Без надежды, известно, живет один шайтан. О гибели нашей литературы речи нет. Но роль и значение ее в новом обществе будут сужаться, как шагреневая кожа. Засев литературы будет постепенно беднеть, нива — сокращаться. Огромная часть населения вполне обойдется без литературы, как мы видим это уже сейчас. Процесс, как говорится, пошел.

Не след, пожалуй, сбивать мутовкой беспросветную печаль, как кумыс в саба. Не станем прибедняться и вытирать, по-казахски выражаясь, рот сухой травой. И в казахстанской литературе не сложно отыскать писателей, которые верны своему призванию, не бросают весла в бушующем океане жизни и продолжают, несмотря ни на что, упорно грести. В этой связи приходят на ум наши старейшины, разменявшие девятый десяток, — А. Нурпеисов, А. Нуршаихов, М. Алимбаев, К. Исабаев. Это истинные рыцари пера. Назову среди них и более молодых — Кадыра Мырза-Али, Дулата Исабекова, Дукенбая Досжанова, Тынымбая Нурмагамбетова, Владислава Владимирова, Бахытжана Канапьянова, Орынбая Жанайдарова. Среди еще более молодых нельзя не упомянуть Алию Бупежанову, Ауэзхана Кодара, Дидара Амантая, Айгуль Кемельбаеву, Елену Зейферт. Честь им и хвала! Они верны своей профессии, трудятся в литературе честно, достойно и продуктивно. Вероятно, позволительно назвать еще десятка два литераторов божьей милостью. Но надо иметь в виду, что одних только членов Союза писателей Казахстана у нас ныне свыше 700! Члены-то они члены, но многих не видно и не слышно, кое-кто хлеба насущного ради подыскал себе нишу, крышу, местечко, креслице и, если и занимается литературой, то спустя рукава, поскольку-постольку, во

вторую или третью смену, довольствуясь праведной или не праведной службой. Иначе говоря, для них литература стала всего-навсего хобби, а не профессией. И таких ныне большинство.

Отдельной строкой хочу здесь назвать еще одного истинного профессионала высокого класса, ученого, писателя, неистового полемиста, человека сложного, порой путанного, но по-настоящему преданного литературе, выбравшего ее делом жизни, чести, достоинства, имеющего четкую позицию, принципиальную концепцию творчества. Я говорю о Мухтаре Магауине, чье 13-томное собрание сочинений я недавно всего пролистал, а кое-что перечитал. Вот на кого следует равняться, на мой взгляд, в высоком служении избранной однажды и на всю жизнь профессии писателя.

Собственно, к чему я клоню? Положение писателя в нынешнем нашем обществе общеизвестно. Оно прискорбно. Распространяться об этом — банально. К прошлому возврата нет. А грядущее, по словам Абая, «скрыто туманом от нас». Надо полагать, лучшей доли для писателя уже не дождаться. О том свидетельствуют примеры так называемых цивилизованных стран.

Литература становится рыночным товаром. Бизнесом отдельных шарлатанов-алаяков. Но, думаю, Валентин Распутин прав, когда утверждает: «Читатель до отрыжки насытился «произведениями», настряпанными больными и развратными умами». Этот процесс замечается и у нас в Казахстане.

Однако бесспорно и то, что без литературы обществу не обойтись. И профессия писателя окончательно не вымрет.

А потому писателям необходимо собрать всю волю, все мужество, проникнуться сознанием своей необходимости, укрепить душу постулатом Альбера Камю: но все же нельзя бросать весла и надо грести. Этот постулат имеет свой давний аналог, ставший поговоркой, которую любил повторять Лев Толстой: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет».

13-14 сентября 2005 г.
«Начнем с понедельника»
№№ 38, 39 от 30.09.05, 06.10.05.

ЕСЛИ ИЗДАТЕЛЬ ТВОЕ ИМЯ...

...Накануне своего 60-летия знаменитый композитор, выдающийся деятель культуры, академик Ахмет Куанович Жубанов обратился ко мне с просьбой перевести на русский язык его книгу очерков о казахских народных певцах-композиторах «Соловьи столетий». Подумав, я согласился. Я ведь вырос в том краю, где все, от мала до велика, пели песни Биржана-сала, Ахмета-серэ, Балуана Шолака, Ибрая, Жаяу Мусы, Майры, Естая, школьником аккомпанировал на аккордеоне исполнителям их шедевров, их чарующие творения были на моем слуху, и потому я не испытывал особых трудностей при переводе проникновенных очерков А. Жубанова о жизни и творчестве прославленных степных бардов. Но ради облегчения моего труда при описании тех или иных мелодий Ахмет Куанович с большой предосторожностью и благоговением, аккуратно завернув в газету и перетянув ленточкой, привез мне раритет — ветхое издание «1000 песен казахского народа» Александра Затаевича, увидевшее свет еще в далеком 1925 г. «Ради бога, будь осторожней, — без конца настаивал Аха. — Редчайший экземпляр. Днем с огнем не найдешь».

Это, действительно, было сокровище. Ночь напролет я листал посеревшую от времени книгу, делал выписки разных музыкальных терминов, оборотов описаний мелодий. А наутро бледный Аха примчался на окраину города, где я тогда обитал, постучал в дверь: он не мог найти покоя, пока я не вернул ему в целости и сохранности его ветхое сокровище.

Книга «Соловьи столетий» в моем переводе на русский язык увидела свет в «Жазушы» в 1967 г., а 35 лет (!) спустя была переиздана издательством «Дайк-пресс». В том же году (2002 г.) издательство «Дайк-пресс» бережно переиздало и «500 казахских песен и кюев» А. Затаевича,

а совсем недавно прошла торжественная презентация переиздания и главного труда А. Затаевича «1000 песен казахского народа». С нотами. Комментариями. Предисловием. Великолепным дизайном. Без купюр. 80 лет спустя! Издатель лет десять упорно шел к этой цели.

Сам этот факт, несомненно, крупное явление в казахстанской культуре и свидетельствует о концептуальной направленности просветительской деятельности издательства со звучным названием «Дайк-пресс».

В это издательство я захаживаю часто, знаю его небольшой, но дружный коллектив, работающий в тесноте, но не в обиде, охотно беседую с его директором Булатом Ахметжановичем Казгуловым, человеком увлеченным, инициативным, настоящим профессионалом, радеющим за национальную культуру, масштабно мыслящим, нацеленным на перспективу, подчинившим благородное и хлопотное издательское дело строго выверенной концепции.

Помню еще то время, когда мы, литераторы Казахстана, всецело уповали-молились на одно лишь издательство «Жазушы».

Потом появились государственные издательства «Жалын», «Өнер», «Қайнар», «Мектеп» и другие, и книгоиздательские горизонты значительно расширились. Ныне я и не знаю, сколько у нас в Казахстане или в одном Алматы издательств и типографий. Много! Я сам издаю свои книжки в шести-семи издательствах и знаком с продукцией таких издательств, как «Жазушы», «Мектеп», «Ана тілі», «Қаганат», «Атамұра», «Арыс», «Искандэр», «Қайнар», «Өлке», «Алматы-кітап», «Аударма», «Жибек жолы», — называю тех, чьи издания находятся у меня под рукой.

Разумеется, у каждого издательства есть свое направление, свой бизнес-план и авторский круг, свои пристрастия, свое лицо, свой качественный уровень. Но ведают о том, главным образом, редкие профессионалы да искушенные литераторы. Подавляющему большинству «барибир», где, что и как издано, кто издатель, редактор, художник-дизайнер, корректор — до этого и дела нет. Дошло до того, что даже в скудных, пресных рецензиях умудряются не указывать издательство. Это вообще

дикость. Бесхозной книга не бывает. Или, точнее, не должна быть.

В этом смысле я вижу немало очевидных достоинств издательства «Дайк-пресс». Оно дорожит своим «родительством» и гордится своими «детьми». Издательство молодое. Оно основано 12 лет тому назад, но за это время обрело свой статус, выпустило продукцию объемом более 15 тыс. печатных листов и более 700 наименований. Отмечено издательство многочисленными победами на конкурсах и тендерах разных признанных общественных организаций, престижных фондов, объединений, министерств. Специализируется «Дайк-пресс» в основном на выпуске научной, исторической, политической, музыкальной, художественной литературы, книг по искусству, словарей, мемуаров.

Я с любопытством и тихим восторгом просмотрел ряд солидных по объему и формату изданий «Дайк-пресса». Большей частью это уникальные и фундаментальные фолианты (по 40-45-50 п.л.), которым, как мне кажется, уготована прочная, долгая, полезная жизнь. Как правило, это очень сложные книги (с восточными вкраплениями, редкими иллюстрациями, с витиеватыми письменами, с нотами, диковинными знаками, диаграммами, таблицами, емким научным аппаратом), требующие максимум усилий, напряжения, дотошности, знания и прилежности от авторов, составителей, экспертов, редакторов, корректоров. Несложно себе представить, сколько стараний необходимо, чтобы издать объемные двуязычные, орфографические, толковые словари или монументальные востоковедческие исследования, материалы научных конференций, чтений по истории, источниковедению, политике, филологии, музыкальной культуре Казахстана и Центральной Азии. А именно такие книги издает «Дайк-пресс». Книги, снискавшие интерес, уважение искушенных читателей, знатоков и специалистов. Назову несколько наиболее характерных изданий «Дайк-пресса»: В.П. Юдин «Центральная Азия в XIV-XVIII веках глазами востоковеда» (2001 г.); Ю.А. Зуев «Ранние тюрки: очерки истории и идеологии» (2002 г.); М.Х. Абусеитова, Ю.Г. Баранова «Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XV-

XVIII вв.» (2001 г.); 3. Жайдарбек «Насаб-нама» нұсқалары және түркі тарихы» (2002 г.); А.Х. Арыстанбекова «Объединенные нации и Казахстан» (2002 г.); А. Маргулан, Сочинения в 14 томах (пока издано 4 тома); Ходжа Ахмед Яссави «Хикметы» (на каз. и русс. языках); «Қазақ тілінің сөздігі» (1999 г.); «Русско-казахский словарь для школьников» (1999 г.); «Қазақша-орысша сөздік» (2002 г.); Махамбет «Жыржебе», «Стихострелы» (перевод Б. Карашина); К. Ахмедьяров «Күй ұран» (62 произведения виртуоза-домбриста и композитора).

Эти примеры, приведенные навскидку из 700 названий, свидетельствуют об основных тематических направлениях издательства «Дайк-пресс». Кроме того, издаются у него еще журнал «SHYGYS» («Восток») и красочно иллюстрированный журнал «Астана», а также рекламные плакаты, проспекты различных компаний на казахском, русском, английском и других языках. «Дайк-пресс» работает на длительную перспективу, на основательный духовный пласт. Без книг, издаваемых «Дайк-прессом», культурная жизнь Казахстана воспринимается значительно обедненной, скудной.

Разумеется, рыночные отношения внесли заметные коррективы в издательское дело. Это видно, как говорится, невооруженным глазом. С одной стороны, в погоне за прибылью, за рыночное пространство значительно улучшились качество издания, дизайн, бумага, шрифт, оформление, одним словом, культура издательского дела. Это бесспорно. С другой — по сравнению с советским периодом катастрофически упал тираж, снизилась культура редактирования, а уж о корректуре и говорить нечего. От крупных ляпов и мелких «блошек» в глазах рябит. Мои русские тексты, например, как художественные, так и научно-исследовательские, обильно снабжены немецкими и казахскими словами, фразами, оборотами, цитатами. После компьютерного набора мне приходится вычитывать и исправлять свой текст по три-четыре раза, и все равно казахско-немецкие «блошки» кишмя кишат. Привыкнуть к этому никак не могу.

В издательствах художественной литературы вошло в моду кем-то придуманное правило: рукопись должна «тянуть» на 15-17 печатных листов. Иначе ее подвергают

насильному «обрезанию». Я лично издавна за краткость и компактность. Твардовский как-то говорил, что нет такой мысли, которую нельзя изложить на восьми авторских листах. И все же как быть с романами и со сборниками повестей, которые выпирают из этого стандарта?

Ощущение такое, что издатели все же плохо знают читательский спрос. Выпуском случайной, непотребной, невостребованной макулатуры издатели убивают вкус подлинной литературы. Читатель сбит с толку: он уже не отличает зерно от плевел. А у издателя лишь сиюминутная прибыль на уме. В результате рынок завален столь откровенным китчем, который исподволь ржой разъедает и без того с каждым годом утончающийся пласт культуры.

И к политике тиражирования, полагаю, нужен иной подход. Это стало поветрием: сплошь и рядом издаются книги в 300-500-1000 экземпляров. Тираж в две-три тысячи ныне считается уже большим.

Помню, первая моя весьма невзрачная книжка рассказов вышла тиражом в 100 тыс. экземпляров. Сорок лет спустя я радуюсь, если мои книги издаются в одну тысячу экземпляров. И кто их видит? Куда они попадают? Да одних моих близких, знакомых, друзей-товарищей набирается добрых 200-300 человек. Иные книги издаются только для библиотек, то есть вовсе не поступают в продажу. Боюсь, в библиотеках они лежат мертвым грузом. И вообще неизвестно, куда они поступают. Для кого и чего писатель пишет тогда свои книги? Тиражирование изданий должно быть гибким. И некоторые книги расходятся отнюдь не молниеносно, а с годами. Истинное не сразу каждый оценит. Примечательный факт: книга Э. Хемингуэя «В наше время» вышла тиражом в 1335 экземпляров, а повесть «Старик и море» за 48 часов разошлась в количестве 5 млн. 318 тыс. 655 экземпляров.

Я говорю это к тому, что издателю необходимо проявлять и деловую хватку, и коммерческое предвидение, и общительность, любезность, деликатность в контакте с писателями, которых просто неприлично, непорядочно обирать, Увы, кое-кто этим откровенно промышляет, презрев все законы об авторском праве, и подобную хищническую тенденцию я тоже замечаю. Иной издатель только и норовит, чтобы содрать повыгоднее

тендер и охмурить жаждущих печататься новоявленных нуворишей. Он заинтересован в одном чистом наваре, в банальном барыше. Зачем ему издавать книги писателей, особенно именитых, заслуженных, которым еще нужно (вот досада!) и гонорар платить? Вот он и шустрит, блюдя свою корысть. Велик соблазн: издать под нажимом рынка ширпотреб и довольно потирать руки. Такой издатель знает, что он потворствует низменным чувствам, способствует гибели культуры, но жажда наживы берет верх.

Есть и такие издатели, которые на деньги, спущенные из министерства, издадут две-три книги в год и потом сидят, сложив ручки и уповая на соцзаказ или доброго дядю. Позиция такого издателя: какую сумму отпустили сверху, на такую и издал продукцию. Какой, мол, с меня еще спрос? Никакой инициативы и предприимчивости.

Отдельный разговор — издание книжек для детей. Появляются то и дело шикарные, добротно изданные детские книжки, но безумно дорогие. Кусаются больно цены. Вот сцена в книжном магазине: увидел смышленый карапуз яркую, в твердой обложке сказку про Алдара Косе, заканючил, встал насмерть, заставил-таки озабоченную молодую маму раскошелиться. Вздохнув, мама выложила изрядную сумму из семейного бюджета.

На днях мы с известным издателем и переводчиком Абильмажином Жумабаевым во время наших регулярных прогулок возле памятника Чокану вспомнили наше детство и дешевенькие, милые мальчишескому сердцу тоненькие издания из серии «Книга за книгой». Это были рассказы русских и зарубежных классиков XIX-XX вв., и дети читали их взахлеб, и доступны они были всем. Куда канула та славная традиция? По словам Абеке (Жумабаева), уже лет 30-40 не издаются на казахском языке детские «вещи» Толстого, Короленко, Чехова, Стивенсона, Свифта, Жюль Верна и многих других кумиров нашего детства. В чем дело? Неужто суверенность стала помехой?

Хотел я было сказать похвальное слово серьезному и симпатичному мне издательству «Дайк-пресс», а свернул невзначай на отнюдь не торную издательскую тропу. Читать стали меньше во всем мире, и у нас, в Казахстане,

тоже. Цивилизация норовит оттеснить книгу на обочину культуры. Но это не значит, что все следует пускать на самотек, думая лишь о копеечной выгоде и не преследуя высоких духовных и культурных целей.

Слава неугомонным культуртрегерам! Я лично исхожу из того, что литература не умрет, культура будет востребована всегда и книга и читатель не переведутся до скончания века.

5-7 октября 2005 г.
«Начнем с понедельника»
№ 49/05 16-22.XII. 05.

ТВОРЧЕСТВО АБАЯ В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ

I

Получилось так, что, не будучи абаеведом, я всю жизнь бреду тропой Абая. Десятилетиями увлеченно занимаюсь изучением его творчества, подстрочным переводом его стихов, сопоставительным анализом его переводов, пропагандой его поэзии. На эту тему опубликовал четыре книжки («Созвучие», «Гете и Абай», «Земные избранники», «Властитель-Слово») и два десятка статей. Составил три сборника. А теперь помышляю об издании сборника Абая на немецком языке. Нашел ответственного и талантливого переводчика в лице берлинца Леонарда Кошута.

II

Каков путь постижения Абая на немецком языке? Признаться, опыт не очень богат. Если с «русским» Абаем мы в какой-то мере определились и уже можем говорить об удачных попытках в переложении его поэзии на русский язык, то с «немецким» Абаем дела обстоят значительно хуже, как по количественным, так и по качественным параметрам. Напомню весь имеющийся опыт по этой части.

Совершенно очевидно, что немецкий читатель (точнее, ГДР-овский) первое представление об Абае получил по романам Мухтара Ауэзова. Потом появились краткие сведения об Абае в разных энциклопедических словарях: «Meyers Neues Lexikon» (Leipzig, 1961), «Meyers Enzyklopädisches Lexikon» (Mannheim, 1971), «Meyers Universal Lexikon» (Leipzig, 1978) «Brockhaus Enzyklopädie» (Mannheim, 1986), «Der Literatur Brockhaus» (Mannheim, 1988). Российский немецкий поэт Герберт Генке в 1976 г.

перевел два стихотворения Абая в сборнике «Rhythmen der Steppe», а одно стихотворение (в том же сборнике) — Зепп Эстеррайхер (собственно Борис Брайнин). В 1993 году в альманахе «Феникс» я опубликовал в качестве опыта три стихотворения Абая в переложении лужичанки Розы (Руже) Домашиной (подстрочник Кайрата Бакбергенова). В журнале «Абай» (Семипалатинск) увидел свет три стихотворения Абая в переводе филолога из Германии Томаса Кеманна. В канун 150-летия со дня рождения казахского классика Герберт Генке перевел еще пять абаевских стихотворений, опубликованных в «DAZ» и «Фениксе». В переводе Ларисы Захаровой и фрайтага (с маленькой буквы, псевдоним театрального деятеля из Германии) вышла философская проза Абая «Buch der Worte» (1996). Уже три года германский издатель, переводчик, критик, эссеист, давний друг казахской литературы, неоднократно бывавший в Казахстане, Лауреат Казахского ПЕН-клуба Леонард Кошут (Leonhard Kossuth) старательно, ответственно, увлеченно перевел стихи Абая на немецкий язык. Мы постоянно переписываемся, на все лады обсуждаем каждую строчку перевода, и на сегодняшний день Кошут весьма качественно перевел 20 стихотворений Абая. Поначалу он мечтал «онемечить» три стихотворения Абая, а потом, увлекшись, задался целью довести число переводов до двадцати. О его переводах я написал обстоятельную, с казахским, русским, немецким сопоставлениями статью «На пути к немецкому Абаю», опубликованную в журнале «Amanat» (№ 6/04). О том же речь и в моей статье «Две строфы Абая» («Евразия», № 4/05). Три перевода Абая в исполнении Кошута обнародованы с моим коротким послесловием в германском журнале «die horen» (2004, № 216).

Вот, пожалуй, и вся «немецкая продукция» Абая на сегодняшний день.

III

Разумеется, и германские критики, литературоведы не проходят мимо творчества казахского гения. Знаю: некоторые из них принимали деятельное участие в

торжествах 150-летия со дня рождения Абая. Гостили тогда в Алматы и Семипалатинске профессора-тюркологи Марсель Эрдаль и Марк Кирхнер. В 1998 году я встречался с этими симпатичными людьми в Бонне и Франкфурте-на-Майне. Их неподдельный интерес к Казахстану меня растрогал. В книжке «Мир Абая» (2004) я встретил их высказывания об Абае. В статье «Абай и тюркская поэзия» Марсель Эрдаль пишет «Поэзия Абая звучит современно в наши дни, и его дух будет всегда вести народ в будущее. Не только его народ, но и все тюрки нуждаются в нем, так как он был глубоко привержен духовному единству и распространял прогрессивные мысли Запада, тем самым просветляя соотечественников».

Этой мысли созвучно и мнение Марка Кирхнера: «Абай, с одной стороны, интернационалист, с другой — религиозный человек. Он боролся против искажения исламского учения, и его дух всегда будет указывать дорогу казахскому народу. Не только казахский, но и все тюркоязычные народы будут нуждаться в учении Абая» (Цит. по «Мир Абая», стр.86).

IV

О переводах Леонарда Кошута (как-никак накопилось уже 20 стихотворений!) можно и нужно говорить обстоятельно, но в данный момент и в данном месте я, понятно, лишен такой возможности, поэтому проиллюстрирую его творческий подход, его поэтический слух лишь несколькими строфами в сопоставлении с оригиналом и русским вариантом. Л.Кошут — переводчик не авангардистского, не модернового, а классического направления. Он не «донорствует», не «расшивает», не «штукатурит», а старается адекватно передать дух, смысл, размер, ритмику и форму рифмовки оригинала. Тут он принципиален и дотошен. Ему необходимо дойти до сути, знать, кто такие аргыны, найманы, тобыктинцы, что за аулы Кондыбай и Канай (из стихотворении «Зима»), что такое «ТЕЗ» и можно ли подыскать какой-либо эквивалент в немецком языке этому понятию, чем жертвовать, а что сохранить при переводе любой ценой и т.д.

Когда-нибудь, вероятно, я опубликую нашу переписку в процессе постижения Абая. Это будет поучительная творческая лаборатория.

Одно из программных стихотворений Абая — «Өлсем, орным қара жер, сыз болмай ма?» — «Когда умру, не стану ль я землей?» На русский язык стихотворение переложили Ю.Нейман, М.Дудин, Е.Курдаков, Ю.Кузнецов, А.Кодар, М.Адибаев. Кошут при переводе на немецкий язык, изучив все русские варианты, руководствовался подстрочником и переводом Нейман. Перевел аккуратно, сохранив ритмомелодику, тональность, интонацию, форму рифмовки.

Вслушайтесь:

— Өлсем, орным қара жер, сыз болмай ма?
Өткір тіл бір ұялшақ қыз болмай ма?
Махаббат, ғадауатпен майдандасқан,
Қайран менің жүрегім мұз болмай ма?

Перевод Ю.Нейман:

Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий — девушкой немой?
Бездушным льдом — пылающее сердце,
Что за любовь боролось с жизнью злой?..

Перевод Л.Кошута:

Werd ich zu Erde, wenn der Tod mich rafft?
Verstummt die scharfe Zunge mädchenhaft?
Erstarrt zu Eis mein Herz, da es in Fehden
voll Hass und Liebe focht mit aller Kraft?

Это, бесспорно, Абай. Немецкий Абай. С его раздумчивой поступью, вопросительной интонацией, философичностью. И в таком ключе переведены все семь строф (28 строк) стихотворения.

Другое очень сложное, философское стихотворение Абая называется «Көк тұман алдыңдағы келер заман» — «Грядущее скрыто туманом от нас». На русский язык

это стихотворение перевели в разные годы В.Звягинцева, А.Штейнберг, А.Кодар, М.Адибаев. Подстрочный перевод когда-то сделал я. Кошут долго корпел над переводом. Создал 34 (!) варианта. Зная все «камни преткновения», я предлагал ему более облегченный путь перевода: отказаться от традиционного казахского одиннадцатисложника, от формы рифмовки АААБА (несвойственной немецкому стихосложению), а прибегнуть к немецкому тоническому стиху с рифмовкой АБАБ или даже АББВ. Это вполне приемлемо для передачи оригинала. Но Кошут проявил упорство и принципиальность, соблюдая все формальные признаки казахского размера, ритмики и рифмовки.

Приведу для наглядности одну строфу:

Ақыл мен жан — мен өзім, тән — менікі,
«Мені» мен «менікінің» мағынасы екі.
«Мен» өлмекке тағдыр жоқ әуел бастан,
«Менікі» өлсе өлсін, оған бекі.

Перевод В.Звягинцевой:

«Я», — разум промолвит. Плоть скажет — «Мое».
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «я» никогда не умрет.
«Мое» — это только земное жилье.

Вот как эту строфу «онемечил» Лео Кошут:

„Ich" sind Seele und Geist, das „Mein" ist der Leib -
Begriffe, deren jeder andres beschreibt.
Unsterblichkeit verleiht dem „Ich" das Schicksal.
Das „Mein" mag vergehen - ich flehe nicht: Bleib.

Конечно, это профессиональный подход, так сказать, высший пилотаж. Все девять строф этого стихотворения переведены в таком духе. На мой взгляд, Кошут «выжал» из оригинала максимум возможного, перевел по-немецки не только суть, содержание, смысл, но и все нюансы стихотворной формы.

Отмечу еще, что это стихотворение Абая написано в 1896 году, а опубликовано впервые в его сборнике, изданном в Санкт-Петербурге в 1909 году. И вот спустя почти сто лет оно теперь зазвучало по-немецки, благодаря усилию и старанию нашего современника Леонарда Кошута.

V

В заключении своего выступления мне хочется озвучить здесь — без обстоятельного философского анализа, без комментариев и дотошных сопоставлений — одно стихотворение Абая в оригинале и в переводах на русский и немецкий языки. На мой взгляд, это образец переводческого искусства, адекватные переложения, в которых совпадают содержание, форма, размер, рифмовка, дыхание, мелодика — все, ступь в ступь, поразительная синхронность!

Вслушайтесь:

Ғашықтың тілі — тілсіз тіл,
Көзбен көр де, ішпен біл.
Сүйісер жастар қате етпес,
Мейлің илан, мейлің күл.

Ол тілге едік оңдайлы
Қаріпсіз біліп сондайды.
Біліп-ақ, ұғып қоюшы ек,
Енді ішіме қонбайды.

Вот перевод Юлии Нейман:

Язык любви — язык без слов,
Лишь чувства, ощущений зов,
Мгновенный взгляд или улыбка —
Его основа из основ.

Когда-то с этим языком
Я был до тонкости знаком,
Но для меня его значенье —
Увы! — давно уж под замком.

Перевод Лео Кошута:

Der Liebe Sprache braucht kein Wort -
nur das Gefühl, der Herzen Schlag:
ein Blinken hier, ein Lächeln dort
genügt - und alles ist gesagt.

Einst hab ich diese Sprache gut -
ja, zur Vollkommenheit - beherrscht.
Doch ist für mich ihr Wörterbuch
schon längst wie durch ein Schloss versperrt.

Теперь сделаем эксперимент — смешаем разноязыкие строчки и убедимся: да, великолепный перевод, одна ритмомелодика, полное созвучие.

Ғашықтың тілі — тілсіз тіл,
Лишь чувства, ощущений зов,
Ein Blinken hier, ein Lächeln dort
Его основа из основ.

Einst hab ich diese Sprache gut —
Қаріпсіз біліп сондайды.
Но для меня его значенье —
Енді ішіме қонбайды.

Der Liebe Sprache braucht kein Wort,
Его основа из основ.
Сүйісер жастар қате етпес,
Язык любви — язык без слов,

Благодарю за внимание.

«DAZ», № 1/06
Сб. «Пушкин-Абай және қазақ әдебиеті»
А., 2006.

XXI ВЕК – ВЕК РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

«Народ, потерявший родной
язык, потеряется и сам».
Ахмет Байтурсынов

Заявленная тема явно противоречива. То, что XXI век — век многонационального общения, пожалуй, никто оспаривать не будет. Тому свидетельство — динамизм времени, все убыстряющиеся темпы контактов, глобалистские тенденции, активизация интеграционной инерции и т.д. То есть, то, что каждый из нас видит, ощущает, чувствует повседневно. Правда, провидеть во всех деталях и нюансах стремительно нарастающий процесс межнационального общения никто не берется, а взгляды отдельных философов-прорицателей на сей счет, как правило, обретают пессимистическую окраску. И понять это не сложно, ибо любое явление — локальное или глобальное — изначально обладает диалектическим противоречием.

А вот что касается «века развития языков», то этот тезис явно сомнительный. Более того — однозначно ошибочный.

Лингвисты всего мира давно бьют в колокол тревоги: языки катастрофически отмирают. Явление трагическое, повсеместное и необратимое. По мнению известного ученого-лингвиста Дуга Уолена из всех существующих ныне языков в будущем выживут лишь пять (!) процентов. Остальные, мол, обречены.

Страшно представить, не правда ли?!

Несколько лет тому назад в периодике довелось читать, что в настоящее время на земном шаре функционируют шесть тысяч языков и диалектов. Но опять-таки по сведениям специалистов, ежегодно выходят из

употребления 25 языков. Можно подсчитать, к чему мы придем через 20-50-100 лет.

«Литературная газета» (1-7.10.03) писала о том, что в ближайшие 100 лет могут исчезнуть до 90 процентов от всех имеющихся сейчас на планете языков. Интенсивное вымирание языков происходит на наших глазах в Индии, в африканских странах, в России среди так называемых малых народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. В этих районах России зарегистрировано 26 языков (по другим источникам 40), в ближайшие годы не останется ни одного. Журналист Евгений Новосад пишет: «Возможность выучить свой язык имеют все, благо в букварях ни у кого нет недостатка. Но нет самого главного — желания учить язык предков. И это понятно. Для чего он нужен?»

Понятно: если носители языка исчисляются двумястами (или и того меньше), то такой язык, конечно, обречен. Но если на том или ином языке говорят более одного миллиона человек, то, по мнению дотошных исследователей, язык имеет шанс продержаться еще определенное время.

Приведу печальную историю убыхского языка. Убыхи в середине XIX века обитали на территории нынешнего Дагестана. У них был свой язык — убыхский. Со временем на этом языке разговаривали только двое — отец и сын. Они перебрались в Турцию. Лет двадцать назад в возрасте 102 года умер отец. Единственным носителем убыхского языка остался его 80-летний сын. Ныне, видно, уже и его нет в живых. Подобная горькая участь ждет многих языков. И об этом следует всем нам помнить.

На свете есть мощные языки, на которых общаются миллионы людей. Приведу данные ООН двадцатилетней давности (более близких по времени данных у меня под рукой нет):

На китайском языке разговаривают 844 млн. человек

На английском — 437 млн.

На хинди — 338 млн.

На испанском — 331 млн.

На русском — 291 млн.

На арабском — 192 млн.

На бенгальском — 181 млн.

Далее идут португальский, индонезийско-малайский, японский, французский, немецкий (118 млн.) языки.

По этой градации — недавно читал — казахский язык находится где-то на 80-90 месте.

Меня лично это радует, ибо вселяет некую надежду, несмотря на общественные треволнения.

Не стану далее распространяться на эту тему, но еще раз подчеркну общую тенденцию: языки отмирают, выделяется группа наиболее жизнестойких языков, а потому нужно, пожалуй, согласиться с мнением ученых-футурологов, что лет эдак через 50-100 полнокровно функционировать на земле будут не более 15-17 языков.

Отсюда вывод: разговор о развитии языков в XXI веке несостоятелен. Конечно язык — не застывшая материя (речь не о мертвых языках), в нем происходят разные процессы: взаимовлияние, взаимообогащение, взаимопроникновение, новообразования, изменения в лексическом составе, семантические переосмысления. Не буду также пространно рассуждать здесь об этих процессах, позволю себе чуть подробнее говорить о конкретных языковых проблемах в нашей республике.

А они существуют. И в разговорах об этом недостатка нет. Недостатки в практических деяниях. Я писатель, переводчик, вопросы общего языкознания меня волнуют давно, я обитаю в разных языковых сферах, поэтому посильно поделюсь своими суждениями и наблюдениями по этой части. По моим (и, разумеется, не только!) наблюдениям деградация и примитивизация языков происходит ныне повсеместно. Это становится общепланетарной проблемой. Языки скудеют, грубеют, сужаются, засоряются, вульгаризируются. О том с тревогой говорят и немцы, и французы, и русские и англичане. Я мог бы о том обстоятельно порассуждать с конкретными иллюстрациями, если бы не ограниченные рамки журнальной статьи. Один язык, точно гигантский хищник, проглатывает другой; родственные языки унифицируются. Многие диалекты и наречия геттоизируются, агонизируют и не поддаются уже никакой гальванизации или реставрации. Процесс глобализации (я к этому отношусь не с восторгом, а как к неизбежному, нивелирующему человеческий дух злу) происходит и в языковой сфере. И если еще недавно живой язык являлся выразителем живой души народа, его ментальности, его духовной субстанции, то в самом

недалеком будущем останется всего-навсего коммуникативным, функциональным средством.

И это уже сейчас происходит везде и всюду. Огромный процент чужеродных заимствований, увлечение молодежным, производственным, криминальным сленгом и блатными жаргонами примитивизируют, огрубляют человеческие отношения и языки, что искони взаимосвязано.

Замечаю я это на примере и современного казахского языка.

Казахское слово я услышал впервые осенью 1941 года в небольшом ауле на берегу Есиля (Ишима), и с тех пор, вот уже в течении 64 лет, меня окружает океан казахского речестроя, я живу в этой языковой стихии, радуясь и поражаясь богатством этого языка, его мощью, выразительностью, образностью, живостью, пластикой, ритмом, экспрессией, многомерной красочностью, нюансами, которые не всегда удается передать адекватно средствами иноязычия. Я это говорю как литератор, пишущий на казахском языке и переведший 25-30 томов казахской и немецкой прозы на русский язык. Сотни поколений номадов лелеяли свой язык, неустанно шлифовали его, облагораживали, гармонизировали, усовершенствовали его до «сылдырлап өңкей келісім» (Абай) придали ему музыкальное благозвучие и высокий шарм, опоэтизировали, сделав его, свой материнский язык, субстанцией своего вольного, свободолюбивого духа и своеобразного мировидения и духоустройства.

Все это запечатлено в истинно казахском слове. Казахские шешены-златоусты и бии-мудрецы сделали свой язык воплощением виртуозной гармонии, изысканного красноречия, вдохновенного поэтизма, философской отточенности и выразительности, риторического благозвучия и изящества.

Казах сделал из своего слова культ.

В этом можно убедиться, постигнув мудрость и красоту речений биев Толе, гусиноголосого Казыбека, Айтеке, вникая в поэзию акынов-жырау, вчитываясь в «самородок сары алтын» Абая, буйный словесный водопад Махамбета и Ильяса, в дивную вязь прозы Жусупбека Аймаутова и Мухтара Ауэзова.

Даже в обыденной речи обходиться голой констатацией, говорить в лоб, напрямик, довольствоваться «серой ремаркой» (Ауэзов) считалось для казаха низким занятием, косноязычием, позором. Казах искони говорит образно, красочно, экспрессивно, ритмизировано, зачастую в рифму. Казахский язык, орнаментальный, сочно колоритный, витиеватый, в сущности язык дипломатии. И то, что один из министров иностранных дел Казахстана имел как-то неосторожность заявить, что дипломатической службе казахский язык не нужен, — досадное недоразумение, печальная оплошность.

Увы, увы... Многие элементы казахского речевого строя ныне утеряны, язык по ряду общественно-социальных причин заметно оскудел, обеднел, потускнел, стал обыденно суконным, серым, засоренным иноязычным, заемным воляпюком, лишился первозданной мощи, выразительности, красочности, оттеснен на обочину тусклого бытия, потерял в весе, обесценился, осиротел, отлученный от ласки, от любви, повседневного употребления, всенародного почитания и внимания. Ныне к нему относятся как к ширпотребу, как к коммуникативному средству постольку-поскольку, как к замшелому предмету убогого, примитивного бытования.

Трагическое заблуждение! Неутешная досада!

Свидетельствую: в последние годы положение казахского языка значительно выправилось. Нельзя бесконечно прибедняться и, по-казахски выражаясь, вытирать рот сухой травой. Казахский язык ныне расширил свои горизонты, ожил, обласкан, удостоился внимания, понемногу обретает прирожденную красу и достоинство, хотя в полном смысле государственным языком пока не стал. Можно сказать, из зоны риска вышел, но от тревог и забот не избавился.

Кстати, о казахском слове я написал цикл эссе, который вышел отдельной книжкой («Казахское слово», Астана, «Елорда», 2001), печатался также главами в разрозненных газетах и вошел в мой сборник «Гармония духа» (М., «Русская книга», 2003).

Резюмируя сказанное выше, обозначу пунктирно следующее.

1. Искренне поддерживаю тех, кто неустанно ратует

за свой родной язык. Необходимо использовать все возможности для сохранения родного речестроя.

2. Не надо искать виновных извне. Нерадение следует искать прежде всего в самом себе.

3. Казаху совсем не обязательно быть англичанином, немцем, французом. Важно оставаться казахом. Постулат этот универсален для всех.

4. Язык больше, чем средство коммуникации. Язык — самоценно живое существо. Родной язык твоя душа, твоя ментальность, твоя судьба. Без них ты нравственный калека. Одинокий пилигрим.

5. В несчастьи родного языка отнюдь не русский язык виноват. Можешь проклинать на все лады политику, идеологию, имперское сознание — пожалуйста. Но русский язык не при чем. Он твое богатство, твоя гордость, твоя сила, твоя опора.

6. Всегда помни слова Пушкина, сказанные о русском языке. «Он один останется неприкосновенной собственностью несчастного нашего отечества».

Мысль эта относится к носителям любых языков.

7. Не спеши с головой окунуться в глобалистический омут. Успеешь. Цепляйся за родной язык, за национальную культуру до последнего. Они и есть твой бастион.

8. Не будь манкуртом. Не будь «ада́ казахом» — казахом без корней. Не будь «шала́ казахом» — неполноценным казахом. Будь «таза́ казахом» — чистым, первородным. И это тоже относится ко всем национальностям.

9. Еще недавно полагали: беда в том, что нет разговорников, самоучителей, учебников, словарей, методических пособий. Ныне все это есть. Но по утверждению поэта и депутата Мухтара Шаханова, 2 млн. казахов отлучены от родного языка. В чем дело? Чего же не хватает? Не хватает национального достоинства, чести, гордости, чувства принадлежности к народу с богатой историей, судьбой, культурой, языком, всего того, что казахи называют одним словом — НАМЫС.

10. Ты не последний человек. И твой удел не быть на кого-то похожим, а быть самодостаточным. Не казаться, а БЫТЬ.

Вот с такими мыслями я хотел поделиться с читателями солидного издания «Дипломатический курьер».

«Дипломатический курьер». № 3/05

В РУСЛЕ РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

(К 60-летию Тынымбая Нурмаганбетова)

Если быть абсолютно точным, я знаю его ровно 34 года. Он запомнился мне своей первой книжкой рассказов под названием «Запах дыни», изданной в 1971 г. Рассказы были короткие, но емкие, колоритные, шли от реальной жизни, в них чувствовался запах родной автору кызылординской земли, ощущалась судьба простых аульных жителей, вечных тружеников, слышались их голоса, добрый юмор, незатейливые ситуации. Автор был молод, но не увлекался литературными украшениями, не подражал модным литераторам, заемным веяниям, держался изначально в русле надежных реалистических традиций. Было ясно, что в казахскую литературу пришел серьезный, самородный писатель, знающий жизнь и умеющий о ней говорить вдумчиво, размеренно, достойно и убедительно.

Маститый прозаик Тахави Ахтанов узрел в своем молодом собрате по перу талантливого ученика школы классика казахской новеллистики Беимбета Майлина.

Критики того времени (а в те годы у нас еще была критика) не посчитали нужным оспаривать это мнение.

Тынымбай оказался по-дехкански трудолюбив и настойчив. Книги (рассказы и повести) выходили одна за другой, он стал признанным прозаиком, его произведения отмечались дипломами разных республиканских и всесоюзных конкурсов, переводились на русский и иностранные языки (я один, отмечу мимоходом, перевел два десятка его рассказов и повестей на русский язык). Поначалу его творческий горизонт ограничивался аульной проблематикой. Именно здесь, в аульной глубинке, он находил ситуации, коллизии, сюжеты, мотивы, типы, изобразительные средства, манеру повествования, язык, краски, нравственные устои, исконную доброту,

человечность, национальную ментальность, психологизм, простоту, благородство — все те качества, которыми отличаются и его любимые герои, и его проза в целом.

С годами он заметно расширил горизонт своего художнического видения, углубил свойственный ему психологизм, отточил мастерство живописания, ушел от дотошного бытовизма, поднялся до социально-философских обобщений. Тому свидетельством являются три его произведения, привлекшие лично мое внимание в последние годы.

Это историко-философская повесть «Крик» (2001 г.). На основе эпизода из давних греко-турецких войн автор поднимает морально-этические проблемы отношений между соседними народами разных обычаев, языка и вероисповеданий, об опустошительной ненависти друг к другу, о бесперспективности, тотальной губительности войн для грядущих поколений, о необходимости преодоления ненависти, о мучительных поисках мира, оставляющего единственную надежду на достойную земную жизнь. «Как можно убить вражду?» — задается вопросом один из героев повести. И автор упорно ищет ответ на этот вопрос.

С удовольствием я перевел на русский язык неординарную повесть Тынымбая «Старик, верблюдица и ветер». На мой взгляд, это одна из художественных вершин прозаика. Повесть посвящена трагедии казахского народа в годы коллективизации, нанесшей сокрушительный удар по вековому устою, традиционной мирной жизни казахов-скотоводов. Через судьбу робкого, тихого, по-аульному нескладного старика, через мытарства его любимицы — одногорбой верблюдицы, испытавшей все ужасы изломанной, изуродованной злой волей социальной жизни, через образ свирепого кызылкумского ветра, истолчившего бедные, убогие аулы в прах, превратившего бесправный люд в кусты перекати-поля, автор обнажает, раскрывает всю бездну насилия возомнивших себя хозяевами жизни нелюдей, проводящих садистские эксперименты над обездоленным народом. Повесть была опубликована «Простором» в 2004 г. (№1).

Объемный рассказ «История одного попугая» — своеобразный трагифарс, сатирически и одновременно

реалистически и психологически достоверно затрагивающий злободневные ситуации современной доморощенной власти, обретающий местами острую политическую окраску в восприятии действительности глазами говорящего попугая-алкоголика.

Эти три разноплановые произведения открыли для читателя прозаика Тынымбая совершенно с новой неожиданной стороны. Это говорит о том, что прозаик далеко не исчерпал себя и находится в постоянном творческом поиске.

В предисловии к русскому изданию книги Тынымбая Нурмаганбетова «Запах дыни» (А., «Жазушы», 1979 г.) известный российский писатель Альберт Лиханов весьма точно подметил: «...доброта писателя, видимо, идет от земли-матери, от человека на этой земле, от человека, которого Тынымбай, как истинный гуманист, не может не любить, а он, именно Тынымбай, любит по-своему, особенно, со страстью и с улыбкой, так любит, что и без нажима, без прописи видишь — любит».

Еще тридцать лет назад русский писатель точно уловил суть творческого кредо казахского собрата, и я с высоты нашего времени могу это только подтвердить.

Хочу читателю напомнить основные книги Тынымбая Нурмаганбетова: «Запах дыни», «Прощай, ата!», «Гнездо ласточки», «Земля отцов», «На другом берегу реки», «Песни детства», «Тополя», «Заблуждение века», «Крик».

Тынымбай известен и как драматург. Он — автор более десяти пьес и одного киносценария. Пьеса «Свадьба Кырманбая» идет на сцене Казахского драматического театра им. М. Ауэзова уже 12 сезонов. Там же поставлены его пьесы «Прощание со старым домом», «Туча со стороны Сан-Франциско». Его перу принадлежат также пьесы «Мы — турки» и «Мустафа Шокай».

Не буду говорить о его творческих планах: он этого не любит. А в канун его 60-летия сердечно желаю своему коллеге и младшему другу новых творческих свершений.

«Начнем с понедельника», 10.06.05.

ОН МНЕ СОПРИРОДЕН

Сказать несколько слов о новой книге Сафара Абдулло я просто обязан, ибо мы с ним, чувствую, духовные родичи, обретшие братство на земле казахов. Он литературовед, переводчик, критик, постоянно возводящий и наводящий «магические мосты» между культурами разных народов, и я по мере своих сил уже сорок лет торю эту священную тропу. Он мне соприроден. Он радеет и ратует за интеллектуальную интеграцию, я же давно утверждаю, что гуманистические открытия чаще всего случаются на стыке культур.

Гете и Абай, «Западно-восточный диван» и Хафиз, Иран и Туран — вот они, «магические мосты», о которых проникновенно писал мудрый Герман Гессе. Вот он, «потаенный, вневременной мир духовных ценностей», объединяющий человечество и континенты. Именно так — «Магические мосты» — и назвал свою книгу Сафар Абдулло, исповедующий эту благотворную, всеобъемлющую идею. «Я посвятил часть своей жизни, — читаем мы в предисловии, — изучению литературы и культуры народов Востока. И прежде всего — персоязычных народов, прекрасно понимая, что эту культуру необходимо рассматривать в контексте мировой культуры в целом». И он рассматривает. Анализирует древнее и настоящее, Восток и Запад, разнопластовые литературные явления в едином контексте, в одном потоке Времени.

Книга состоит из 26 литературно-критических работ. А завершает ее блистательное эссе составителя-поэта, кандидата филологических наук Сауле Усенбековой — «Яд печали».

По натуре Сафар Абдулло — поэт. И это чувствуется едва ли не в каждой строке его литературоведческих статей. О поэзии он пишет трепетно и благоговейно,

находя множество вдохновенных определений ее. «Поэт подобен Богу, он — творец». «Поэзия, как считает Джебран, это священный дух, который живет в улыбке, воскрешающей сердце, или во вздохе, заставляющем слезы литься из глаз». «Хорошую поэзию можно понять, но трудно, а порою невозможно объяснить, а тем более рассказать другим». Однако сам Сафар, «зрячим сердцем» воспринимая истинную поэзию, говорит о ней. Объясняет и анализирует ее чутко, увлеченно, о чем свидетельствуют его лучшие статьи. Это «Магические мосты», «Поэт и гражданин» (пронзительное предисловие к семитомнику Олжаса Сулейменова), «Поэзия влюбленного поэта», «Творчество Мумина Каноата и современная эпическая поэзия», «Поэт боли и надежд» (о поэзии Бозора Собира) и другие.

Абдулло замечает: «Есть два типа поэтов. Одни преследуют поэзию, а других преследует сама поэзия». Он предпочитает писать о последних. И имеет на то все основания, ибо за его спиной персидская поэзия тридцати пяти веков и древний народ, в «сознании которого царит поэтический дух». Сафар рассматривает поэзию как выражение национального духа, ментальности народа, его природы в широком толковании слов, которые трудно поддаются адекватному переводу.

Суть творческих исканий Абдулло выражена в названиях, вынесенных в оглавление. «Национальная культура нуждается в защите» — опубликованная в журнале «Вопросы литературы» в 1989 году, статья эта совершенно актуальна и поныне! «Посади дерево дружбы» — здесь автор задается вопросом, почему мы не задумываемся о том, что плохо, из рук вон плохо знаем свой родной язык? Ведь именно знание его, утверждает он, помогает в изучении других языков. Или вот «История не терпит суесловия» с эпиграфом из Сервантеса: «Лживых историков следовало бы казнить как фальшивомонетчиков» — о внимании к исторической правде той или иной национальной культуры.

Читать все эти и другие статьи Сафара Абдулло интересно и познавательно. Он артистично оперирует «монбланом» фактов из многовековой поэзии древних народов, выявляет общие корни, перекидывает мосты

к нашей современности, вовлекая нас в созвучие культурных пластов таджиков, узбеков, казахов и настраивая на роскошь духовного общения. И даже когда он рассуждает о сугубо персидских (таджикских) литературных явлениях, то все равно обнаруживаешь немалый люфт для проецирования твоих собственных наблюдений на другие культуры, ибо корни-то их созвучны, едины, а, следовательно, проблемы, боль и надежды схожи или родственны. Не случайно, конечно, статьи Абдулло прозвучали на русском, таджикском, казахском, узбекском языках, не случайно переведены они на английский, арабский, польский и другие языки мира.

«Магические мосты» — это книга, которая высвечивает также и проблемы литератур многонационального Казахстана. Расширяя горизонты видения, она дает новую пищу для размышления и о взаимообогащении национальных традиций. И еще мне очень по душе нетерпимость Сафара Абдулло к так называемой «нуль-литературе», «нуль-поэзии». Еще четверть века назад, разбирая книжку из этого разряда, он заключал: «Обидно только, что потрачены время и силы на работу, заведомо никому не нужную». Ныне это постыдное явление расцветает особенно пышно. Появилась огромная армия ловкачей, плодящих его на всех языках. «Нуль» этот тиражируется переводами, сбивая с толку и без того ошалевшего от вала псевдолитературы читателя.

Аналогичный термин — «auch-Literatur» — «тоже-литература», если, не ошибаюсь, принадлежит Герману Гессе. Сборник Сафара Абдулло своей фактурой и эстетическим пафосом борется с «тоже-литературой», «тоже-поэтами», обретая огонь истинной поэзии. И в этом я вижу еще одну грань актуальности «магических мостов». Книга «Магические мосты» прилежно выпущена алма-атинским издательством «Дайк-Пресс» тиражом в 1000 экземпляров.

«Известия-Казахстан» 28.04.06
«Книголюб», № 3/06

БЕГЛЫЕ ЗАМЕТЫ ЗАВСЕГДАТАЯ «НОМАДА»

В скромном и уютном кафе «Номад» на пересечении улиц Пушкина и Шевченко с зимы текущего года начал функционировать литературный салон под эгидой литературного дома «Алма-Ата». Душой салона являются две инициативные дамы Р.М.Бектемисова и Е.Д.Зинченко. Вольный люд, склонный к поэзии, изящной словесности, искусству, к духовному общению, собирается там дважды в месяц, слушает стихи, беседует, делится впечатлениями, пьет чай, потягивает винцо, вкушая свежие баурсаки и традиционные бутерброды. Обстановка непринужденная, отношения некорпоративные.

Любопытства ради забрел на огонек и я. Ба! Знакомые все лица: В.Бадиков, А.Арцишевский, О.Жанайдаров, С.Г.Байменов, Ст.Ли, Хаким Булибеков, О.Шиленко, Л.Калаус, Ф.Байгельдинов, В.Коренчук с августейшей супругой. Еще больше незнакомых: поэты разных поколений, барды, представители «новой волны», журналисты, художники. Вполне презентабельный салон.

Я-то бытую в литературе на почтительном расстоянии от аула поэзии. Конечно, стихи читаю, на русском, казахском, немецком языках, но перед их творцами робею. Все мерещится, что я их не всегда понимаю, или понимаю не так. Язык лягушки только рыбы разумеют, говорят казахи. Однако, достигнув аксакальского возраста, не стыжусь своей старомодности и совсем не считаю нужным приноравливаться к вкусам или причудам молодых. Вот и поделюсь своими ощущениями о том, что услышал в «Номаде».

Замечу мимоходом: иной поэт любит пускать пыль в глаза или разноцветные пузыри, немного эпатировать публику, казаться, а не быть, удивить блеском и сверком «красных» словес. До поры до времени иногда это срабатывает. Для меня же, консерватора, на первом месте

ЧТО, ЗАЧЕМ, а потом уже КАК. Если все это находит органическое созвучие — поэзия состоялась. Другого критерия не представляю.

В «Номаде» впервые получил представление о так называемой «сетевой» поэзии. Оказалось, 50 тысяч (!) стихотворцев располагают свои изделия в интернете, классифицируя их по ранжиру (гражданская, пейзажная, любовная, философская, матерная лирика). Получается громадная поэтическая свалка, монблан строк, среди которых наверняка попадаются редкие жемчужины и алмазы. Что и говорить, своеобразное явление. Поэтический потоп. Цунами. Обвал. Выудить из этого завала слов что-нибудь стоящее — архитрудно. Для меня, например, и вовсе невозможно. Это сколько же словесной руды необходимо перелопатить, чтобы сыскать одно ядреное зернышко! Пока есть здоровье и время, кому-то и в этих руинах копаться удовольствие. Но боюсь, в результате подобного увлечения мы повторим путь современной европейской поэзии. Там тоже десятилетиями столь страстно увлекались заумью, «краксвордами» и «рекбусами» (Аркадий Райкин), треугольниками, четырехугольниками, квадратами и пирамидами, побрякушками и фокусами, что в конце концов напрочь убили саму поэзию, вытрясли из нее душу, Засорили мертвыми словами, оторвали от народной почвы, от «Volkstümlichkeit», и истинная, первородная поэзия (по Абаю, «самородок сары алтын») оказалась совершенно не в чести. А это ужасно!

Я поинтересовался: «Фигурируют ли в интернетовской поэзии казахи?» Мне ответили: «Только русскоязычные». Это вселяет надежду.

В этом вопросе разделяю пафос статьи С.Г. Байменова «Не мните белые цветы» («Книголюб», № 3/05). Охотно присоединяюсь к его призыву: «Будьте больше поэтами, чем деловарами».

Щедро одаривают меня в «Номаде» книжками, сборниками, альманахами и словарями. Мило и трогательно. Тем самым я как бы вникаю в современный литературный процесс.

Теплым получился творческий вечер Орынбая Жанайдарова. Он читал свои старые и новые стихи,

знакомил с переводами, отвечал на вопросы, и собравшиеся делились своими мыслями о его творчестве. Разговор завязался интересный о современной казахской многоязычной литературе.

Давно наслышан о поэте Станиславе Ли. Знаком с его подборками и переводами. В салоне я слышал его с интересом. Сборник его стихов «Пригоршня света» читаю с удовольствием. Он очень индивидуален. У него свое мировидение. Его духоустройство замешано на иной ментальности. От его стихов исходит пленительная, магическая энергетика из глубин восточной древности. Его лапидарность, многослойность смысла, особое мировосприятие, склонность к сосредоточенному раздумью, удивительные, будто небрежные мазки заставляют со-переживать, со-мыслить, со-чувствовать. Ли — зрелый поэт, который видит окружающее в ином ключе, в непривычном ракурсе. Его приятно цитировать, что, к сожалению, не могу себе здесь позволить из-за ограниченной печатной возможности.

Несколько лет знаю и поэта Хакима Булибекова, но более близко узнал его в «Номаде». Импульсивный, неожиданный, внутренне свободный, человек неравнодушный, сложной и гордой биографии, он всем своим нестандартным складом и поведением привлекает к себе внимание. Ознакомился с двумя его книжками — «Русскоязычный монолог» и «Письмо канадскому другу». Он, бесспорно, обладает поэтическим «Я», знает, когда «приходит в душу откровенье», «зачем пишут стихи», щедро, броско, раскованно делится своим мироощущением, и его думы, образы, метафоры волнуют, будоражат читателя неподдельной экспрессивностью, темпераментом, гармонией мыслей и чувств. К тому же он эффектно, наизусть читает свои стихи, так же броско и напористо, завораживая слушателя. Среди письменных поэтов это становится редкостью. В его стихах я узрел широкий диапазон, простор, горизонт и глубинную философскую энергию.

На одном из вечеров в «Номаде» преподнесла свои стихи Римма Артемьева. Признаться, кроме фамилии, я до этого ничего о ней не знал. Оказалось, самодостаточная личность: поэтесса, сценарист, репортер, телеведущая.

Стихи ее многотемны, искренни, доверительно распахнуты, с очевидной, характерной женской ноткой. Книжка ее «Странница» составлена со вкусом. И то, что написал в предисловии к этому сборнику проф. В.Бадиков, и то, что сказал о поэтессе в напутственном слове на вечере С.-Г. Байменов, убеждают, что о творчестве Артемьевой можно говорить, однако, мне почудилось, что она раскрыла еще не все свои возможности.

Тот вечер украсила также своеобразная выставка графика Юлии Щукиной.

Еще на одном вечере пожилой господин Виктор Пластун презентовал мне свою единственную пока книжку «Последняя скачка». Всю жизнь человек грезил поэзией, но лишь выйдя на пенсию, получил возможность служить заждавшейся музе. В его стихах — суровый житейский опыт, немудреные раздумья о жизни, стремление высказаться о наболевшем, желание прийти «в этой скачке к финишу с поэтами на равных», но чувствуется неуверенность, робость, самодеятельность. Когда-то немецкий поэт Фридрих Больгер заметил: «Кто поздно начал — цели не достигнет».

Приятное впечатление произвел вечер, на котором солировал многогранный Фарид Байгельдинов. С ним я познакомился года три-четыре назад, но его уникальную рукопись «Ветер в гривах» (путевая эссеистика) я в свое время откликнулся рецензией. Строитель, спортсмен, живописец, эссеист, эстет, прозаик, он, оказалось, пишет хорошие стихи с тягой к классическим формам, прекрасно владеет версификационной техникой, чем меня лично просто удивил. Его считают непрофессионалом, любителем, по-немецки «Laier». Не знаю, не знаю... Все, что он сотворил кистью, карандашом, пером, говорит о его несомненном таланте и утонченном вкусе.

Один вечер в «Номаде» был посвящен проблемам художественного перевода. Я сделал сообщение. И выступающих оказалось много, ибо перевод в современном Казахстане (да и везде!) — животрепещущая тема.

Запомнился мне и бард Геннадий Банников, и словесный эквилибрист, ищущий О.Белов, и прекрасное чтение А.Арцишевского, комментарии по ходу О.Шиленко и С. Г.Байменова.

Рад, что в «Номаде» познакомился с интересным человеком, профессором медицины Т.Я.Шайкевич, о которой не раз тепло говорил мне старший покойный мой друг Морис Симашко. Две ее книжки — «Израильский дневник» и «Были XX века» — впечатлили исповедальностью, трагичностью судьбы, ясной простотой слога, душевной открытостью и светлым отношением к жизни во всех ее параметрах.

То, что происходит в литературном салоне «Номад» — знаменательное явление в нашей культурной жизни.

Так я это воспринимаю.

15.05.05
«Книголюб» № 5/05.

СЛАВНОЕ ИМЯ КАЗАХСКОЙ ЗЕМЛИ

Одно из славных имен казахской степи — Абдижамил Нурпеисов.

И книга эта о нем.

Вернее, о его творчестве глазами зарубежных коллег. Что и говорить, тема весьма актуальна и своевременна, особенно, если учесть нынешний очевидный разрыв в межнациональных, культурных и духовных связях, обусловленный тем, что национальные литературы, в частности, всё более замыкаются, локализуются и варятся в собственном соку. Для высокой литературы такое обстоятельство более чем печально и бесперспективно.

Творчество Абдижамила Нурпеисова являет собой в этом смысле счастливое исключение. Еще сорок лет назад он сумел вырваться за рамки сугубо национальной литературы, прозвучать на многих европейских и национальных языках бывшего СССР, стать объектом внимания и почитания признанных художников мира.

За это время выросло поколение, которое и книг-то читает всё меньше и меньше и вообще плохо представляет, что происходило и происходит в национальном и межнациональном, локальном и глобальном развитии.

Данная книга конкретно напоминает об этом, об одном выдающемся факте, и именно в этом я вижу её актуальность и значимость.

Писатели и критики из Франции, Германии, Бельгии, Испании, Болгарии, Словакии, Китая, рассуждая о главных произведениях Абдижамила Нурпеисова, единодушны в одном: да, автор трилогии «Кровь и пот», дилогии «Последний долг» — крупный художник, мэтр, значительное явление в мировой литературе, отмечают его «чарующий экзотизм», «лиризм, моральный дидактизм», «психологическую силу», «необычный и своеобразный

творческий почерк», «дар рассказчика и талант поэта и философа» и т. д.

«Колодец с горькой водой», — так лаконично и метафорично выразился о романах Нурпеисова Луи Арагон.

Так и хочется цитировать эффектные цитаты и фразы из высказываний Луи Арагона, Андре Стиля, Жана Монтальбетти, Тристана Рено, Лили Дени, Жоржа Буйона, Лео Кошута, Нелли Стефан, восторженно оценивших творчество казахского писателя, но воздержусь: читатель этого сборника может сам всё прочитать.

Однако уместно заметить, что содержание данной книги охватывает далеко не всё, что сказано о Нурпеисове и его творчестве зарубежными критиками. Книги Нурпеисова переведены на многие языки так называемого дальнего зарубежья, и еще больше — ближнего зарубежья, а потому о них, понятно, немало написано русскими, латышскими, литовскими, эстонскими, узбекскими, татарскими, кыргызскими и другими литераторами.

Библиография о творчестве Нурпеисова огромна. Вот навскидку несколько имен, писавших о нем в разные годы: Ч. Айтматов, Мустай Карим, С. Баруздин, Ю. Казаков, Л.Теракопян, В. Оскоцкий, Л. Аннинский, З. Кедрина, В. Владимиров, А. Устинов, И. Омаров, М. Каратаев, Ш. Елеукенов, З. Кабдулов, С. Кирабаев, А. Кекилбаев, О.Сарсенбаев, А. Тарази, В. Бадиков, Н. Анастасьев... Список можно продолжать, завершая его автором этих строк.

Однако составители данного сборника справедливо сочли невозможным охватить в одном издании абсолютно все материалы по творчеству Нурпеисова и ограничили свой выбор откликами и отзывами иностранных авторов, чьи публикации малоизвестны в нашей стране. Только в статье Ш. Елеукенова представлены отклики некоторых известных деятелей культуры из ближнего зарубежья на роман «Последний долг» А. Нурпеисова, проведен анализ критической литературы по его творчеству.

Трилогию «Кровь и пот» блистательно перевел на немецкий язык Вильгельм Плакмайер, а восторженно писали о главной книге Нурпеисова Лео Кошут, Ральф

Шрёдер, Герлинд Кёниг, Петер Кирхнер, многочисленные журналы и газеты. Помню проникновенную, доверительную зарисовку Иоахима Новотного, озаглавленную «Если я однажды окажусь в Алма-Ате...» и опубликованную в газете «Нойес Дойчланд» (12 апреля 1973 года).

Разумеется, всего не охватишь. И сказанное и написанное о Нурпеисове и его творчестве в один том не втиснешь. И то, что сделали сотрудники отдела мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, достойно похвалы и признания.

Предисловие к книге
«Мир Нурпеисова»,
МКА, А., 2006

КНИГА ИЛЬЯСА И ОБ ИЛЬЯСЕ

Книга называется лаконично и прочувствованно — «Мой Ильяс». Издал ее Общественный фонд Ильяса Джансугурова в 2004 г. Профессор Берик Жилкибаев выступает в ней одновременно в роли составителя, переводчика, исследователя, эссеиста. Творчество Джансугурова он знает не просто как ученый-филолог, он его чувствует чутко и проникновенно; и поэтому имеет право сказать — «Мой Ильяс» (вспомните: «Мой Пушкин», «Мой Ауэзов»).

Рецензия должна быть краткой и энергичной. Она должна по возможности точно нащупать трепетный нерв книги, определить ее суть и душу.

Если талант никуда не зовет, это не талант.

Если у книги нет нерва, нет души, это не книга.

У данной книги есть и то и другое, ибо она пронизана живым духом Поэта. В ней присутствует дерзновенная и благородная попытка передать его дух в иноязычном обличии.

В поэзии Ильяса казахское слово звучит в первозданном виде, в своей стихийной неукротимости, в незамутненной субстанции, в беспредельной шири и мощи, играя всеми красками вольной степи и отдавая бодрящим ароматом горькой полыни. В его словах ощущается та чарующая гармония, о которой сказано Абаем: «переливаясь, струятся сплошные созвучия».

Жутко представить, но мое поколение едва ли не прошло мимо этого кладезя национальной духовности. Ведь когда мои казахские сверстники (о сверстниках другой национальности речи нет) учились в школе и даже на первых курсах вузов, славные ныне имена Сакен (Сейфуллин), Ильяс (Джансугуров), Беимбет (Майлин) были табуированы, не говоря уже об их творчестве.

Этот подлинный мир казахского духоустройства нам приоткрылся уже после 1956 года, а некоторые мои курдасы заканчивают свое земное бытование, имея лишь весьма смутное, отдаленное представление об этом космосе номадов. Целое поколение в самом хрупком, чистом и восприимчивом возрасте, можно сказать, прошло мимо волшебных строк уникальных творений Ильяса «Кюй», «Кюйши», «Степь», «Кулагер». И многие годы спустя мы теперь удивляемся, отчего в нашем обществе столько нравственно убогих мыркымбаев и манкуртов всех мастей, отторгнутых от национальных святынь, взращенных на бог весть каком суррогате, влачащих свой век с абортированной душой. Новые поколения казахов (и не только казахов!) пытаются приблизиться к подлинным национальным истокам, к казахскому слову-самородку, облагородить душу светлоструйным, живительным потоком поэтического речестроя, но путь постижения оказался неимоверно трудным и тернистым. Необходимо огромное напряжение воли, интеллекта и души, дабы пробиться к той, вроде не столь далекой эпохе, к тому мировидению, материализованному, выраженному, воспетому словами-жемчужинами Поэта Ильяса.

Такие вот мысли приходят в голову при ознакомлении с содержанием книги «Мой Ильяс». В книгу вошли четыре эссе Б. Жилкибаева о жизни, творческом пути и окружении Ильяса Джансугурова, лирические стихи, поэмы «Кюйши», «Картины Семиречья», документальная повесть «Семиречье в огне», рассказ «На чужбине», очерк «Моя биография» поэта, эссе А. Кемелбаевой «Кулагер Ильяса» (все в переводе Б. Жилкибаева на русский язык).

Конечно, великое счастье — иметь возможность читать поэзию Ильяса в оригинале. Без знания поэм Ильяса, без наслаждения его искрометными строками невозможно представить полноценное формирование казахской души.

Но постижение Ильяса приходит и другим путем — через качественный перевод, через поэтическую плоть, воспроизведенную иноязычными средствами. Именно на этом пути Фонд Ильяса, возглавляемый его дочерью Ильфой Ильясовной Джандосовой-Джансугуровой, проделал в последние годы немало добрых акций, издав

к тому же ряд значительных книг: «Ильяс Джансугуров. Стихи и поэмы», «Жетісу», «Ильяс Джансугуров в школе», «Ильяс Джансугуров. Библиографический указатель», «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова», «Мой Ильяс».

Таким образом раздвигаются граница нашего мировидения, духовности, восстанавливается связь времен и хрупкая нить жизненной перспективы.

Поэма «Кюйши», написанная семьдесят лет назад, звучит и ныне актуально. Это гимн свободе. Гимн независимости. Гимн вольному духу. Гимн тому, чего и ныне не хватает нам в нашем современном суверенном государстве.

Ключевая фраза «Кюйши» — «Где герой? Где предков дух? Где честь народа?» — и ныне не снята с повестки дня. Может, она звучит ныне даже острее, чем когда-либо.

Разумеется, напрашивается необходимость в обстоятельном анализе качества перевода, в сопоставлении с оригиналом, в выявлении адекватов, аналогий, вариантов, параллелей на тернистом пути переводческого искусства. Но в рамках короткой рецензии-аннотации это невозможно. О том следует говорить пространно, с привлечением множества примеров на казахском и русском языках. Это предмет дотошного исследования. А пока я искренне приветствую новый труд в ильясоведении.

«Книголюб» — февраль 2005

СВОБОДА ЕСТЬ ПРЕОДОЛЕНЬЕ СТРАХА

Размышления над новой книгой писателя
Алибека Аскарова

Обычно произведения казахских писателей я читаю в оригинале. Редким исключением из этого правила стал Алибек Аскаров: его повести, исполненные живописных зарисовок природы и колоритных типов мне не знакомого края Алтайских предгорий, запомнились по русским переводам в журналах «Нива» и «Простор». И рассказы его, включенные в только что изданный сборник «Социализм онгімелері» (Астана, «Фолиант», 2006), я сначала прочитал в добротном переводе Майры Жанузаковой в сборнике, названном излишне затейливо — «Скрип соленого сердца». Ума не приложу, что бы это значило. В оригинале этот рассказ именуется проще — «Книги дяди Долдаша».

В оба названных сборника вошли шесть рассказов Алибека, отражающие знакомые ситуации, картины, идеологические установки, строго регламентированные отношения людей социалистической эпохи, из которой все мы — и автор, и его читатели — собственно, и вышли.

Все, о чем живо и достоверно повествует Алибек Аскаров, старшему и среднему поколениям хорошо знакомо. Все это, кажется, происходило только вчера. Нам памятны коллизии, в которые попадают герои этих рассказов, их поведение, размышления, их скромные желания и неизбывные страхи за все, что происходит вокруг, постоянная настроенность на неминуемые общественные, социальные, бытовые пакости и ограничения личной свободы.

Вокруг этой темы и сгруппированы рассказы из эпохи социализма. Я совсем не склонен изобличать и развенчивать ту эпоху, ибо в ней я жил, воспитывался,

сложился как гражданин. Но вынужден подтвердить: да, все это было, именно так и происходило, и герои рассказов А. Алибекова — мои знакомые незнакомцы, я их встречал и в ауле, в котором вырос, и в городе, в котором обитаю уже полвека.

Вот рассказ «Черный смерч, белая рубашка» (в русском переводе — «Неоконченный плач»). Шестикласснику Аманжолу, постоянно ходившему в вылинявших обносках, дедушка по матери привез однажды из райцентра ослепительно белую рубашку. Какая радость, какая гордость для аульного мальчишки! От счастья голова кружилась. Но сколько можно красоваться белой рубашкой в пыльном ауле? Постирала мать рубашку, вывесила на просушку, велела сыну стеречь добро от обжорливого телка. Но тут неожиданно налетел черный смерч, «поглотил в своей ненасытной глотке» белую рубашку и, «дико завывая», унес ее в заоблачную высь. Охваченный ужасом и отчаянием Аманжол бросился вдогонку из последних сил, а очнулся в объятиях матери, измученной нищетой и безнадегой солдатки, голосившей жоктау по нескладной вдовьей жизни, нарушенной войной. Обступили ее аульные молодки, чтобы утешить несчастную, и сами разрыдались. «Они осыпали небеса проклятиями за то, что бог пожалел для них счастья, и оплакивали свою долю. Видно переполнилась чаша терпения»...

Этот неутешный плач и поныне звучит в моих ушах. «А черный смерч, словно насмехаясь над кучкой аульных вдов и по-своему резвясь в вольной степи, продолжал кружиться на горизонте».

Вседумы-заботы старого Мукана («Голос Левитана») — о своем единственном внуке, продолжателе рода. А времена тревожные: мир сковала холодная война. Сидит старый Мукан возле «черной тарелки» на стене, слушает разные вести, камчи плетет, арканы ссучивает, конскую упряжь чинит-латает, в страхе пребывает: как бы не разразилась вселенская война, заберут новобранца-внука, оборвется род. И тут по радио донесся суровый голос Левитана: «Внимание... Внимание...». Мукан цепенеет. Сейчас, через паузу, объявят страшный хабар. «И аксакал, и внук уже

покорились предписанному судьбой, стоя на коленях, они безмолвно уставились на черную тарелку». А голос Левитана объявил о том, что человек полетел в космос...

Памятью о прошедшей войне живет всю жизнь дядюшка Долдаш. И он, малограмотный, испытавший все тяготы лихолетья, собирал-копил книги о войне, надеясь встретить в них имя погибшего под Сталинградом брата («Книги дяди Долдаша»).

С неприкрытой показухой и тотальной ложью сталкивается директор книгофабрики Исагали при встрече американской делегации на родном предприятии. И это его потрясает: «Бутафория! — нашел емкое определение Исагали и покачал головой. — У нас что, все собираются бутафорским сделать?! Лишь бы глаза замазать, сплошной обман...» («Бутафория»).

И это было в той социалистической эпохе. Сплошь и рядом. И ныне — заметим между прочим — продолжает иметь место.

За искренние чувства, за любовь, за естественные человеческие отношения едва не лишился служебной карьеры и жизненных благ молодой журналист Айсултан. И его всюду преследует страх, ибо в душе он, сотрудник центральной партийной газеты, не свободен («Облава»).

Лейтмотив, стержневая идея всех рассказов заключается в трагедии несвободного человека, обреченного на нужду, лишения, страх, угнетенность души, на уродство бытия, на ограниченность Духа.

Автор эту идею показывает исподволь, на основе бытовых коллизий, на стечении трагикомических ситуаций («Мона Лиза»), заставляя читателя содрогнуться от своего недавнего прошлого.

Поэт Кадыр Мырза Али в пространном отзыве об этой книге узрел в ней черты социализма, показанные глазами человека, очутившегося в капитализме.

Пожалуй, он прав.

Свобода — это преодоление личного страха. Нам, живущим ныне в иной формации, следует иногда оглянуться в прошлое, дабы убедиться, в каких общественных параметрах мы теперь обитаем.

«Казахстанская правда», 23.09.06.

ЧИТАЯ О ТЕЛЬМАНЕ...

Речь идет не о легендарном немецком антифашисте, а об одном из казахов, гордо носившем это имя. О Тельмане Жанузакове. Яркой, знаковой личности казахских «шестидесятников».

Книгу о нем с дочерней гордостью и любовью перевела на русский и деликатно, исповедально прокомментировала и снабдила предисловием известная журналистка и профессиональная переводчица Майра Жанузакова.

Называется книга по-казахски — «Сағынамын күн сайын...» («Тоскую каждый день») и вышла в издательстве «Жалын» в 2005 году в объеме 18 п.л. тиражом 2000 экземпляров. На обложке на фоне казахских просторов знакомый портрет стройного худощавого, спокойно-сосредоточенного, с устремленным вдаль внимательным взором Тельмана Жанузакова. О своем друге, коллеге, родном и близком, вспоминают тридцать известных в Казахстане людей — журналистов, писателей, поэтов, режиссеров. И многие воспоминания приводятся параллельно на русском и казахском языках. Есть фотографии — почти все знакомые мне лица. Есть и краткая биография Тельмана.

Жизнь его была коротка. Он ушел в сорок три года...

Читаю проникновенные строки Ш. Муртазы, А. Тарази, К. Искака, С. Санбаева, А. Жумабая, С. Нарымбетова, Г. Толмачева, В. Владимирова, И. Будневича, М. Жанузаковой, Б. Мукаи и других и окунаюсь в атмосферу того памятного мне времени, в духовный воздух той незабвенной поры, слышу интонации моих безвременно ушедших друзей.

Хорошая, поучительная книга, вызывающая чувство благодарности к ее авторам и составителю.

Да, мы жили с Тельманом в одно время, в одном городе, у нас были общие друзья, товарищи, знакомые,

по странным образом наши пути никак не пересекались. Возможно, сталкивались в редакциях «Жулдыз» и «Лениншил жас», в Союзе писателей, но, видно, в спешке, в суматохе, мимоходом. Много общался я позднее с его женой Фаридой, переводчицей и завотделом издательства «Жазушы», со старшей дочерью Майрой, к которой как к младшей коллеге испытываю давние добрые чувства. Имя Тельмана постоянно бывало на устах ныне покойных Аскара С., Туткабая И., Сейдахмета Б., Ануара А., здравствующих Шерхана М., Калихана И., Сатыбалды Н., его младшего брата Баккожи М. Последний совсем недавно показал мне пожелтевший от времени дневник Тельмана. Все говорили о нем с пиететом, уважением, признательностью, в теплой, доброй тональности.

Так кто он — Тельман Жанузаков?

Журналист. Переводчик. Заместитель редактора «Лениншил жас» — свидетельствую — очень популярной, прогрессивной газеты. Собственный корреспондент газеты «Правда» по Казахстану (1967-1971 гг.), главный редактор республиканского сатирического журнала «Ара-Шмель». Заместитель директора киностудии «Казахфильм». Второй секретарь правления Союза кинематографистов Казахстана. Депутат Алматинского городского и районных советов.

Обаяние его личности было большим и общепризнанным.

Он жил напряженной внутренней жизнью, пользовался в журналистской среде непререкаемым авторитетом, гражданская струна в нем звучала чисто и высоко. Несмотря на активную журналистскую и общественную деятельность, он стремился реализовать себя и в творчестве, написав и издав очерковые книги «Олимпийский факел» и «Азамат», переводя на казахский язык романы Фридриха Дюренматта («Судья и палач»), Фенимора Купера («Последний из могикан»), Алексея Толстого («Гиперболоид инженера Гарина»), Ануара Алимжанова («Стрела Махамбета»), Сатимжана Санбаева («Дорога только одна»), пьесы Артура Миллера.

У него было больное сердце, многие годы постоянно находился рядом со смертью, но он был кандидатом в

мастера спорта по альпинизму, играл на скрипке, рисовал, страстно «болел» за хоккей, азартно любил жизнь.

Какие черты характера его отмечают авторы вспоминательной книги?

«Он любил высокие горы», — констатирует Шерхан Муртаза.

«Влюбленный в жизнь, он промчался по ней нетерпеливо и стремительно, не зная ни мгновения покоя, словно неудержимая, строптивая горная речка, разбушевавшаяся в весеннее половодье...», — вспоминает его друг и собрат Жолдасхан Бозымбекулы.

«Тельман Жанузаков был человеком поступка, человеком дела, человеком слова, — утверждает Аким Тарази. — Тельман не вмещался в рамки нашего общества».

«Мой идеал, мой наставник, мой бог в журналистике — это мой отец», — с гордостью признается дочь Майра.

«Тельман Жанузаков был очень притягательным человеком» (Сейфолла Оспанов).

«Бунтарство жило у него в крови» (Сатимжан Санбаев).

«У него было много друзей» (Лейла Жанузакова).

«Цельный человек — мудрый советчик» (Эрнест Тореханов).

«Он был особенной личностью» (Ахат Жаксыбай).

«Тельман был человеком с чистым сердцем и мужественным характером, верным слову и делу» (Абильмажин Жумабай).

«Он был очень справедливым и честным человеком. Никогда не позволял себе позора лицемерить, пристраиваясь к чужому настроению. Отличался открытостью и прямотой, никогда не пытаясь дипломатично завуалировать то, о чем думал, и с блеском выйти из неудобного положения» (Баккожа Мукаи).

«Наш Тельман», — постоянно подчеркивает Владислав Владимиров. И т. д.

Книга, составленная дочерью об отце, — гордый документ ренессансной эпохи казахской и казахстанской культуры. Плеяда ярких литературных и журналистских талантов, подлинных культуртрегеров, появившихся веселым и дерзким косяком в оттепельные 60-е годы прошлого века, оставила глубокий духовный и

нравственный след в становлении нашего общества, интеллектуальной ауры. В гуще того времени, на гребне той мощной волны ярко воссияло недюжинное дарование журналиста, гражданина, человека — Тельмана Жанузакова.

В этом я вижу, прежде всего, познавательную и воспитательную значимость рецензируемой книги.

Особо хочу подчеркнуть еще раз подаваемые петитом комментарии Майры к воспоминаниям. Она поясняет, уточняет, поправляет, разъясняет, убеждает — очень точно, деликатно, искренне, тем самым украшая и углубляя книгу.

Рад, что Майра так блестяще осуществила свою давнюю мечту, исполнив дочерний долг.

«Книголюб» — ноябрь 2006

ОПЫТ СУДЬБЫ И КУЛЬТУРЫ

Профессор литературы, доктор филологии Хасен Адибаев только что издал свой третий роман «Өмірдария» (Алматы, 2006, объем 14,5 п. л. Тираж 500 экз.). Это объемное поэтическое слово означает буквально «Жизнь — большая река». По смыслу, пожалуй, «Река жизни».

Это, можно сказать, роман-итог, роман-судьба, роман-раздумье, роман-воспоминание, написанный плотно, сжато, в регистре светлой грусти и сознания честно исполненного долга. Автор прожил большую, содержательную, полную драматизма жизнь, и его судьба весьма характерна для поколения, познавшего крушение патриархального мира, горести великих катаклизмов и раннего изгойства, радость возвращения на землю отцов, трудности становления личности, борьбу с лишениями и бедностью, войну с фашизмом, тяжкий путь познания, облагораживающую силу культуры и просвещения, счастья духовного общения и многое-многое другое, из чего соткана жизнь незаурядного, устремленного к высоким идеалам человека.

Роман насыщен фактами, известными и неизвестными именами, драматическими событиями, литературными аллюзиями и реминисценциями. Сразу видно: автор многое пережил, перевидел, передумал, многое читал, много знает, свободно плавает по океану интеллекта.

Именно это слово — интеллект — и является ключевым в художественной прозе Хасена Адибаева. Конечно, он умеет живописать, высекать магический огонь из живого слова, знает, что у слова есть вкус, вес и вид, прекрасно лепит образы, четко формулирует мысли, вычленяет суть из пыли бытия, но над всем этим довлеет интеллект, знание, всеобъемлющая мысль, и это, несомненно, самая сильная сторона его прозы.

Три своих романа — «Гибель Отрара», «Созвездие близнецов» (сокровенное и таинственное. Роман-откровение) и «Өмірдария» — автор склонен рассматривать как трилогию, как четко триединое, скрепленное не единством времени, героев, событий, а именно воздухом эпох, общим, всеохватным, всепроникающим интеллектом, связующим нить времен.

Автор имеет право на такую трактовку, эта грань его прозы привлекает и меня. Читая романы Хасена Адибаева, следишь не за развитием сюжета, не за банальной и занудливой описательностью, не за пресловутой «чистой художественностью», а за течением мысли, за блеском и сверком интеллекта, проникающего в глубины эпох и выявляющего универсальный закон Абсолюта на стыке времен, разных пластов культуры и человеческих судеб от седой древности до нынешнего дня.

Достоинства выше упомянутых двух романов Хасена Адибаева, о которых, кстати, я в свое время писал («Горькая песнь Кербугу» — «Казахстанская правда» от 6.02.1998; «В поисках абсолюта» — «Казахстанская правда от 15.06.04»), в полной степени отразились и в этом автобиографическом романе, в котором картины крутого двадцатого века воспроизведены через судьбу Личности в диалектическом контексте времени.

Этим роман «Өмірдария» интересен и поучителен.

Прелюдия романа — взволнованная, философско-элегическая главка «Коксала» — гимн малой родине любимой бабушки, чьи душевные муки и терзания вознамерился воссоздать на бумаге бесконечно благодарный внук. Чуткая память автора запечатлела все детские ощущения и переживания. Река жизни оказалась полноводной, широкой, бурливой, норовистой, с перекатами, глубокими омутами и водоворотами, с крутыми берегами, обрывами. Многим не удалось удержаться на плаву, борясь с течением и волнами. Автор, вспоминая известные слова Мухтара Ауэзова о пережитых им трех общественных формациях, справедливо полагает, что и он может это повторить применительно к себе. Ибо и на его долю выпала судьба жить в этих трех формациях.

Главная цель романа — правдиво, без прикрас поведать читателю о Времени и о себе, о близких, родных и друзьях,

о колоритных, уникальных личностях, с которыми сводила его богатая на события и встречи немалая жизнь.

Стержневая мысль, кредо романа: выше гор бывают только горы, а невиданная гора — мечта. Автор стремился своим романом покорить эту гору, достичь желанной мечты.

Роман состоит из семи главок — семи этапов жизни. И все эти главки обрамлены, окаймлены разными состояниями и проявлениями большой реки — дарии.

Картины раннего детства, приходившегося на середину двадцатых годов прошлого века с экзотическим бытом, старым аулом, просторным жайлау, чистым и восторженным восприятием бабушки, отца, матери, с забавами мальца, постигающего азы человеческого бытования с его радостями и горестями.

С интересом и сочувствием читаешь исповедь романиста в канун войны, приметы алматинской жизни той поры, познаешь любопытные детали о Джамбуле, домбристке Дине, о силаче Хаджимукане, о певице Куляш, о спектакле «Кыз Жибек», о нравах столичных жителей перед войной в восприятии любознательного юноши с чутким сердцем и приметливым взором.

«Книголюб» — декабрь 2006

ТРОПА РОЛЛАНА

Имя «Роллан Сейсенбаев» прочно поселилось в моем сознании наверняка уже не одно десятилетие. И, тем не менее, странным мне кажется, что вот и он взобрался ныне на холм мудрости.

Впрочем, мудрым он был всегда. Рано определил свою литературную судьбу и, пока его сверстники озадаченно топтались на обочине бытия, он, незаметно отделившись от общей стайки, пошел — уверенно и убежденно — своей тропой.

Так он и идет в казахстанской литературе особняком, несколько отстраненно, лишь ему ведомой тропой, счастливо избегая суетную возню, не прельщаясь сиюминутными соблазнами, равняясь на не всем доступные высокие ориентиры и не сворачивая с пути свободного художника, подлинного культуртрегера и гражданина в одном лице.

Этим он и интересен. И не похож ни на кого. Гордый, поровистый скакун, пасущийся отдельно от косяка, сам по себе, называется по-казахски саяком. Так вот Роллан Сейсенбаев таким саяком и мерещится мне в казахстанской литературе.

У него на все свой взгляд, свое отношение, он воспринимает мир по-своему, и у него свое духоустройство, его нравственные устои — Абай и Шакарим, он везде и всюду блюдет честь своего рода, нации, народа, не разменивается на житейские мелочи, у него своя тема, свое видение, свой стиль письма и человеческого поведения.

И себя, и свое творчество, и свою миссию литератора, издателя, редактора он видит и ощущает в контексте мировой цивилизации, а не с кочки затерявшегося в безбрежной степи убогого аула.

Тому свидетельство его проза, пьесы, публицистика, эссеистика, гражданские порывы, его уникальный «Аманат» — концептуальный завет грядущим поколениям.

Именно так я воспринимаю Роллана Сейсенбаева. Знаю: к своим шестидесяти годам неуемный Роллан совершил немало. Знаю: он плодотворен (по Гёте — «продуктивен»). Знаю: и о нем сказано много заслуженных, добрых слов.

Не стану повторяться.

В своем творчестве и титанической редакторской деятельности он задается масштабными, глобальными вопросами и отвечает на них, опираясь на нравственный опыт славных предков.

А вот основное кредо, штандпункт всех его деяний я обнаружил в заключительных строках его исторической повести «Честь».

Роллан исповедуется:

«О, история моей древней земли — ты подобна вспышкам молний в этой темной и дождливой осенней ночи, и я хочу понять тебя, земля моя, степь моя!

О, история моей древней земли — твоя судьба подобна мучительным родовым схваткам, и я хочу понять секрет твоей вечной жизни, земля моя, степь моя! Скажи мне, о чем шепчет твой ковыль и шуршат камыши твоих озер, поведай мне о судьбе моих предков, которые рождались и умирали здесь, в безмолвной степи. Помоги мне, земля моя!.. Степь моя!»

Родная земля, Степь, великие пращуры, история и Современность, чувство сыновнего долга перед страной, неодолимая жажда ее духовного возрождения, боль и гордость за свой атамекен — из всего этого и соткано уникальное явление на культурном небосклоне Казахстана — Роллан Сейсенбаев.

«Начнем с понедельника»
№ 40, 13.10/06
«Книголюб» № 10/06
«Amanat», № 5/06

ИЗ ЗАПИСОК СТАРОГО ТОЛМАЧА

(К проблеме перевода)

1. Мир с некоторых пор весьма встревожен. Языки умирают. Умирали и раньше. Вот журнал «Контимост» (2004, № 9) в заметке «Китай призывает защитить «умирающие» языки» констатирует: «В доисторические времена число языков превышало» 20 тысяч, а в наши дни их осталось лишь чуть более 6000, и с каждым днем их число становится все меньше и меньше».

В самом деле куда делись языки финикийский, египетский, этрусский, убыхский? Швейцарская газета «Die Weltwoche» (1999) утверждает: за последние четыреста лет вымерло около четырехсот языков. Спорить не буду, но если учесть африканские, индийские языки и диалекты, а также языки северных народов бывшего СССР, полагаю, умерших языков значительно больше.

Ныне темпы убыстрились: по мнению специалистов, ежегодно умирает 25 языков. В арсенале профессора Карен Эбертс (Швейцария) лет пятнадцать назад было 5950 языков. И не более 600 из них защищены от вымирания. Значит, 90% языков или уже мертвы, или на грани исчезновения. Считается, что если носителями того или иного языка является один миллион человек, то есть надежда на продление его жизни. Допустим, что в той или иной мере на казахском языке ныне говорят восемь миллионов человек, следовательно, у него есть еще кое-какой запас прочности.

Но, увы! Это вовсе не значит, что можно почивать на лаврах. Уже сейчас славные азаматы со зрячей душой бьют в колокола тревоги. И не только в Казахстане. Во всем мире! Кое-где в спешном порядке уже создаются Общества защиты языков. Проблема глобальная.

Всемирно известный филолог, знаток множества языков Вячеслав Иванов пишет: «Из шести тысяч языков, на которых говорят на земле, в будущем веке останется всего шесть сотен. Катастрофа не меньше, чем экономическая» (ЛГ, 1996).

По данным ООН, в недалеком будущем исчезнет три тысячи языков.

2. Умирать никто не хочет. Языки — тоже. Ведь известно: вместе с языком умирают устные сказания и традиции, сама ипостась культуры, душа народа. Народ без души — уже не народ. В Казахстане это отчетливо понимают лишь немногие. Остальные, большинство, даже сидящие во власти, проявляют гибельное равнодушие. Это трагически опасно.

3. Во многих странах это осознали. Идет всемерная и всеобщая борьба за чистоту языка. Создаются языковые полиции, разные общества. Приведу заметку из газеты «Известия» (12.03.01): «Берлинский консервативный политик Эккарт Вертебах выступил застрельщиком кампании, цель которой — оградить немецкий язык от американизмов. Ведь дело дошло до того, что даже выступления председателя «Дойче Банка» можно понимать и без знания немецкого языка — так много он использует английских терминов. Вот и требует Вертебах принятие закона о защите родной речи. Ссылается он на опыт Франции. Кампания встретила поддержку Ассоциации немецкого языка. С пониманием отнесся к инициативе и президент страны Иоханнес Рау, который заявил, что «излишнее использование американизмов в рекламе и СМИ выглядит смешно и глупо». Задумаешься, не так ли?

4. Вернемся на миг к нашим баранам. Никто не отрицает, что положение казахского языка, несмотря на все усилия доброхотов, складывается пока не лучшим образом. Основные симптомы:

— Сужение функционального арсенала;
— Оскудение лексики;
— Косноязычие;
— «макаронические» тенденции;
— потеря исконно природных свойств;
— влияние иноязычных конструкций;

— огрубленный синтаксис;
— разнобой в мышлении;
— пренебрежение к ментальности языка
— и т.д.

Я 65 лет живу в казахской языковой среде, пропитан и пронизан казахским духом, чувствую языковую ситуацию в стране и ощущаю себя нередко, как на качелях: то взлетаю вверх и говорю: «Шукур! Тауба!», то обрушиваюсь вниз и обливаюсь тревогой. Нет, нет, к великому сожалению, не все благополучно в сфере государственного языка.

5. На мой взгляд, общество охладело к искусству перевода. По сравнению с 70-80-ми годами прошлого столетия мы сделали очевидный шаг назад. Потеряли инициативу, упустили инерцию, растеряли кадры. Замкнулись. Топчемся на месте. Варимся в собственном казане. Не выходим в мир. Нас за пределами котана мало знают. Да и мы к другим не проявляем особого любопытства.

Хотя благие намерения есть. Например: государственная программа «Культурное наследие».

Переводчик — трудная, жертвенная профессия. Воспитать дельного переводчика очень непросто. Приличное знание языков явно недостаточно. Перетаскивать слова из языка в язык — еще не перевод. Нужны чутье, талант, призвание, неистощимый интерес, азарт, ответственность.

Я лично исхожу из того, что:

а) не все на свете переводимо;

б) знать язык в совершенстве невозможно.

6. Что представляет главные трудности при переводе с казахского на русский?

а) название трав, деревьев;

б) наименование «животных» понятий. Несколько сот «лошадиных» слов, около тысячи «верблюжьих» слов и т.д.

в) бытовые реалии;

г) образное восприятие мира, сравнения, метафоры, фразеологизмы, устойчивые словосочетания;

д) древние, вышедшие из обихода слова;

е) восточный колорит, ориенталистское духоустройство. Каждый из этих пунктов — целый мир, объект

диссертационного исследования. В книге «Ода переводу» («Дайк-пресс», 2005) я кое-что о том сказал.

7. Хочу обратить внимание на некоторые особенности казахского речестроя, которые переводчику на русский язык представляют серьезные камни преткновения:

а) образный, ритмический, орнаментальный строй. Вот классический пример из драмы Габита Мусрепова:

Бір қарамас,
Бір қараса —
Қыз да көзін ала алмас,
Отпен ойнап,
Күйсе өкінбес,
Іші күлсе, көзі жылап,
Қуанышын бір білдірмес
Қыздар-ай!

Это не стихи, это типичная казахская речитативная, экспрессивная, образная речь. Попробуйте передать это адекватно по-русски.

б) обилие глаголов. Без глаголов казахскую речь представить невозможно. Вслушайтесь: «Мен жүгіріп келе жатып, сүрініп, құлап қалдым». Сколько глаголов к одному местоимению!

в) обилие многоязычных «қос сөз», т.е «слов-дублетов». «Словами-дублетами» казах может выразить и определить все, что угодно.

Я могу это проиллюстрировать двумя своими миниатюрами, опубликованными в «Қазақ әдебиеті» (29.09.2000).

Первая миниатюра построена на одних глаголах и рассказывает об одном назойливом госте.

Қонақ

Келді. Жымыңдады. Күлді. Мылжыңдады. Езді. Көпірді. Алақтады. Жалтақтады. Күңкілдеді. Аһлады. Үһледі. Ішті. Көңілденді. Ішті. Күркілдеді. Ішті. Бөсті. Гүжілдеді. Күңіренді. Сұрады. Жылады. Алды. Ішті. Кетті. Батты. Құрыды. Уф-ф...

Вторая миниатюра построена на одних қос сөз и называется

Ит-Өмір

Тарс-тұрс. Сарт-сұрт. Салдыр-гүлдір. Алақ-жулақ. Ду-ду. Гүр-гүр. Гу-гу. Пыш-пыш. Уфит-суфит. Ахалай-махалай. Үйтіп-бүйтіп. Оңды-солды. Ілік-шілік. Ым-жым. Олпы-солпы. Қыбыр-жыбыр. Быт-шыт. Ырым-жырым. Өтті-кетті. Бітті-болды. Өлді-талды...

8. Время от времени почти во всех языках наступает поветрие всем словам и понятиям непременно подыскать адекват на родном языке.

При этом случаются счастливые находки, естественно вливающиеся в стихию родного речестроя. И таких слов можем найти в современном казахском языке не один десяток.

Но — поверьте — уродливых адекватов, искусственных образований еще больше. И они вызывают сомнение, неприятие. Вот несколько примеров, взятых мною их казахских газет и предложений терминкома.

Предлагают:

Этап — саты (?). Получится: «Погнали по этапу» — «Сатылап айдады». Нонсенс!

Эпизод — жылтетпе (?). Представьте: «Мен саған бір жылтетпе айтып берейін». Чушь!

Экспонат — көріністік (?). «Мына көріністікке назар аударшы». Неужели казах так скажет?

Хроника — реттік жылнама (?). Искусственно!

Сценарий — мәтіндік (?). Вообразите: «Фильмнің мәтіндігін жазған Мырқымбай мырза».

Контур — қорамық (?).

Пульс — лупіл (?). «Менің лүпілім — 65».

Манекен — адамқорам (?).

Линза — Өтпекөз (?).

Кредо — мұрат (?).

Декорация — әшекей (?).

Коммуникация — ортақ желі (?). Скажем: «Қалалық ортақ желінің жай-жапсары мәз емес».

Подобных несуразных примеров — несколько корджунов.

9. Иногда мы просто не замечаем богатство синонимического ряда казахского языка.

а) на шмуцтитуле своей «Ода переводу» я привожу известный пример — 26 казахских синонимов к одному русскому слову «Вид».

б) или: журнал «Парасат» (№ 4, 2006) приводит названия казахских «сырға». Я насчитал 46 (!) названий: айбалта сырға, ай сырға, ақық сырға, алқа сырға, қоза, қыспа, сабақ, сер сырға, сыйыршақ, сона, сіргелі сырға, шілтерлі сырға и т.д. Каково?

в) в том же номере приводятся казахские названия трав:

повилика — сарышырмауық, жалмауық, арамсоя, жіпсары, жергем;

подорожник — жолжелен, иманжапырақ, мыңтамыр, қозықұлақ, бақажапырақ, тартаржапырақ, сужапырақ, тәуілдері, бүргеден;

редька — шомыр, тұрып, тұрма, тұрна.

А вот названия алыча, биюрген, джиде, индау, камыш, кандык, карагана, кермек, кизил, коксагыз, саксаул, сарсазан, таволга, терескен, чий и т.д. и вовсе тюркского происхождения (см. стр. 2).

10. Ни в какие ворота не лезут предлагаемые казахские адекваты в области техники и медицины.

Скажем:

Аутолиз — өзігінен еру;

Аутосопия — мәйітті ашып зерттеу;

Афагия — жұтына алмау;

Аффинаж — тазалау;

Афилия — сөлсіздік;

Ацефалия — бассыз туылу («Астапыралла!»)

Ацидоз — Қышқылдану.

Таких примеров много. Непонятно только, для чего они. Кого дурим? Ни один казах, думаю, к такой абракадабре не прибегнет.

Схожие нововведения предлагают и украинцы.

Акушерка — пупорезка, бабич.

Аппендицит — хробакозапал.

Шприц — штрыкалка, порскалка.

Укол — заштрык.

Референдум — референдум.

Ну, не смешно ли?

Азербайжан Конарбаев эффектно высмеял эту страсть нововведений в таких строках:

Бульдозер — бұрқылдақ,

Трактор — тырқылдақ,

Тепловоз — күркілдек,
Велосипед — бүлкілдек,
Мерседес — қыз-мәшін,
Тарелка — итжалақ,
Шлюха — қызталақ,
Радио — ұзын сөз,
Телефон — оттау сөз,
Фельетон — боқтау сөз.

Нередко к одному иноязычному слову придумывают по два-три варианта:

Паспорт — төлқұмар, төл құжат, төлайғақ;
Капуста — арамжапырақ, қырыққабат.
Класс — сынып (искаж. персидское синф.),
Мораль — әхлақи (явно турецкое).

Переводят на казахский лад стюардессу, балкон, мотор, комбайн, шахту и т.д. Особенно умиляет, как два года отчаянно спорили, ища казахский эквивалент для слова презерватив, которым казах тысячелетиями не пользовался. Нашли! Аж три варианта! Но мне неудобно при девушках и дамах воспроизводить эти слова. Они составлены из двух корней. Первый намекает довольно открыто на мужское достоинство, второй корень «қап», т.е. мешок.

Они выдумывают новые (часто совершенно нелепые) термины, а народ между тем забывает старые, исконные казахские слова:

Ауыш — ақылы ауысқан, есінен адасқан.
Әбдесте — дәрет алатын, беті-қол жуатын құман.
Әуезе — алыпқашпа, дақпырт сөз.
Балқаш — мал жайылымына қолайлы, шөбі шүйгін, соны жер.
Бауыз — кебек (отруби).
Бұқпа — молда торғай.
Айдамал — алысқа барып, жұмыс істеу.
Алакөбең — елең-алаң.
Апа-сапа — әбден, біржолата.

Сколько таких старинных слов, вышедших ныне из активного употребления, но украшающих исконний казахский речестрой.

Казахский язык катастрофически скудеет, как и все языки мира.

Какая жалость!

Хорошо что «Ана тілі» и «Парасат» время от времени приводят старинные слова, вышедшие ныне из употребления. Они говорят о многом.

Адекватный поэтический перевод — редкая удача. Потому-то видно, Джозеф Джейкоб сказал: «Читать поэзию в переводе — все равно что целовать женщину через вуаль».

Образно и верно!

Однако, случаются счастливые исключения. Иногда поцелуй на одном языке так же эффектен и прекрасен и на других языках. Т.е., когда совпадают и содержание, и форма, и размер, и лад, и дыхание.

Послушайте:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Каждый из вас знает эти строки с юных лет. Теперь вслушайтесь в казахский текст.

Жадымда ғажап сол бір кез:
Алдымда тұрдың мұлтіксіз,
Елестей ғайып өткен тез
Сұлулық тәңірі кіршіксіз.

(перевод К.Салыкова).

И вот на том же дыхании немецкий перевод:

Ich denk an jene schönen Stunden,
Als ich dich sah zum erstenmal
Wie einen Traum, der bald entschwunden,
Der reinsten Schönheit Ideal,

(перевод Ф.Больгера).

Известно: не слова надо перетаскивать с языка на язык, а переводить образ образом, поэзию поэзией, ритм — ритмом, музыку — музыкой.

Здесь мы видим полное совпадение всех достоинств оригинала с его переводами, т.е., счастливое совпадение духа и мелодии.

Помешаем для любопытства разноязычные строчки этого шедевра и убедимся в уникальном совпадении дыхания и ритма.

Вот что примерно получится:

Я помню чудное мгновенье:
Алдымда тұрдың мүлтіксіз.
Wie einen Traum, der bald entschwunden
Сұлулық тәңірі кіршіксіз.

Жадымда ғажап сол бір кез:
Передо мной явилась ты,
Елестей ғайып өткен тез
Как гений чистой красоты.

Als ich dich sah zum erstenmal
Как мимолетное виденье,
Der reinsten Schönheit Ideal
Я помню чудное мгновенье.

Ну, не чудо разве? Ғажап! Wunderbar! На каком языке не читай, ты озарен пушкинским гением чистой красоты. Это и есть переводческое искусство. Счастливое мгновенье девятой музы.

«Керуен», № 4/06

ЧУДНЫЕ МГНОВЕНЬЯ ПЕРЕВОДА

Русский гений Александр Сергеевич Пушкин не может быть в обиде на своих казахских собратьев по перу. Начиная с Абая, его переводили на казахский язык с любовью и тщанием не один десяток славных поэтов. Я всегда с душевным трепетом вспоминаю прилежный трехтомник Пушкина на казахском языке, изданный латиницей в трагических 1936-1937 годах в ознаменование 100-летия со дня гибели русского Поэта. О том уникальном трехтомнике со следами зубодробительной цензуры, вобравшем в себе переводы А.Тажибаева («Руслан и Людмила»), Т.Жарокова («Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Цыгане», «Граф Нулин»), К.Тогызакова («Бахчисарайский фонтан»), М.Даулетбаева («Медный всадник»), К.Тайшанова («Капитанская дочь»), К.Сагындыкова («Станционный смотритель», «История села Горюхина», «Пиковая дама») я подробно говорил в своих «Этюдах о переводах Ильяса Джансугурова» (2001). Ответственный секретарь той редакции и переводчик «Евгения Онегина», «Гавриилиады» и еще 29 стихотворений Пушкина Ильяс Джансугуров, начиная со второго тома, тщательно вымаран тушью: его тогда уже репрессировали. Но время неподвластно ни временщикам, ни политике, ни идеологии. Ильяс Джансугуров известен и любим не только как выдающийся поэт, но и как блистательный переводчик.

Он впервые перевел всего «Евгения Онегина» не свойственной традиционной казахской поэзии «онегинской строфой, что стало событием в культурной жизни Казахстана, о чем в то время обстоятельно написал еще Мухтар Ауэзов. Но помимо «Евгения Онегина» и 29 лирических стихотворений Пушкина, Ильяс совершенно артистично переложил на казахский язык игривую, шаловливую, слегка богохульную и сочно-эротическую

поэму «Гавриилиада». Здесь Ильяс вполне посоперничал с самим Пушкиным. В выше названной своей книге я этот перевод посильно проанализировал. Не след все это повторять, но стоит, пожалуй, проиллюстрировать некоторые моменты этого грациозного во всем блеске вольный поэтический дух, изысканный вкус, вдохновенное мастерство, артисцизм и изящество казахского поэта Ильяса Джансугурова.

Казалось бы, навеянные христианскими атрибутами, стилистикой и лексикой «Гавриилиада» совершенно неподвластна мусульманскому мировосприятию. Как, в самом деле, найти адекват в казахском языке всем этим «прелестным ангелам», «Христосу», «царю небес», «богомольной лире», «серафимам», «херувимам», «архангелам», «арфам», «церковным напевам», высокой эротике, необузданной молодой страсти, разным «томлениям», «смятениям» и прочим поэтическим прелестям и вольностям, непривычным казахскому слуху и духоустройству? Кажется, невыполнимая задача! Но поэт Ильяс неизменно находил поразительные адекваты.

Несколько примеров.

Вот как описана дева Мария Пушкиным:

- Шестнадцать лет, невинное смирение,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...

И теперь вслушайтесь в переложение Ильяса:

- Момақан, күнәдан пәк, он алты жас,
Меруерт тіс, сүйкімді аяқ, қоңырқай қас,
Көкіректі көтеріңкі көрсеткендей
Қозғалар қос қыз алма болар-болмас.

Разве не восхитительно? И в чем уступает перевод оригиналу?

Вот пушкинская строфа, насыщенная библейско-религиозными реалиями:

- Тьма ангелов волнуется, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,

Струнами арф бряцают херувимы,
Архангелы в безмолвии сидят.

Какой же выход находит казахский поэт?

- Қайнасты періштелер, дуылдасты,
Күй тартып Мекайілдер жыр жырласты,
Сансыз көп Ысрапілдер қанат қағып,
Тырп етпей Әзірейілдер күй тыңдасты.

Всем пушкинским понятиям образам Ильяс находит убедительные казахские адекваты. «Мирное благословенье» — «алғыстаған дұға», «прелестный ангел мой» — «Періштем көркі көркем», «Христос» — «Айса», «царь небес» — «Аспанның Алласы», «пою стихи на лире богомольной» — «жалбарып, аят үндес айтам өлең», «Смиренных струн, быть может, наконец Ее пленят церковные напевы» — «Ішектің қоңыр сазы бәлкім, жетер, Шіркеудің мұнажаты көңілін ерітер», «Всевышний рек» — «Алладан әуез келді», «Все пали ниц» — «Сәждағы періштелер қойды басты», «Открыв уста, сложив умильно руки, Лицу небес Мария предстоит» — «Қусырып нәзік қолын, аузын ашып, Мария маужырап көріп бәрін».

А как сочно выписаны любовные сцены!

И томный жар, и вдох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.

Талдырап шалған ыстық, алқынған дем,
Қоздырды Марияның қыз көкірегін.

Вскричала: ах!... и пала на траву.
Ah! — деді ала құлап шөптің үстін.

...Едва, едва устами шевеля...
...жыбырлап еріндері зорға ғана...

...в бесчувствии лежала...
...жатыр қауа талмаураған.
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и стон.

Послушайте, как Ильяс расцвечивает это место.

- Айқасты көктен қару, жерден ару,
Қабысты жер менен көк, ләззат алу.
Сол минут аймалаудан кетті естілмей —
Пәктіктің соңғы даусы ыңырану...

Кончаю. О чем говорят все эти примеры? О том, что пушкинская «Гавриилиада» и джансугуровская «Жебірейілнама» оказались равнозначными по всем параметрам художественно-эстетического уровня.

А в заключении своего короткого сообщения хочу озвучить одну строфу Пушкина в переводе на казахский и немецкий языки. Перевод, на мой взгляд, весьма созвучен, адекватен по всем параметрам формы и содержания. Вслушайтесь:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Вот как эти строки звучали по-казахски в передаче искусного переводчика Пушкина Какимбека Салыкова:

Жадымда ғажап сол бір кез:
Алдымда тұрдың мүлтіксіз,
Елестей ғайып өткен тез
Сұлулық тәңірі кіршіксіз.

Все на месте: и лексика («чудное мгновенье» — «ғажап сол бір кез»; «передо мной явилась ты» — «алдымда тұрдың мүлтіксіз»; «как мимолетное виденье» — «елестей ғайып өткен тез»; «как гений чистой красоты» — «сұлулық тәңірі кіршіксіз»), и ритм, и размер, и мелодика, и форма рифмовки. А вот как эти строки заговорили по-немецки в переводе российского немецкого поэта Фридриха Больгера:

Ich denk an jene schönen Stunden,
als ich dich sah zum erstenmal
wie einen Traum, der bald entschwunden,
der reinsten Schönheit Ideal.

И здесь можно восхититься столь дивной перекличкой оригинала и его немецкого варианта.

И чтобы читатель (или слушатель) мог убедиться в совпадении оригинала и переводов на разносистемные, разноструктурные языки по всем версификационным признакам и качествам, я любопытства ради перемешаю строки на разных языках, и вот что из этого получится:

Я помню чудное мгновенье:
Алдымда тұрдың мұлтіксіз,
Wie einen Traum, der bald entschwunden
Сұлулық тәңірі кіршіксіз.

Жадымда ғажап сол бір кез.
Передо мной явилась ты.
Елестей ғайып өткен тез
Как гений чистой красоты.

Als ich dich sah zum erstenmal,
Как мимолетное виденье.
Der reinste Schönheit Ideal,
Я помню чудное мгновенье.

Ах прекрасно! Ғажап емес пе? Абайдың «сыңғырлап өңкей келісім» дегені осы ғой. Вот она, великая гармония поэтического слова. Гений Пушкина озаряет поэтов всех народов.

Выступление в
Нац. библиотеке. Октябрь, 2006

УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Элементарно: никакая культура немыслима без основополагающих обобщений, разного рода справочников и словарей, био- и библиографий, энциклопедий. Это те самые шаги или ступени духовного прогресса, без которых невозможно представить цивилизованный уровень, общественное самосознание.

Разномастные энциклопедии — реальный показатель эволюции Духа.

В этом смысле данное издание («Журналистика Казахстана. Энциклопедия», А., «Экономика», 2006) — заметное явление в культуре Казахстана. Объемная — в 33 п.л. — книга увидела свет недавно, а я сподобился ее листать-читать всего несколько дней назад. И хотя охватываемая этим изданием сфера мне давно не чужда (журналисты — мои двоюродные братья), я, однако, почерпнул из нее много любопытного, познавательного, поучительного. Листать словари, справочники, энциклопедии — моя давняя страсть и услада.

Не стала исключением и ЖКЭ. Я получил представление о сугубо журналистских, издательских, т.е. профессиональных терминах и реалиях, узнал много доселе неведомого или смутного, поверхностного о казахстанских СМИ, пополнил свои знания об известных и малоизвестных персонах — рыцарей пера, конкретно представил все основные категории журналистского творчества, уточнил современные их толкования, зримо ощутил «четвертую власть» на фоне исторического развития этой древнейшей профессии, словом, обогатился в разных ипостасях коммуникативистики. Конечно же, ЖКЭ — мощное подспорье в формировании журналистского потенциала независимой Республики.

И к такому заключению, полагаю, придет каждый, кто обратится к этому фолианту, с любовью и

тщанием подготовленному авторским коллективом в лице энтузиастов, истинных фанатов своего дела — С.К.Козыбаева, Л.Н.Нода, А.В.Рожкова.

И в аннотации к книге, и в напутственном слове инициатора и автора проекта президента Академии журналистики Казахстана профессора Сагынбая Козыбаева не однажды педалируется слово «впервые»: «Энциклопедия впервые дает сведения о...», «осуществляется впервые в Казахстане», «впервые в СНГ была осуществлена масштабная работа...», «ЖКЭ не имеет аналогов в мировой практике и является пока единственным изданием подобного типа».

Это, действительно, так. Преувеличения тут нет. В этом, собственно, и заключается ценность и уникальность издания.

Предтечой данного проекта послужил «Справочник журналиста Казахстана», увидевший свет три года назад и уже тогда окрещенный энциклопедией для журналистов (Н.Тодорова). Но то был первый шаг, в сущности «мини-энциклопедией». Теперь перед нами лежит фолиант полноценной энциклопедии (или весьма близкой к тому), но в конце издания читатель наталкивается на анонс: издание — «Журналистика Казахстана. Энциклопедия», в котором будут учтены замечания, дополнения и предложения.»

О том говорил мне и проф. С.Козыбаев, и это особенно радует хотя бы потому, что издание, о котором веду речь, вышло всего-то тиражом в 1000 экземпляров. А что это за тираж для неравнодушных читателей Казахстана — огромной армии журналистов, писателей, радетелей родной культуры, преподавателей, любителей словесности, разномастного многонационального «зиялы қауым» — просвещенной публики?!

Книга композиционно тщательно продумана и снабжена всеми атрибутами, полагающими изданиям подобного рода: списком сокращений, обращением к читателю, статьями в строго алфавитном порядке, библиографией (я насчитал около 3000 источников), словесником, Законом РК «О средствах массовой информации».

Дабы конкретней проиллюстрировать структуру «ЖКЭ», вкратце охарактеризирую статьи — ну, хотя бы на

букву «Ф» (их оказалось 60). Это — ряд статей-толкований профессиональных понятий (факс, формат, факт-лист, фактура, фальц, фальцовка, фолиант, фольга), статьи о фондах (Фонд «Академии журналистики Казахстана», «Фонд защиты гласности», «Фонд Макк Артуров», Фонд «Ноу-хау», Фонд «Сеймар», Фонд Томсона, Фонд Сорос-Казахстан, Фонд им. Ф.Эберта, Фонд «Адил соз» — не каждый даже из пишущий братии их различает, не так ли?), блистательные, содержательные, обзорные статьи (Факультет журналистики КазНУ им Аль-Фараби, Фронтовые газеты, Фронтовые журналисты), персоналии (Фетисов, Фучик), иностранные понятия (Фриланс, Фрайчайзинг) и т.п.

Все это весьма познавательно. И не только для журналистов. По этому принципу в алфавитном порядке расположены все статьи, приведенные в ЖКЭ. Кстати, мне кажется целесообразней давать в будущем издании отдельными блоками общие статьи и персоналии, не смешивая их. Так, к примеру, расположены статьи в «Краткой литературной энциклопедии», и для читателя такая структура, на мой взгляд, удобнее.

Разумеется, приоритетным является казахстанская проблематика. А преобладающий, цементирующий принцип — наиболее типичный, характерный для всех изданий справочного типа.

Особо следует отметить строгий дизайн, четкий, ясный шрифт, отменную бумагу, аккуратная редактура.

Подобные издания — огромный коллективный труд. И, конечно, не заурядное чтиво. Это свод насущных, объемлющих, фундаментальных знаний, накопленных веками. Это актуальное руководство в сфере, формирующей и мобилизующей общественное, духовное сознание. Именно с такой колокольни и следует оценивать столь трудоемкое издание.

Первый шаг на этом пути, как я уже отметил, был «Справочник журналиста Казахстана (ЖКЭ), но предстоит третий шаг — иллюстрированное второе издание.

Каким хотелось бы его видеть?

а) Прежде всего, более объемным, широкоохватным. Разумеется, с бóльшим тиражом и с перспективой во времени и пространстве.

б) Именно иллюстрированным, как и подобает солидной энциклопедии.

в) С большим количеством статей, рассматривающих отечественную журналистику в соотнесенности, сопричастности с другими сферами общественного сознания (философии, культурологии, истории, литературы, этнологии).

г) Вероятно, есть смысл расширить сведения о зарубежных ключевых изданиях, издательствах, агентствах, известнейших мэтрах, «акулах», «зубрах».

д) Необходимо раздвинуть рамки персоналий. Тут нужен четкий и строгий ориентир отбора. Понятно, всех не охватишь, не опишешь. Но и оставить знаковые фигуры за бортом общественного внимания не след. Мне показалось несправедливым, что я не нашел в персоналиях моих знакомцев (к примеру, Вл.Владимирова, Сагин-Гирея Байменова), активно работающих в журналистике по 30-40 лет.

е) Пожалуй, желательно включить в будущее издание и ряд «молодых» иностранных слов и выражений, к которым журналисты охотно прибегают, но в словарях их днем с огнем не сыщешь.

Словом, будущее ЖКЭ должно отвечать во всех деталях и нюансах. В том, что авторскому коллективу во главе с опытным Сагынбаем Козыбаевым это вполне по силам, никто не сомневается.

«Мегаполис», 30.10.06.

ДУХОВНЫЕ ПАСТЫРИ НАЦИИ

О новой книге Б.Карашина

Бекет Карашин, философ, переводчик, эссеист, только что издал свою очередную книгу под названием «Рыцарская поэзия казахских жырау» («Өлке», А., 2005). Эта книга содержит бесценные творения ума и духа многострадального народа, сумевшего пронести через века свои культурные достояния, на которых воспитывались и вырастали многие поколения. Имена Асана Кайгы (Асана Печальника), Казтугана, Доспамбета, Шалкииза, Жиембета, Бухара-жырау, Есета, Махамбета и множества других поэтов-воинов, поэтов-созидателей, поэтов-управителей вписаны в духовную историю Казахии.

Данная книга охватывает, понятно, лишь вершину поэтического айсберга, тысячелетиями копившего свои достижения и наработки. Но даже они открывают парадную дверь в самобытный и причудливый мир казахской культуры, приглашают и сажают на почетное место всех людей, понимающих и уважающих степную поэзию.

«В начале было слово»... Именно это словосочетание наиболее подходит для ментальности и культуры казахского народа. Тюрки всегда чтили слово, уважали его силу, благоговели перед ним. Каменные «писания-послания» Культегина, народные поэтические воинские повести и былины (жыр), древний поэтический фольклор, великие строки поэтов древности и средневековья явились тем базисом, на котором воспитывались и вырастали все поколения казахов. Они, в свою очередь, порождали из своих рядов новых акынов, жырау, поэтов-импровизаторов, поэтов-мыслителей.

Статус поэта в степи считался наиболее почетным среди всех других профессий. Даже политически

выдающаяся личность (каган, хан, султан и т. п.), представляя собой исполнительную власть, всегда была зависима от слова и оценки поэта. Голову хана мог снять только хан, но снять голову поэта никто не имел права, ибо поэты, чаще всего являясь биями, батырами, выразителями интересов народных масс, их полномочными депутатами или представителями в законодательных органах (Советах, Собраниях), обладали неписаным правом неприкосновенности. Это право присваивалось им не по наследству, а присуждалось по заслугам. Воистину они были выдающимися людьми, многогранными творцами, умом, честью и совестью народа. Эти люди несгибаемой воли, беспокойства духа и героического характера острым словом и острыми клинками отстаивали независимость Отечества и свободу граждан, благополучие и процветание страны и народа. Народ же, всегда понимая это, превозносил своих поэтов, хранил в памяти их непреходящие строки, наследовал сам и передавал наследие посредством «времен связующую нить» своим потомкам и грядущим поколениям.

Вековые чаяния казахского народа о независимости и свободе, выраженные в пламенных стихах родоначальников казахской поэзии, нашли свое отражение в последующих поколениях поэтов, особенно в стихах Махамбета, многовековом народно-освободительном движении, лозунгах и политической платформе партии «Алаш», в борьбе, мыслях и страданиях репрессированной казахской интеллигенции, юных «декабристов-86».

Не будет преувеличением сказать, что именно поэты-батыры, поэты-глашатаи, поэты-вещатели являлись флагманами идеологии Независимости и Свободы, Героизма и Патриотизма, Демократии и Гуманизма, духовными пастырями нации, ваятелями степной морали и права.

Именно за эти качества ценили и помнили их, помним сегодня их мы — граждане современного независимого Казахстана. Доказательством этого служит долгосрочная, грандиозная государственная Программа «Культурное наследие», в рамках которой предусматриваются сохранение и возрождение поэтического наследия,

его переводы на другие мировые языки. Кроме, того, на государственном уровне отмечаются юбилейные даты выдающихся поэтов, проводится увековечение их имен, образов, творческого наследия в памятниках, произведениях искусства и литературы. Еще совсем недавно мы были свидетелями 200-летнего юбилея Махамбета, проведенного под эгидой ЮНЕСКО. На этом воистину всенародном форуме выдающиеся деятели нашей страны, характеризуя жизнь, творчество и деятельность Махамбета, особо отметили его заслуги в стремлении к национальной независимости, в воспитании нации в духе свободолюбия и героизма, напрямую связывая независимый статус современного Казахстана с его именем. Но Махамбет, герой и поэт, не родился не возник в пустыне словесности, он опирался на мощный поэтический посох, оставленный ему в наследство вещими жырау, его великими предшественниками в лице Асана Кайгы, Казтугана, Доспамбета и других.

«Поэт в России больше, чем поэт», — эта формулировка всецело относится и к родоначальникам казахской поэзии, каждый из которых представлял в одном лице поэта и полководца, героя и златоуста-оратора, музыканта и композитора, общественного деятеля и народного вождя. Таких многосторонних и целостных личностей в степи называли «сегіз қырлы бір сырлы» («восемь граней одного таинства») или «Сері» («рыцарь-творец»). Все родоначальники казахской поэзии были истинными сері, одни из них погибли за Родину на поле боя в расцвете сил (Доспамбет), другие же жили почти целый век (Шалкииз, Актамберды, Есет), после славных сражений, передавая свой опыт и знания молодым, участвуя в решениях важных задач государственного строительства, заботясь о благополучии народных масс.

Надо полагать, что эти степные барды, поэты-скитальцы, поэты походов оказывали свое влияние на культуру и художественную словесность других народов и этносов, в особенности на русскую поэзию. Многовековые культурные связи Руси и Поля не могли не отразиться и на ней. В приложениях к данной книге эта тема изложена развернуто и емко. Надо отметить, что

не только тюркские поэты-рыцари внесли цвет своего искусства в сокровищницы культур других этносов, но и представители последних активно участвовали в создании всеобщей евразийской культуры. Так, волхвы и скоморохи, витязи-витии, поэты-отшельники, поэты-скитальцы, безусловно, посещали Степь, они не только учили, но и учились сами красноречию айтыскеров, поэтов-импровизаторов стихотворных состязаний, словесной доблести жырау, смело и публично, не боясь лишиться головы, выражавших свои мысли. Эту древнейшую поэтическую культуру Востока они прививали на Руси; отсюда, наверно, не случайно и то, что тем же бунтарством духа, революционностью мысли и величием слова возвеличили себя Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Есенин.

С другой стороны, казахская, особенно современная, поэзия немыслима без русской поэзии, совершившей фурор в мире культуры, без бессмертных образов пушкинской Татьяны, есенинской Шаганэ, маяковского Солнца. Также не случайно и то, что плеяда первых казахских поэтов из всех мировых языков впервые заговорила именно на русском языке, так как именно этот язык наиболее близок и культурно родственен казахскому языку. И в этом отчасти видится торжество идей евразийства, политических шагов России и Казахстана на встречу друг другу, экономического и культурного сближения двух народов, связанных между собой исторической судьбой и волей.

Думаю, что выход в свет этой книги будет не только способствовать приобщению русскоязычного населения Казахстана к казахской культуре и литературе, но и внесет свою лепту в дело сближения и укрепления культурных связей двух соседних государств. Я это говорю вполне убежденно как давний поклонник казахской культуры и ментальности, как любитель казахского речестроя, как выпускник казахской школы, как, наконец, переводчик казахской прозы на русский язык.

Кроме того, актуальность и значимость этой книги состоят в том, что она, во-первых, выполняет воспитательную функцию, способствует делу идейного, нравственного, патриотического и демократического

воспитания молодежи, приобщения ее к традиционной культуре нации. Во-вторых, она может выполнять функцию учебного пособия по языкознанию, этике, культурологии и литературоведению. И, наконец, переводы на русский язык смогут облегчить работу над переводами казахской классики и на другие мировые языки.

Несколько слов о переводах и работе автора. Автор переводов и этой книги Бекет Карашин известен читателям по многочисленным публикациям в СМИ по проблемам истории, литературы и культуры, его произведению «Бейбарс: эпоха и личность», сборнику «Запоздалые стихи», книге переводов «Махамбет. Жыр-жебе. Стихострелы», которая была высоко оценена специалистами-литераторами, общественностью и удостоена премии имени Махамбета. Отличительной чертой переводческой деятельности Б. Карашина является умение передать дух, ритмику и дыхание первоисточника. Его переводы как бы переносят читателя в обстановку и отношения давно минувших дней, передают ему особенности прошлых эпох адекватными литературными приемами и средствами, максимально приближают его к национальному духу и ментальности, дают высокий интеллектуальный заряд.

Литературоведческие же исследования автора, которые введены в данную книгу в форме эссе и этюдов, прослеживают древние истоки тюркской поэзии, органично влившейся в поэтическое наследие казахов. В них читатель найдет для себя интересные открытия и гипотезы автора, ознакомится с рядом идей, выдвинутых им.

«Высшая доблесть заключается в языке», — изрекал Махмуд Кашкари. Книга Бекета Карашина тому свидетельство.

«Мысль», № 3, 2006

КАЗАХСКИЙ РЕЧЕСТРОЙ

Осенью 1944 года я пошел во второй класс казахской средней школы. Русской школы в ближайшей окрестности не было. О немецкой школе — после тотальной депортации российских немцев в Сибирь и Казахстан даже мечтать воспрещалось. «Ничего, — утешал отец меня и себя. — Таблица умножения везде одинаковая. У всех народов дважды два — четыре. А знание других языков никогда не помеха». По первоначальным навыкам (родители занимались мною дома) я мог бы пойти и в четвертый класс, но был все еще слабоват по казахской части. Я уже многое понимал и сносно говорил, но некоторые казахские звуки упорно не давались, да и словарный запас был беден. К тому же с ходу засорил язык ненормативной лексикой, от чего отвыкал очень трудно.

В познаниях казахскою языка я сравнялся со своими сверстниками-казахами лишь в пятом классе, а по грамотности и грамматике превзошел многих (не сочтите за хвастовство). Морфологические и синтаксические понятия сами лезли мне в рот. И поныне с благодарностью вспоминаю первую мою учительницу Кульшару Касымову и учительницу по казахскому языку в 5-7-х классах Мисалым Садыкову. Именно в этих классах формируется грамматическая грамотность. Казахский язык все более естественно и активно входил в мою душу. Примерно с 8-го класса повадился кропать стишки на казахском языке — беспомощные, спотыкливые, вымученные. Писал лесенкой, подражая Маяковскому и по незнанию ломая версификационные традиции. Что стишки мои никчемные, понял лишь студентом первого курса литфака и тотчас излечился от зуда рифмовать. Теперь радуюсь, что вовремя опомнился и не стал мучить ни себя, ни других.

Единственный орыс в нашем ауле (обычно говорили

тогда: «представитель великого народа») по фамилии Пассажирцев, добродушный бородатый увалень, с любопытством следил за моими успехами в казахском языке, но время от времени внушал мне, что казахский язык беден. И при этом укоризненно тряс кудлатой бородой. Сам он на русский лад произносил десятка два казахских слов, но был абсолютно уверен в своей правоте. «Почему беден? — возражал я робко. — Ведь в нем столько слов, которых нет в русском языке». Для меня же в ту пору бедными были и немецкий, и русский, и казахский языки, ибо беден был сам. Я пытался что-то объяснить моему бородатому оппоненту, но тщетно. «Нет, не говори, Гера. Бедный язык, — упорствовал дядя Пассажирцев. — Вот у русских есть топор, топорик, топорище, а у казахов «балта» и все». Ввязаться с ним в дискуссию я тогда не мог: мало было аргументов. Да и кто станет дискутировать с пацаном. А как ладно-складно, без запинки, образно и афористично говорят (или говорили) простые аульные казахи. Нередко в рифму, речитативом, с аллитерационными фигурами, пересыпая беглую речь пословицами, поговорками, устойчивыми фразеологическими выражениями и сравнениями, образными оборотами, живописно, не суконно, топорно, а с намеками, иносказательно. Заслушаешься! Поистине речь златоуста.

Какой-то неукротимый поток раскаленных слов. Внутренняя энергия казахского поэтического слова сквозила даже в переводах с русского. Вот известные строки Тараса Шевченко:

Ой, ты, доля, моя доля. / Никакой не чую. / Если доброй жалко, Боже. / Дай хоть злую, злую.

Мне эти стихи кажутся несколько размягченными, смиренными, жалобными. А как они звучат по-казахски в переводе Касыма Аманжолова. Почитайте! Упруго, мускулисто, напористо, дерзко. Есть необъяснимая магия в казахском речестрое. Таков склад характерной казахской устной речи.

Сколько таких примеров в казахских сказках, сказах, батырских дастанах эпических поэмах, драмах на фольклорной основе! Россыпь жемчужин! Европейцу это почти недоступно.

Василий Васильевич Радлов, знаток народной литературы тюркских племен, за восемьдесят лет до того, как я узнал казахов, верно заметил: «Киргизы отличаются от других своих соплеменников особенной ловкостью в выражениях и замечательным красноречием». В наше время это качество, это свойство казахской устной речи заметно обеднело, потускнело, стерлось. Но мне еще доводилось слушать настоящих виртуозов, мастеров подлинного красноречия, которые грациозно владели риторикой.

Редчайшие образцы шешенской речи (о том речь впереди) мы находим у казахских биев-златоустов. Я однажды сделал попытку передать колорит речестроя бия Айтеке на русском языке. Не могу сказать, что попытка получилась удачной, но намек на подобный речевой строй, думаю, все же есть. Строптивый, язвительный старик Сеит-ходжа любит рассказывать мне, любознательному мальцу, сыну лекаря («лөкірдің баласы») разные байки и возбуждать любопытство.

- Эй, Кира, а у немцев бывают «пір» — покровители, защитники, духи животных?

- Нет, мне такое слышать не доводилось. Спрошу у родителей.

- А у орысов? — допытывается старик, ловко затачивая бруском литовку.

- Тоже не слышал.

- А у казахов каждый вид домашнего животного имеет своего покровителя. Пір называется. Запомни:

Камбар ата — покровитель лошадей.

Шопан ата — покровитель овец.

Рядом с любопытством взирал на нас наглый, драчливый, бородатый козел.

- А у коз тоже есть покровитель?

- Есть, — отвечает Сеит-ходжа. — Покровителя коз зовут Шек-шек ата.

- А у людей покровитель кто?

- У всех людей покровитель один. Кудай! (Бог.).

- Так разве? А я думал — Сталин.

- Э, брось, Кира, не путай меня...

Зайра-аже (бабушка) не расстается со своей отполированной, потемневшей от времени прялкой-юлой. Из

одного кармана ее выцветшего камзола всчно торчит клок тщательно растеребленной шерсти то овечьей, то верблюжьей; из другого высовывается прялка-юла.

И в шошале возле очага, и в гостях, и на лужайке перед домом, подстелив под собой шкурку, она крутит-крутит привычным движением свою миниатюрную прялку, и тонкая шерстяная пряжа без устали накручивается на нее. Только что прялка была пуста, худа, а через некоторое время глядишь — пузата, округла, и аже сворачивает, сматывает с нее клубок черной, серой белой, пегой шерсти. Работает аже, как фокусник, и я зачарованно смотрю на ее ловкие, смуглые пальцы, между которыми вьется тянется нескончаемая нить. Мой друг Ойрат на это священнодействие и не смотрит — привык, а мне любопытно. Прялка у моей мамы совсем другая, она крутит ее ногой, ритмично нажимая на деревянную педаль и вращая большое, как колесо, веретено и обеими руками сворачивая, накручивая на шпиндель нить. Зайра-аже мне объясняет. Оказывается, шерсть бывает разных видов: шерсть весенней стрижки, шерсть осенней стрижки, «мертвая» шерсть, когда животные линяют, тонкая, нежная шерсть, шерсть без щетинок, мягкая шерсть, пух, грубая, с шерстинками.

Вот градация, родственные связи поколений. По-русски (по восходящей): сын — внук — правнук — праправнук, прапраправнук и т.д.

По-немецки: Sohn — Enkel — Urenkel — Ururenkel — Urururenkel usw.

По-казахски: бала — немере — шөбере — немене — туажат — журежат (седьмое поколение). Далее — журагат (с этого поколения можно вступать в брачные отношения); до этого поколения брачные отношения строго возбраняются, ибо ведут к кровосмешению. У казахов, в отличие от многих народов, как европейских, так и азиатских, — это строгий генетический закон, нравственная основа развития и размножения народа. По-научному это называется ЭКЗОТАМИЯ — запрет брачных отношений между членами родового объединения до седьмого поколения. Далее — жекжат, близкие отношения сватов. Затем — жамагат (миряне, общий народ).

Не только познавательно, но и поучительно, не так ли? Такой порядок строго регламентирует родственные отношения.

Внук от сына —немере, внук от дочери — жиен. Городские казахи нередко путают эти понятия, подражая русским: все внуки, немере. С точки зрения казаха это некорректно. Кстати, племянник тоже жиен. Выходит, у внука от дочери и у племянника примерно равный общественно-социальный статус.

Сухопарый, козлинобородый старик Ергали имел обыкновение собирать аульную малышню и устраивать экзамен. А ну, скажи, как зовут отца? А деда? А прадеда? А прапрадеда? И так до седьмого колена. Большинство моих сверстников-казахов отвечали без запинки. Экзаменовал Ергали-ата и меня. Я отвечал:

—Отец Карл. Дед Фридрих. Прадед Хайнрих. Далее я не знал. Не знаю и поныне. Ергали-ата снисходительно гладил меня по голове:

- Э, жарайды. Для немца и этого достаточно.

Знание своих предков до седьмого колена для казахов свято. Мой друг Шот-Аман Уалихан, чингисид, знает своих предков — от Чингисхана до себя в двадцать три поколения. Конечно, род его знатный, именитый, все зафиксировано в истории, летописи и в памяти народной. Но вдумайтесь: двадцать три поколения! У русских так глубоко в родословное древо вошел, кажется, один Пушкин.

Другой мой хороший знакомый, писатель и журналист, ныне покойный Балгабек Кыдырбекулы уверял меня в том, что знает своих предков аж до 34-го колена. Вот это экскурс в генеалогические дебри. Уму непостижимо! Я не удивляюсь: у казахов знание предков культ.

Ноябрь 2006 Esquire

ТАКИМ ОН МНЕ ЗАПОМНИЛСЯ

Начну свое короткое слово о Каюме Мухамедханове с дневниковой записи:

«30 июня 2004 года. В десятом часу вечера позвонила Карлыгаш — дочь Каюма-ага. Сегодня в пять часов пополудни скончался в Семипалатинске в возрасте 88 лет Каюм Мухамедханов.

Личность колоритная. Истинный ученый. Прожил долгую и сложную жизнь. Я его знавал многие годы, не раз общался с ним. На судьбу как литературовед он не должен обижаться. Почти все тщательно и терпеливо собранное за долгие годы он успел опубликовать, определить, надежно пристроить. Был окружен вниманием и почтением. Его заслуженно ценили как главного абаеведа. Мир праху ему! Казахи будут его помнить. Карлыгаш выезжает завтра на похороны».

В этих скупых дневниковых словах я выразил отношение к уникальной личности Каюма-ага.

Имя его было у меня на слуху со студенческих времен. Мы, студенты-филологи, знали о трагических страницах жизни ученого абаеведа. И, конечно, все знали, что он автор текста государственного гимна Казахстана. Знакомы мне были его исследования о поэтах абаевского окружения. Знал также, что он написал несколько пьес и переводил чьи-то произведения на казахский язык.

Но когда увидел его впервые — сейчас не упомню. Зато в памяти остался его звонок после моей публикации «Асылға абай болайық» в «Қазақ әдебиеті» (9.05.1985). В той заметке речь шла о разночтениях абаевского текста в разных изданиях, о необходимости углубленной текстологии и единого канонического текста стихов Абая. Нельзя, мол, так вольно, кому как заблагорассудится обходиться с наследием великого поэта.

Каюм-ага откликнулся сразу же и назначил встречу в Союзе писателей. Мы беседовали более часа, и Каюм-ага открыл мне глаза на многие жгучие проблемы абаеведения, привел анекдотические примеры верхоглядства и откровенной самодеятельности в текстологии. Он хотел меня привлечь к этому скрупулезному делу. Но я ведь тут полный профан. Могу выявить разночтения в тех или иных изданиях, возмутиться таким небрежением к Абаю, но восстанавливать истину абаевского текста — не в моей компетенции. Сам Каюм-ага по приглашению Академии наук Казахстана переехал в Алматы, получил квартиру и настроился всецело заняться текстологией абаевского наследия.

Договорились встречаться почаще.

В начале 90-х годов прошлого века молодое независимое государство начало интенсивно вырабатывать государственные символы. Были созданы Комиссии по государственному гимну, гербу и флагу. Я был членом всех трех комиссий.

В январе 1992 года прошло первое обсуждение концепции государственного гимна. Был объявлен конкурс на лучший текст и музыку. Обсуждение продолжалось несколько месяцев горячо, шумно и с неизменными подспудными интригами. Уже в сентябре я усердно пробивался сквозь дебри 102 (!) проектов государственного гимна на казахском и русском языках. Работа была адская. Почти в каждом тексте находилась какая-то изюминка. Помню, мне лично сразу приглянулся текст под номером 64. Он принадлежал перу Каюма Мухамедханова. И я решил, что проголосую за него, хотя знакомый поэт сразу сказал мне, что шансы у этого текста невелики. Вскоре и я понял, что в конкурсе побеждает не текст, а тот (или те), кто стоит за этим текстом.

Приведу еще одну запись из дневника:

«5 марта 1992. После обеда отправился в Союз писателей, встретился с Каюмом Мухамедхановым. Он подарил мне с теплой надписью первый номер журнала «Абай». Основной разговор шел об истории создания казахского гимна (после моего выступления по ТВ аксакал решил изложить мне все подробности акции с первым казахским гимном). Довольно драматическая история. В

сущности ни Тажибаев, ни Мусрепов не имели отношения к гимну. Они просто числились авторами в угоду какой-то этно-политической схемы. На самом деле автор один — Каюм Мухамедханов. Он показал мне пожелтевшие от времени документы, выписку, копии секретных решений ЦК КПК, постановлений, протокол комиссии по восстановлению справедливости. Мне нравился старый текст гимна, начинающийся гордыми словами — «Біз қазақ, ежелден еркіндік аңсаған». Понравился и новый вариант Каюм-ага».

Жалею теперь, что нет под рукой того текста. Вероятно, его можно найти в архивах. Помню, гимн был написан по канонам, предписанным еще Сталиным. В первой строфе — поэтический намек на темное прошлое страны; второй куплет — выражение героического, славного настоящего; и третий куплет — светлое будущее, к которому устремлены воодушевленные народ и страна; ну и, понятно, пафосный, вдохновляющий, призывный припев, цементирующий основную идею. В тексте Каюма-ага все было четко, точно, ясно и запоминающе.

Комиссия и депутаты Верховного Совета Республики трижды голосовали за лучший текст государственного гимна. Вариант Каюма-ага не прошел. Помню, один раз он набрал всего пять голосов из двадцати пяти.

Вскоре Каюм-ага вновь вернулся в родной Семипалатинск, читал лекции в институте, публиковал в газетах и журналах объемные исследования, подготовил к печати монографию «Абай мұрагерлері», а потом издал четыре книги под названием «Абайдың ақын шәкірттері». Это был титанический труд, чему ученый-литературовед посвятил, можно сказать, всю жизнь. Каюм-ага был приятный собеседник, мудрый, бывалый, деликатный, знающий, дотошный, говорил тихо и убедительно, аргументировано и обстоятельно, подкрепляя свои размышления монбланом фактов, и мне всегда казалось, что он из плеяды верных абаевских шакирдов, яркий представитель национального духа, носитель подлинной национальной культуры. Так оно и было. И таким он мне запомнился.

В кн. «Слово о Каюме»
Астана, «Фолиант», 2007 г.

ХАОС, УСТРЕМЛЕННЫЙ К ГАРМОНИИ

О романе Дюсенбека Накипова «Круг пепла»

Роман этот не написан, а сотворен, искусно, причудливо, фантастически выткан, дивным русским слогом сплетен казахом-златоустом, вышит степными орнаментами-узорами. Все в нем чудно смешалось-перемешалось-перетеклось: древний миф, протоказахское мировидение, необузданная фантазия, всесокрушающий, всепоглощающий, всесотворяющий неуемный эротизм, пленительный, чарующий, завораживающий, колдовской речестрой, дикая стихия вселенского хаоса, мучительно стремящегося к Гармонии духа, красоты и смысла, священный бред косноязычных самионов (сам и они), стилизованное выражение человеческого смятения, смутно-сумеречных импульсов, тяжких прозрений-взлетов, Время и Пространство в своем первозданном единстве и бесконечности, космические пришельцы, оносамы, переходящие в касту клонариев, столь знакомый реалистический пласт из мира искусства, «танец-транс», «свобода тела», «агония любви», и четверка возвышенных-вознесенных, восседающих в круге пепла и отвечающих за все, что происходит в этом безумно сложном хаотическом мире... и многое-многое другое... не стану далее продолжать перечисление тем-сентенций-реминисценций-интенций-интуиций, дабы не отпугнуть непривычного к подобной постмодернистской стилистике с сугубо национальной ментальностью читателя от необходимости-желания читать-понять-постичь это трудное, раскованное и увлекательное произведение.

Вспоминается абаевское: «Қиыннан қиыстырар ер данасы» — «Из слов-жемчугов плетет узор свой дивный гений».

Должно быть, этим высшим принципом творчества руководствовался и Дюсенбек Накипов.

...Впрочем, нужно, пожалуй, оговориться. Не рецензию я пишу, не отзыв. Я лишь пытаюсь посильно изложить (максимально лапидарно) свои ощущения-мысли-импульсы по прочтении романа «Круг пепла», осознавая, что это безумно трудно, скорее, невозможно и бессмысленно. Ибо постное, заскорузлое слово бессильно передать речемузыку витиеватого творения поэта, мыслителя, эстета, философа, историка, знатока Слова-Танца.

Ведь надо быть самонадеянным безумцем-пошляком, чтобы пытаться передать содержание симфонии, балета, танца, акта творения, озарения, импульса, восторга, восхищения. Роман «Круг пепла» именно из этого разряда. Это не однозначное линейное повествование, не дастарханное описание, не байга-скачки, не кумысовозлияние, не «ойбай, аттан-аттан!», небесконечное «Ассалаумагалейкум! — Уагалайкумсалем!», не ханско-бекско-бийские интриги и примитивные батырские утехи, к чему мы привыкли, читая многоверстовые, пудовые исторические казахские трилогии-тетралогии-хамсы-пятерицы.

Здесь необходим иной ключ. Иной настрой. Иная эстетика. Более тонкое и сложное духоустройство. Другие интеллектуальные масштабы и горизонты.

Именно этим «Круг пепла» интересен, любопытен, завораживающе притягателен.

Художник-мыслитель, поэт-иккарах, сочетающий в себе пронзительную мудрость и прозрение-провидение четверых мистических возвышенных в круге пепла, «вдыхающих дымы древние и новые», ответственных за все, что происходит со всеми живыми, доподлинно знает, что «был еще Некий, высокий и синий, где души их пребывали и мысли, Некто, всегда обвивающий тело земное оболокой своей, охраняющий и оберегающий, и ответный за все времена изначальные, ныне текущие и пребудущие, дабы понять — бессмысленно или же целевозвышенно все сотворенное-творимое и стоит ли что-либо исправлять-направлять, и покончить враз

с этим тяжким и нескончаемым делом, или же они — неисчислимые, униженные и не богоспасаемые сделают это сами с собой».

Вопрос риторический. Ответ очевидный. И к нему неминуемо приходит внимательный, благонамеренный читатель.

Нет, не бессмысленно. Целевозвышенно. И направлять-исправлять стоит. Иначе хаос неодолим, непреодолим, непобедим. Отсюда авторская сентенция: «Интенсивно интонируйте интонации интенций за кругом пепла».

И в этом я вижу магический ключ к роману Накипова.

Балерина (одна из сквозных героинь, возвышенно-влюбленно выписанная - вылепленная - сотворенная автором) готовится к прощальному бенефису, и работник сцены («Старик», поклонник и хранитель шедевров шамана-колдуна-странника Калмыка, то бишь реального гения-безумца Калмыкова, которого, кстати, и мне довелось видеть возле Оперного театра в нелепо-странных одеяниях) знает-чувствует, что в тот фатально-неизбежный вечер «сомкнутся круги условного и безусловного, минутного и вечного, совместясь в точке совершенства».

Вот в этом — в совмещении точки совершенства — и видится-мерещится мне пафос романа. Все его герои, реальные и выдуманные, мифически древние и современные, инстинктивно — душой и телом — любовью-страстью — соитием-вожделением — стремятся жадно, неизбывно, обреченно к совмещению «в точке совершенства».

В этом скрыт высший смысл. Триумф духа. Боль и гордость бытия. «Так знайте. Радость — сестра горя. Голод — брат сытости. Смерть — мать жизни». И не надо роптать.

О том роман.

Роман — симфония высокого творения. Роман о рождении из хаоса Смысла. Роман — мучительный порыв и прорыв к совершенству, к таинству мироздания, к идеалу плоти и духа.

Вот еще один основополагающий мотив дюсенбековского творения: «В прошлое надо уходить так же далеко, как в будущее. А то равновесия не будет, и настоящее покачнется, упадет, погибнет. Вот какая бездна, время-то».

Весь фантасмагорический пласт романа пронизан

этой все проникающей, всеобъемлющей мыслью-истиной: равновесия не будет. Не будет равновесия — нет вожделенной гармонии, и мир обречен.

Эту мысль-истину исповедуют мудрствующие герои романа.

«Эта болезнь еще не опознана медициной, но я знаю, что опасней ее нет. Чувствую просто. Нечто вроде сыпи внутри. От нее аллергия ко всему, к жизни. Плоскоумие, плосковерие, плоскодушие — вот это что такое. Страшная болезнь».

Автор решительно не приемлет никакой плоскости-убожества-убогости-уродства-тупости-примитива-бескрылости-низости ложного аккуизма» — претенциозного беспробудного «куйства». Он исповедует другие идеалы. Вдохновения. Творения. Благородства. Дерзости. Отваги. Жизнелюбия. Энергии созидания. Высокой страсти. Чтоб над всем «витал дух артистизма и импровизации».

Накипов-виртуоз упивается богатым на оттенки-нюансы русским словом, его буйной стихией, живописует, колдует, шаманит, плетет, смакует, сшибает разные понятия в сочетаниях и сцеплениях, высекает искры, метафоры, любуется, восторгается, обнажает корнилексемы, вырывается из узких тенет речения, ибо знает, что Слово было не в начале, как то внушают нам с библейских времен (в чем, кстати, сомневался и гетевский Фауст), оно было потом, а в начале, как у племени «самионов-оносамов» было «мыканье-причмокиванье-выдыханье-вдыхание-осязание языка языком в поцелуе, а уже потом язык принимающий-понимающий-ощущающий другой язык выродил слово, прицепил-прицеловал-привил к нему второе слово и... сотворил оллен (ср. казахское «олең» — стих, песня), т.е. то, что до смерти и после будет живо».

Этим животворящим магическим словом владели, быть может, некогда мятежные поэты-иккарахи, которых отторгли-изгнали оносамы, поплатившись «нынешней своей биодеградацией и кризисом некогда процветавшей цивилизации».

Огромный некогда клан оносамов, вконец исподлившийся двуполыми тварями и обреченный потому на биологическое вырождение, Вотум посвященных решил

спасти, приняв программу Великого Исхода. «Изойти на Землю. Ждать децилетие, пока все здоровые автохтоны-оносамы, сиречь клоносамы, обретут теплый персиковый цвет кожи и горнее-гордое слово — дух».

В этом было единственное спасение. Надо было очиститься, избавиться от бесплодных, мерзких, двуполых, сексуально разнузданных двуногих тварей. «Пусть тварятся, как хотят. А мы пойдем к корням».

Так думал Предстоятель ВП (Вотум посвященных), оглядывая поздне-звездное небо Близнецов.

Роман организован, искусно скомпонован из разных мозаик, каждая из которых сама по себе осколок безграничного, неохватного бытия во всем своем диковинно-фантастическом соцветии, каждая самодостаточная новеллка, мотив, тема — интродукция рондо каприччиозо. Получился многочастевой роман-симфония, роман-оратория, роман-балет с искусно продуманным-закрученным сюжетом, охватывающим многоструйным временем-часом-мигом-децилетием-веком-эпохой беспредельное Пространство во Вселенной и сопредельных планетах-мирах.

Восприятие мира и колдовское плетение и сцепление слов-словес-понятий-метафор-сравнений выходят за рамки литературного приема, и потому роман можно прочитать-воспринять-додумывать-толковать-осмыслить-прочувствовать по-разному, прибегая по своему уму и разумению, на свой салтык к расшифровкам символов, намеков, параллелей, реминисценций, бредовых песен самионов, звукописи, тайнописи, нотописи, мифо-мистических формул, к вычленениям соотнесенности фантазии и реальности, одухотворенной и воодушевленной абстракции и банальной, привычной, низменной бытийности.

Потому-то я и не отважусь анализировать и отгадывать-разгадывать магические формы-формулы и стилевые-шрифтовые «выкрутасы» («Құйтырқы» по-казахски), синтаксические периоды-Schachtelsätze «Круга пепла» — кстати, это сделал великолепно критик Виктор Бадиков в пространной и первой статье о романе Д. Накипова в двух номерах «Книголюба», — а ограничусь

лишь спорадическими, беглыми, рябыми-корявыми ощущениями о прочитанном. Охотно допускаю, что ощущения мои более чем спорные, сомнительные, субъективные, приблизительные, поверхностные, но в данном случае — подчеркиваю — руководит мною лишь одна задача: привлечь внимание неравнодушного читателя к неординарному произведению.

Разумеется, я обратил внимание и на стилевые особенности романа, и на уйму ярко выписанных деталей вплоть до фантастически внушительных «хорровхорьков», игриво звенящих, и «укромной-утробной-уютной-пушистой-щетинистой-шелковой щели-ущелья», на литературные приемы, на неуемность фантазии, на философские, исторические, биологические, физиологические наблюдения-заключения, на чувственные имитации, на вдохновенные описания земной любви, иступленной страсти, муки таланта, дерзания, счастья творчества, рождения из небытия Танца, на умопомрачительный эротизм всевозможных божьих и сатанинских тварей, человека, природы, Вселенной, на дымчато-пепельного блудливого кота Батмана, на немного знакомую мне театральную жизнь описываемого в романе периода, на реальных персонажей памятного алма-атинского бродвея 60-х годов, на диковинно-безобразно-отвратно-смрадного Осьмихорра с восемью фаллосами и его собрата с именем, которое мне неудобно здесь воспроизводить, и на кафе «Ак-ку», где и я, бывало, часами сиживал, прислушиваясь к окололитературному трепу местной богемы, на разные мыслемечтания, щедро разлитые по страницам романа, и на «нелепый параллелепипед новой гостиницы «Алма-Ата» на святом прахе Брода», и на «странного и пестрого чудака Калмыка», и на «верха», где руководили искусством «сам-самый-самейшие», и на геноцидный голодомор 1932 года, и на желтоксанные события 1986 года, и на гимн Балету, вострубленный виртуозом-чудодеем-чаровникомязыкотворцем, и на возвышенно страстный любовный роман Балерины с флейтистом, и на московские, питерские, алма-атинские альма-матер артистов балета, и на «тайную вечерю» с водкой и закуской в дальних

«беловежских пущах», где встретились Бизон, Зубр и Зубробизон и «по-братски» поделили огромную красную шкуру «Великого Зверя», и на «Великого Вождя самионов Арухха, который укротил Вождя диких мустангов и-го-го, став тем самым Кентавром, Хароном кочевий, Первовсадником, и на... на все это я обратил внимание, отметил карандашом... все усек, акцептировал, и я здесь перечислительно назвал, наметил, пожалуй, лишь десятую долю того, о чем в романе сказано ярко, раскованно, сочно, лексически возвышенно-восторженно, язвительно резко, нередко на грани фола, что, в общем-то, придает повествованию особый колорит и аромат.

Особо хочу подчеркнуть, что весь этот причудливый, многокрасочный мир, вся эта колдовская вязь, шаманство звуко-тайнописи круто замешаны на казахском духе, на национальной ментальности, пронизывающих это вдохновенное постмодернистское творение.

Я не знаю, ЧТО и КАК говорилось об этом романе на презентации его в Национальной библиотеке, не помню ни одной рецензии-отзыва о «Круге пепла», кроме названной выше статьи профессора В.В.Бадикова («Завет спасительной жизнелюбви»), однако со своей колокольни считаю, что о романе Д. Накипова необходимо говорить вновь и вновь, касаясь всех его аспектов и граней, на конференциях, «круглых столах», обзорах, на страницах литературных изданий, ибо он того заслуживает и дает обильный материал для аналитической мысли и толкований.

Получилось так, что я одновременно читал три любопытных романа — «Сны окаянных» Аслана Жаксылыкова, «Полдень» Таласбека Асемкулова (на казахском) и «Круг пепла» Дюсенбека Накипова. Прочел с волнением и радостью, узрев в этих произведениях очевидную новизну по форме и содержанию, более широкое мировидение, стремление преодолеть традиционные, канонические, испытанные литературные приемы, обнаружил эстетическое, культурное явление в казахской (казахстанской) литературе.

В этом ряду я бы еще упомянул последний роман Дидара Амантая и повести Айгуль Кемельбаевой. Меня радует,

что у этих авторов слог более лапидарен, мускулист, сочен и упруг, что литературный текст стыкуется, дивно переплетается с философией, историей, культурологией, этнографией, этнологией, эстетикой, расширяя заторможенный, явно ограниченный во Времени и Пространстве доморощенный читательский кругозор.

В этом, первым долгом, я вижу значимость, достоинства, творческую удачу романа «Круг пепла» Дюсенбека Накипова.

«Евразия» № 5/06
«ЛГК», № 2. 17.04.07.

«КОРАН И ПУШКИН»

Так назвал свою новую книгу известный литературовед, эссеист, культуртрегер, исследователь Сауытбек Абдрахманов (Астана, «Елорда», 2006, 22 п.л., тираж 2000). В книгу вошли четыре его очерка-эссе, посвященные творчеству Пушкина на фоне казахской истории, культуры, ауры, ментальности, переводческого искусства, осмысления и постижения русского гения. Очень своеобычный ракурс видения казахского пушкиниста.

Эссе-исследования, составившие книгу — «Коран и Пушкин», «Наш Пушкин», «...Поехал я в Уральск», «Вер бана ат» (тюркизмы в произведениях А.С. Пушкина) — мне знакомы по их казахскому варианту, публиковавшемуся в разные годы в средствах массовой информации, а «Наш Пушкин» — также по отдельному изданию. Публикации эти вызвали живой интерес у читателей и стали, можно сказать, культурным событием. Казалось бы, о творчестве Пушкина сказано буквально все. Думалось, можно разве что говорить в сопоставительном плане о новых переводах или перелопачивать, в лучшем случае, по-своему давным-давно известные истины.

Ан нет! Сауытбек своей основательностью и дотошностью, своим незамыленным взглядом на традиционную пушкинистику сумел заинтересовать, удивить, заинтриговать, заставил соразмышлять, сочувствовать и глубже вникнуть в суть объекта. Помню звонок ныне покойного Калтая Мухамеджанова: «Читал Сауытбека? Апырай, какая глубина, всеохватность, точность! Ғажап!»

Это действительно так. С любовью и душевным трепетом размышляя о Пушкине, об Абае, об Ауэзове, о переводческих шедеврах, о подводных камнях на пути постижения иноязычного гения, о высоком духовном родстве и взаимопроникновении титанов духа,

казахский исследователь продемонстрировал столь широкие познания, такую исследовательскую страсть и хватку, такой отточенный профессионализм и мудрость рассуждений, что диву даешься и возрадуешься высокому уровню цивилизованности нации. Нет, недаром Сауытбек Абдрахманов, как сказано в аннотации к книге, за работы в области пушкинистики удостоен медали «Ревнителю просвещения» Академии российской словесности.

Повторюсь: все его очерки-эссе я прочитал в свое время по-казахски, в этой же книге они воссозданы добротным и доступным (не квазиученым) русским слогом и в расчете на двуязычного читателя проиллюстрированы переводческими примерами на казахском языке. Это придает книге особенный шарм.

Основное исследовательское кредо Сауытбек в эссе «Коран и Пушкин» определил предельно четко: «Нет ничего зазорного в том, если мы в новом тысячелетии уже не будем ограничиваться только заботой, мыслями о родной нации, а, находясь в когорте цивилизованных народов планеты, по мере своих сил и возможностей будем вносить свой вклад в мировые процессы, влиять на общечеловеческие явления, по крайней мере, стремиться к этому». Задача достойная, цель посильная. И своей книгой Сауытбек это показал грациозно.

II

Очерк-эссе «Коран и Пушкин» основан главным образом на анализе двух стихотворений Пушкина — программное, боговдохновенное «Пророк» («Духовной жаждою томим») и «Подражания Корану». Сауытбек убеждает, неслучайно русский гений в трудный период своей жизни обращался к Корану, который знал глубоко:

«В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран».

Меня поразил такой факт: оказывается, по утверждениям специалистов, в произведениях Пушкина на тему Корана охвачены положения 33 сур из имеющихся 114 в Священной книге. В книге «Коран и Пушкин» приводятся эти положения из сур Аль-Бакара, Аль-Имрам, Аль-Аграф и

утверждается со ссылкой на литературоведа С. Фомичева, что к октябрю 1824 г. у Пушкина имелся французский вариант Корана (перевод М. Савари). Автор сопоставляет мотивы Корана со строками «Подражания Корану» и выявляет общие тенденции, структуры, переклички и реминисценции, параллели. При этом свои наблюдения Саутбек подкрепляет исследованиями русских, татарских, азербайджанских литературоведов. Должно быть, неслучайно «Пророк» был впервые переведен еще в 1915 г. Кошке Кеменгеровым. Вывод казахского пушкиниста: «...гениальный Пушкин, скромно называя цикл этих стихов «подражаниями», демонстрирует свое огромное уважение к Корану, преклонение перед Богом. И это очень сильный пример».

«Наш Пушкин» — самый объемный очерк в этой книге. В сущности, это автономное, обстоятельное исследование. Очерк состоит из четырех глав —«Оригинальность оригинала», «Вершина Абая», «О, Татиш!», «По перевалам перевода» — и заключения. Многие аспекты пушкинского творчества и пушкиноведения затрагивает казахский литературовед. Он ведет пространный разговор о пушкинском «Памятнике» и его первоначальных вариантах, об обширной библиографии произведений Пушкина и литературе о нем (не одна тысяча названий!), о даре новизны на трудном пути пушкинистики, о международном признании Пушкина еще при его жизни, об огромном творческом наследии великого русского поэта (17 академических томов!), о природе и сущности художественного перевода, о взглядах и критериях Пушкина на перевод, о постижении пушкинской вершины, о переводческих обретениях и потерях при переводах творчества Пушкина, о конкретных переводах «Евгения Онегина» на разных языках, о народных вариациях-переложениях этого романа, о заветах Абая в переводческом искусстве, о переводах «Евгения Онегина», выполненных Ильясом Жансугуровым и Куандыком Шангитбаевым, и еще о многом-многом другом, что касается Пушкина в национальном восприятии и постижении.

Многое в этом очерке мне лично весьма близко. Работая над своей книгой «Этюды о переводах Ильяса

Жансугурова», я с трепетом конспектировал трехтомник произведений Пушкина на казахском языке, изданном в трагических 1936 - 1937 гг., штудировал и анализировал первый перевод «Евгения Онегина», выявляя достижения и промахи, читал народные варианты-пересказы романа на казахском языке, вникал в литературную ауру того времени, изучал статьи Жансугурова, Ауэзова, Жумалиева по этому поводу, оперировал теми же источниками, что и Сауытбек. Но «Наш Пушкин» предоставил мне и много любопытных, не знакомых мне сведений. Например, я узнал, что в настоящее время имеется 1750 переводов произведений поэта на 93 языках (интересно, вошли в это число новые переводы нашего Какимбека Салыкова?), что только на немецкий язык «Евгений Онегин» переводился 13 раз, на ханьский — 7 раз, что по-китайски «Пушкин» пишется «Пусицзинь», а его роман — «Ефугени Аонецзинь», что в переводах Абая имеются места даже оригинальнее оригинала, что народные варианты «Евгения Онегина» действительно уникальное явление, что два варианта переводов К.Шангитбаева сродни подвигу, и т.д. Впечатляет список цитируемых источников — 131 название. Колоссальный, научно всесторонне обоснованный труд!

IV

Следующий очерк в книге С. Абдрахманова назван «...Поехал я в Уральск». О чем здесь разговор — ясно по этой пушкинской фразе из его письма. О путешествии Пушкина из Оренбурга в Уральск написано много. Утверждается, что в поездке в Уральск Пушкина сопровождал Даль. Сауытбек относится к этому утверждению с сомнением, разбирая все те дни на исходе сентября 1833 г., что называется, «по косточкам». Разумеется, здесь упоминается и известный факт: для Пушкина записали тогда сюжет казахской легенды о Козы Корпеше и Баян сулу. Логичны рассуждения Сауытбека и по поводу гипотетической встречи в Уральске Пушкина с мятежным Махамбетом. Мне приходилось о том читать в художественной литературе. Но там вымысел оправдан, уместен в отличие от научного труда. Сауытбек пишет:

«Поэтому будет правильно, если пока оставим этот вопрос открытым. Лично я склоняюсь к мысли, что такой встречи не было. К сожалению». Разумеется, сам факт поездки Пушкина в киргиз-кайсацкую степь и интерес к истории этого края знаменателен, и именно в этом кроется пафос данного очерка.

V

С пристальным вниманием я прочитал заключительное эссе книги «Коран и Пушкин» под интригующим названием «Вер бана ат». Это фраза Пушкина из «Путешествия в Арзрум»: «На все его непонятные речи отвечал я одно: вер бана ат (дай мне лошадь)». Речь в этом эссе идет о тюркизмах в произведениях А.С. Пушкина. Мне довелось послушать доклад Сауытбека на эту тему на одной научной конференции, потом читать большой отрывок в «Егемен Казахстан», теперь же ознакомился с полным вариантом этого любопытного исследования.

Автор подчеркивает: «Из десятитомного академического издания великого поэта в качестве тюркизмов мы отобрали 204 слова и наименования. Среди них имеются 5 антропонимов, 10 топонимов, 7 этнонимов». Дотошный и щепетильный исследователь признается: «Из 200 тюркизмов около десяти являются спорными». Все тюркизмы расположены в алфавитном порядке. Признаться, я опасался, что в этом перечне будет немало отсебятины, приблизительных предположений, сомнительных толкований в духе народной этимологии. Ничего подобного! К каждому тюркизму приводятся толкования известных и авторитетных лингвистов, этимологов, подобраны варианты из разных языков, упоминаются корни происхождения. Для сомнения почти не остается поводов. Например, приводится слово «капкан» из «Истории Пугачева». Автор поясняет: «Бесспорно, что в корне этого слова заключен смысл — хватающий, ловушка (Дмитриев, 1958, 25). Огузская форма — капан. На азербайджанском, турецком произносится гапан, на казахском — қақпан, на киргизском — қапқан, на узбекском — копкон». Или возьмем слово «очаг», которое

употребил Пушкин. Исследователь приводит различные мнения об этимологии этого слова, ссылаясь на Радлова и указывая на варианты: по-татарски — учак, по-узбекски — учок, по-якутски — осох, по-азербайджански — оджаг, по-турецки — ожак. И далее разъясняется многозначность этого слова в турецком языке.

Таким образом разбираются все тюркизмы в произведениях Пушкина с авторским выводом: «Пушкин не использовал тюркизмы специально для сгущения красок или для экзотики». Список использованной для данного очерка литературы заключает 36 наименований, что свидетельствует о научной добросовестности и основательности исследователя.

VI

Обратил я внимание и на отдельные «блошки» в добротном научном труде С.Абдрахманова. Например, неточные цитации на стр. 9 («Клянусь утренней звездой»), стр. 21 («Вознесся он выше главою непокорной»), стр. 29 («Крейцеровская соната»), стр. 58 («Пред тобою слезы лью»), стр. 63 («Гаврилиада»), стр. 127 («Отдал я чужим словам»), стр. 140 («Поэтический Пэрнас»). Правильно: «Клянусь я утренней звездой», «Вознесся выше он главою непокорной», «Крейцерова соната», «Перед тобою слезы лью», «Гавриилиада», «Продал я за чужие слова», «Пегас». На стр. 191, говоря об освобожденных из плена колонистах, автор, полагаю, трактует это место неточно. На самом деле речь идет о колонистах-немцах, которых так называли. Потому что они, переселившись из германских княжеств в Россию, жили колониями, т.е. обособленно, замкнуто. О том сказано красочно в поэме «Кюстер Дайс» Давида Куфельда (1913). И Державин именно их имел в виду (В набегах степняки угоняли пришельцев-немцев — колонистов — сотнями в плен и перепродавали в Хивинское ханство). Встречаются в книге кое-где и опечатки. Мелочь, конечно. Но лучше бы ее не было в столь серьезном труде.

VII

Резюмируя все вышесказанное, хочу подчеркнуть, что, проштудировав с карандашом в руке уникальную книгу Сауытбека Абдрахманова «Коран и Пушкин», я испытал радость и гордость:

а) за мощь и выразительную силу казахского языка, с достоинством воспроизводивших дух Пушкина как мировое явление средствами национального речестроя;

б) за гений Абая, за талант и мужество Ильяса Жансугурова и духовный подвиг Куандыка Шангитбаева, воссоздавших на казахском языке сложнейшее творение мировой литературы — роман в стихах «Евгений Онегин»;

в) за тихого и дотошного исследователя Сауытбека Абдрахманова, блестяще проанализировавшего необъятную тему, высветившего ее с высокой колокольни национального мировидения.

«Начнем с понедельника» № 9/07.
«Amanat» № 6/07

ЛАТИНИЦА – PRO ET CONTRA

Когда неполных семи лет я, понятно, не по своей воле, очутился в глухом казахском ауле на берегу Есиля, я уже немного разбирался и в латинице, и в кириллице. Первая казахская книга, привезенная отцом, была набрана латиницей — изрядно потрепанный, с вырванными страницами том стихов Джамбула. Казахские строки на латинице, помню, дискомфорта у меня не вызывали. Когда на исходе войны пошел в школу (аульную, казахскую), я со своими сверстниками прочно оседлал кириллицу. У меня, поволжского немца, сложности поначалу случались только со специфическими казахскими буквами-звуками. Их было девять. Особенно сопротивлялся мне глубокозаднеязычный «К с хвостиком». Я сдавливал глотку и хрипел: «кхазакх». С той поры, вот уже 65 лет, прекрасно дружу и с кириллицей, и с латиницей. Одно время даже быстро выучил и арабскую графику, но так же быстро все забыл. Так вот еще с давних аспирантских времен я смутно решил, что переход языков тюркской системы на латиницу было бы благом. С годами, особенно при независимости, я укрепился в этой мысли. Мои доводы:

- значительно сблизятся разъединенные кириллицей тюркские языки;
- особенно унифицируется орфография (при кириллице она у тюрков катастрофически разошлась. Одни и те же слова, скажем, казахи, киргизы, узбеки произносят одинаково, а пишут по-разному);
- проще будет интегрироваться в мировое сообщество;
- в полном ладу будем с компьютерными программами;
- те страны, что перешли на латиницу (Турция, Малайзия, Индонезия, Азербайджан, Узбекистан), наверное, не глупее нас.

Разумеется, я понимаю: переход на латиницу будет сложен и труден. Особенно поначалу. Потом преимущество латиницы станет очевидным. Известно, что перевести Россию на латиницу хотел еще Петр Великий. Не отважился. О том же подумывал Троцкий. И Ленин отнесся к этому с пониманием. О переходе на латиницу поговаривают в России и сейчас. Член-корреспондент РАН Сергей Арутюнов пишет: «По моим прогнозам, в течение этого столетия русский язык перейдет на латиницу. Декретов не будет — жизнь все определит» (все эти сведения я почерпнул из «Известий» от 25.08.01).

В 2006 году после памятной речи нашего президента на Конгрессе Ассамблеи народов Казахстана идея о переходе на латинскую графику обрела новый импульс. Есть рьяные сторонники латиницы, а по моим наблюдениям, еще больше противников. Их аргументы:

- ни унификации алфавитов, ни интеграции тюрков не произойдет;
- лишимся многих завоеваний;
- в обществе неминуем раздрай;
- обречем народ на невежество, отпугнем зарубежных казахов, отлучим от казахского языка граждан других национальностей;
- вконец запутаемся в выборе приемлемой для казахской фонетики латинской версии. И т.д.

Более того, есть и такие, кто ратует за переход к арабской графике, кое-кто уповает на древнюю рунику и клинопись.

Понятно, не учитывать этих мнений нельзя. Некоторые мои друзья поглядывают на меня косо. Дескать, куда казахов толкаешь...

Ныне я склоняюсь к мысли: это сугубо национальный вопрос. Компетенция казахов. А я как дружил с двумя надежными дамами — кириллицей и латиницей, так и продолжаю дружить.

Март 2007 Esquire

СТРАСТИ ПРЕМИАЛЬНЫЕ

Премия (латин.) — награда, установленная деньгами или вещами за отличие в деле науки, искусства, промышленности; почетная награда.
В.Даль

Речь пойдет, разумеется, исключительно о литературных премиях. Я — принципиальный сторонник того, чтобы таких премий-поощрений было много. И государственных, и национальных, и именных, и символических, и экзотических, и шуточных — всяких. Разные железки-цацки-побрякушки можно писателям и не давать, а премии давать нужно (ибо, как выразился однажды поэт Тимур Кибиров: «А денег йоқ, нет денег ни хрена»), чтобы удержаться на плаву, иметь моральный капитал, как-то оконтурить себя в океане творчества, определить свой статус, пощекотать, наконец, писательское самолюбие.

Как этот вопрос решается в мире, в разных странах?

Самая крупная, престижная, весомая, всемирно признанная премия — Нобелевская. Литераторы называют ее нежно, вожделенно «нобелевка». В 2006 году ее получил турецкий прозаик Орхан Памук. Есть книга «Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901-2000 годов», автор-составитель Е.К. Белодубровский (СПб, 2003, 436 стр.).

Так вот, за столетие Нобелевская премия присуждалась 97 писателям, из которых 54 ее лично не получали и не произносили речей, и только 43 лауреата произносили спичи на нобелевском банкете, многие весьма кратко. В 1914, 1918, 1935, 1940, 1941, 1942 и 1943 годах Нобелевская премия по литературе не присуждалась в основном из-за мировых войн.

В денежном выражении это внушительная премия.

В газетах, например, писали, что Нобелевская премия

по литературе в 2006 г. составила 1,4 млн. долларов США. Из русских писателей «нобелевку» получили в разные годы Бунин, Солженицын, Шолохов, Пастернак, Бродский. Претендентов, разумеется, было значительно больше. Помню, по линии Казахского ПЕН-клуба мы выдвигали однажды Мориса Симашко, писали обстоятельное представление в Нобелевский комитет.

Из казахских писателей никто никогда не номинировался, о чем иногда с досадой и обидой пишут наши доморощенные СМИ. Назывались даже достойные с точки зрения одного критика имена потенциальных нобелиантов – Кекильбаев, Магауин, Нурпеисов, Жунусов, Шаханов. Известно, что номинировался много раз Чингиз Айтматов и, кажется, одно время он был весьма близок к заветной цели, однако каждый раз что-то не срабатывало.

Решение Шведской академии по части Нобелевской премии нередко вызывает недоумение и несогласие среди мировой общественности. Считается, что слишком часто берет верх не художественная сторона, не творческая значимость того или иного кандидата, а определенные политические мотивы. С этим действительно трудно спорить. Многих нобелиантов ныне никто решительно не помнит. Критик Амангельды Кеншиликулы пространно порассуждал на эту тему в статье «Нобель сыйлығы кімге керек?» в газете «Жас қазақ» (№ 45, 46 за 2006 г.). Статья глубокая, убедительная. В ней много любопытных сведений.

Амангельды приводит такой список: Артур Сюлли-Прюдом, Перл Бак, Хасинто Банавенте, Пауль Хейзе, Карл Гьеллеруп, Грация Деллада, Йоханнес Иенсен, Джозуе Карлуччи, Эрик Карлфельдт, Гарри Синклер Льюис, Хенрик Понтоппидан, Владислав Реймонт, Франс Силанпя, Сигрит Уисет, Вернер фон Хейденстам, Карл Шпитлер, Рудольф Эйкен, Хосе Эйчегерей...

Амангельды задается вопросом: «Кто помнит, знает, читает этих писателей?» А между тем все они лауреаты Нобелевских премий разных годов.

И тут же критик приводит другой длинный список блистательных имен: Лев Толстой, Антон Чехов, Шервуд Андерсон, Бертольт Брехт, Поль Валери, Томас Вулф, Федерико Гарсиа Лорка, Джеймс Джойс, Эмиль Золя,

Генрик Ибсен, Франц Кафка, Джозеф Конрад, Маргарет Митчелл, Хорхе Луис Борхес, Роберт Музиль, Марсель Пруст, Райнер Мария Рильке, Мухтар Ауэзов, Гийом Аполлинер, Грэм Грин, Теодор Драйзер, Дэвид Лоуренс, Уистен Оден, Джордж Оруэлл, Андрей Платонов, Торнтон Уайлдер, Расул Гамзатов, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Марк Твен, Герберт Уэллс, Роберт Фрост, Давид Кугультинов, Томас Гарди, Валентин Распутин, Олжас Сулейменов.

Внушительный список, не так ли? И все гиганты, всемирно признанные фигуры. И никто из них не удостоен Нобелевской премии. Никто! Поразительно! Я мог бы этот список дополнить не менее значительными именами. Но Шведская академия рассуждает по-другому, имеет свое мнение, руководствуется другими, зачастую совершенно необъяснимыми критериями и ориентирами. И, восхищаясь нобелиантами, нет-нет да засомневаешься: ай, что-то здесь не так, превалирует субъективизм, «нет правды на земле, но нет ее и выше...»

Во Франции разных национальных литературных премий (где-то вычитал) более тысячи (!). Каково? Вот внимание к литературе, вот забота о литераторах! Осенью во Франции начинается премиальный сезон, о чем мы читаем с любопытством, удивлением, восторгом и завистью. Знаю: не одна сотня литературных премий существует в США, Германии, Италии, Испании, Швеции, Японии, Англии. Пример, достойный подражания.

До недавнего времени (лет десять-пятнадцать назад) в России литературных премий тоже было негусто. Ныне с учетом именных, региональных, областных, городских и т.д. их наверняка наберется сотня, а, может быть, и больше. В «Литературной газете» то и дело наталкиваешься на самые диковинные названия литературных премий. Некоторые из них весьма денежные. Приведу несколько примеров:

- Премия Буккер за лучший русский роман (Ее лауреаты в разные годы: Марк Харитонов, В. Маканин, Б.Окуджава, Г. Владимов, А. Сергеев, А. Азольский и др.)

- Антибукер.

- Русско-итальянская премия «Москва-Пенне» 5 тыс. долларов (Помню, в 1997 г. ее получил Борис Екимов).

- Премия А.И. Солженицына (25 тыс. долларов) — В. Топоров, Лиснянская, Распутин и др.

- Премия Аполлона Григорьева от Российской академии современной словесности (30 тыс. долларов).

- Петербургская премия «Северная Пальмира».

- Государственная премия России (в денежном выражении прямо-таки фантастическая).

- Премия Президента РФ.

- Премия «Болдинская осень».

- Премия Булата Окуджавы.

- Премия «Триумф» (50 тыс. долларов).

- Премия «Ясная Поляна».

- Премия «Александр Блок» (5 тыс. долларов).

- Премия М.А. Шолохова (из казахстанцев ее получил С. Досанов, А. Нурпеисов, З. Кабдолов).

- Премия Л. Толстого.

- Премия Б.Л. Пастернака.

- Пушкинская премия, учрежденная немецким фондом Альфреда Тепфера (40 тыс. евро). Ее получили В. Маканин, А. Битов, Л. Петрушевская, Б. Ахмадуллина, С. Липкин, С. Соколов, Ю. Мамлеев.

- Премия Андрея Белого.

- Премия «Имперская культура».

- Новая Пушкинская премия.

- Премия М.Е. Салтыкова-Щедрина.

- Премия Павла Бажова.

- Премия Александра Невского и т.д.

Называю лишь те, что пришли на память. Вывод: российские писатели отнюдь не в обиде. И это радует.

Казахстан по части литературных премий плетется на задворках. Какие литературные премии существуют в Казахстане?

- Государственная премия (слава Аллаху, ее денежное выражение выросло в последний год до 2 млн. тенге. До того было в пределах 5 тыс. долларов).

- Премия меценатов «Тарлан» (за семь лет ее существования в семи номинациях ее получили более 150 деятелей литературы, искусства и науки. По литературе — человек двадцать. Премия весьма престижная, весомая, а вручение ее - яркий праздник).

- Премия Казахского ПЕН-клуба (10 тыс. долларов.

Лауреаты: Дудин, Ахтанов, Бельгер, Исабеков, Кабдолов, Елеукенов, Ким, Кошут, Смаилов, Муртаза, Абдиков).

- Международная премия «Алаш».
- Молодежная премия «Дарын».

Были, помнится, одноразовые премии — им. Джамбула, им. Махамбета. И, кажется, все.

Для Казахстана явно маловато. Особенно если учесть его многонациональный контингент.

Не буду здесь говорить обо всех казахстанских литературных премиях, подробнее остановлюсь на процедуре присуждения лишь Государственной премии.

С 1966 года (т.е. за 40 лет) Государственную премию по литературе получили 64 писателя (27 из них обитают ныне в иных пределах). Премия присуждается раз в два года. И ажиотаж вокруг нее обретает, как правило, фантастические очертания. Имею основание о том говорить, ибо с 1994 года неизменно вхожу в Комиссию по присуждению Государственной премии в области литературы. То, как это происходит, как и кто выдвигается на предварительном этапе, как обсуждаются кандидатуры, какие при этом плетутся интриги, какие возникают коллизии и расклады — все это вызывает у меня глубокую неудовлетворенность.

Премия приурочивается ко Дню независимости РК, т.е. в середине декабря. Но возня, страсти по премии начинаются месяцев за шесть, еще до публикации Положения в центральной печати. Сначала волнения происходят на уровне секций по жанрам в Союзе писателей. Поступают заявки, ведутся предварительные переговоры, наметки, прикидки, взвешиваются шансы, зондируется почва. Соискатели (среди них немало нахрапистых шустряков) лишаются покоя, заглядывают в двери высоких инстанций, жадно выясняют, кто же будет в комиссии, в президиуме, кто самый влиятельный в премиальной суете. Еще и комиссия не утверждена, но нетерпеливые соискатели вожделенной премии начинают обзванивать потенциальных ее вершителей, ублажать их льстивыми словесами, ходить по квартирам, предлагать свои опусы. Литература, честно говоря, не ахти, а соискателей Госпремии с каждым разом все больше и больше. Звание лауреата в последние годы обрело весьма

зыбкие, расплывчатые очертания, и потому едва ли не каждый, кто шкрябает пером, ничуть не сомневается в том, что именно он самый достойный из достойнейших. Ох, сколько пересудов вокруг предстоящей премиальной лихорадки! Казахи говорят: «Тойдың болғанынан боладысы қызық», т.е. разговоры о предстоящем пире интереснее, чем сам пир».

По каждой секции (проза, поэзия, критика, драматургия, перевод, русская) выдвигают себя четырешесть человек. Допускаются к следующему туру (путем тайного голосования) двое-четверо. Кто провалился на этой стадии, лихорадочно выдвигает себя по акимату, по редакциям, по другим общественным организациям. Наконец, отбор закончен. Документы оформляет сам соискатель (заполняет листок по учету кадров, пишет на себя производственно-творческую характеристику, расписывает протокол, представляет библиографию, автобиографию, рецензии, отзывы и т.д.), бегает по инстанциям, подает книги, создает мнение, собирает голоса, подсчитывает, прикидывает свои шансы.

И вот настает день заседания Комиссии. Кое-кто из особо активных, нетерпеливых соискателей, хотя это ему и не положено, считает нужным в назначенный час прийти на заседание, засвидетельствовать свое почтение, напомнить членам комиссии о себе, вручать свои книги с верноподданным автографом.

Став членом комиссии впервые в 1994 г., я по наивности пришел на заседание во всеоружии: честно и внимательно прочел произведения всех пятнадцати соискателей, исписал толстый блокнот, тщательно, по пунктам изложил свое мнение, готовясь к основательному аналитическому выступлению. Гляжу: у членов комиссии глаза полезли на лоб. Такого педанта явно никто доселе не видал.

—Оу, Гера, — остановил-осадил меня мой опытный друг Кадыр. — Ты что? Думаешь кого-то убедить или переубедить? Брось, дорогой! Каждый пришел сюда с готовым мнением. У каждого есть свой избранник. Каждый давно уже все для себя решил. И никого ты с пути не свернешь. Так что, айналайын, не трать слова, оставь свое мнение при себе.

—Да, да! Будем сразу голосовать, — решили все.

Вот-те раз! Чего же это я целый месяц читал до рези в глазах?!

Члены комиссии, обговорив кое-какие организационные детали и процедуру голосования, тотчас избрали счетную комиссию.

Я был удивлен.

Через четыре года я удивился еще больше. Оказавшись в счетной комиссии, я по два-три раза честно пересчитал бюллетени, оформил протокол, и тут представитель президиума говорит:

- Ну, что, джигиты? Согласимся с результатами голосования или кое-что переиначим?

У меня едва ли не обвисла челюсть. Оказывается, не важно, как голосовать, важно, как считать голоса.

Ну вот комиссия сделала свой выбор — из 23 соискателей допустила к конкурсу 10, еще один-двое присоединились сбоку (данные 2006 г.), теперь к компании-доде подключается президиум. В его составе тоже 15 человек, и не только литераторы — высокие чиновники, искусствоведы, певцы-композиторы, художники, свадебные генералы. И президиум имеет решающее влияние на распределение премий. Суета, интриги, возня достигают апогея. О произведениях соискателей разговора нет, только о личностях. В течении месяца общество должно обсуждать произведения конкурсантов. В печати появляются статьи под рубрикой «На соискание Государственной премии РК». Их, как правило, опять-таки организовывают сами соискатели. Но на эти заказные статьи ровным счетом никто не обращает внимания. Вопрос решается в высоких кабинетах, келейно. В ход идут совсем иные козыри, а не, собственно, творчество. Что за козыри? Родовые и клановые пристрастия, связи, телефонное право, знакомства, ходатайства влиятельных агашек, родственные интересы, нажим на членов комиссии и президиума, назойливая обработка строптивых, личная предприимчивость претендента. Все при этом учитывается: кто с кем учился, работал, дружил, родство, чьи ата-бабалар вместе воевали с джунгарами, какой «ыгай-сыгай» замолвил доброе словцо, кто, кого и как ублажил, за кого целесообразно голосовать, а кем можно пожертвовать без особого урона во имя непостижимой уму цели.

О, это бо-о-ольшое искусство! Есть знатные, признанные мастера подобных интриг. Часто они закулисные. Они даже не числятся ни в комиссии, ни в президиуме. Именно они решают, кому быть лауреатом, кому не быть. Логика, здравый смысл, порядочность тут отсутствуют. Основную роль играет субъективный фактор. Расчет. Интрига.

Наконец, все позади. Голосование состоялось, решение вынесено, все получилось, как надо, даже три четверти голосов, как положено по уставу, обеспечены, голосовали тридцать человек, а голосов после подсчетов оказалось более двухсот, ни арифметикой, ни алгеброй это не объяснить, в самом деле, как объяснить, что четыре человека получают по 22 голоса, а еще семеро — по 17-16-15-14-13-11-9 голосов, странно все это, но дело сделано, результат подтвержден Правительством, в печати обнародован. И тут начинаются публичные вопли: «Апырай, бұл қалай болды?!», «Несправедливо!», «Обал екен», «Этот-то за что получил?!», «Этого-то за что отшили?» Кое-где опубликованы аршинные статьи-возмущения.

Все, однако, быстро забывается. И через два года этот сценарий точь-в-точь повторяется.

Я пишу об этом так подробно, чтобы читатель понял механизм присуждения Государственной премии.

Как член комиссии с 12-летним стажем и двукратный участник подобной «доды» свидетельствую: так оно происходит, но ТАК ОНО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ.

Надобно взломать эту косную и лживую схему. Каким образом?

1. Есть мудрость: «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять его генералам». Так и здесь, Государственная премия в идеале — слишком серьезное дело, чтобы дать его на откуп литераторам. Слишком субъективное племя. И к тому же почти не читающее. Всех конкурсантов 2006 г. читал едва ли не один Мурат Ауэзов.

2. Премия не частная, а государственная. Следовательно, и критерий, и политика, и отбор-выбор, и кредо-концепция должны быть государственными. И решение должно быть с этой колокольни. Иначе говоря, решение должно исходить от государства в государственных интересах.

3. Нельзя, чтобы сам соискатель выдвигал, суетился, бегал, оформлял бумаги, организовывал обсуждения, ходил по инстанциям, упрашивал-клянчил, занимался собственным пиаром. Эдак пронырливых конкурсантов будет с каждым разом все больше и больше. И с такими самовыдвиженцами не сладит ни одна комиссия, ни тем более президиум. Решать судьбу столь значительной премии должны компетентные организации, авторитетные эксперты, объективные государственные мужи, руководствующиеся высокими принципами. Разумеется, без участия самих конкурсантов. Им следует пребывать в неведении (Мне, замечу в скобках, по душе принцип отбора премии «Тарлан».)

4. Ни к чему, думается, многолюдные комиссия и президиум. Это показушная гласность и игра в демократию. Целесообразно, полагаю, чтобы группа экспертов (человек семь-девять) внимательно прочитали произведения соискателей, написали аналитический профессиональный отзыв по всем художественным параметрам (вероятно, за гонорар), а Государственная комиссия (опять-таки из 7-9 человек), знающая, объективная, ответственная, руководствуясь заключениями экспертов, вынесла окончательное решение. И желательно (обязательно!), чтобы соискатели не ведали ни экспертов, ни Государственную комиссию, дабы исключить все соблазны на шахер-махер и ахалай-махалай.

Вероятно, возможны другие варианты. Но важно, чтобы во главе угла стояло творчество, а не побочные, меркантильные интересы, интриги, уфит-суфит.

И еще одно деликатное замечание. Нельзя упускать из виду, что Казахстан — страна многонациональная. Художественные ценности творят не только коренное население, но, случается, и русские, и уйгуры, и евреи, и корейцы, и даже немцы. Однако что мы видим?

Из 64 лауреатов Госпремии по литературе «инородческих» фамилий всего несколько: Николай Анов (1970), Иван Шухов (1977), Максим Зверев (1982), Морис Симашко (1986). То есть за сорок лет лишь четыре русскоязычных азамата удостоились этого звания. Я-то знаю, что первые трое получили это звание благодаря деятельному вмешательству Д.А. Кунаева. По результатам

голосования им неизменно не хватало нескольких голосов. М. Симашко, прозаик, чьи произведения переведены на 40 языков мира (таким показателем, кстати, не может похвастаться ни один из 60 лауреатов), получил эту премию за перевод, и то после того, как Ильяс Есенберлин «выпросил» ее у того же Кунаева. И вот за последние двадцать (!) лет ни один представитель некоренного рода-племени Государственной премии по литературе не удостоился. Или инородная творческая нива так безнадежно оскудела?

Давным-давно, помнится, на эту тему выступал один выдающийся казахский поэт (ныне покойный), без обиняков утверждая, что русские пусть получают премии в России, корейцы — в Корее, немцы — в Германии, уйгуры — в Китае, и зал Союза писателей разразился аплодисментами, посчитав это заявление высшей справедливостью.

В 2006 г. премию «Дарын» получили 33 молодых дарования. Среди них я обнаружил одну лишь русскую фамилию — чемпион мира, штангист Илья Ильин. Что поделаешь: у него конкретные фантастические килограммы. Их со счета не сбросишь. Но в казахской печати и тут «сэкономили» одну букву: написали Илин.

Что-то здесь не так, братцы. Есть о чем поразмышлять. Может, потому уйгуры и придумали свою сугубо национальную премию «Ильхам»? Может, и другим народностям в унитарном Казахстане пойти по этому пути? И как это будет выглядеть? Ведь Государственная премия обернулась по сути национальной.

Что касается меня, то я отныне зарекся быть членом комиссии по государственным премиям или претендентом на нее. Таким образом, я буду избавлен от обязательного чтения отнюдь не шедевров и от участия в сомнительной игре.

Dixi.

Я все сказал. И тем самым облегчил душу.

«Начнем с понедельника»
№№ 14, 15, 16/2007.
«Нива», 2008.
«Город», 04.12.08.

КУЛЬТУР-МУЛЬТУР

Мой покойный друг Аскар Сулейменов, уникальная личность, прозаик, критик, драматург, эстет, большой эрудит, особенно вкусно произносил слово «катарсис». Слушая симфонии Малера, сонаты Бетховена, кюи Таттимбета, читая Томаса Манна и Ауэзова, он благоговейно выдыхал: «Катарсис!»

Слово это означает очищение, возвышение духа. И оно, конечно, относится к творчеству, к вдохновению, к объемному понятию «культура».

Сказать, что общий культурный уровень у нас, в Казахстане, упал «ниже плинтуса», будет, наверное, неправильно. Мы вправе гордиться нашими музыкантами, певцами, живописцами, исследователями-культурологами. И все же... все же говорить, что культура у нас бьет ключом, я бы не стал.

Сколько существует определений культуры? Кто-то подсчитал: несколько сот. Для одних культура — бытовое понятие: чисто вымытый пол, побеленный дом, цветочки на подоконнике. Прекрасно! Для других культура — праздные возвышенные беседы за обильным дастарханом. Ах, красиво сидим! Для третьих культура — массовое гулянье, веселье, гастроли Пугачевой и Киркорова, шествие по улицам, ламбада. Еще для кого-то — манера сладко, восторженно и витиевато плести узор словес, набор изящных манер и т.д.

Для большевиков культура всегда была чем-то вторичным, прикладным, забавой сытого, приложением к экономике. Этого взгляда придерживается большинство и нынешних правителей разных рангов. Для них культура — культур-мультур. Сначала, мол, надо народ накормить, одеть-обуть, обустроить. А культура, дескать, никуда не убежит, дело наживное. Я же всегда считал, что культура

первична. Некультурный человек — просто-напросто дикарь, даже если он рыгает от сытости, облачен в шелка и золото, облеплен дипломами, регалиями, цапками. Что и видим в наше торгашеско-воровское время. Культур-мультур никак не тянет па просветленное познание истины и утверждение добра. Это пародия, уродство, дурновкусие. Несколько примеров из казахстанского бытия. Построили в Астане претенциозную «Пирамиду» с концертным залом в подземелье, а акустики никакой. Она же должна быть такой, что если на сцене рвут бумагу, шелест можно услышать в двадцатом ряду зала. А тут в двух шагах — немота и глухота. Хоть арии пой с микрофоном. Или в Астане же турки сляпали здание архива. А в нем сыро, холодно, неуютно, ветер гуляет, как в заброшенной кошаре. Совсем недавно артисты балета Оперного театра в Алматы (кстати, импозантного после капитального ремонта) сорвали спектакль «Жизель» по причине задержки и без того мизерной зарплаты. Конфуз, конечно, вопиющий факт, но как осудить юных артистов балета, получающих за свой изнурительный труд по 20 тысяч тенге (и то несвоевременно)? Это и есть печальные картины культур-мультур. Очередной министр культуры и информации сулит крутые перемены по части финансирования. Мед ему в уста! Это, однако, лишь первый шаг. Культуру необходимо лелеять, взращивать десятилетиями повсеместно, системно, терпеливо. Иначе она обречена на культур-мультур.

Esquire, апрель 2007.

ДОЛГ И ВЫБОР

Я знавал этого Человека со второй половины 80-х годов прошлого века.

Кажется, увидел его впервые в журнале «Арай» — «Заря», куда я занес свои заметки о поездке во Францию.

Мне он сразу понравился своей вежливостью, деликатностью, почтительностью, цельностью.

Времена были зыбкие, смутные. И ощущение было такое, что этот молодой, серьезный джентльмен знает, что хочет.

Эти свои нравственные качества — по крайней мере, по отношению ко мне — он проявлял всегда до самой своей гибели.

На каком бы посту ни находился.

Таким он живет в моей душе: не по годам мудрый, участливый, корректный, набравший колоссальный опыт в высоких сферах своенравной политики.

Время от времени я листаю изданные с любовью три его книги: «Тәуелсіз елде тәуменді тұлғалар болмауы керек» (2004), «Надо делать выбор» (2006), «Таңдау жасар сәт туды» (2006), подолгу вглядываюсь в фотографии, иллюстрирующие его богатую жизнь и публицистические выступления, вижу его умный, пристальный взгляд, слышу его голос, интонацию, открытый, добрый смех.

Это была колоритная личность. Гражданская линия в нем определилась рано. Родина, народ, независимость были для него священными понятиями. Высшим идеалом.

В своей короткой жизни он руководствовался ПРАВОМ и ДОЛГОМ выбора и четко следовал избранному пути.

Гибель его оплакивал весь Казахстан. Во всех уголках. Было сказано о нем много высоких, достойных, душевных слов. Даже в наше беспамятное время благодарная память о славном сыне-азамате своего народа нескоро зарастет травой забвения.

Правда о его убийстве еще не сказана. Надолбы лжи наворочены вокруг того трагического события. Но истина во всех деталях когда-нибудь всплывет. Обманом народ не удержишь.

Звали этого Человека с большой буквы Алтынбек Сарсенбаев.

Вчитываюсь в его статьи, интервью, беседы, вошедшие в три названные выше книги. Попытаюсь оконтурить их суть, их пафос, их — по-немецки выражаясь — штандпункт.

Он был активный политик, находился неизменно на передовой позиции, я же сознательно сторонюсь этой скользкой сферы бытия, вращаюсь в сугубо литературной среде, и именно с этой колокольни на основе публицистических выступлений Алтеке я и намерен посильно порассуждать о его воззрениях.

В чем их суть?

Суть в том, что каждый человек — в идеале гражданин общества, а коли так, он обязан сделать свой выбор.

Сам Алтынбек не однажды делал свой выбор на грани Судьбы. И это было уникально мужественным шагом. Меня всегда восхищают люди, способные на крутые, судьбоносные поступки. Я, этнический немец, воспитанный в казахской ментальности, с детства освоил сомнительную истину-кагиду: человек открыто или завуалированно стремится к росту («мы растем!») в своем или общественном сознании, т.е. он делает карьеру в разных сферах бытования, неуклонно поднимается ввысь (или орлом взлетает, или ужом ползет), а достигнув определенных высот, насмерть утверждается в своем положении или величии, зубами держится за свое кресло, становится рабом своей вожделенной карьеры и всеми силами оберегает свое мнимое-жалган крохотное счастье.

Таких людей — миллионы, миллионы. Они заурядные пенде. Жирные пингвины. Раки-отшельники. Премудрые пескари. Не они украшают жизнь. Не они творят Историю. Не они локомотив прогресса. Таково извечное устройство Бытия. Известно: вороне не дано быть соколом. Да, они как-то приспосабливаются к жизни, даже хорохорятся, важничают, выпендриваются, считают себя солью земли,

но они — пыль, прах, который ветер времени развеет по лощинам-оврагам.

А вот Алтынбек Сарсенбайулы, в совсем молодом возрасте вдосталь испытав все соблазны политической карьеры, поднявшись на головокружительные высоты политических амбиций, не стал вороной на свалке, довольной добычей-напакá, а сумел отринуть все эти мнимые блага, переступить через обветшалые житейские правила, решительно устремиться к свободе духа, сделать свой выбор в соответствии с национальными интересами и насущными потребностями родного народа, будущего независимого Казахстана.

Это был поступок мужа-азамата.

И народ оценил его, полюбил его, поверил ему.

Он выломился из той среды, поняв, осознав, осмыслив, что до поры до времени служил не той Истине, ради которой пришел в этот мир. Он вышел на новый виток человеческой судьбы. Стал идеологом, поборником нового самосознания, раз и навсегда решив, что есть другие духовные ценности, кроме самодовольного восседания на награбленной куче дерьма. И он выработал свой главный постулат: «Не хочу обманывать ни себя, ни общество».

Широкие массы именно так все и восприняли.

Когда-то Генрих Гейне призывал:

- На проклятые вопросы
Дай ответы мне прямые!

Разумеется, проклятых вопросов в нашем обществе накопилось не один корджун, не один воз, может — даже эшелон. Вопросы не могут стоять вечно: они требуют ответа.

Давным-давно, когда я еще учился в аспирантуре, нас заставляли изучать кое-какие труды «великого кормчего» Мао. Мне запомнилась из них одна фраза: «Оттого, что мы скрываем противоречия в обществе, они не исчезают».

Верно! Можно до поры до времени скрывать, заглаживать, замазывать язвы на теле общества, но от этого они существовать не перестанут. Алтынбек остро, открыто ставил эти вопросы и посильно отвечал на них. Согласиться или не соглашаться с его ответами — дело ума и совести каждого, но отметать их, отмахнуться от них, думаю, некорректно. И близоруко.

Какими вопросами задавался Алтынбек? Вот как они звучат в его книге «Надо делать выбор»: Что будет с Родиной и с нами? Кто будет бороться за власть? Является ли смена элит катастрофой? А что демократические силы? Будем голосовать раздельно? Когда плюс оказывается минусом? Что мы за народ? А где народ? Почему народ ничего не решает?

Такие вопросы он ставил себе сам, подобные вопросы охотно задавали ему и многочисленные интервьюеры. И он обстоятельно, дотошно, открыто и честно отвечал на них. И, отвечая, говорил с темпераментом публициста, с рассудительностью мудреца: у власти начинают сдавать нервы; выборы должны быть честными; пожизненных должностей не бывает; считаю своим гражданским долгом рассказать всю правду; я не верю в сказку о «несведущем царе»; время окольных путей и политических игрищ подходит к концу; я первым выступлю против репрессий и сведения счетов; раз хозяева «Хабара» попрятались — надо его национализировать; когда власть становится преступной, преступность становится властью.

И т.д.

Подобных утверждений, сентенций, выводов встречается в книгах Алтынбека Сарсенбаева великое множество.

Понятно, что далеко не всем нравятся такие вопросы и соответствующие ответы.

Вот где зарыта трагедия личности.

И удивляться тут не следует.

В публицистике Алтынбека меня прельщали ясность мысли, лапидарность, логика и образность. Этим качествам наши журналисты могут и должны у Алтыбека учиться. Не удержусь — приведу две цитаты из двух его статей.

Вот начало одной из них:

«Не получилось. Вернее, опять не получилось. Провести честные выборы».

И через несколько энергичных фраз опять этот запоминающийся аккорд:

«И все равно не получилось. Давайте вспомним, что происходит...».

Каков зачин?! Что называется, быка за рога. Поневоле вспомнишь первый такт — удар судьбы — Бетховенской 9-й симфонии. Я здесь говорю не о содержании, не о публицистическом, политическом пафосе статьи, а о форме подачи сокровенной мысли.

А вот финальные слова той статьи, увидевшей первоначально свет в «Эпохе»:

«Поэтому надо сделать выбор. Сознательный. Гражданский. Личный. Выбор в пользу справедливости. Выбор в пользу закона и порядка. Каждый сам за себя. За своих детей. За своих внуков».

Можно ли сказать еще более четко, ясно и определенно? Каждое слово — как крепко заколоченный гвоздь. Каждая мысль — полет стрелы, точно попадающей в цель.

Вспомним конец другой его статьи:

«Беркутчи, седовласый аксакал, пригласил нас домой. Как водится, накрыл дастархан. Пока варилось мясо, он показывал свою гордость — всех своих беркутов. У каждого была своя история. Каждый имел свои трофеи. Одного из них по казахскому обычаю он подарил Тохтару. С умыслом: мол, ты парил в небесах, поэтому достоин такой гордой птицы.

Но мне запомнился лишь один. Этот беркут неудачно зашел то ли на лису, то ли на волка. И сломал крыло. Его, конечно, выходили. Крыло срослось. Но после этого он уже никогда не охотился. Даже боялся летать.

Он стал полностью домашним. Ел разве что мясо. Он не был величественным и гордым. И грустным не был. Наоборот, казался веселым и общительным. Как домашняя птица. Адаптировался. Поскольку привык есть с рук. Я до сих пор вспоминаю об этом беркуте...».

Напомню читателю: Тохтар — это первый казахский космонавт, Герой Советского Союза Тохтар Аубакиров. А речь в статье идет об известном казахстанском поэте, который, будучи некогда гордым и величественным, превратился в домашнюю птицу, привыкшую есть с рук.

Я опять-таки говорю здесь исключительно о форме изложения. О развернутой метафоре. О затаенном смысле самой последней фразы и многозначительном многоточии. Финал, достойный эпического повествования.

Блистательный стиль публициста! Я помню, как мои коллеги-писатели звонили мне, восхищаясь именно этим заключительным аккордом. Он свидетельствует об образном мышлении автора.

Когда заканчивался весьма сомнительный судебный процесс в Талдыкоргане по делу о подлом убийстве Алтынбека и двух его спутников в тот злосчастный день, некий прокурор с фамилией, оканчивающейся на «енко» («Бірдемеңко»), выразился четко и ясно, что это, мол, не политическое убийство, а о-бык-но-вен-но-е — так и сказал перед камерой: «обыкновенное убийство».

Я обомлел. Ушам своим не поверил. На поминках я сказал: «Что такое обыкновенный фашизм, мы все знаем по фильму Михаила Ромма. А что такое обыкновенное убийство в Казахстане, мы узнали из уст прокурора Бірдемеңко».

Я и сейчас недоумеваю: неужели «обыкновенное убийство» — юридическое определение? Неужели если убийство обыкновенное, то и говорить, собственно, не о чем? Подумаешь, убийство! Оно же обыкновенное? О чем тут говорить? Зря шумите, джигиты...

Есть в нашем обществе темные силы, которым чужды и ненавистны такие нравственные категории, как честь, совесть, благородство, высокий гражданский порыв. И в этом кроется самая большая опасность нашему самосознанию.

Почему я пишу эти строки? Во-первых, чтобы воздать дань памяти этому незаурядному азамату, положившему свою жизнь, свой дар, свой порыв во имя высоких целей. Во-вторых, чтобы уберечь моих коллег, нашу интеллигенцию, истинных сыновей страны от «девичьей памяти», от забвения лучших сыновей наших, смотревших дальше своего носа и думавших не только о своей шкуре. В-третьих, с целью, чтобы наши публицисты, политологи, рассуждающие о путях-дорожках нашей страны, нашего общества, не проходили мимо сокровенных дум Алтынбека, ибо что бы они ни сказали, в какие бы политические дебри ни забирались, корни, заряд их раздумий следует искать в провидческих наблюдениях и высказываниях убиенного Алтынбека.

В том его уроки. В этом его жизнестойкость в наших грядущих свершениях.

Алтынбек Сарсенбаев в моем представлении — тот самый тасжарган-цветок, пробивающий асфальтную толщу. Я понимаю: не все согласятся со мной. Я на это и не рассчитываю. Я только поделился своими заметками после перечитывания его книг. И сказать о том — мой долг литератора.

«Тасжарган»
№ 20 (48) 24 мамыр, 2007 жыл

ЕГО ЗВАЛИ ЕРИК МАГЗУМОВИЧ

Для меня он всегда был приятным симпатичным человеком. Внешне он казался замкнутым, хмурым, нелюдимым. Немногословный, он говорил ровно, тихо, опустив глаза долу. Обладал образцовой русской речью. Говорил: отменные были учителя, ссыльные ленинградцы. Всю жизнь с благодарностью вспоминал их. По-казахски говорил правильно, но немного скованно. Чувствовалось, что начитан, образован.

Мне он казался человеком «в себе». Скрытным. С глухой маской на лице. Загадочным. И еще он чудился мне человеком вялым, безынициативным. Будто постоянно носил на себе тяжкий, невидимый груз.

Позже, узнав его ближе, убедился: не во всем я прав. Был он человеком незаурядным. Окончил КазГУ, затем — аспирантуру Московского финансового института. Доктор экономических наук. Работал на высоких должностях. Когда я с ним познакомился, он был Председателем Верховного Совета Казахской ССР, потом вице-президентом РК. Позже — Чрезвычайным и Полномочным послом Казахстана в Германии.

Встречались нередко: в Верховном Совете — в Доме парламента, в Москве, Петербурге, Актюбинске, Бонне, Берлине, в больнице Алматы.

Он великолепно знал русскую классическую литературу. Особенно поэзию Пушкина. Цитировал его наизусть. Питал живой интерес к философии. Охотно вспоминал школьные и студенческие годы. Интересно рассказывал. Ровно, спокойно, с улыбкой, с живым блеском в глазах. Однако сдержан был во всем. Казалось, постоянно контролировал себя.

Звали его Ерик Магзумович Асанбаев.

Впрочем, я хочу рассказать здесь не о нем, а привести

некоторые положения, факты. Выводы из его объемной статьи, с которой он меня ознакомил в больнице, где мы находились в одно время — июне 2003 года.

Ерик Магзумович занес ее в мою палату, подчеркнув, что статья написана для интернет-газеты «Навигатор», а я, мол, ее первый читатель. Называлась статья «Концепция сохранения и развития земной цивилизации».

Для меня она была несколько неожиданной, глобальной, всеобъемлющей, я ее прочитал, проштудировал внимательно и сделал в блокноте кое-какие выписки. Серьезная статья, возможно, копия ее сохранилась среди моих бумаг, и я доподлинно знаю, что в «Навигаторе» она была. Но не знаю, опубликована ли она еще где-нибудь.

Вот те выписки, показавшиеся мне весьма значительными, актуальными.

«По прогнозам Римского клуба футурологов, сделанными в 1996 году, человечеству отведено лишь 50 лет беспечной жизни, после которых начнутся необратимые процессы в экологии».

«По отчету UNDR за 1997 год, четверть населения мира жила в бедности, включая 1, 3 миллиарда тех, кто пытался выжить на один доллар в день. 20% населения мира получили 1,1% от общего мирового дохода против 2,3% в 1960 году, а число бедных, приходящихся на одного богатого, увеличилось с 30 до 78».

«Процесс обеднения становится фактором разрушения демократии. В Африке, например, после распада колониальной системы, из-за постоянной бедности населения первоначально установленная демократия сменилась правлением милитаристских сил, а свобода — преобладанием родоплеменных и клановых интересов. Почти то же самое произошло в постсоветской Центральной Азии».

«На каждого землянина, включая грудных младенцев, припасено 4 тонны взрывчатки».

«В начале XX века на планете жило не менее 1,7 миллиарда человек. К новому XXI столетию численность землян достигла 6 миллиардов человек».

Все эти данные, сведенные воедино в одной статье, заставляют задуматься, встревожиться. Не так ли?

Ерик Магзумович предлагал концепцию «Новой организации мира». Он считал, что необходимо создать общий мировой институт власти.

«Сохранение человека как биологического вида требует радикальной перестройки управления миром».

«Зигмунд Фрейд не без оснований считал, что многими вождями руководит не любовь к людям и стране, а комплекс власти и разрушений, скрытый цинизм к окружающим».

Как это верно! И про нелюбовь к людям и стране, и про комплекс власти, ведущий к разрушениям, и про скрытый цинизм. Разве не это видим мы повседневно в эпоху «рахатизма»?

«Современные политики сделаны нередко из такого некачественного человеческого материала, что за ними нужен глаз да глаз, чтобы они не пустились во все тяжкие, позабыв совесть и общественный долг, не говоря об общепланетарных интересах».

«Высшие планетарные органы власти представляются мне следующими:

—Комитет верховных уполномоченных;

—Парламент объединенных наций;

—Мировое правительство;

—Совет планетарной безопасности;

—Центр по проблемам земной цивилизации».

«Если вдуматься, XXI век делает вызов не национальным вождям, не главам отдельных государств, а всему земному разуму и человеческой цивилизации в целом. Будет ли найден достойный ответ этому вызову, станет ясно в процессе деятельности нынешнего и ближайших поколений».

Пафос этих положений мне очень понятен. Я его полностью разделяю. Но боюсь, что человечество, сознавая всю свою трагичность, вряд ли пойдет на те кардинальные меры, которые предлагал озабоченный гуманист и идеалист Ерик Асанбаев. Почему? Да по тем же причинам, на которые указывает автор этой концепции: политики, сделанные из некачественного человеческого материала, эгоизм и тщеславие «вождей», дорвавшихся до вожделенной власти, всесокрушающий и всеразъедающий цинизм, забвение общепланетарных интересов и т. д.

Человечество, скорее, погибнет, чем пойдет на создание каких-то мировых, общепланетарных комитетов, парламентов, правительств, советов, центров. У одного немецкого писателя (в этот миг запамятовал имя) есть роман «Jeder stirbt für sich allein» — «Каждый умирает в одиночку». В одиночку умирает не только отдельный человек, но и народы, нации, языки, культуры, цивилизации. Мы это знаем по истории. Мы это видим ныне. И чудится мне: человечество никогда не поумнеет.

Как бы я хотел ошибиться!

...А Ерика Магзумовича незадолго до его кончины я встретил возле лаборатории поликлиники. Поговорили наспех, на ходу. Я читал его горькие и едкие статьи. Я знал, что его последовательно травят, что он пришелся не ко двору, что его самостоятельность раздражала «верхи».

Особенно изощрялся в мстительном усердии один весьма ограниченный лизоблюд-политик. Бывший вице-президент плохо вписывался в новые реалии. Позволял себе иметь собственное мнение. А у нас это серьезный изъян...

Жаль — славный был человек.

«Политика», 01,08,07
«Тасжарган», 2007

СКРЫВАЮЩИЙ СВОЮ ХВОРЬ ОБРЕЧЕН

Что целесообразнее: говорить постоянно, везде и всюду о наших Казахстанских достижениях (в самом деле, кто их отрицает?) или заострять внимание на недостатках, которые, как говорится, бьют в глаза? Видно, кому как.

Я лично сторонник того, чтобы изъяны не замалчивались. Зная их, полагаю, возникает желание их преодолевать. Казахи верно говорят: «Скрывающий свою хворь — умрет».

Свои общественные и социальные хвори-болячки надо знать. Ну, например: «По уровню потребления на душу населения основных продуктов животноводства в Казахстане значительно отстает от развитых стран. Каждый казахстанец в 2004 году употребил 49 килограммов мяса, а американец — 114 килограммов, француз — 91, немец — 86, поляк — 57 килограммов».

Или: «За 15 лет независимости республика добилась хороших показателей в развитии, однако, как считают специалисты, останавливаться на достигнутом нельзя, да и работать придется упорно. Сегодня по индексу глобальной конкурентоспособности Казахстан занимает 56-е место, по технологическому развитию — 77-е. по развитию общественных институтов — 76-е, по качеству здравоохранения и начального образования 86-е по уровню высшего образования — 54-е, по развитию бизнеса — 72-е, по качеству жизни — 78-е, по показателям экономической устойчивости — 70-е место. А чтобы достичь поставленных президентом РК целей, последующие годы должны стать переходным периодом, и особое внимание, по мнению экспертов, нужно обратить на науку и политическое сознание населения».

Или: «Богатство на душу населения по странам (в долларах США):

Япония — 181000
США — 144000
Великобритания — 127000
Германия — 86000
Россия — 3000
Китай — 2600
Индия — 1100».

Вглядитесь в эти цифры. Сопоставьте. Каков же этот показатель в Казахстане? Или: «Общее число работников, занятых научно-технической деятельностью в Казахстане, в 1990 году составило 50626 человек. За последние десять лет количество научных кадров в Казахстане сократилось в 2,8 раза, или на 26,1 тысячи человек».

Или: «В Казахстане в первом квартале 2002 года доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, составила 29,6 процента, сообщили в Агентстве РК по статистике». Вдумайтесь, треть населения живет ниже прожиточного минимума. А каков этот минимум, мы хорошо знаем.

Вот еще факт: «По данным социологических исследований, более 60% молодежи Казахстана регулярно употребляют алкоголь. Каждый день в Алматы от передозировки умирает три человека». И еще любопытные цифры: «По данным исследовательской компании «Комкон-2 Евразия», около половины алматинцев в возрасте от 16 до 29 лет серьезно рассматривают возможность переезда в другую страну. В дальнее зарубежье собираются 43,7 % молодых горожан. В Россию планируют переехать 24,3 % опрошенных. Половина молодых алмаатинцев, настроенных на переезд, объясняет свое желание покинуть пределы Казахстана тем, что не видят для себя здесь перспектив». Симптом тревожный, не так ли?

«По данным шведского Центра суицидальных исследований, по абсолютной цифре подростковых самоубийств (15-19 лет) первое место занимает Россия, второе место у США. Но важен другой показатель — количество суицидов на душу населения. Здесь первый с большим отрывом — остров Шри-Ланка. Вторым идет Казахстан! На каждые 100 тысяч подростков приходится в год 24 самоубийцы. А после Казахстана идут Россия, Новая

Зеландия, Словения, Латвия». Разумеется, все эти данные взяты мною не с потолка. Из газет, из статистических отчетов. И, к сожалению, негатив этим не исчерпывается.

А разве граждане нашей страны не должны знать, сколько из 15 миллионов населения Казахстана прозябают ниже черты бедности, сколько бомжей, безработных, инвалидов, пенсионеров, одиноких, больных туберкулезом, СПИДом, венерическими заболеваниями, сколько наркоманок и алкоголиков, сколько сидят в тюрьмах, сколько выехало из страны, ушли в преступный мир, какова смертность детей, продолжительность жизни у мужчин и женщин, каков процент разводов, брошенных детей, сколько психически больных (более 300 тысяч), сколько нуждающихся в элементарном жилье и так далее.

Об этом надобно постоянно говорить, дабы знать реальное положение дел, а не убаюкиваться виртуальными сказками, байками и не пребывать в мире грез. Я всегда был и остаюсь сторонником того, чтобы знать то, что есть.

Июль-август 2007 Esquire

ДВЕ СТРУНЫ ОДНОЙ ДОМБРЫ

Начну с признания: в казане казахстанской литературы я варюсь вот уже 44 года. Стойкое ощущение такое: наиболее бурное кипение в том казане — позади, мощный пар из него клубился, пожалуй, в 60-80-е годы прошлого века. Ныне, особенно в годы независимости, мне мерещится явный спад. Внешне все в порядке: газет, журналов, издательств пруд пруди, и книг выходит если не горы, то холмы наверняка, шумные презентации случаются едва ли не повседневно, чаще всего с тоями-банкетами, с пышными речами-тостами, однако казан уже не кипит-бурлит, как прежде, а лишь побулькивает, и над ним жидкой струйкой вьется едва заметный парок.

Былые связи-контакты как-то враз улетучились, что происходит в соседних аулах — почти не ведаем, каждый скачет в одиночку на стригунке, упоенно внушает себе, что он самый-самый, и многие при этом искренне недоумевают: апырай, почему нет в нашем роду-племени ни одного нобелианта. Ведь столько гениев вокруг — уму непостижимо.

И все же казахи говорят: негоже обтирать рот сухой травой, то есть не стоит слишком уж прибедняться.

Вот и у меня спрашивают: что примечательного я узрел в казахстанской литературе последних лет?

Постараюсь посильно ответить.

В казахской литературе бросаются в глаза две струи: казахскоязычная и русскоязычная. Так уж получилось. И особой гармонии-лада между ними я, к сожалению, не вижу. «Чисто» казахские литераторы, справедливо ратуя за все кровно национальное, духовное, традиционное, кондовое, вскормленное поэтическим казахским речестроем и ментальностью предков, все же, на мой взгляд, явно замыкаются в ограниченных рамках,

слишком застряли в прошлом, не чувствуется дерзания, новаторства, рывка, прорыва. Одолевает робость перед современностью, боязнь, приверженность к привычному стандарту, отсюда увлеченность событиями давно минувших дней, многоверстовыми описаниями биев, баев, беков, батыров, которых оказалось уйма в каждом ауле. Разумеется, есть прозаики, которые выламываются из этого ряда, и тут я должен назвать старейшину казахской прозы Абдижамила Нурпеисова, чей роман «Последний долг» снискал известность на разных языках, Мухтара Магауина, все творчество которого (вышло недавно его 13-томное собрание) пронизано казахским духом, колоритом, болью, Дулата Исабекова, увлеченного современной аурой казахов, поиском новых тем и форм в прозе и драматургии, Тынымбая Нурмаганбетова, глубокого знатока аульного быта, последователя майлинской традиции, умело вплетающего в свою прозу юмор, сатиру, актуальные политические мотивы.

В этом ряду следовало бы упомянуть маститого Абиша Кекильбаева, Тулена Абдикова, но, к сожалению, они рано с головой окунулись в политику и смотрят на литературу как на вторую жену-токал, которой заняться всерьез недосуг. Из числа сравнительно молодых считаю нужным назвать здесь философа, эссеиста, романиста Дидара Амантая и прозаика, эссеиста, публициста Айгуль Кемельбаеву.

Чудится, однако, мне: более мобильными, современными, интеллектуальными, владеющими разнообразием, колоритом, технологией письма, видения и выражения, являются все же русскоязычные казахские прозаики. И тут я чуть подробнее остановлюсь на Дюсенбеке Накипове, Аслане Жаксылыкове, Ермеке Турсынове.

В романе Д.Накипова «Круг пепла» причудливо смыкаются реализм и модернизм, круги условного и безусловного, минутного и вечного, совмещаясь в точке совершенства. Все его герои, реальные и выдуманные, мифически-древние и современные, инстинктивно — душой и телом, любовью-страстью стремятся жадно, неизбывно, обреченно из первозданного Хаоса к Гармонии. Роман-симфония, мучительный порыв и прорыв к

совершенству, к таинству мироздания, к идеалу плоти и духа. Это очень современный роман по художественному исполнению.

Трилогия Аслана Жаксылыкова называется «Сны окаянных». Это сага о трагедии казахов, обитающих на древней земле предков, ставшей полигоном ядерных испытаний. Автор прибег к фантастической, мифической, фантасмагорической манере повествования, к масштабной прорисовке своих героев, погруженных в метафизическое мышление, то и дело превращающихся в разных степных зверюшек в результате зловещих экспериментов.

Своеобразным получился ориенталистский орнаментальный роман Ермека Турсынова «Мамлюк». Он замешен на истории и судьбе тюрков-мамлюков, рабов-воинов, на жизни и деяниях мамлюка Бейбарса, правившего Арабским Халифатом семнадцать лет, два месяца и двенадцать дней. Автор объездил не однажды арабские страны, досконально изучил историю и ментальность Востока, проникся ролью мамлюков в причудливой истории XIII века, воссоздал красочные картины той эпохи во всех ее параметрах. Энергичное, короткое, мозаичное, кинематографическое повествование перемежается отрывками из книг пророков, из хадисов Мухаммеда, из священных Библии и Корана. Роман еще не вышел отдельной книгой, я читал русский оригинал и казахский перевод, написал к нему предисловие и знаю, что сейчас его переводят на арабский и английский языки.

Поэзия — в казахской литературе традиционно наиболее развитый жанр. Прекрасными поэтами казахская литература и ныне не оскудела. Вся беда в том, что они не переводятся на другие языки и существуют в локальной среде. Назову несколько ярких имен: Иран-Гаип, Темирхан Медетбек, Болат Шарахымбай, Есенбай Дуйсенбайулы. В их стихах бьется пульс нашего сложного времени. Стихи их упруги, мускулисты, ассоциативны, актуальны, строптивы, гражданственны.

Критика, пожалуй, самое слабое звено в казахстанской литературе. Верны избранной стезе Сайлаубек Жумабек, Шериаздан Елеукенов, Амангельды Кеншиликулы, Владислав Владимиров, Виктор Бадиков.

Особняком стоят признанные интеллектуалы, культу-

рологи, философы, «многостаночники» Мурат Ауэзов и Ауэзхан Кодар.

Из представителей национальных литератур в нашей республике отмечу корейца Лаврентия Сона, русскую Ольгу Шиленко, немку Елену Зейферт. Их читают, их знают, о них говорят. Они активисты литературного процесса.

Как видите, вместительный казахский казан не опустел и огонь под таганом-треногой не угас. Казахскоязычная и русскоязычная литературы в Казахстане — две струны одной домбры. И хотелось бы, чтобы две ветви одного дерева, две струи одного источника теснее сплелись, слились в постижении вожделенной гармонии.

«Дружба народов», № 6/07

ТАКИЕ СЕРЫЕ, ОДИНАКОВЫЕ...

Когда я в какой-то мере овладел латиницей и кириллицей и начал уже подумывать о школе, разразилась Вторая мировая война, и нас, поволжских немцев, депортировали в Сибирь и Казахстан. С родителями я очутился в глухом ауле на берегу Есиля. Трудно было всем. А аульным сорванцам совершенно нечего было читать. С Волги отец прихватил несколько медицинских книг, справочников, брошюр и среди них изрядно потрепанную, измятую, зачитанную до дыр книжку «Синопа — маленький индеец». Помню автора — Джеймс Шульц. Экзотический Синопа стал моим надежным другом в заснеженном, холодном и голодном ауле. С ним я не расставался лет до двенадцати. Потом у аульного кузнеца Жайлаубая выклянчил книгу «Удар и защита» о видах оружия с древних времен до современного танка. Вид у книжки был ужасный: она служила байбише Жайлаубая крышкой для чашки из-под айрана и подставкой под закоптелым заварником. Из аула «Коктерек» отец однажды привез пухлый том казахских стихов. Начальные страницы были вырваны. Позже смекнул, что то был Джамбул, набранный латиницей. Других книг не было. Случалось, украдкой пробирался в медпункт, которым заведовал отец, и читал «Женские болезни» с рисунками. Зря, конечно. Слишком рано отравился женским вопросом. Какие-то книжки появились в ауле в 1947-1950 х годах. Многих зарубежных классиков детской литературы я узнал по казахским переводам.

А вот когда подрастала моя дочь, детская литература достигла расцвета. Каких только не было дивных авторов, книжек, серий! И все доступные, дешевые. А. Барто, С. Маршак, К. Чуковский, С. Михалков, В. Бианки, М. Прилежаева. Н. Носов...

Читали мы с дочкой упоенно, каждый день, с восторгом, с потрясением. Я читал, а Ирина повторяла наизусть каждое слово. Неполных шести лет и она выучилась читать. И мы были счастливы. Чтение радовало, просвещало, воспитывало, вдохновляло, развивало, дарило надежду, облагораживало душу, сердце, ум, личность. Потом пристрастился к чтению мой ташкентский племянник Артур. И он вырос на русских классиках детской литературы. А вот детские переводные произведения казахских и узбекских писателей оставляли его равнодушным. Еще до школы Артура интересовали рассказы Толстого, Чехова. Горького. Теперь он живет в Германии, стал серьезным юношей, часами просиживает в Интернете.

В который раз пошел по этому классическому кругу детской литературы с московским внуком Севушкой. О, сколько у него было нарядных книжек! Какой это был праздник — читать сказки Пушкина. Чуковского, стихи Лермонтова! У моего внука зажигались глаза. Вскоре Севушка пошел в школу и желание читать как-то сразу отпало. Он с головой ушел в компьютерные игры. И мне было невдомек, что он находил в дурацких страшилках и в драках компьютерных уродцев.

Теперь уже и у моего внука дочь. Будет ли она со временем любить книги? Каких писателей? Сие мне неведомо.

Мои компаньоны по прогулкам у памятника Чокана все жалуются: внуки и правнуки перестали читать, книг в руки не берут, у них иные интересы, иные забавы, иные понятия и представления о жизни. За последние 10-15 лет я не видел на скамейках «нашей» аллеи ни одного мальчишки, ни одной девчонки с книжкой в руках. В лучшем случае разглядывают картинки на мобильниках и дурашливо похохатывают.

Что происходит в современной детской литературе? Что издают? Кто пишет? Как? Для кого?

Удручающая картина! Былых корифеев нет. И прежние серии исчезли. Авторы 30-40-летней давности нынешнюю детвору не трогают. Издатели растерялись. Книжки неимоверно дороги. Коммерционализация литературы

детей отпугнула. И помимо чтения соблазнов много. Кого читают? Зачем? Ради чего? Дети видят: и родители вполне обходятся без книги. Дедушки шуршат газетами. Искривились пути-дорожки. Что делать Мухе-Цокотухе на базаре? И кроха-сын уже не обращается к отцу с вопросом: «Что такое хорошо? И что такое плохо?». Ответы он раздобыл в своем компьютере. Новые и чаще всего сомнительные приоритеты вытеснили из современного сознания детскую литературу. А без нее, без чтения мне трудно представить детский мир и вообще наше будущее. Отлученные от хороших книг дети ущербны. Мы совсем упустили эту сторону гражданского воспитания. И последствия наверняка будут уродливыми.

Сентябрь 2007 Esquire

ПОСЛОВИЦА НЕ ДАРОМ МОЛВИТСЯ

Осенью 1941 года неполных семи лет я очутился в казахском ауле на берегу Есиля. Постоянно общаясь с казахскими сверстниками, понемногу вникая в суть казахского речестроя, я вскоре смекнул, что казахи по любому поводу искусно украшают свою речь меткими пословицами и поговорками. Аулчане знали их великое множество, неизменно пересыпали ими даже обыденный разговор, и пословицы эти поражали своим глубинным смыслом, образностью, игрой слов, фонетическим созвучием, лапидарностью, точностью, мудростью, многозначным подтекстом. Они легко запоминались и постоянно «вертелись» на кончике языка.

Учеником 7-8 классов аульной школы я стал их записывать в тетрадку, но вскоре забросил это занятие: во-первых, пословиц у казахов оказалось столько, что никаких тетрадей не хватило бы, во-вторых, выяснилось, что их собирали мудрые люди и до меня; в-третьих, со временем убедился, что пословиц безбрежное море, неисчерпаемый кладезь и у других народов.

В самом деле. Русские говорят:

От пословицы не уйдешь. Пословицами на базаре не торгуют. Пословицу на кривой не объедешь. На пословицу ни суда, ни расправы. Старая пословица вовек не сломится. Без пословицы не проживешь...

И т.д.

Казахи вторят:

Пословица — краса речения. Хорошее слово — душе опора. Глаза украшают лицо, слово украшает уста. Язык осилит то, что слон не осилит. Доброе слово — половина блага.

Кочевник-казах обожал яркое, образное речение.

Подобных примеров найдете вдосталь и у немцев, и у узбеков, и у африканцев, и у евреев. У всех.

Любопытно, что одна и та же сентенция обретает у разных народов разную форму выражения. Вот какой пример приводит Гиви Гачечиладзе:

«Благослови брод, выйдя из него» (груз.)

«Не говори «гоп», пока не выйдешь из леса» (англ.)

«Не празднуй победы без боя» (франц.)

«Не хвали дня, пока не наступит ночь» (нем.)

«Не говори «четыре», пока орех не в мешке» (итал.)

«Не кончил дела, не хвастай» (испан.)

Казахи в таких случаях выражаются так: «Не лакомься молозивом яловой телки».

Разная ментальность, а суть одна, не так ли?

Подбирать адекваты к пословицам из других языков — занимательное и поучительное занятие. Переводить пословицы адекватно, т.е. сохраняя смысл и форму, — крайне трудно. Зачастую — невозможно. Чем-то обычно приходится жертвовать: или смыслом, или формой. И то, и другое — потеря.

Проиллюстрирую эту мысль двумя примерами. Казахи говорят: «Таз таранғанша той тарқар». Буквально: «Плешивый расчешется — той кончится». Но обратите внимание на аллитерационный ряд в оригинале — т — т — т — т. Как это передать по-русски? Блистательно с этим справился поэт Музафар Алимбаев: «Пока плешивый причешется — пир пройдет». Как играют пять «п» в пяти словах!

Или: «Қара арғымақ арыса, қарға адым мұң болар». Смысл: «Когда черный скакун отощает, ему и расстояние в вороний шаг печалью станет». Но как это передать фонетически точно, чтобы играли все эти «ар-ар-ар-ар-ар»? Бахытжану Момышулы это удалось: «Одряхлел вороной — вороний шаг верстой покажется». Обратите внимание на перекличку слога «вор-вор-вер». Это находка переводчика.

Обо всем этом (и о многом другом) подумалось при чтении «Казахских пословиц и поговорок», собранных и переведенных на русский язык известным журналистом Мадатом Аккозиным. Он увлечен этим благородным делом уже давно. Первое подобное издание он осуществил более 30 лет назад. Потом трижды издавал на казахском и

русском языках. Книга, о которой веду речь, увидела свет в 2005 году тиражом в две тысячи экземпляров. Ныне ее днем с огнем не сыщешь. Теперь автор вознамерился переиздать свой труд. Составитель и переводчик книги расположил казахские пословицы и поговорки на пятьдесят тем и перевел параллельно на русский язык, стремясь это делать адекватно по форме и по содержанию, т.е. посильно сохраняя лапидарность, упругость, игру слов, рифмовку, синтаксический параллелизм, аллитерацию, ассонанс и прочие языковые тонкости. На этом пути у Мадата Аккозина немало удач.

Вероятно, с иными переводческими вариантами можно и поспорить.

Я сердечно приветствую переиздание этой ценной книги и уверен, что она вызовет заслуженный интерес у казахского читателя.

«Казахские пословицы и поговорки»,
Алматыкітап, 2007.

ИСПОВЕДЬ ВЕТЕРАНА – «АФГАНЦА»

Его привел ко мне знакомый тележурналист. Броская внешность гостя сразу же расположила к себе. Плотный, крупноголовый, крутогрудый, спортивно-подтянутый, спокойно-уверенный, внушительно-ладный. Подумалось невольно: «О! Непростой казах. Видный джигит!» И еще поразил взгляд: задумчивый, глубокий, с печалинкой, с затаенной болью. Глаза человека бывалого, испытавшего красноглазого лиха.

Пройдя в кабинет, он вручил мне свою только что увидевшую свет книгу «Мен көрген соғыс» (буквально: «Война, которую я видел». По смыслу — «Моя война»). Представился: «Бакытбек Смагул».

И меня осенило: да я же кое-что о нем знаю. Читал его интервью в «Жас Алаше» и фрагмент из его книги.

Крепкое рукопожатие. Приятная, беглая казахская речь. «Откуда родом?» — спросил я по казахской привычке. «Из Кызылорды», — последовал ответ.

Так состоялось наше знакомство.

Побыли гости у меня недолго: куда-то спешили.

Вечером полистал книжку, рассмотрел фотографии: Президент страны и прославленный генерал, герой-«афганец» Б. Ертаев, ветеран афганской войны Бакытбек Смагул, он же с И. Тасмагамбетовым, с Халық қаһарманы, легендарным партизаном К. Кайсеновым, с сыном полководца Б. Момышулы, с Героем Советского Союза, генералом армии С. Нурмаганбетовым, с генерал-майором М. Калматаевым, с генералом А. Ерниязовым, с писателями, поэтами, журналистами, общественными деятелями.

Вот он какой, мой новый знакомец Бакытбек Смагул!

Книгу его прочитал на другой же день, отложив все запланированные дела.

Бесспорно: Бакытбек написал честную, искреннюю, полезную, поучительную книгу. Это исповедь воина, гражданина, патриота, человека, видевшего кровь и смерть на ратном поле, в отчаянной схватке с душманами, единственно уцелевшего из целой роты. Он ничего не выдумывает, не приукрашивает, не приноравливается к идеологическому клише. Не лозунгует, не политиканствует.

А исподволь внушает высокие нравственные истины, патриотические чувства. И в этом я вижу главное достоинство его книги, ее значимость и сверхзадачу.

В Афганистане Бакытбек воевал два с половиной года. В чине сержанта. Командовал взводом. Он достоверно повествует о том, чему сам был свидетелем, ибо не служил в штабе, не знался с высокими чинами, честно выполнял задания и приказы на передовой, в политические мотивы и идеологические установки той странной и, должно быть, несправедливой войны особенно не вникал, хотя многое узнал, понял, осмыслил позже, а разные сомнения грызли его и тогда в пекле кровавой бойни. В своей книге Бакытбек Смагул нередко размышляет, приводит конкретные данные, цифры, мнения, высказывания, сопоставляет, анализирует, сравнивает, но главным образом рассказывает о событиях-переплетах, о боях-сражениях, об испытаниях в чужой стране, о своих боевых товарищах, о мужестве, выносливости, храбрости, достоинстве соратников-бойцов, о чести и подлости, о коварстве и низостях, без чего не обходится ни одна война. Бакытбек особенно подчеркивает, что казахи на той войне показали себя честными и бесстрашными воинами, достойно выполняли свой долг, не прятались, не отлынивали от опасных поручений, высоко чтили честь и память беззаветных предков-батыров. Он озабочен патриотическим воспитанием подрастающего поколения, постоянно ссылается на историю, на литературу, на примеры деяний героических предков. Он справедливо полагает, что ратный опыт «афганцев» (а их только в Казахстане ныне, оказывается, 18 тыс. человек) не востребован, они предоставлены самим себе, в отношении к ним нередко бытует обывательский взгляд, предвзятое

суждение. Слишком много искалеченных судеб. Вот об этом и пишет славный казахский воин в своей книге, памятуя о погибших товарищах, напоминая о тех страшных страницах истории, взывая к справедливости и милосердию. Вот почему он является заместителем председателя сообщества «Ветераны Казахстана», ставя во главе угла своей повседневной деятельности воспитание патриотизма среди соотечественников.

Автор пишет также стихи и нередко свое публицистическое и документальное повествование перемежает мужественными поэтическими строками.

Книгу «Мен көрген соғыс» предваряет предисловие народного писателя Казахстана, лауреата Государственной премии республики, ветерана Великой Отечественной войны Азильхана Нуршаихова. Он верно подметил, что книга Бакытбека Смагула всецело построена на судьбах человека. И в этом он видит главную ее ценность.

Суть книги составляет документальное повествование — «Моя война». Вторая часть — речи автора на разных собраниях, в которых красной нитью везде проходит идея патриотизма и верности заветам храбрых предков. Третья часть книги — пространное, исповедальное интервью, данное автором газете «Жас Алаш». Книга вышла в Алматы в 2007 г. при финансовой поддержке Фонда «Сауап» тиражом в 3 тыс. экземпляров в прекрасном оформлении, с фотографиями, в твердом переплете.

Рад, что ознакомился с книгой, побеседовал с интересным автором. Горячо рекомендую эту исповедь воина читателям. Убежден, что она прекрасно прозвучала бы и на русском языке.

«Начнем с понедельника», № 22/07

КАЗПИ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С НАМИ

Ныне «мой» институт называется по-другому, и к этому его названию я никак не могу привыкнуть. Для меня он остается Казахским педагогическим институтом им. Абая — КазПИ.

Я проучился в нем с 1954-го по 1958-й годы. На литфаке. В группе «Б» русско-казахского отделения. По специальности «русский язык и литература в казахских школах» я оказался в числе второго выпуска этой самой группы «Б».

Поступал я трудно. Был такой пакостный период в моей жизни: спецпереселенец, без паспорта, под комендатурой. Именно поэтому годом раньше был исключен из Карагандинского политехнического института. Та же история повторилась и в КазПИ, но заступились добрые люди. О том я обстоятельно поведал в романе «Дом скитальца».

О трудностях студенческих лет распространяться не буду, тем паче, светлого, радостного было неизмеримо больше. Те годы часто вспоминаю во всех подробностях, ибо молодость всегда прекрасна.

В группе нашей поначалу было около тридцати человек, но вскоре часть отсеялась, и закончили учебу 15-17 девушек и пять парней. Из казахских аульных школ было трое (я в том числе), остальные — выпускники русских городских школ.

Учились старательно, честно, прилежно. Все бедствовали. Сплошь безотцовщина. Наиболее благополучный — я. Национальный состав — пестрый: казахи, татары, диковинная помесь тюркских племен, один поволжский немец. Почти все потом работали в школах в разных уголках Казахстана. Почти половина очутилась со временем в Алматы. Ныне, понятно, все пенсионеры. Кое-кто уже обитает в иных пределах...

Разумеется, помню всех. Но упомяну здесь лишь одну сокурсницу — Хисматулину Раю. Щуплая, энергичная, небольшого росточка, театралка, блестящая чтица с отменной дикцией, со взрывным татарским характером. Отец — татарин, погиб в первый же день войны в Брестской крепости. Мать — полумордовка, полуукраинка — прачка, санитарка, одна поднявшая четверых детей. С Раисой Закировной четыре года учились в одной аудитории и супружествуем 49 лет. Она и поныне продолжает увлеченно работать в школе и успешно руководит школьным театром.

Ну, а я ушел в литературу. Перевожу с казахского и немецкого, пишу прозу, эссе, публицистику. Издал немало книг.

И славных наших педагогов, наставников институтских всегда вспоминаю с нежностью и благодарностью. Первыми на память приходят ректор (тогда говорили директор) Малик Габдуллин, проректор Цезарь Фридман, профессор Сарсен Аманжолов, профессор Н.С. Смирнова, доцент Е.И. Ландау, старшие (тогда!) преподаватели С.Ф. Халитова, Д.Н. Николич, Г.Л. Федорова, В.Ф. Белоусова, М.А. Глазман, Х.А. Бекмухамедова — добрая, ласковая, мудрая душа, натаскивавшая нас как щенят, по методике преподавания. В моем человеческом, гражданском, профессиональном становлении они сыграли неоценимую роль. А в 1960-1963 годах я учился в аспирантуре Каз ПИ им. Абая, и моим научным руководителем был милейший, уникальный человек — член Белорусской Академии наук, многосторонний Евгений Исаакович (Иезекиилович) Ривлин. И ему я очень многим обязан. Правда, я не оправдал его доверия: он хотел из меня выпестовать ученого-методиста, а я, так и не защитив диссертации, увлекся литературой.

Конечно, о КазПИ тех времен я могу говорить много и ностальгически восторженно. И все мои воспоминания будут окрашены неизменной любовью, светом и благодарностью.

«Открытая школа», № 11/07
В кн. «Х.А.Бекмухамедова, Влюбленные в профессию», А., 2008

КТО ТАМ ШАГАЕТ ПРАВОЙ?

Я пришел в литературу, когда она была очень и очень востребована. Писателей уважали, ценили, даже боготворили, их читали, ими восхищались, о них повсюду говорили. Главным образом с пиететом. Видеть живых Ауэзова, Муканова, Мусрепова, Мустафина, Жарокова, Аманжолова, Ергалиева, Сарсенбаева было счастьем. Союз писателей был островком свободы, вольнодумства, нестандартного поведения, неординарного поступка, источником новостей и невероятных слухов. Я застал эту ауру, впервые придя в Союз писателей Казахстана в октябре 1963 года.

Постепенно, примерно с начала 90-х годов, престиж литератора стал падать. Слово его потеряло былой вес. А нынче, мнится, писатели и вовсе стали не нужны. Какой с них, в самом деле, навар? Нерыночное племя! Писатели были нужны до поры до времени, пока шла возня (не скажу: борьба) за независимость, за национальные идеалы, за развитие самосознания, за утверждение политической самостоятельности, за обретение политического капитала, за достижение вожделенных целей доморощенных вождей. О, тогда писатель и его слово были нужны! Они будоражили народ, били в колокола и дабылы-барабаны, зажигали сердца, куда-то звали, выражали то, что не в силах были выразить прожженные политики, любители ловить рыбку в мутной воде. Потом надобность в литераторах отпала. Наоборот, они мешали, путались под ногами, говорили не то, что надо, невпопад, не в струю, по причине, должно быть, природного вольнодумства, плели бог весть что. Своим вечным недовольством, дерзостью, своенравием мутили желанную стабильность, привычные и удобные устои, сложившийся порядок.. Ну их, этих рыцарей пера! Только

и горазды доставлять хлопоты. На них и управы зачастую нет.

Так кто же виноват?

С одной стороны, само общество, у которого сменились ориентиры и ценности, а с другой стороны, сами литераторы, которые измельчали, превратились в попрошаек, нищебродов, подхалимов, прислужников власти, флюгеров, христопродавцев, иждивенцев, оторвавшихся от народа, от традиций, от корней, лишившихся гордости и достоинства, гражданского сознания, вмиг оказавшихся на обочине бытия, вечно скулящих по углам, обреченных в эпоху рынка на выживание. Разве народ станет уважать таких — стоящих с протянутой рукой, ни на что неспособных, виляющих хвостом перед дорвавшимися до власти, пробивающихся к государственной кормушке, сочиняющих мадригалы и оды новоявленным нуворишам, заискивающих перед сильными мира сего? О, нет, народ относится к ним с презрением. Говорит: е-е, бишара, бишара, бедолага-сорлыбаюшка. В час испытания оказался не способным даже замолвить словечко о своем униженном, замытаренном народе. Кому он нужен, сочинитель с пустой душой, со своими хилыми, жалкими книжонками? А еще при этом важничает по старой привычке, гонор выказывает, пузырится, надувается, выклянченными регалиями и железками-цацками пыль в глаза пускает, прокисшую лапшу читателям на уши вешает. Тьфу!

Критик Станислав Рассадин в 93-м году напомнил читателям «Литературной газеты», что Ленин в беседе с художником Анненковым, признавшись попутно в своей антипатии к интеллигентам, прямодушно обнажил намерения власти касательно искусства: «Когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык, дзык! вырежем. За ненужностью». Ай, молодец, вождь пролетариата! Правду-матку режет. Ведь лучше не скажешь. Чего уж церемониться? Как надобность отпадает, так — дзык, дзык! — и баста.

Разве не это происходит ныне? Власть предержащим вполне достаточно десятка писателей-аллилуйщиков, дюжины певцов-жарапазаншы, пятерых мазил, столько

же кюйши для славословия и ублажения слуха, ну еще, быть может, пары-тройки мудролюбов-пальсапашы, которые подведут философскую основу существующему правлению. И ладненько. Остальные-то зачем? «Өз күніңді өзің көр!» — выживай как можешь.

Скажете: цинично? Ну и что? Зато реально, оправданно, рыночно. Сделать «секир башка», пожалуй, не стоит, демократия и гуманность не позволяют, но, по ленинскому завету, сделать «дзык, дзык», вероятно, вполне позволительно.

Esquire, июнь 2007

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Несколько дней хожу под впечатлением экономических прогнозов, отвечающих на вопрос: «Каким будет мир через 20 лет?» Материал на эту тему опубликован в газете «Известия» (05.07.07). Проецирует этот вопрос на Россию известный русский профессор-экономист с мировым именем Станислав Михайлович Меньшиков (1927), проживающий сейчас в Голландии. Очень любопытно! В своих прогнозах профессор Меньшиков руководствуется оптимально лучшим вариантом «для того, чтобы показать пределы роста». По его подсчетам, и через 20 лет при всех нынешних темпах экономического роста «Россия не будет в числе главных игроков на мировой арене». И вот что он пишет: «Россия будет отставать. По моим цифрам, предельный, то есть самый верхний прогноз, это 5,5 % от мирового производства. Для неэкономиста, для стороннего наблюдателя это ничего не значит. Но поймите, что это будет раза в 4 меньше, чем Китай, в 3,5 раза меньше, чем Америка, это будет даже меньше, чем Индия. Мы будем на 5-м месте». «Мы» — имеется в виду Россия.

Разумеется, мне даже очень интересно, что будет через 20 лет во всем мире, в России, но я ведь особую слабость питаю к Казахстану, в котором живу 66 лет. Кто из наших доморощенных экономистов доступно, просто и наглядно сможет объяснить мне, что станет с Казахстаном через 20 лет? Конкретно, на научной основе, на фоне мировой экономики, исходя из реальных ресурсов, конъюнктуры, капиталовложений, роста ВВП и прочих экономических показателей. Футурологические потуги наших отечественных публицистов меня не убеждают. Они пишут по наитию, умозрительно, в чью-то угоду, беря цифры с потолка и выдавая желаемое за действительное. Программа 2030 для меня всего лишь

ненаучная фантастика наподобие сказок Шахерезады. Зажигательные спичи-речи временщиков, трескотня официальных газет, показушные одноразовые мероприятия, той-шоу, юбилейные вирши дворцовых акынов, традиционные отчеты акимов и тому подобные спектакли-постановки давно обрыдли и уже совершенно никого не волнуют. Люди хотели бы точно знать:

- что происходит реально;
- что мы имеем;
- на что мы все-таки уповаем в ближайшей перспективе;
- какова доля вины правителей в наших неурядицах;
- в какой степени грешен сам народ;
- где жмет ботинок и в чем вообще дело;
- есть ли опасность экономического кризиса;
- на кого опираться и откуда дует ветер недоброжелательства;
- с кого брать пример;
- какие отрасли экономики развивать в первую очередь;
- сколько еще будем сырьевым придатком;
- что будет, когда исчерпаем сырьевые запасы;
- смиримся ли окончательно с гибелью аула;
- и т.д., и т.п. и пр.

Хотелось бы, чтобы в научное прогнозирование такого рода включились наши отечественные экономисты — образованные, честные, объективные, неангажированные, ответственные, любящие свою страну и ее народ, умеющие считать, исходя из реальных экономических данных, не оглядывающиеся верноподданно на власть предержащих и видящие хотя бы чуть дальше своего носа. Неужели у нас в Казахстане нет таких экономистов-прогнозистов? Неужели это такая непосильная задача? Неужели держать народ в неведении — наша государственная политика? Неужели предосудительно заглядывать чуть-чуть вперед? Неужели истина заключается всего лишь в том, чтобы с надменным безразличием ничего не знать и блуждать в абсолютных потемках?

Ау, экономисты! Отзовитесь!

Esquire, ноябрь 2007

ТАК В ЧЕМ ЖЕ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ КАЗАХСКАЯ ИДЕЯ?

Книгу эту я прочел еще в рукописи. Издатель хотел, чтобы я написал к ней предисловие. Я отказался, дескать, не по моим зубам. О ней, мол, писать сподручнее историку, философу, политологу, а не литератору.

Книга вышла, таким образом, без напутственного слова. Автор, Жанузак Аким, ученый биолог, член-корреспондент и член отечественных и заграничных Академий, награжденный за заслуги в науке медалью Аблай-хана, любезно преподнес мне свой труд, и я, еще раз прочитав его, решился поделиться своими посильными соображениями.

Каково исходное положение автора?

История номадов и их роль в развитии цивилизации человечества до сих пор недостаточно изучены и определены. Не обозначен четко даже методологический подход в этом сложнейшем вопросе. Чаще всего европоцентрийского направления ученые характеризируют исторические племена номадов божьим бичем для наказания западных цивилизаций.

Между тем нельзя относиться к кочевникам как к исключительно темной, разрушительной, военной силе. Нельзя закрывать глаза на мыслителей, поэтов, ученых «мусульманского ренессанса». К тому же в становлении и развитии таких государств, как Шумер, Вавилон, Аккад влияние номад ныне многие ученые и не отрицают.

Так утверждает автор.

Независимый Казахстан не свалился с неба в одночасье. Путь к независимости современного Казахстана был долог и тернист и его необходимо рассматривать в контексте истории тюркской цивилизации.

«Великая степь» — это тюрки, маньчжуры, монголы, угро-финны, обитатели древнего Турана.

В каком направлении будет развиваться суверенный Казахстан? Определить это можно лишь на историческом фоне Туранской цивилизации.

Необходимо найти свое место в процессе современной глобализации.

Потому-то и актуален вопрос: какова национальная идея казахов на современном этапе развития? Необходимо определить духовную стратегию, сформировать национальную элиту и экономическую буржуазию.

Вот в этом суть и пафос книги Жанузака Акима «Казахская идея» («Қазақ идеясы», А., «Өлке», 2006, 230 стр., тираж 1000.)

Для раскрытия главного постулата своего труда автор пошел очень сложным, но единственно верным путем, дотошно исследуя, тщательно рассматривая духовные источники — историю и культурное наследие казахов в контексте ключевых всемирных событий.

Вот эти ступени или этапы прослеживания истории вопроса в изложении автора «Казахской идеи»:

1. Туран или древние тюрки.
2. Великие иозы или царство Кушана.
3. Тюркский каганат.
4. Восточный ренессанс.
5. Великие казахские ханы.
6. На распутье.
7. В деянии — благо.

Автор обстоятельно анализирует такие актуальные, кардинальные проблемы, как язык и мораль, политическая система, религия и искусство, законы и право, образование и наука, экономические приоритеты, организация производства, уроки стратегии, азиатские тигры, сырьевое производство, строительство, финансы. Из этих основополагающих характеристик и вытекает насущная проблема, называемая казахской идеей.

Впечатляет научный аппарат книги — использованная литература: 174 казахских, русских, английских, немецких, тюркских исторических, философских, политических, экономических, культурологических, археологических, филологических, литературоведческих и т. д. источников.

Коллосальный труд!

Названия «Туран», «Туркестан», «Казахстан» автор рассматривает в диалектическом единстве, утверждая, что казахи — часть тюркского сообщества, т.е. исторически и этнически туранцы и тюрки.

Автор, ссылаясь на авторитетные источники, легенды, мифы, предания, восторженно выписывает физические, нравственно-этические особенности и качества благородных тюрков, берущих начало от алтайцев, куда их изначально поселил в знак особой милости Творец-Тэнгри. Древние тюрки поклонялись Небу, Солнцу, Планетам, т.е. Тэнгри, Земле и Воде или Умаю. В представлении того времени (до нашей эры) существовали два мира — Туран и Иран. К туранцам относят все тюркские народы, угро-финнов, японцев, корейцев, маньчжурцев и другие палеазиатские народы.

Автор подробно останавливается на истории Турана, на его племена, на их взаимосвязях, разветвлениях, на том, кто, как, когда и откуда произошел и что по этому поводу говорили Баласагуни, Альфред Вебер, Сыма Цян, Гильом де Рубрук, Кляшторный, Литвинский, Васильев, Аль-Джахид и прочие знатоки гуннов.

Признаюсь: я в этих лабиринтах истории плутаю безнадежно, хотя доводилось на моем веку о том не однажды читать и, слушать вдохновенные импровизации моих друзей М.Дуйсенова, М.Симашко, А.Кекилбаева, А.Сейдимбека, следовательно, какие-то разрозненные представления в моем сознании угнездились. Читая Жанузака Акима, я обрел хоть и зыбкие, но более четкие, систематические познания. Конечно, любой грамотный человек, гражданин свободной страны должен в этих вопросах хоть в какой-то степени разбираться. Ведь и казахи откуда-то произошли, и Казахстан возник не на пустом месте. Во всем присутствуют историческая закономерность и логика.

Пожалуй, не совсем уместно в рецензии подробно излагать все суждения автора по обозначенным выше главам. Не стану вдаваться и в долгий исторический экскурс от доисторических времен протоказахов до нынешних дней. Ограничусь некоторыми мыслями автора особенно близкой мне, литератору, подглавки «Язык и

мораль». Здесь автор касается весьма животрепещущей темы. Лишь имея свой язык, народ в состоянии формироваться как нация. Нация без языка — толпа. Так резонно полагает автор. Изъяны современного казахского общества он видит в том, что грядущее поколение мы оказались бессильны обучить материнскому языку и добрым дедовским традициям. Оборвалась связь поколений. Автор ссылается на известные нравственные постулаты Бухара-жырау, Асана-Печальника, Абая, упрекая своих соплеменников в потере двух достоинств: управление народом и национальная честь (намыс). Он с горечью констатирует: подавляющая часть казахской молодежи, оканчивая школы и университеты за последние пятнадцать лет, не владеет родным языком и обучить ее ему не способны ни родительский дом, ни учебные заведения, ни общество. Такова общая печальная тенденция. Между тем проблема языка — основополагающая среди всех остальных: искусства, религии, науки, философии, права, морали, экономики.

По автору, лишь оберегая и развивая родной язык, можно добиться процветания всех остальных языков Казахстана. Иначе могут отмереть языки малых народов. Возрождение и развитие родного (т.е. казахского) языка — главная опора казахской идеи. Сохранение и знание материнского языка — гарантия национальной морали. Автор страстно утверждает этот тезис, подкрепляя свои раздумья ссылками на Гете, Иоанна Павла II, А.Гумбольда. Объединить многонациональный народ Казахстана, полагает автор, можно только на основе государственного языка. Все посылы данной подглавки мне по душе. Нет у меня принципиальных возражений и по рассуждениям Жанузака Акима относительно религии, искусства, правоведения, образования и науки. Настораживает лишь иногда явная перегруженность цитатами. Ими, думаю, излишне нашпигована книга. Мне они порой мешали воспринять адекватно сугубо авторские идеи.

Повторяю, внимательно прочитав «Қазақ идеясы», я в какой-то мере обогатил свои скудные познания в истории тюркской цивилизации. Понял, что методологически автор совершенно прав, рассмотрев насущную проб-

лему казахской национальной идеи со всех сторон в историческом, культурологическом, эволюционном контексте.

Познавательность и фактологическая насыщенность книги, по-моему, бесспорна. На эту тему в последнее время мне довелось читать немало пространных журнальных и газетных публикаций. И всё же... всё же должен честно признаться, что никак не в состоянии вычленить из всего этого многообразия мнений и умствований конкретную суть, то, что казахи называют «колға ұстатқандай». Думаю, что и рядовой многонациональный казахстанский читатель жаждет знать абсолютно четко, в чем же заключается казахская идея на современном этапе.

Читал я как-то про то, как Наполеон, вступив в Германию, встретился с одним популярным немецким философом (запамятовал кто) и, представив ему уединенную комнату, попросил его в течении двух часов на двух страницах изложить суть своей философской системы. Разумеется, я еще не Наполеон, но иногда и мне хотелось бы, чтобы наши доморощенные азаматы-мудрецы очень просто и доступно растолковали мне по пунктам, что казахская идея — это... И дальше шли бы отточенные до афористического блеска несколько запоминающихся фраз, после которых я, почесав затылок, сказал бы сам себе: «Е-е... вот оно что! Теперь я—таки уразумел, что такое казахская идея. Оказывается, необходимая вещь для казахстанского общества».

Четкой, точной формулировки, выраженной в конкретных словах-понятиях, я до сих пор не встретил. Знаю и про Туран, и про Иран, и про великих номадов, про гуннов, кипчаков, про Аттилу и Аджи, про Гумилева и про голубых тюрков, про Тэнгри и Акселеу, про казахских ханов, про Есенберлина и Магауина, про восточный ренессанс, про трудный путь обретения независимости, про ... о, Аллах, что я только не знаю и о ком и о чем только не читал, а вот, надо же!, конкретно и вразумительно что такое казахская идея в преломлении к нашей сегодняшней реальности, до сих пор уразуметь не могу. Только смутно чувствую, догадываюсь. И, Творец свидетель, я не один такой недотепа.

А автору «Қазақ идеясы» я благодарен за то, что он написал такую книгу, что на пути создания ее перелопатил Монблан серьезной литературы, что поделился своими рассуждениями об этом архиважной теме и искренне полагаю, что его книгу необходимо перевести на русский язык, дабы большее количество читателей всерьез задумалось об актуальности и основополагающей значимости проблемы национальной идеи в Казахстане.

Предисловие к кн. Ж.Акима
«Түркі өркениеті негізіндегі қазақ идеясы»,
Өлке, 2007, с. 3-10.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

«Что русскому хорошо, то немцу — смерть», — гласит народная мудрость. И в самом деле: по ментальности нет более разных народов, чем русские и немцы. В корне. По природе. Генетически. Парадокс: при всей такой разности — в быту, культуре, поведении, «духоустройстве» — неистребимая тяга их друг к другу берет начало в IX-X веках и продолжается по сей день. О том говорят многочисленные исторические документы, исследования и разнообразные свидетельства.

Калмухан Исабаев рассказывал мне легенду, услышанную им в Германии в 1945 году от одного старого немца. Якобы в глубокой-глубокой древности у отца было два сына. Одного звали Прусс, другого — Рус. От Прусса пошли немцы, от Руса — русские. Братья то дружили, то враждовали, постоянно боролись за жизненное пространство. Однако друг без друга никак не могли обойтись. И их потомки теперь навеки обречены на такую своеобразную дружбу-вражду. Такие же мотивы звучат и в произведениях русских классиков — то легкая насмешка над немцами, то зубоскальство, то ехидство, то подчеркнутое неприятие всего немецкого. Почитайте Пушкина, Толстого, Гоголя, Лескова, Достоевского и многих других. Тема этнического несоответствия всегда присутствовала в их книгах.

Еще раз подумалось об этом, когда прочитал любопытный материал Гузель Агишевой в газете «Известия» от 02.08.07. Статья озаглавлена: «Что русскому Обломов, то немцу — Штольц». Публикация объективная, доброжелательная, построенная на конкретных фактах и четко раскрывающая этническую несхожесть двух народов. В конце статьи приведены любопытные данные о «десяти хороших вещах, которые немцу — смерть». Вот

они, эти десять вещей, абсолютно противопоказанные любому немцу:

1. Квас вместо пива.
2. Веник и русская баня вместо сауны.
3. Гарнир из гречки вместо капусты.
4. Семечки вместо орешков.
5. Старый Новый год вместо Рождества.
6. Рассол вместо аспирина.
7. Портянки вместо носков.
8. Обычная авоська вместо пакета из супермаркета.
9. Ушанка вместо капюшона.
10. Крашение яиц луковой шелухой, а не специальными пасхальными красками.

Понятно — это бытовой ряд с юмористическим оттенком. На самом же деле, различия в психологическом, нравственном, бытовом, мировоззренческом и прочих рядах колоссальны. И действительно их передать можно лишь в обстоятельном исследовании с привлечением Монблана фактов.

Несомненно, многие исконно немецкие черты в русских немцах сильно видоизменились, выправились под воздействием русской среды, русского окружения, русской ментальности. Это произошло всего-то за два-три иска. Но все же элементы «немецкости» каким-то образом проявляются даже под мощным инонациональным, иноязычным прессом. Полностью удалиться от своих первородных национальных корней возможно, пожалуй, лишь в десятом-пятнадцатом поколении.

На основании чего я все это говорю? Мой дальний предок Андреас Бельгер прибыл в Россию из Заксен-Анхальта в сорокалетнем возрасте в 1767 году. Вообразите, сколько прошло лет, сколько сменилось поколений, какие бури пронеслись над миром в целом и над нашей страной в частности, какие потрясения испытали многочисленные потомки того земледельца Андреаса Бельгера и его жены Луизы. А уклад жизни в немецких колониях Поволжья стойко сохранялся вплоть до 1941 года, когда была ликвидирована немецкая автономия на Волге.

Я еще застал родительское село Мангайм, живал у бабушки и у дядьев, во мне крепко сидит память о

том времени и о тех местах — Энгельс, Зихельберг, Гнаденфлюр, я описывал все это в своем романе «Дом скитальца».

Быт, нравы, дух, ментальность и культура предков глубоко укоренились в душах тех немцев. Они пережили депортацию, трудовую армию, тяжкие испытания, новый непривычный уклад жизни, окружение, иноязычие, но в родительском доме дивным образом сохранилась та самая особенная аура. Ее дух я чувствовал и на берегу Ишима в Казахстане, и на берегу Карасу в Узбекистане — там, где жили мои отец, мать, сестры, зятья и племянники.

Сам я представитель седьмого поколения того самого Андреаса Бельгера, о котором говорилось выше. У меня уже есть правнучка, а родные мои теперь обитают во многих странах постсоветского пространства и в Германии, причудливо смешавшись с разнообразными другими народами. Однако и по сей день элементы этнического происхождения нет-нет да проявляются в них.

Я с семи лет рос в казахском ауле. Уже 66 лет бытую в казахской среде и заметно «оказахован» так же, как обрусели многие мои соплеменники. Но я знаю, что годы не совсем вытравили из меня «немецкость», которая постоянно дает о себе знать, — сердце мое, душа моя чутко отзываются на все родное, немецкое. Те немецкие «нити» — аккуратность и дотошность, методичность и тяга к твердому порядку, ответственность и упорство, терпение, разумная расчетливость и трезвость — тянутся бог весть с каких времен. Эти качества и поныне живут во мне, в моих сестрах, дочери, племянниках и внуке.

И в этом и заключается феномен национальной ментальности, стойкого неискоренимого национального гена, о чем напомнила мне та статья в «Известиях». И, я думаю, прекрасно, что такой феномен существует. Ведь никогда не стоит особенно стремиться к глобальной нивелировке.

Esquire, апрель 2008

ПОЛИТИКИ НЕ УМЕЮТ ГОВОРИТЬ

Прекрасный немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Генрих Бёлль в своих знаменитых «Французских лекциях» говорил: «Я исхожу из убеждения, что человека делают человеком язык, любовь, сопричастность. Это они связуют его с самим собой, с другими людьми, с богом — монолог, диалог, молитва».

И вот я думаю о казахстанских чиновниках разного ранга. Слушаю, как говорят депутаты (Господи, какие же они в большинстве несчастные люди, не осознающие свое несчастье!), члены правительства, чиновники из президентской администрации.

Опять-таки многие из них не в состоянии монологизировать; они косноязычат на казенном, суконном, деревянном русском языке. Диалог у них тоже не получается, ибо один с горем пополам говорит по-казахски, десятеро по-русски. Объяснения происходят на разных волнах. А уж о молитве и говорить нечего. В лучшем случае молитва казаха абракадабра из непонятных арабских слов. Ведь по-настоящему молиться можно только на родном языке. Значит, о каком единении, единстве можно говорить, если народ лишен возможности монологизировать на родном языке, вести разумный диалог и молиться от души, от сердца? Не получится! И уж, конечно, нефть, доллар, рынок, нажива никак не объединяют народ, а скорее разъединяют. И потому мне порой чудится, что перспективы Казахстана (и особенно казахов) по этой части сомнительны или, по крайней мере, невелики. Азаматы типа Мухтара Шаханова или Мухтара Магауина это великолепно и тонко чувствуют. Первый бьет во все колокола, дабылы и барабаны тщетно пытаясь разбудить казахов, уповая исключительно на материнский язык, второй постоянно взывая к национальным истокам,

похоже, устал, разочаровался, переживает то, что пережил на склоне жизни Абай.

Я это прекрасно осознаю и сочувствую его горю. Нечто похожее переживали в России, в Советском Союзе мои сокровники — руссланддойче. И то, что они в массовом порядке эмигрировали на свою историческую родину, вероятно, спасение национальной души. Спасение ценой страшных потерь и тяжелых моральных испытаний.

А в чем же спасение казахов? Они ведь веками живут на исторической родине. И деваться им некуда. Их спасение в одном: в сплочении, единении вокруг материнского языка. Все остальное самообман, ведущий к гибели.

Эту простую истину власть так называемой независимой страны либо не понимает, либо сознательно отмахивается от нее, ведя народ по заведомо ложному пути, отвлекая его на всякую мишуру. Этот лепет слушать иногда просто стыдно.

Тот же Генрих Бёлль говорил: «Чем менее ограничена власть, тем более бессодержателен ее словарь: слов много, а смысла нет». И еще: «Политики не умеют говорить, либо говорят впустую».

Мы убеждаемся в этом постоянно — когда по телевидению косноязычат представители власти. И в который раз — когда в пору очередной предвыборной кампании на экране появляется кто-нибудь из ведущей партии. Я всегда обливаюсь потом, слушая наших высокопоставленных политиков, жующих заурядную банальность на заемном языке. Иноязычная постная жвачка выражает лишь скудоумие.

Esquire, февраль 2008

КАЗАХСКИЙ ПЛЕННИК

Русская классическая литература знает нескольких «кавказских пленников». Я же хочу поведать о казахском пленнике. Казахский пленник — это я. Добровольный. Правда, первоначально я очутился в казахском ауле на берегу Есиля отнюдь не по своей воле, а по державному указу о переселении немцев Поволжья осенью 41 года. Потом этот плен определил мою судьбу, смысл и содержание всей моей жизни и ее значимость, если таковая в ней есть. Я оказался в плену казахской речи, казахского менталитета, обычаев и нравов, казахских кюев, в стихии добродушных и простодушных степняков. И я чувствую себя вполне уютно в казахской ауре, в казахском плену.

Это серьезно. Но есть еще и шутливая ее сторона. Когда дочери писателя Абдижамила Нурпеисова были маленькими, они все допытывались у меня (я в этой семье неделями живал: переводил «Кровь и пот»), каким образом я — немец попал в Казахстан. И я им увлеченно рассказывал байку, будто их отец в войну взял меня в плен. Дескать, лежали мы в окопах Курляндии, нацелив друг на друга автоматы. Я кричал: «Эй, киргиз, хенде хох!» А он, чуть-чуть высунув из-за бруствера голову, жестом приглашал к себе: «Эй, немыс, бері кел!». Мне послышалось: «Эй, Бельгер!». Страшно удивился: откуда этот киргиз знает мою фамилию?! Что есть такой народ — казахи, — я тогда и слыхом не слыхивал. А отец ваш настойчиво зовет: «Бері кел! Бері кел!». И командир мой, унтербанфюрер, говорит: «Слышь, этот монгол не говорит «әрі кет!», а зовет: «бері кел!» Сходи спроси, что он хочет. Может, казы получил из аула и поделиться желает». Я крикнул: «Нихьт шизен!», не стреляй, мол. И пополз к нему. «Ассалаумагалейкум!»

— говорю. А он отвечает: «Котен так!». «Ия, зачем звал?» — «После войны, — отвечает плосколицый рыжеватый монгол, — я напишу большой роман «Кровь и пот». И мне нужен переводчик. Давай, возьму тебя в плен, увезу на Аральское море, в аул Куланды, буду кормить осетриной и поить шубатом. Договорились? По рукам?» — «А что начальник скажет?» — «Какой начальник?» — «Ну, этот... ефрейтор с усиками». «Ай, — отвечает ваш папа. — Гитлер капут. Ты только ему не говори. А со Сталиным договорюсь». Я подумал-подумал и сказал: «Ну, ладно. А сколько заплатишь за печатный лист?» Ваш папа замялся. Что такое печатный лист, он тогда не знал. Он только уверял меня, что писателем будет большим, а роман толстый, в три пальца, а может, в четыре. «Э, говорит, твой труд оценю щедро. Дам дойную верблюдицу, два барана, мешок риса, ковер-алаша и кызымку в придачу. «Кызымка вас ист дас?» — спрашиваю. «Кызымка, — отвечает ваш папа, — молоденькая киндермадам». Я опять подумал и согласился. «Бог с тобой, монгол. Бери меня в плен». «Я не монгол, — говорит ваш папа. — Я казах». «Но, — осенило меня. — Я ведь по-казахски ни бе, ни мэ». «Ничего, научу». Вот так я и оказался в Казахстане. Выучил язык и перевожу, перевожу, перевожу. А нет ни верблюдицы, ни баранов, ни кызымки...

Столько крови и пота пролил — ужас! Больше, чем на фронте. У девочек Абдижамила округлялись глаза: «Как интересно!» А автор «Крови и пота» и его жена, слушая эту байку, хохотали от души. Так родилась легенда.

А вот и другой ее вариант. Советский комендант германского городка, будущий писатель Калмухан Исабаев, будто встретил меня на воскресной прогулке возле охотничьего домика на Кикельхан, на двери которого Гете начертил бессмертные строки «Ночной песни странника». Калмухан спросил: «Ты Гете знаешь?» — «Слышал». «А Абая знаешь?» — «Нет», — растерялся я. «Абай — казахский Гете. Мой земляк, — пояснил Калмухан. — Давай я возьму тебя в плен». «Зачем?» — «Я буду о Гете писать, а ты об Абае». С этим я и очутился в Казахстане. Калмухан привел меня, «пленника», в Союз писателей

Казахстана. Воины-писатели приняли меня хорошо. И за прошедшие с той поры годы хлопотами Калмухана в трех казахстанских городах — Алматы, Семипалатинске и Абае появились улицы Гете, а в Берлине, с недавних пор, — улица Абая. А я написал об Абае четыре книжки и шесть составил. Одна из них, не единожды переизданная, так и называется «Гете и Абай». Нет, нет, казахский «плен» для меня оказался благодатным.

Esquire, №6/2008

О, КАЗАХИ МОИ!..

Многозначное восклицание это принадлежит вообще-то Олжасу Сулейменову. Но я шестьдесят седьмой год живу среди казахов, вырос в ауле, окончил казахскую среднюю школу, вращаюсь в казахской литературе, в сильной степени оказахован и никак не меньше казах, чем Олжас, а потому имею право говорить высоко и торжественно: «О, казахи мои!..» Даже замшелый национал-патриот, надеюсь, этого права меня не лишит. Так позвольте сказать несколько слов о казахской ментальности на мой взгляд, с моей колокольни.

Казахи склонны к шумным, многолюдным тоям. По любому поводу казах затевает пиршество. Богатое или не очень — по обстоятельствам. Но непременно от души, щедро, с размахом. И казах поелику возможно старается не пропускать ни одного тоя. Обязательно идет, куда приглашают. Иногда пойдет и без приглашения, ибо знает: никто не осудит. Той есть той. Разделить чью-либо радость никогда не помеха. Казах любому гостю рад. Не откажется казах и от сорокадневного тоя. О том красочно говорится в эпических дастанах. Казах на тое пирует от души: естпьет, поет-веселится, говорит длинные витиеватые тосты, совершая экскурсы во времена не только батыров, беков, биев прошлых столетий, но добираясь до времен Адама и Евы, которых он воспринимает как дальних родичей. Сидеть за обильным дастарханом пять-семь часов для казаха и ныне норма. На той никакого времени не жалко. У казаха в запасе вечность. Не жалко и здоровья, хотя оно и у казаха не железное.

На той спешат все — и немощные старики, и несмышленые дети, и честолюбивые джигиты, и добропорядочные молодки-келиншеки. По казахской поговорке, и черепок на той катится.

«Хорошо это или плохо? — задавался, бывало, я вопросом. Достоинство или недостаток?» И пришел к однозначному выводу: хорошо! И, конечно, достоинство, заповеданное и освященное предками.

Казах не любит одиночества. Одиночество свойственно лишь Творцу-Создателю. Казаху в беспредельной степи скучно. Он по натуре человек любопытный и компанейский. Любит общаться, говорить, песни петь, на домбре и кобызе играть, радоваться, жен, детей любить, делиться всем с ближним. Он найдет способ, чтобы быть вместе. А вместе — весело, интересно. И в этом заключается жизнелюбие и жизнестойкость казаха. Он, прежде всего, не индивидуалист, как человек Запада. И в этом сила и притягательность казаха. Правда, из-за этого своеобычия он рискует отстать от кочевья времени. Ну и пусть! У времени в плену те, кто спешит, торопится. А спешить-то куда? Спешка —шайтаново дело. Для работы достаточно человеческого времени. Пусть немцы работают. У них о времени другое понятие. Казах вполне довольствуется божьим временем. И этим надо дорожить. Казах это инстинктивно сознает, и он прав! Ей-ей прав! И потому пусть тоев будет много-много! И пусть за тоем тянется той — самое благое пожелание. И на этом человеческом пиру казах вечен. Да будет так!

...И вот еще один штришок в тему. У поэта Аманхана день рождения. Звоню ему домой, чтобы поздравить. А он, оказывается, по такому поводу никакой радости не испытывает. Говорит: «Мне же не пятнадцать, не двадцать лет, а — представьте! — пятьдесят шесть». Человеку к смерти следует готовиться, а не радоваться по поводу того, что он к ней приблизился. Надо, чтобы с возрастом человек и не знал, и не ведал о своем дне рождения. Аллах знает — и ладно. Это его прерогатива. Человек — временный гость на земле. И ему вовсе не положено знать, когда родился, когда умрет. Не его это забота. Такую же мысль высказал мне на прогулке и литературовед Есенгельды. Это, мол, иностранцы: немцы, французы, англичане разные, а за ними и русские — придумали дни своего рождения отмечать. А казахи, особенно городские, так всегда подражают. «Я, — говорит Есенгельды, не то что день, а год

рождения не знаю. И ничего — живу». Казахи в старину о том головы не ломали, и не расстраивались попусту. Такой традиции — отмечать, поздравлять и в помине не было. Говорили: родился, когда у Тайшика кобыла потерялась, когда у Альмиша дом сгорел, когда, поскользнувшись, Сеит-Ахмет ногу сломал, когда у колхозного баскармы младшая жена разродилась.

Моему старшему коллеге — писателю Абдижамилу Нурпеисову аульчане растолковали, что он родился, когда шел снег. Но было это весной или осенью — никто не помнил. Уже после армии Абдижамил решил, что снег в Аральском регионе выпадает обычно в конце октября, и записал в документах: родился 22 октября. Правда, не совсем ясно: в 1923 или в 1924 году?

Зная полную независимость казахов от категории времени, я иногда думаю: может, друг мой поэт Аманхан совершенно прав?

Esquire, июль-август 2008

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО ПАРАСАТА

Поразительно многозначно в казахском языке слово «парасат». Оно включает в себя такие понятия, как благородство, порядочность, интеллект, нравственность, культура, ум. Из их гармоничного сочетания и получается «парасат». Всеми этими достоинствами обладал не доживший чуть-чуть до своего 60-летия прозаик и драматург, человек высокого парасата Баккожа Мукаи.

Я знал о его неизлечимом недуге. То, что не полагалось говорить вслух соплеменникам, он доверительно сообщал мне, «инородцу». Когда после долгого недомогания он поведал мне, что его направляют в медицинский центр под Гамбургом, все стало ясно. Баккожа сражался со злой хворью, как лев. «А что делать? — сказал он мне сокрушенно. — Надо попытаться продлить жизнь хотя бы на год».

Я похолодел. Он трижды ездил с сыном Ерланом в Германию, один раз в Китай, стойко вынес облучение, принимал дорогие лекарства. Все тщетно. Каждый раз, приезжая домой, он названивал мне, делился мыслями-думами, подробно рассказывал о лечении, заботился о своем журнале.

Накануне кончины сказал: «Устал... Все болит... Кости ноют... Сил нет». Другу-издателю написал в последней записке: «Жизнь кончилась... Жизнь продолжается. Живите счастливо, радуйтесь успехам и смеху своих детей и внуков».

Человек он был негромкий, нешумный. Не высовывался, не выпячивался, не кичился своими званиями. Литературу и искусство понимал глубоко. Слово чтил свято. Был чуток, внимателен, деликатен, красив.

Он построил дом. Вырастил сына и трех дочерей. Успел подготовить пятитомное собрание сочинений. Успешно руководил журналом «Парасат».

Будучи моложе меня на тринадцать лет, трогательно заботился обо мне. Предупреждал: «Осторожнее, Герольд Карлович! С возрастом шутить нельзя». И давал советы, как я должен себя оберегать.

Наши братские отношения продолжались три десятка лет. Я знаю его творчество. Писал о его романе «Өмірзая», радовался, когда он получил за него Государственную премию Республики Казахстан. Бывал на премьерах его пьес.

Мне тяжело говорить о человеке высокого парасата в прошедшем времени. Он был мне младшим братом, другом. И, по-казахски выражаясь, кровью плачет мое сердце о нем...

«Казахстанская правда» 31.01.08.

УРОКИ И УПРЕКИ

«Он так много сказал, и так хорошо, точно сказал, что теперь только слушать, внимать, понимать»

Валентин Распутин

...Вот и подошла к своему земному пределу титаническая по своему накалу человеческая жизнь Александра Исаевича Солженицына.

На исходе 1962 года мой незабвенный друг и однокашник по аспирантуре Аскар Сулейменов, восторженный, взволнованный, невероятно возбужденный, зашел — точнее, ворвался—ко мне со свежим номером журнала «Новый мир». И мы взахлеб читали каждый в отдельности и вместе «Один день Ивана Денисовича». Мы были поражены. Наши сердца дрожали: такое читать в советской литературе еще не приходилось. Позже в «Дружбе народов» мы прочитаем объемную статью критика Лакшина «Друзья и враги Ивана Денисовича». Так вот, мы с Аскаром сразу очутились в стане друзей и героя повести, и ее мятежного, бесстрашного автора. Аскар импульсивно заявил: «Я — солженицынист». Ну а я тем более. Для меня, спецпоселенца, депортированного, репрессированного, каждое последующее произведение Солженицына, принципиального борца, неукротимого бунтаря, беспощадно раскрывавшего всю подлость политики и гнусь идеологии, тотальную ложь, в которой я барахтался беспомощно, как слепой щенок в грязной луже, было значительно больше, чем литература. Это был вызов, активное отрицание лжи, высокая правда, безумство храбрых, полет свободы, дерзость, деяние. Это было сродни гейневскому «Я — меч, я — пламя!» Это был гордый, судьбоносный музыкальный такт судьбы 9-й симфонии Бетховена. Солженицын выправил мою подавленную, изуродованную в хрупком детском возрасте

душу, вселил уверенность, надежду, придал устойчивость в прогнившем, смрадном, ложью, точно ржой, изъеденном мире, выпестовал характер. Жить не по лжи стало для меня нравственным манифестом.

Через вольнодумца-философа Ануарбека Шманова, работавшего тогда в ЦК КПК, Аскар достал знаменитое «Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей», открывшее нам глаза на многие гнусные секреты советской истории. Я это письмо, дрожа от скорби и боли, переписал от руки за ночь. Потом разными сложными, окольными путями попали нам в руки подслеповатые копии рассказов Солженицына, «Ленин в Цюрихе», «Раковый корпус», «Крохотки», «Жить не по лжи», куцые сведения о жизни строптивого писателя, протоколы Политбюро ЦК КПСС, многочисленные противоречивые, клеветнические и откровенно подлые статьи о нем. Я тщательно собирал все, что было доступно в советской печати, в «сам» и «тамиздате». Уму непостижимо: одинокий батыр, капитан-артиллерист, сидевший в тюрьме, работавший в «шараге» с Львом Копелевым, отправленный в вечную ссылку, одолевший страшный недуг, преподававший в глубинке в казахской школе, без кола, без двора, один вышел на тропу войны с целой железобетонной системой, с могущественным КГБ, с бесчисленными мохнорылыми мордоворотами несокрушимой, казалось бы, властью писатель, мыслитель с пророческими, провидческими задатками, человек-титан, человек-глыба, он стал кумиром, ориентиром, маяком для униженных и угнетенных, для тех, кто уцелел в советских концлагерях, кого не смогла никакая палаческая машина стереть в лагерную пыль, для тех поруганных народов, кто выпес геноцид.

Пепел Клааса стучал в наших сердцах. Всем своим существом, своей жизнью и творчеством Солженицын внушил нам: ты — Человек, ты не для рабства родился, живи по правде и справедливости, не сдавайся, не покоряйся насилию — ни физическому, ни духовному. Солженицын высказал напрямик то, что не смогли высказать сгинувшие в лагерях, ссылках, каторге, трудармии мои дядья, тети, двоюродные сестры и братья, деды по линии Бельгеров и Гертеров. Их онемевшие,

отлетевшие в глухих сибирских лесах, в гибельных шахтах души горькими, отравленными гневом и болью словами великого правдолюбца и ратоборца воскресли и зажглись праведным огнем в хилой груди недавнего аульного спецпоселенца.

Солженицын страстно внушал многим из нас, невинным жертвам системы: не бойся, не дрожи, выпрямься, иди наперекор всем гнусностям и мерзостям нечеловеческой власти. Опять-таки гейневское: «Бей в барабан и не бойся!» обрело в писаниях русского писателя конкретное содержание.

Он призывал: «Если ж мы струсим, то довольно жаловаться, что кто-то нам не дает дышать — это мы сами себе не даем! Пригнемся еще, подождем, а наши братья-биологи помогут приблизить чтение наших мыслей и переделку наших генов.

Если и в этом мы струсим, то мы ничтожны, безнадежны, и это к нам пушкинское презрение:

К чему стадам
дары свободы?
.....
Наследство их
из рода в роды
Ярмо с гремушками
да бич.

Это было написано в 1974 году, а как актуально звучат эти слова и поныне!

Но рабам не нравится, когда их называют ничтожествами. Раб не любит ни свободы, ни правды.

Мне сразу же бросились в глаза его сочувствие, сострадание к поруганным инородцам — чеченам, ингушам, корейцам, немцам, грекам и другим. Он читал их мятущиеся души, осязал их трагическую судьбу, изуродованную безжалостной машиной власти, обреченную на тотальную гибель. Боль облыжно поруганных «советских» немцев он чувствовал как ни один русский писатель. Немцы встречаются в его романах часто. И я написал в свое время исследование-статью: «Российские немцы в творчестве Александра Солженицына», пере-

печатанную многажды раз. Я выразил в ней свою благодарность русскому писателю за честное соучастие, за правду, за доброту в те «немые» для нас годы. Сколько раз я пытался отправить ему ту статью, но то стеснялся, то не было возможности, то посчитал кощунством посягать на его внимание и время. Теперь вот жалею...

У правды много врагов, еще больше завистников. У кривды искони родни больше. Любили, уважали, почитали Александра Исаевича, восхищались им многие на земном шаре (представьте только: тридцать миллионов книг!) и ненавидели немало. Слава его многим не давала покоя.

Так бывает: не всем по душе глашатаи добра и правды, борцы за справедливость, бунтари-одиночки, неординарные Личности, способные бросать вызов целой системе, целой эпохе. «Когда читаешь Томаса Манна, чувствуешь себя ничтожеством», — признавался Аскар Сулейменов. Ничтожество, читая, предпочитает видеть себя на котурнах. Рабы обожают мудрых пескарей и раков-отшельников. Осмыслить и понять такого титана, как Солженицын, им не дано. И это не их вина, а беда. Вольному, как говорится, воля. И насильно мил не будешь. Всем не угодишь. И именно потому о Солженицыне выдумано и написано, столько погани и клеветы, злобных и грязных инсинуаций.

В день кончины Александра Исаевича, когда его еще не предали земле, когда искренние соболезнования выражали президенты и руководители правительств Медведев, Буш, Саркози, Путин, Меркель, крупнейшие деятели науки и культуры мира, ко мне подошел один местный ученый, доктор наук и профессор, и сходу завелся, обрушился на меня. «А вы знаете, кто такой Солженицын?! Не знаете! Я его не читал и нет у меня дела до его политических воззрений. А человек был пакостный. Пьяница. Алкаш. Шатался по аулу Коктерек в подпитии. Надумав жениться, обворовал магазин, унес ящик водки. Его застукали и хотели судить, но казахи за него заступились. Да, да! Не смейтесь. Мне это заврайОНО сам рассказывал...»

Тут же подвернулся второй: «А почему он другу писал письма против Сталина? Чтобы его арестовали и тем

самым сохранили ему жизнь. На фронте он мог погибнуть, а в тюрьме — лафа. Вот! Понимаете?»

И третий взъярился: «Да еврей он. Еврей! Потому и выступил против Сталина!»

Я обомлел. Что тут скажешь? Одурманенные злобой способны на любую гнусь и подлость.

В Казахстане, особенно среди титульной нации, поклонников Солженицына очень мало. И виноват в том сам Александр Исаевич. Две фразы вдохновенного эссе «Как нам обустроить Россию», не осмотрительно или нарочито допущенные им, разом оттолкнули, отшатнули от него большинство казахов и жителей южных республик бывшего СССР. Попытка возвеличить Россию, унижая аборигенов Казахстана и Средней Азии, не было ошибкой, оплошностью или просчетом, это было жуткой исторической несправедливостью, абсолютной неправдой и тяжелой обидой, доходящей, по-казахски выражаясь, до самых костей, до донышка сердца. Эти две роковые фразы взвихрили пыль, подняли истерический шум и вой. О том не Солженицыну было говорить. От возмущения корчились газеты, там-сям вспыхивали гневные митинги, Солженицына опровергали, разоблачали, топтали, мешали с грязью, обливали помоями, называли империалистом, шовинистом, интервентом, кровожадным завоевателем, ненасытным грабителем, злодеем, а, распалившись до неприличия, писали, что никакой он не писатель, не гуманист, не пророк, а жалкий, бездарный очеркист, очернитель, мизантроп. Горячие джигиты из казахстанской глубинки заочно и торжественно приговорили его даже к смертной казни — не помню только, через расстрел или повешение.

Уродливо сказались, выплеснулись сугубо националистические, шовинистические, монархические взгляды русского писателя-мыслителя. Да, он оказался великим писателем великой русской земли. (Подчеркиваю, выделяю жирным шрифтом в этой фразе все слова.) А это — как ни крути — явная ограниченность, однобокость в мировидении и миропонимании. В неохватной России живут, трудятся искони десятки и сотни национальностей. Сбрасывать их со счетов нелепо. Обустроить Россию только при помощи русских невозможно. Не на одних

русских при всем их величии и мощи белый свет клином сошелся. Это ведь так очевидно. И непостижимо странно, что на этой банальности споткнулся Александр Исаевич. «Инородцы» почувствовали это безошибочно и сразу. И при всей своей давней любви к Солженицыну-борцу, бунтарю, творцу нетленных произведений, в этом вопросе я никак не могу быть ему адвокатом. (Смешно, конечно, в моих потугах-сочувствиях он и при жизни не нуждался, а теперь — тем паче.)

Я понимаю и разделяю гнев и возмущение казахов, оскорбленных походя в национальных чувствах, и не приемлю никакого (даже русского!) высокомерия, чванства и шапкозакидательства. Когда я вспоминаю оголтелый призыв Ильи Эренбурга «Убей немца!» или пронизанное ненавистью стихотворение Константина Симонова «Убей его!», или «Школу ненависти» Михаила Шолохова, или публицистические пассажи Константина Федина против немцев, во мне и поныне вскипает кровь. Я прекрасно понимаю, с какой целью это было написано, сознаю, что речь в этих писаниях о фашистских, гитлеровских немцах, оккупантах и насильниках, но знаю также, что эти призывы отразились на тысячах, десятках и сотнях тысяч «русских» (советских) немцев, на женщинах, стариках и детях, ибо головотяпы («шаш ал десе, бас алатындар»), «патриоты» с одной извилиной в башке восприняли этот лозунг, как прямое указание убивать, истреблять везде и всюду всякого, любого немца, как потенциального врага, «мучителя людей». И депортированные, репрессированные, изгнанные из родных мест невинные поволжские, крымские, кавказские, украинские, сибирские, азиатские немцы на своей изуродованной судьбе испытали эту «школу ненависти», а перед немцами-трудармейцами в сталинских концлагерях на плацу, на утренней перекличке какой-нибудь сытый хмырь, заведующий культурно-воспитательной частью лагеря, с садистским упоением читал во все горло отравленное ненавистью симоновское «Убей его!»

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз

увидишь его,
Столько раз его и убей!

Э... что и говорить, в национальных вопросах надо быть очень осторожным, деликатным, политкорректным, как ныне говорят, всем, а особливо — писателю. Гуманизм Солженицына оказался односторонним, однобоким, и обидные его слова, оброненные вскользь таким публицистическим напором, накалом, жаром, обитателям российского «подбрюшья», долго не забудутся. И упрекнуть их в праведном гневе невозможно.

Я лично не питаю слепой ненависти к тем русским писателям, сказавшим убийственно обидные слова в адрес моего этноса. Я в состоянии понять и время, и обстоятельства, и точный адресат и проявлять толерантность. Разумеется, учить казахов не собираюсь, но хотелось бы, чтобы к синдрому Солженицына они проявляли больше благородства, терпимости и понимания природы, мотивов и стремления русского писателя русской земли — не прощать, а понять его монархические и шовинистические вывихи-взгляды, которые просвещенный, разумный человек разделять никак не может. Эти явно ошибочные тенденциозные воззрения, имеющие уродливые гены, не украшают Солженицына, а умоляют его значимость, но, к счастью, они лишь малая ничтожная часть его существа; как явление, как личность он значительно выше, крупнее, весомее, масштабнее. Солженицын вообще не формат. Он выламывается из привычных представлений, не вмещается в обыденные рамки. Он не удобен обывателям любых категорий, национальностей и вероисповеданий. И об этом забывать не след.

Многие бывшие ученики Солженицына, учившиеся у него в Коктереке в начале пятидесятых годов прошлого века математике, физике и астрономии, ныне в здравии, все понятно, в пенсионном возрасте, и рассказывают о нем устно и печатно с неизменным уважением и любовью. Я беседовал с двумя его учениками, живущими ныне в Алматы. Один — карьерный дипломат, другой — дипломный экономист, оба вспоминают своего наставника с благодарностью. Отмечают: поразительно живой,

стремительный, деятельный был человек, прекрасный педагог-новатор, незаурядная интересная личность. Экономист показал мне фотографии той поры, поведал разные характерные детали и факты, дал почитать письмо Солженицына своему бывшему ученику — любезное, деликатное, доброе, благодарное. Экономист, по его словам, дебатировал с былым наставником, спорил с его точкой зрения относительно истории и географии Казахстана, доказывал несостоятельность его воззрений. В своем ответе Солженицын этот момент обошел. То ли не хотел вдаваться в обстоятельную дискуссию, то ли посчитал ненужным спорить о том, что задевает национальное самолюбие бывшего ученика. Кто знает... Но письмо доброе, теплое, прочувствованное. И в рассказах его, Солженицына, коктерекских учеников встает колоритный образ симпатичного человека.

Кстати, о духовных, нравственных, творческих масштабах. Давайте разберемся трезво, представим, взвесим, обозначим пунктирно деяния Солженицына, ну хотя бы в сопоставлении с его казахскими коллегами, многие из которых, надуваясь, пузырясь, самовозвеличиваясь, убежденно считают себя выше, талантливее, весомее, значительнее Александра Исаевича. Вот несколько параметров:

— собрание сочинений Солженицына составляет 30 томов;

— книги его изданы во всем мире многомиллионными тиражами на 60 языках;

— по его книгам поставлены спектакли, сняты фильмы;

— он — лауреат Нобелевской премии, многажды лауреат других литературных и общественных премий, в том числе Государственной России за гуманитарный вклад, член многих академий;

— по нравственным, принципиальным, общественным соображениям он отказался от ряда государственных наград.

— его высоко почитали и заслуги его признали величайшие люди современности — руководители стран, правительств, ученые, писатели, музыканты, интеллектуалы;

— весь гонорар от изданий и переизданий капитального

«Архипелага ГУЛАГ» на разных языках он перечислял в Фонд поддержки жертв тоталитарной системы;

- на свои средства он организовал издание Архива репрессированных;

- он основал именную премию (30 тыс. американских долларов), которую получили выдающиеся личности за вклад в развитие национальной культуры и духа;

- на его средства построен храм в Георгиевске;

- на его пожертвование восстановлена позолота купола церкви в селе Рождество;

- всем своим творчеством он завещал властям сбережения народа;

- он неистово боролся с тиранией, с тоталитаризмом, с населением, диктатурой зла;

- он неустанно призывал людей жить не по лжи.

Не стану далее продолжать.

А теперь мысленно прошу читателя представить всех наших 700 членов Союза писателей Казахстана и членов Казахского ПЕН-клуба, всех наших народных и лауреатов и честно сказать, кого из наших здравствующих корифеев, великих непревзойденных, неповторимых, на спесивой груди которых, по-казахски говоря, можно лепешку испечь, можно сравнить, сопоставить по масштабам и параметрам столь славных, достохвальных деяний? Назовите хоть одного, который совершил хотя бы сотую часть перечисленного выше.

Нет?

То-то же!

О чем же тогда речь? О чем тогда злобный гу-гу, мерзкий шу-шу, плебейский ду-ду по углам-закоулкам, вся эта мышиная ненависть и блошиная прыть?

Ай, стыдно!

Надо быть достойным завету Абая: «Болмасаң да, ұқсап бақ!»

И вообще надо БЫТЬ, а не КАЗАТЬСЯ.

Пора жить не по лжи.

Таковы — как я понимаю — уроки и упреки сложного и противоречивого писателя и мыслителя Александра Исаевича Солженицына.

10-12 августа 2008 года
«Начнем с понедельника» 22.08.08.

ТАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

Для меня неожиданная и преждевременная кончина известного карьерного дипломата и общественного деятеля Болатхана Тайжанова и поныне остается загадкой.

Я его довольно близко знал последние восемнадцать лет и не упомню случая, когда бы он жаловался, скажем, на сердце, на давление или иные возрастные недуги. Был он всегда серьезен, активен, сосредоточен, находился в интеллектуальном всеоружии, рассуждал широко, основательно, формулировал свои мысли четко и резко, любую проблему рассматривал в контексте конкретного времени и обстоятельств. В поисках истины позволял себе иногда необъяснимые зигзаги. Я, например, не мог понять, как он со своими диссидентскими взглядами, крутыми, порой радикальными воззрениями мог стать одно время советником партии «Отан». На мое недоумение по этому поводу он, ухмыльнувшись, ответил, что надеется эту партию поставить на путь истины и демократии. «Отан» и демократия»?! — удивился я. И мы оба расхохотались. А при следующей встрече на 31-м канале выяснилось, что он уже не советник «Отана», а активный член оппозиционного движения. Вообще-то он тяготел к национал-патриотам. (Здесь для полной ясности необходимо маленькое отступление. Я лично с симпатией отношусь ко всему сугубо национальному. Думаю, это естественно и соприродно каждому индивидууму. Не всем ведь дано быть космополитом. Важно, чтобы «национальное» оставалось высоким чувством в рамках гуманизма, а не смыкалось с шовинизмом, расизмом и фашизмом. Тогда это уже не национальное, а банальное человеконенавистничество. Мне, например, всегда дорого все истинно немецкое — немецкий дух, немецкая ментальность, немецкая речь, немецкая музыка и т.д.

Даже за футбол я «болею» немецкий. Помимо моей воли. На «немецкость» откликается каждая частица моей души. Ничего предосудительного в том я не вижу. Однажды один казахский критик, желая уязвить меня, написал, что в каждой русской или казахской моей фразе чувствуется, мол, моя немецкость. Я думаю, это не совсем так, но если бы это было так, то для меня это звучит как высшая похвала. Я, как раз наоборот, часто сетую на излишнюю оказахованность моей немецкой сути. Так что казахский критик, желая меня посрамить, на самом деле пролил бальзам на мою национальную душу. Я понимаю и уважаю национальное чувство любого человека, любого народа. Лишь бы его не заносило в омут «избранничества», надуманной кровной особенности и исключительности. Истинно национальное и есть в сущности интернационализм.)

Расскажу два эпизода, связанных с Болатханом Тайжановым.

В феврале 1990 г. известный писатель и государственный деятель Абиш Кекильбаев баллотировался кандидатом в депутаты Верховного Совета Казахской ССР по Павлодарской области. По желанию Абиша я сопровождал его в поездке в качестве доверенного лица. Абиш встречался с избирателями в стылых, запущенных районных клубах, школах, скотоводческих станах и зимовьях, конторах, профилакториях, говорил долго и витиевато обо всем на свете (о местных просветителях XIX века до глобальной политики), объяснял свою предвыборную платформу, отвечал на вопросы, иногда довольно каверзные, я по мере своего разумения говорил о достоинствах и потенциальных возможностях кандидата в депутаты. Время было трудное, неустойчивое, нервное. Рушился, разваливался на глазах привычный уклад, предстоящие перемены не укладывались в сознании, все было шатким и зыбким. И народ в большинстве роптал. Особенную радость к заезжим гастролерам не проявлял. В глухую зимнюю пору, в свирепые февральские бураны организовывать встречи было хлопотно и утомительно. Абиш, однако, держался на высоте, старался заинтересовывать слушателей, не уклонялся от каверзных подвохов. Все факты и детали той памятной поездки зафиксированы в моем блокноте.

Все встречи происходили по плану, под руководством местного начальства, по указанию сверху и порою сбивались на трафарет. Мужчины сидели в заскорузлых шубах, шапках-тымаках, в валенках и сапогах, женщины закутывались по самые глаза в пуховые шали. Расшевелить диковинную аудиторию было непросто, спасало лишь красноречие Абиша и мой незатейливый казахско-русско-немецкий юмор. И вот 28 февраля 1990 г. в совхозе Южный к нам присоединился неизвестно откуда приехавший, невысокого роста, но плотно сбитый, крупноголовый казах с живыми, умными глазами и сразу же внес в наши встречи живую струю своими уместными репликами и беглой казахской речью. Он легко вписался в нашу компанию. И заслушивались им и Абиш, и местное начальство, и я, и гипотетические избиратели. Говорил он негромко, рассудительно, свободно и открыто на социальные и политические темы. Абиш представил его: «Дипломат. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Сотрудник МИДа. Болатхан Тайжанов».

Он и стал крепким, надежным доверенным лицом Абиша. Я отступил на второй план, как запасной игрок команды.

Внимание слушателей переключилось к нему. За дастарханом кто-то заметил, что его дипломатический ранг соответствует воинскому чину генерал-майора. Это произвело эффект. По аулам сразу же пронесся слух: кандидата в депутаты сопровождает генерал-майор. Мужчины пришли в восторг: «Не дейді? Надо же! Такой скромный, незаметный, а генерал-майор!» В нас, сидящих в президиуме, тыкали из зала пальцем: «Этот толстый — писатель, в ЦК сидит; рядом, с палкой, — его переводчик, немец. А этот башковитый, смуглый — генерал-майор». Рядом восхищались: «Апырай, а! Генерал-майор, а?! Кто бы подумал! Значит, этот толстый шешен-златоуст не халам-балам, коли его сопровождает сам генерал-майор! Придется за него голосовать». «Конечно. За кого же еще? Он тебе и сено завезет, и мешок муки подкинет». «Ну, не сам, понятно. А распорядится из ЦК».

Мы в президиуме только переглядывались и улыбались.

Дня три мы с Болатханом были неразлучны. В совхозе Торайгырова у могилы казахского поэта-классика

Болатхан прочел поминальную молитву на звучном арабском языке. Кругом ему внимали древние складчатые горы, задумчивые колки ольхи и березок, бурые мохнатые сопки. И на фоне этого природного дива удивительно гармонично звучала арабская молитва в устах Болатхана в честь Султан-Махмуда Торайгырова.

Еще в одном аулеке Болатхану подошла пожилая казашка, порывисто обняла его, запричитала речитативом. Это было так неожиданно, что все растерялись. Выяснилось, что пожилая женщина — дальняя родственница Болатхана, которые никогда не виделись. Болатхан, однако, быстро разобрался в родословной, тоже прослезился. Все вокруг пришли в неописуемое волнение по поводу встречи родных людей. И глядя на них и сочувствующую толпу, мы с Абишем тоже расчувствовались.

Та, выходит, первая наша встреча на Павлодарщине запомнилась.

Болатхан посольствовал за рубежом, в Алматы бывал все реже, также мимолетными бывали и наши встречи, более того — случайными. Но по печати мы знали друг о друге.

Следующий памятный эпизод связан с Данией, где в 1994 году я находился на Международной ассамблее парламентариев. Тот факт отражен в моем дневнике — 16 сентября 1994 года.

Из Копенгагенского оперного театра я вернулся в гостиницу в 12 ночи. Коллега по парламенту космонавт Токтар Аубакиров накануне срочно вылетел в Мюнхен, а другой напарник Серикхан уже лег спать. Меня в гостинице поджидал работник Посольства Египта. У него было важное дело до казахстанской парламентской делегации. Пришлось представительствовать мне. Представитель Египетского посольства говорил по-арабски и по-английски. Я мог общаться по-русски, по-казахски, по-немецки. Разыскали заспанного переводчика. И я еле смекнул, что нас, казахстанцев, просят поддержать кандидатуру некоего Сорура. Согласился. Но едва погрузился в сон, как позвонили из Каира. О, господи! Из Каира? В Копенгаген? Оказался Болатхан Тайжанов, посол Казахстана в Египте. «Ия, не болып калды? — спросил я. —

Завтра будут избирать председателя Межпарламентского союза. Одна из кандидатур — профессор Сорур из Египта. Просьба: голосовать за него. А-а... ладно... понял. Сам-то как? Е-е... Аман-есен... В аул когда вернешься? Аллах знает».

Через полчаса опять звонок. Из Алматы. От Абиша — председателя Верховного Совета Казахстана. Указание то же: завтра поддержите кандидатуру Сорура. Жақсы. Будет сделано. Поддержим.

Засыпая, навожу справку: кто такой Сорур? Почему он должен быть председателем Межпарламентского союза? Оказывается, Ахмет Фатих Сорур — защитник прав человека, юрист, на страже демократии, ратует за включение женщин в политику. Его соперник Валдес из Чили. Тоже весьма серьезная кандидатура. Ладно. Так и быть. Мы с Серикханом Жакуповым проголосуем за Сорура. Как-никак мусульманин. К казахам ближе.

На другой день после утомительных процедур голосования с 116 голосами прошел Сорур. У Валдеса 103 голоса. Верх взял мусульманский мир. И египтяне, и арабы устроили невообразимый фурор. Зал огласили восторженные крики. Грохот стульев. Победный вопль. Объятия-ликование. Христианский мир застыл в недоумении. Председатель никак не мог охладить, успокоить зал. Арабы в эйфории требовали, чтобы кресло председателя незамедлительно занял господин Сурор...

Вскоре Болатхан объявился ненадолго в Алматы, но получил новое назначение: послом в какую-то азиатскую страну, потом еще куда-то.

В казахстанских газетах он печатался все чаще, резкие его интервью привлекли внимание. Он ратовал за решительные, крутые перемены в обществе независимой страны. Иногда допускал радикальные нотки. Что-то его во внешней и внутренней политике не устраивало. Критиковал он многое и многих. И вдруг его блестящая дипломатическая карьера оборвалась. Он вернулся в Алматы и с головой окунулся в общественную жизнь, выступал на бесчисленных мероприятиях, постоянно мелькал в печати и на телевидении. Говорил дельные, справедливые вещи и пользовался во всех сферах

общества заслуженным авторитетом. Основной настрой его публичных выступлений был критический, пафос разоблачительный. С изъянами, вывихами общественной, политической жизни он мириться не хотел и не мог. От зыбких, дипломатических формулировок отказался. Громко выражал то, о чем кое-кто тихо судачил по углам. Высокое кресло Алдияра — верховного судьи в передаче «Дода» по 31-му каналу телевидения — использовал как трибуну гласности и открытой правды. Его ждали с нетерпением, к его мнению прислушивались повсеместно. Он стал ярким представителем вымирающего племени «зиялы қауым».

Одна стержневая мысль сквозила во всех его выступлениях: он рьяно ратовал за казахский язык, за все казахское, был нетерпим к имперскому засилью, к великодержавному шовинизму, к любому проявлению колониальной политики. Эту свою позицию он отстаивал непреклонно.

Знакомый дипломат Куатбек Т. рассказывал мне, что Болатхан Тайжанов был единственный дипломат, который даже в годы тотального засилья русского языка, писал принципиально свои отчеты-сообщения исключительно на казахском языке. Руководство удивлялось и недоумевало, ибо даже сам министр иностранных дел имярек печатно объявил, что в дипломатической деятельности казахский язык абсолютно невостребован, а, следовательно, его и знать, и изучать не стоит.

Болатхан Тайжанов имел на сей счет свое личное мнение, которое он посильно и проводил в жизнь всеми возможными средствами.

Могучая, цельная была личность. Горжусь тем, что его знал. А вот смерть его для меня так и осталась загадкой...

20.07.08.
«Начнем с понедельника»
№ 35/8, 22.08.08.

ПРОНИЗАННАЯ СВЕТОМ, ЛЮБОВЬЮ И ДОБРОМ

Слова эти относятся к только что увидевшей свет книге «Влюбленные в профессию» (Алматы, 2008) и в той же степени к автору и составителю ее — педагогу, методисту, культуртрегеру, всеми любимой, мудрой и обаятельной Халиме Адамовне Бекмухамедовой. О том моя посильная речь.

Книга приурочена к 80-летию КазПНУ имени Абая и живо воссоздает педагогическую, преподавательскую и студенческую ауру старейшего вуза Казахстана — КазПИ имени Абая 50-80-х годов прошлого века.

Я прочитал эту вдохновенную сагу о кузнице педагогических кадров в Казахстане с волнением, трепетом. И в моем сознании ожили милые тени юности, мои наставники, друзья, однокашники, весь дух того незабвенного времени, которое в мои нынешние уже немалые годы воспринимается с особой нежностью, любовью и благодарностью.

Я жил в то время. Учился на русско-казахском отделении литфака КазПИ имени Абая в 1954-1958 годах, потом, отработав два года в школах Байкадама Джамбулской области, продолжил учебу в аспирантуре при кафедре методики преподавания русского языка и литературы в казахских школах, руководимой тогда незаурядным человеком, ученым, наставником, профессором Евгением Исааковичем Ривлиным.

Сотни фамилий, упоминаемых в исповедальных, душевных очерках Халимы Адамовны Бекмухамедовой и в воспоминаниях других авторов данной книги, для меня не абстрактное обозначение, а конкретные люди, реальные судьбы, которые сыграли исключительную роль в моем гражданском становлении и духовном, нравственном развитии.

То же самое, уверен, может сказать каждый, кто вращался в той неповторимой среде тех тридцати-сорока лет нашей альма-матер, о которой так проникновенно, доверительно и возвышенно повествует влюбленный в свою профессию, в жизнь, в своих коллег и студентов проницательный автор.

Я писал не однажды о своих наставниках Малике Габдуллине, Цезаре Фридмане, Сарсене Аманжолове, Давиде Николиче, Евгении Ривлине, Раисе Лемберг, Нине Смирновой, Валентине Белоусовой, Ефиме Ландау, Мире Глазман, Софье Халитовой, Халиме Бекмухамедовой. Добром вспоминаю всех, чьи лица запечатлены на многочисленных фотографиях, щедро иллюстрирующих сагу автора «Влюбленные в профессию».

Смутно я всегда знал и чувствовал: то было интересное время, жили скудно, бедно, трудно, но жажда знаний владела нами, студентами и аспирантами, страстно и безгранично. Люди, украсившие наши студенческие годы, были абсолютно бескорыстны, упоенно учили нас, облагораживали наши души, насыщали умы, не жалели себя в своем наставничестве, были не просто лекторами, урокодавцами, преподами, а именно наставниками с большой буквы, постоянно общались с нами, приходили в общежитие, вникали в наши житейские заботы и треволнения, привлекали к научной работе, ходили вместе на первомайские и октябрьские демонстрации, поощряли самостоятельность, поистине сеяли доброе, вечное, пестовали из нас знатоков предмета, профессии, педагогов, честных справедливых граждан общества.

Обо всем этом и повествует чуткая Халима Бекмухамедова, живая легенда того времени, в своей уникальной по содержанию и заряду энергии, добра и любви книге. Это дань восхищенной и благодарной памяти о тех личностях, которые ныне в большинстве обитают в иных пределах, но прочно остались в сердцах и душах ныне здравствующих поколений. В этом заключаются пафос, смысл и очарование книги Халимы Адамовны.

В заключение несколько слов о ней самой.

Халима Адамовна Бекмухамедова — незаурядная личность, великая женщина, как выразился однажды о ней мой старший друг Камал Смаилов.

Она воплощение своей сложной, нередко трагической эпохи. Дочь репрессированных родителей, жена «врага народа» (выдающегося историка Ермухана Бекмаханова), рано овдовевшая, одна воспитывавшая троих детей, пройдя через все суровые испытания, не ожесточилась, не замкнулась, а всей своей долгой и поучительной жизнью проявила высшие, достохвальные человеческие качества: мужество, достоинство, честь, добро, любовь к людям, к жизни, к искусству, к высокому назначению человека на Земле. Ее неизменно отличали такт, культура, деликатность в общении, женское обаяние, искренность, благородство, ответственность. Рядом с ней любой человек становится лучше.

Когда-то (если точно: в конце пятидесятых годов прошлого века) Халима Адамовна руководила нашей педагогической практикой, терпеливо и настойчиво натаскивала нас, уча методическим премудростям. С тех пор жизнь кардинально изменилась, мы вошли в аксакальский возраст, а наша наставница остается такой же увлеченной, живой, контактной, доброй и светлой, как и прежде, и мы, ее ученики, по-прежнему восхищаемся ею и любим ее.

«Экспресс К», 22.11.08.

РЫЦАРЬ СВОБОДЫ И ПРАВДЫ

Листаю его книгу (интервью и статьи), изданную посмертно. С обложки смотрит он, задумчивый, немного грустный, взъерошенный. Живой.

Я его знавал несколько лет, тесно общался, заседал с ним не один год в Фонде «Сорос-Казахстан», бывал с ним в зарубежных командировках, беседовал в разной обстановке, все более проникался к нему симпатией. Порой он бывал ершист, категоричен, но знающ и интересен, никогда не равнодушен.

Жена его пишет:

«Он был многолик: помнил о своих кыпчакских корнях, делом его жизни стала история казахского кочевого общества, как патриот своей страны, называл себя казахстанцем, будучи подлинным ученым, считал себя космополитом, был приверженцем западных демократических принципов и ценностей, а по широте мышления и открытости восприятия, безусловно, был человеком мира».

Здесь все точно, верно.

Именно благодаря этим свойствам своей гражданско-активной натуры он имел при жизни (да и теперь!) много друзей, единомышленников, учеников и не менее злопыхателей. Ему немало доставалось от национал-патриотов всех мастей и на собраниях, и в печати. Какие-то мысли его и я не разделял, ибо не был ни ученым-политологом, ни космополитом, ни особым приверженцем западных ценностей (будучи этнически западным человеком, я психофизически больше тяготею к Востоку), ни человеком мира. До такого уровня и ныне не дорос и уже не дорасту. Однако в общениях с ним мы бывали взаимно деликатными и толерантными.

Но началось наше знакомство едва ли не с конфликта.

Время было сумбурное, смутное. Казахстан только

что объявил о своей независимости, и общество бурлило, колыхалось, клокотало, как степная речка в весеннее половодье. В один из таких дней одна не в меру активная дама из общества «Лад» пригласила меня на какое-то сборище в Республиканский шахматный клуб напротив моего дома. Будут, мол, председатели национальных культурных центров, и, судя по всему, предполагается жаркая дискуссия по национальным вопросам в Казахстане.

В ожидании главного лектора мы с организатором-дамой, известной своими шовинистическими воззрениями, стояли на углу улиц Калинина и Красина и мирно беседовали.

- А вот и он! — радостно воскликнула дама.

Лектор, немного опаздывая, почти бежал по тротуару — в джинсах, полосатой рубашке, в очках, взлохмаченный, легкий, пружинистый, издали помахал нам руками. При нем не было ни портфеля, ни папки, ни книжки.

Дама представила его собравшимся профессором-историком. Имя его я встречал в печати, а живьем видел впервые.

Аудитория мне показалась чуждой, агрессивной. Не было ни одного казаха.

Лектор уверенно овладел вниманием. Говорил бегло, свободно. Оперировал фактами, примерами, сыпал учеными словечками. То, о чем он говорил, для меня было внове. Типы государственных устройств. Политические течения. Правящая элита. Национальные проблемы. Намерения и перспективы. Геноцид. Апартеид. Автократия. Плутократия. Демократия. Охлократия. Последствия политического невежества. Особенно строго оценил лектор положение в Казахстане. В грош не ставил правящую верхушку. Сплошная, мол, самодеятельность. Полное отсутствие концепции. Сравнивал. Сопоставлял. Называл имена выдающихся деятелей и политиков. Не щадил ничьего самолюбия. Без ложного пафоса и патриотизма. Запросто низвергал авторитеты. Высмеял временщиков и их адептов.

Помню: я насторожился. Я тогда думал иначе. А публика млела. Все, о чем говорил лектор, ложилась на ее душу.

Будущее Казахстана рисовалось профессору сомнительным. Амбиции смешными. Перспективы ложными. Неизбежен распад. Да, да, за каких-нибудь двадцать-тридцать лет. Казахстан развивается стихийно, не по науке. Он распадется на шесть анклавов. Несколько областей отойдет России, одна область — Туркмении, одна — Узбекистану, одна — экологически обречена, еще одна станет протекторатом Китая.

Публика ликовала. Она уже сейчас приветствовала будущий распад Казахстана. Я лихорадочно изготовился напасть на лектора. Но чувствовал: подкован слабо, аргументы мои шаткие и жидкие. Лектор запросто задавит меня своим интеллектом. И тут он заговорил явно пренебрежительно о казахском языке: дескать, ограничен, архаичен, немобилен, не отвечает новым веяниям и требованиям цивилизованного мира. Государственность его, мол, совсем уж сомнительна.

У меня, выпускника казахской школы и переводчика казахской прозы, пылали уши. Я изловчился и накинулся на лектора. Заявил: «Языка казахского вы не знаете и не смейте о нем судить!»

Лектор немного смутился. «Почему же? — слабо возразил он. — На бытовом уровне знаю». Меня занесло: «И на бытовом уровне не знаете!»

Публика мгновенно ощетинилась и набросилась на меня. Начался невообразимый шум. Какой-то верзила, играя желваками, встал во весь рост, гневно спросил, тыча в меня:

—Это еще кто такой?

Тон был угрожающий. Казалось, верзила шутить не собирался.

Дама-организатор извиняюще пробормотала:

- Писатель. Герольд Карлович Бельгер.

—Как? Как?! — побагровел верзила. — Гер... Хер... Ольд... Немец, что ли?!

—Да, председатель Немецкого культурного центра.

—Ах, вон оно что! — верзила грозно надвинулся надо мной. Публика замерла в ожидании скандала.

—Я не могу спорить с уважаемым лектором по поводу грядущих катаклизмов, а вот его суждения о казахском языке абсолютно ни в какие ворота, — заявил я.

Вспыхнул невообразимый шум.

— Ишь ты, нашелся адвокат!

— Кто его сюда пригласил?

— Патриот, подумаешь!

— Холуй казахский!

Лектор лихорадочно закурил и бросился к выходу.

Верзила засучил рукава, придвинул кулачище к моему носу. Публика неистовствовала. Я понял: дискуссия предстоит серьезная. Пора дать деру. Я отступил к выходу. Лектор курил, прислонившись к тополю возле шахматного клуба. Я сделал ему ручкой и спешно зачикилял домой через дорогу от греха подальше.

Лекция эта запомнилась во всех деталях. Я был обескуражен, выбит из привычной колеи. Представления мои заколебались. На мой взгляд, казах не должен был такое говорить.

...Вскоре мы с этим ершистым профессором постоянно встречались в клубе «Тамыр», организованный Муратом Ауэзовым, в Фонде «Сорос-Казахстан», где я одно время был председателем правления, на разных круглых столах, симпозиумах, в Германском посольстве, в Институте открытого общества в Будапеште, в аэропорту Амстердама, где полдня слонялись в ожидании рейса. Мы весьма сблизились. Собеседник он был отменный и спутник надежный, заботливый. Оратор острый. Мысли высказывал неожиданные, парадоксальные, часто выступал, что называется, «не в струю», эпатировал публику, вызывал огонь на себя. Бывало, ошеломленный наскоками оппонентов, говорил: «Я не политик. И не политолог. Я ученый. Я оперирую аргументами науки. Мне нет дела до ваших сиюминутных эмоций». Человек был увлекающийся, задорный, прямой, стойкий. Великолепно держал удар. Охотно выражал свои взгляды в многочисленных интервью, статьях, лекциях, выступлениях, репликах. Он был публичным человеком, признанным ученым, яркой личностью, неистовым общественным деятелем. Отличался порядочностью и принципиальностью, в чем я имел множество случаев убедиться.

В Будапеште вечерами мы совершали прогулки возле Сорosского открытого института, вели многочасовые

беседы, вспоминали с юморком нашу первую встречу в Республиканском шахматном клубе, он водил меня по центру вечернего Будапешта, показал Дунай, который отнюдь не был голубым, открытые концертные площадки, на которых лихо отплясывали гопак украинские дивчины и парубки, в Амстердаме советовал, где и какие сувениры следует покупать, учил, какие и когда пить лекарства от высокого давления.

Он был моложе меня, но политически значительно подкованнее, образованнее, общественно значительнее. И мне было с ним интересно. И я гордился знакомством с ним.

В своих беглых заметках-воспоминаниях я не стану говорить о нем, как историке, политологе, о том сказали и скажут еще другие — компетентные специалисты. Я добавлю лишь несколько штришков к его человеческому портрету.

Поначалу я полагал, что он ученый сухарь, человек отвлеченного, теоретического ума, холодно препарирующий политику, идеологию, судьбы этносов, вникающий в мифическую глубь столь любезных ему номадов. А оказалось, у него масса увлечений, хобби, интересов.

И среди них — футбол. Я заметил, что о футболе он может говорить часами, глубоко аналитично, развернув исторический фон, называя поименно всех выдающихся футболистов современности, он помнил давние матчи, кто с кем, как сыграл, кто забил гол и с чьей подачи. Это было фантастично, феноменально. Он обожал бразильцев, аргентинцев, испанцев, французов, германцев. Своими рассказами он меня так заинтриговал, что ночью, в Будапеште, я отправился в его номер, чтобы лицезреть матч Бразилия — Чили на первенство мира по футболу. Было это 27 июня 1998 года. Бразильцы играли вдохновенно и выиграли со счетом 4:1. Боже, что творилось с хозяином номера! Он вскакивал, кричал, бурно объяснял мне смысл и ход комбинации, пил минералку, курил и испытывал подлинный кайф. Странным образом в нем сочетались разнообразные страсти.

Сам он всерьез считал, что в нем пропадает дар спортивного комментатора. Всегда мечтал стать им.

Утверждал: мне было бы проще жить, если бы не занимался политикой, а только наукой.

К концу жизни он этой мечты достиг, став директором Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов. Он был единственным в Казахстане дипломированным доктором наук по исследованию кочевников.

Он, по его признанию, любил лошадей, собак и спорт. Отдыхал, когда занимался хобби, статистикой, смотрел телевизор. Знаю, что он одним из первых в Казахстане любил часами бродить по Интернету.

Свое политическое и научное кредо он исповедально выразил в беседе по 31 каналу 12 октября 2006 года. Это была его последняя телесъемка. Он говорил: «Мы должны выверять идеологическую позицию. Если мы выстроим приоритет личности, приоритет семьи, науки, культуры, образования и частной собственности, только в этом случае будет нормальное управление. Поэтому история в этом не помеха, наоборот, хорошее подспорье».

Он подчеркивал:

«Мы должны вначале создать нашу казахстанскую идентичность, общность нашего сознания, ценностей и понимания. Самым главным для государства должна быть следующая позиция: можете быть кем угодно — казахом, евреем, русским и т.д., для нас имеет значение — гражданин вы или не гражданин нашей страны».

Он яростно и последовательно отстаивал свои научные приоритеты:

«Что мы можем включить в систему наших ценностей? Стереотипы? Штампы? Мифы? Извините, но они не могут быть включены, поскольку любой грамотный человек рано или поздно начнет их опровергать. Поэтому, когда казахи начинают упрекать меня за какие-то модернизационные идеи, я им говорю: дорогие, вы не знаете свою историю, но это не страшно, самое главное — вы не хотите ее знать. Нельзя мифологизировать и приукрашивать, это не имеет отношения к науке и к реальным событиям в стране...»

Таков был его штандпункт, который он рьяно отстаивал, несмотря на улюлюканья из стана оппонентов, недругов и злопыхателей.

Он был рыцарем Свободы и Правды. К нему тянулись. Он служил Истине, высоким Идеалам – дерзко и верно.

В этом я убеждаюсь и теперь, когда его нет среди нас. Когда я вновь просмотрел его многочисленные интервью, статьи, выступления, доклады, изданные посмертно.

Его сокровенные идеи продолжают будить мысль и облагораживать наше общество, служат верным и надежным ориентиром в политическом, бушующем море.

Звали его – Нурбулат Масанов.

Нурбулат Эдигеевич.

Историк. Публицист. Политолог. Гражданин.

«Тасжарған», 2008
«Начнем с понедельника» № 46-47/08, 14.11.08.

СТЕЗЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА

Там, где кончается литература,
всегда продолжается жизнь.
Виктор Бадиков

Уже несколько дней читаю (перечитываю) солидный том, недавно вышедший из типографии, — «Виктор Бадиков. По гамбургскому счету. Творчество. Жизнь. Голоса друзей» (Алматы, 2008, 408 с). Книга составлена и издана с большим тщанием и любовью. Составители: Валентина Бадикова, Адольф Арцишевский. Билд-редактор — Рафик Зиганшин.

Виктор Владимирович Бадиков, доктор филологических наук, профессор, автор многих книг, учебников, статей, интервью, член Союза писателей и казахского ПЕН-клуба, погиб в возрасте 69 лет в автокатастрофе, а через сорок дней старанием вдовы и друзей увидела свет эта книга.

Я не смог быть на панихиде: был слишком «сырой» после незадолго перенесенного второго инфаркта. Младший друг, режиссер и писатель Лаврентий Сон сообщил потом по телефону: невозможно представить, чтобы так хоронили литературного критика. «Так» означало: с такой любовью, искренне, с неподдельным горем, уважительно, достойно, благодарно, сердечно, с неизбывной болью, многолюдно. Утрата оказалась безмерной.

...Тщетно пытаюсь вспомнить, когда же мы познакомились. Может, на похоронах Николая Ровенского? Или раньше? Имя его я знал, конечно, по печати давно. Точно помню: он тогда еще был доцентом, кандидатом филологии, преподавателем КазПИ им. Абая — так продолжаю я называть свою alma-mater и поныне. Я мысленно вижу его в компании Александра Жовтиса, Мориса Симашко, Зейнуллы Кабдолова — все они покинули этот мир.

Помню, как, вступая в казахский ПЕН-клуб, он занес мне свои ранние исследовательские труды, какие-то записки (дневники?) из его польского периода. С ним было приятно общаться: начитанный, обаятельный, любезный, деликатный, истинно светский человек со сдержанными, джентльменскими манерами. Словом, воспитанная личность, просветленная культурой. Меня подкупил его интерес к казахской литературе. Я незаметно привязался к нему. Мы часто встречались на литературных тусовках — в ПЕН-клубе, в редакции «Таң-Шолпан» (мы были членами редколлегии), в Институте литературы Академии наук, на «круглых столах» в публичной библиотеке, в литсалоне «Номад», в жюри «Альянс-Банка», у меня дома. Бывало, созванивались, обменивались книгами. Подолгу говорили о Борисе Пильняке, который мне особенно близок как Wogau — он родом из поволжских немцев.

Разговор этот состоялся за 17 дней до его гибели. Я его называл молодым. А что, стройный, высокий, поджарый, мобильный. Я же на пять лет его старше. Он саркастически ухмылялся.

...Моя слабость — этимология слов. Бадиков? Значит, корень «бадик». Звучит ориенталистски, с тюркской окраской. Наверное, в роду была татарская примесь.

— Откуда родом? — спросил я.

— Родился в Бузулуке Оренбургской области.

О Бузулук, Бузулук... Я когда-то там бывал у дальней родни жены. Там искони обитают мордвины — и эрзя, и мокша. Видно, и мой новый знакомый из тех племен. Вспомнил, как подошел ко мне любопытный пацаненок, потрогал мою палку.

- Какой красивый бадик!

Выяснилось, что в том краю бадиком называют посох, палку, трость.

Странно: у Даля много областных слов, а «бадика» не встретил. У казахов есть слово «бәдік». Так называется болезнь скота — вертячка. В Алматинской, Джамбулской областях «бәдіком» называют болтуна, пустобая, человека, у которого не все дома.

Вряд ли профессор Виктор Бадиков имел отношение к подобным «бәдікам». Но тюркская окраска явно напрашивается. Ясность может внести, пожалуй, один Олжас.

...Широта его литературных пристрастий поражает. Он основательно занимался творчеством Платонова, Булгакова, Замятина, Пильняка, Олеши, Домбровского. Казалось, он прочно обосновался там, среди корифеев 20-х годов прошлого века, которых долгие годы у нас либо не знали, либо знали весьма поверхностно. Потом Бадиков увлекся Мухтаром Ауэзовым, но опять-таки ранним. Потом преподавал русистику в Польше — по-немецки это называется Gast-Professor. И я помню то время: и я, и мои казахские друзья (например, Аскар Сулейменов) восхищались «Солидарностью», ее смелой идеологией и противоборством коммунистическому засилию. Некоторые ее верные и яростные адепты наведывались в Алма-Ату, и мы имели возможность их слушать у Симашко и Кекилбаева за дастарханом. А Бадиков жил в то время в самой гуще этой среды. (Кстати, то время и та атмосфера отражены в дневниках Виктора Владимировича. Я читал фрагменты. Где эти дневники?)

Он был не только основательным, добротным, так сказать, академическим литературоведом, владевшим современной методологией анализа, он активно занимался и педагогической деятельностью, и актуальной литературной критикой. Он писал не только о русских писателях Казахстана — Н.Черновой, В.Гундареве, О.Марк, В.Фетько, А.Арцишевском, В.Савельевой, А.Жовтисе, Т.Мадзигон, О.Постникове, Н.Ровенском, Ю.Кунгурцеве, Л.Лезиной, но и о казахах — Д.Досжане, Д.Накипове, О.Бокееве, Д.Исабекове, Б.Каирбекове, А.Нурпеисове, Б.Канапьянове, М.М.Ауэзове, об уйгуре М.Абдрахманове, корейце М.Паке, о татарке Р.Ахтямовой, белоруске Л.Шашковой, немце Г.Бельгере. И при этом рассматривал их творчество не как локальный, единичный, индивидуальный факт, а как явление в контексте многонациональной и мировой литературы, о чем свидетельствуют также его интервью с сотрудниками журнала «Amanat» — А.Арцишевским, М.Магауиным, Ш.Нурпеисовой, М.Гольбрайхтом, А.Тарази.

В книге, которую я назвал в начале, все эти этапы его творчества отражены: и прозаические произведения, и интервью, и статьи, и воспоминания о нем, и дивные фотографии.

Ценная книга! Она издана в предельно сжатый срок. И предваряет ее лапидарное, энергичное предисловие друга В.Бадикова — Адольфа Арцишевского. Предисловие называется «Пока мы живы...», и в первом же абзаце очерчены программа-минимум и программа-максимум издания: «Нам еще предстоит осознать всю невосполнимость потери и тех глобальных приобретений, которые были дарованы литературе уже самим присутствием в ней Виктора Бадикова — доктора филологии, профессора, литературоведа, критика, прозаика, педагога. Нам предстоит непростая работа по сбору и систематизации всего написанного им, по изданию его книг. И книга, что вы держите сейчас в руках, — всего лишь малая толика сотворенного им. Она ни в коей мере не умаляет значимость тех печатных изданий, что появятся позже, как плод долгих, быть может, даже фундаментальных раздумий и поисков. Она лишь крик боли наших с вами израненных душ».

Веские, точные слова!

И про «крик боли» абсолютно верно. Составители сделали невозможное, сотворив эту книгу жизни, боли и памяти.

Еще несколько разрозненных штришков о Бадикове и его посмертной книге.

Знаю: стезя литературного критика сплошь в ухабах и рытвинах. Очень трудно на этом тернистом пути оставаться объективным, справедливым, принципиальным. Критическое поле в Казахстане в последние десятилетия сильно оскудело. Критики вымирают, как мастодонты, уходят в литературоведение, в беллетристику, в чиновники. В жанре литературной критики в Казахстане активно и целенаправленно трудились двое — Сайлаубек Жумабек и Виктор Бадиков. В объективности и доброжелательности, а главное — в их компетентности, профессионализме никто из строптивого племени литераторов не сомневался. Авторитет их был непогрешим. И надо же было такому случиться: оба погибли в автомобильной катастрофе, находясь на творческом взлете, в пору деятельной зрелости. Жестока и несправедлива судьба.

Виктор Бадиков, по-моему, обладал редчайшим талантом человеческого общения: он ладил со всеми — с русскими, с казахами, нередко из разных лагерей и течений. И при этом не был тем, кого казахи называют «жалпақшешей», то есть добродушным добрячком, ласковым «литагашкой», а оставался принципиальным, сохраняя свои высокие нравственные ориентиры. А вот к текущей политике, насколько я заметил, оставался равнодушным. Видимо, сознавал, что политика — нечто преходящее, низменное, часто грязное, а литература — вечная категория, искусство, и живет она по своим законам.

Литераторы всех мастей льнули к нему, и молодые «гении», и неисправимые «модерновые» вундеркинды, и перезрелые «авангардисты» искали и находили в нем поддержку, и это был верный признак его востребованности и состоятельности.

Как он радовался, когда появилось русское литературное издание — «ЛГК», как он собирал и редактировал материалы для «Литературной газеты Казахстана», делился планами и содержанием предстоящих номеров. Горевал, когда оборвалась короткая жизнь газеты, верил, что она непременно возродится.

Он был из вымирающего племени истинных интеллигентов. Щедро дарил свой талант, свою любовь, свои знания, и коллеги чутко отзывались на зов его души — с благодарностью и нежностью.

С какой любовью говорил он мне о Дулате Исабекове, о совместной поездке на его родину, о встречах с героями казахского писателя, о том, как он пишет книгу со знаменательным названием «Прикосновение брата».

Он писал о всех нас щедро и немного приподнято; мы же пишем о нем только теперь, «вдогонку», после его трагической гибели. И я лично от этого испытываю большую досаду и неловкость. Добро надо делать, пока мы живы. Мудрый Адольф Арцишевский сказал исчерпывающе и об этом в своем упомянутом выше предисловии: «Не знаю, что будет со мной через год, когда будет подготовлен к печати и, быть может, издан двухтомник Виктора Владимировича. Не знаю, что будет

с каждым из нас. Но сегодня пусть явится в свет эта книга, где Виктор ведет диалог со своими друзьями — живыми и теми, кто безвременно ушел из жизни. Он пытался помочь нам осмыслить то, что мы сделали в литературе, пытался ободрить каждого из нас в наших исканиях своего заветного слова. Пока мы живы...»

Боль утраты еще не приглушилась. Надо, конечно, чтобы гипотетический двухтомник Виктора Бадикова увидел свет; надо, чтобы читатели не забывали его; надо пытаться осмыслить все, чем порадовал нас, разноязычных литераторов, красивый и талантливый человек, друг, коллега, наставник, незабвенный Виктор Владимирович Бадиков.

14-15.07.2008
«Таҫҫарҕан», № 45,46/08
«Простор», № 3/09

ОДИНОЧЕСТВО, ОБЛАСКАННОЕ МИРОВОЙ СЛАВОЙ

Дочитал роман Ч.Айтматова «Когда падают горы». Начало мощное. Планка высокая. И финал крепок. Но есть и откровенно слабые страницы. Особенно в языковом отношении. Газетный воляпюк, лобовая публицистика. Литературщина. Много надуманного, сконструированного. Этим грешит и его «Тавро Кассандры». Вообще, последние его вещи по художественным параметрам заметно уступают его «Пегому псу...», «Плахе», «Буранному полустанку». Но финал «Гор» — повторюсь — хорош, в айтматовском стиле. А русский язык у Чингиза все-таки слаб, не природный. Инородец А.Ким по этой части значительно сильней. Ким пишет по-русски почти как русский писатель. У Чингиза же язык засорен штампами и интернациональной лексикой. Слух, чутье хромают. Потуги на общепланетарность. Натянутость. Конечно, актуален, много верного, точно подмеченного, но нехватка художественной фактуры. А личность феноменальная, писатель яркий, мыслитель мощный, натура чуткая, человек обаятельный. Но русский язык не в крови, книжный, наносный. Какого-то элемента для гармонии не хватает.

Из интервью с Кабдешем Жумадиловым (еще недавно они с Абдижамилем Нурпеисовым громко, на всю страну судились; оба, кстати, народные писатели Казахстана) узнал, что, издав его 12-томник, издательство выдало на руки 500 экз. комплекта (500 х 12 = 6000 книг). И они валяются грудой у него дома. И я подумал: ведь и я где-то в глубине души подумываю-мечтаю о десятитомнике. Теперь засомневался: а кто это будет читать? Кому охота держать дома десять томов Бельгера? Значит, вполне достаточно три-четыре тома избранной прозы. Остальное — публицистика, эссе, очерки, исследования, критика

— существует в отдельных книгах. Но ведь и три-четыре тома прозы моей никто не издаст. Вот в чем дело-то...

Одно ясно: казахскими многотомниками народ сыт по горло. Народ вынужден думать о выживании в этом кризисном мире.

В девятом часу утра, едва я приступил к работе, позвонила девица с радиостанции «Азаттық» и сообщила горестную весть: вчера вечером ИТАР-ТАСС объявило о кончине в Нюрнберге Чингиза Айтматова. Нужно интервью. Весть ошеломила, хотя уже две недели (или больше?) знаем, что Айтматову худо...

Почему-то сразу вспомнилось, как в Костанае, в начале 90-х годов мы проводили совместное с российскими писателями выездное заседание Казахского ПЕН-клуба, Чингиз Торекулович озабоченно поведал нам о том, что Нобелевский лауреат Маркес, заболев раком, по Интернету простился со своими читателями со всего света. Я помню печальное и встревоженное выражение лица в этот миг. Сам Айтматов попрощаться через Интернет со своими читателями не успел, хотя еще в начале года попал в клинику Швейцарии. Он готовился широко во многих странах отметить свое 80-летие. Планы были масштабные, грандиозные. И, казалось, все они осуществятся...

Ровно в десять белоликая казашка Макпал пришла ко мне и записала на казахском мою сбивчивую речь. Минут пять-шесть я что-то пробормотал о моем ощущении Айтматова. Грандиозная, уникальная личность! Ушел красиво, достойно: не дряхлый старик, а стройный, прямой, импозантный, умный, мудрый джентльмен. Все в жизни имел. Многого достиг. 50 лет (полвека!) был обласкан славой. О нем написаны горы статей на многих языках. И еще много напишут, скажут. И книги его читать будут еще долго. Очень уж активен, популярен был. И книги его прозвучали на 160-165 языках мира. И жаден был до жизни, до славы. Мыслил масштабно. И в 80 лет разрабатывал колоссальные проекты. Но, как известно,

человек предполагает, а Бог располагает. Даже если ты титаническая личность.

Мне он очень нравился. И как писатель, и как человек. Я его немного знал, встречался и беседовал с ним в Костанае, в Алматы (в пору моего депутатства в Верховном Совете встречал и провожал его), в Москве (на писательских съездах). По его просьбе я послал ему свою книжку «Гете и Абай», читал ему «Ночную песнь странника» Гете в оригинале и в переводах Лермонтова и Абая. Он внимательно вслушивался в текст русской и казахской версий. Меня он называл «Гереке», общались главным образом по-казахски. Его казахская речь была приятно окрашена киргизской тональностью. Это получалось у него очень своеобразно. Как-то он передал через А.Нурпеисова «Тавро Кассандры» на немецком языке, подписав: «Славному казаху Герольду Бельгеру. Брюссель. 10.01.95». Роман с русского переводил его друг Фридрих Хитцер.

Светлый, обаятельный, чуткий был человек, Чингиз Айтматов. Прекрасный собеседник, рассказчик. В Ташкенте, в гостинице мы завтракали и ужинали в компании пяти-шести человек, и все внимали ему. В Ташкенте я записал его устный рассказ во время вечерней прогулки возле гостиницы, позднее опубликованный мной в газете «Қазақ әдебиеті».

С покойным Аскаром Сулейменовым мы часто говорили о нем, восторгались каждым его произведением. Узнав о том, что некий прозаик тайно соперничает с Айтматовым, Аскар кривил губы и язвительно замечал:

«Пәлі! Тот писатель ездит на аульном велосипеде-драндулете 30-х годов, а Айтматов мчится на современном гоночном мотоцикле. Какое уж тут соперничество!»

Айтматов не должен печалиться: ушел в канун 80-летия на взлете, в лучах заслуженной мировой славы. Правда, многие замыслы остались незавершенными. Все свои замыслы в жизни завершил, кажется, один Гете.

❁ ❁ ❁

P.S. По всем каналам ТВ говорили вчера о кончине Айтматова. Везде мелькал эффектный видеоряд. Айтматов запечатлен в фильмах и фотографиях щедро. И везде на него любо-дорого смотреть. И он искал славу, и слава искала его. И он обуздал, настиг, покорил славу, как строптивую женщину, и слава его горячо обласкала, как любимца, как баловня, как любовника. Но, полагаю, Чингизу Турекуловичу было порой тяжело: сохранить человечность под пудами наград и регалий, конечно же, непросто. А он цацками был увешан с головы до ног, как маршал-полководец.

«Тасжарган», 2008
«Начнем с понедельника», 5.12.08.

ПОГРУЖАЯСЬ В ПУЧИНУ ИЛЛЮЗОРНОГО МИРА...

I

«Дом суриката» — так называется четвертая книга романного цикла «Сны окаянных». Сразу возникает вопрос: что за сурикат? Оказывается, не что, а кто. Джугарный сурикат — африканский сурок. Родственник мангуста и крысы. Существо одинокое, беспокойное, трагическое, склонное к изгойству.

Автор — Аслан Жаксылыков. Читающему люду имя это давно известно. Ему ныне исполняется 55, а творческий стаж — 31 год. За это время он проявил себя как своеобразный прозаик, ученый-литературовед, критик, переводчик, автор множества актуальных монографий, статей по психологии, эстетике, генезису, религиозным мотивам в казахской литературе... Он завидно много знает, много читает, преподает в университете, выступает на литературных мероприятиях, руководит аспирантами, активен и энергичен, постоянно размышляет о сложности бытия и видит мир по-своему — во всем его многообразии, яркости, противоречивости, в затейливом сочетании реальности и мифологии, сказочности, иллюзорности. Говорить об Аслане Жаксылыкове без мудреных слов и научных терминов, дефиниций, литературных, философских реминисценций абсолютно не мыслимо, и у меня не хватает слов, чтобы наиболее точно определить уникальность его мировидения и мировосприятия, художественность его фантастических, ирреальных сплетений образов, красок, фантасмагорий, философских явлений. Я даже не решусь с кем-либо его сравнивать. Он ни на кого не похож. По крайней мере, в казахской (казахстанской) литературе.

Для сведения читателя назову некоторые его литературные и научные труды: романный цикл «Сны окаянных» («Поющие камни», «Сны окаянных», «Другой океан», «Дом суриката». Из интервью писателя явствует, что он завершает пятый роман — хамсу — этого цикла), книги «Философия всеединства и саморегуляция», «Просветление Ахмеда Яссави», «Религиозные мотивы в художественной литературе», докторская диссертация «Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы» (типология, эстетика, генезис). Называю здесь лишь те сочинения Аслана Жаксылыкова, которые определяют его творческое лицо. Он обладает множеством регалий и званий: академик Международной академии информатизации, доктор филологических наук, профессор КазНУ имени Аль-Фараби, член Казахского ПЕН-клуба. В биографической справке, предваряющей «Дом суриката» (Алматы, 2008), сказано: «Жаксылыков А.Ж. является автором 150 научных трудов и 20 художественных произведений. Главным его художественным произведением является тетралогия «Сны окаянных», в экспрессивной форме отображающая экзистенциональные и философские проблемы войны в истории человечества».

В этой фразе обозначена, на мой взгляд, идейная и содержательная суть романа, о котором ниже пойдет речь. А аннотация поясняет суть произведения несколько шире: «Возможно, это самая неоднозначная многоуровневая книга автора. Сложные стилистические фигуры и тропы, эллипсис, парабола, парадоксы перетекают одно в другое, образуя сложную, но внутренне единую вязь. Ее основная идея — выживание человечества и предостережение от гонки вооружений в условиях глобального экологического кризиса».

II

Сразу оговорюсь: читать А. Жаксылыкова — труд, притом не из легких. Я читал его романы долго, пробиваясь сквозь дебри дум, философских

размышлений, зарослей мудреных слов и невероятно затейливых синтаксических конструкций, то и дело прерывая чтение и вновь к нему возвращаясь. Читать этого автора запоем, в один присест, не отрываясь — никак не получится. Каждое предложение, каждый абзац сопротивляются восприятию, зыбятся, будто в мареве, уплывают, обволакиваются заумной хмарью, истаивают в дымке. Читать его полагается медленно, с напрягом, с карандашом в руке, делая попутные заметы на полях, дабы не потерять нить восприятия, то и дело перечитывая предыдущие страницы, заглядывая в словари, с трудом проникая в иллюзорный мир, воссозданный причудливой фантазией писателя. Массовый или рядовой читатель не привык к такой форме изложения, считая это поветрием моды, выпендрежем, модерновой болезнью, авангардным бредом. Говорить, спорить о подобных литературных пристрастиях и течениях можно и нужно. Только несправедливо отвергать их с ходу. Я, к примеру, воспитан на реалистической, классической литературе (русской, казахской, немецкой), она близка моей природе, я ее приверженец и поклонник, но и к новым веяниям, поискам, экспериментам, даже нарочито путанному восприятию неоднозначного мира отношусь спокойно, толерантно, с любопытством. Лично я, как литератор, убежденно тяготею к простоте и доступности слога, стараюсь быть в своих писаниях не вычурным, а максимально кратким и понятным. Но вполне понимаю, сознаю, что таков не единственный путь познания и художественного воспроизведения реальности. Жизнь в общем-то проста и сложна одновременно, и ценности ее стабильны. И методы отражения действительности бесконечно многообразны. Это банальная истина. У Аслана Жаксылыкова же все сложно — и образы, и фантастический сюжет, и изощренные манеры повествования, и диковинное сочетание реальности и фантазии, ирреальное воображение, жутковатые сновидения, трагизм мира, отчаянное одиночество, непривычное сцепление слов, видение смятенного сознания, причудливое и часто нарочитое смешение изобразительных средств и стилей, обилие мудреных понятий: «в ритме пранаямы»,

«гуманоидная психика», «кивларовая роба», «концепция сурикатства», «генетический код вирусов», «муссонные лемуры», «педалировать процесс клонирования растений», «микромир вирусов, бацилл и микробов». Подобных слов и словосочетаний на каждой странице его «Дома суриката» столько, что глаза спотыкаются. В этом романе бытуют и действуют джугарные воины-зулоны, зубуйволы, зуроги и джугомоты, джумуры, джубезьяны, джусойные химеры, термиты — агенты Шестого отдела, кабаны, ушлые крыланы, зубастые джупиры, гиены и шакалы, джуягуры, «гулливый медовый охальный избранник», «зеленоглазая, рыжеволосая русалка-девочка», динозавры, диплодоки, мастодонты, рапторы, нетопырки и т.д. На читателя обрушиваются «грани квантовой, временной волны», «свирепые войны — рев, крики, мольба о помощи, судороги, взгляды, летящие словно брызги». Кровь бежит по асфальту ручьями. Звучат гобои, английский рожок, китайская свирель, сырнай, кобыз.

Вообще много чудес и превращений происходит в «Доме суриката» — полагаю значительно больше, чем во второй части «Фауста» Гете.

III

Как определить жанр романа Жаксылыкова? Ей-ей, не знаю. Слишком все мудрено, слишком все накручено. У нынешнего романа много видов: традиционный роман, роман-эссе, роман в новеллах, роман-исповедь, роман-хроника, роман-воспоминание, роман-документ, роман-фантазия. К какому виду отнести роман «Дом суриката»? Для себя я его определил, как РОМАН-ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ, если таковой существует в природе.

Протяжная проза, текущая медленно-медленно во времени и пространстве, туманная, зыбкая, вязкая, сумеречная, навевающая смутные очертания и странные сближения, алогичные ассоциации. Именно в этом его своеобразие и сила творческого письма.

Что касается сложности его стиля, то приходят на память строки Бориса Слуцкого:

Надо думать, а не улыбаться,
Надо книжки трудные читать.
Надо проверять — и ушибаться
Мнения не слишком почитать.

Должно быть, Жаксылыков руководствуется как раз этим принципом.

Чтобы понять, постичь роман «Дом суриката», нужно подобрать к нему ключ, войти в сокровенный смысл символов, иначе будешь читать его совершенно механически, как гоголевский Петрушка. О природе этого романа проникновенно толкуют под этой же обложкой два наших известных, замечательных писателя — Бахытжан Момышулы и Ауэзхан Кодар. Первый пишет: «Писатель Аслан Жаксылыков, отчетливо видя в полном объеме общую картину существования, складывает из множественных кусочков смальты мозаику единой жизни. Части этого процесса проходят перед видящими и невидящими глазами, перед душами спящими и пробужденными, перед омраченным и просветленным сознанием».

Это верно. На мой взгляд, в этом объемном, тяжело воспринимаемом романе все же довлеет омраченное сознание в мыслимых и немыслимых параметрах.

Приведу одну цитату из потока этого сознания, хотя и понимаю, что она вырвана из контекста. Но мне нужно здесь проиллюстрировать своеобразие стиля Жаксылыкова:

«Витальный сгусток, пульсируя, оставляя за собой слабый ментальный след, летал над непроницаемыми сводами безвременья. Сколько длилось это безвольное падение в пучину сознания того, кто был Истинно чужим, кто залег миллионы лет назад в недрах древних базальтовых слоев мерцающим энергополем — на этот вопрос не мог дать ответа ни инстинкт суриката, ни интуиция бывалого Снежного воина. Тем не менее сама глубина нерушимого сна-транса, захватившего все человеческое существо, растворившего ограничения личностной психики и освободившего щупальца иного восприятия, явственно ощутила присутствие Истинно

чужого и отреагировала на него импульсом страха. Это было энергополе неземного, внегалактического происхождения, холодная, отчужденная, иррациональная тьма, некая неизведанная сила, чутко реагирующая на любые проявления витальной плазмы».

Цитата громоздкая, но в книге она занимает едва треть одной странички, а таких страниц в романе более четырехсот, и в такой вязкой тональности идет все повествование, в которое включены трансы снаполя, субатомный уровень, космический Локк, сенсоры нейтринного уровня, проекции и структуры трансфизического купола, сенсорные жгуты твоего сознания, антипротонная сеть, реконструкции квази-видения, россыпь антипротонов, энергетические импульсы, фазы дифференциации и консервации, рок астероидов, акт сингулярности, магма и удары гравитационных волн, галактики, огромные астероиды, континенты с саркофагами — и все эти мудреные словечки на одной страничке (129), и читатель тщетно пробивается через эти джунгли совершенно обессиленный и очумелый.

Не стану далее приводить примеры из текста, ибо рискую отпугнуть читателя от романа, что совершенно не входит в мою задачу. Я, наоборот, стараюсь привлечь внимание читателя к произведению, которое написано столь сложно, импульсивно и иллюзорно.

По-моему, точно и лапидарно выразился по этому поводу Ауэзхан Кодар:

«Там (в романе) происходят невозможные вещи... Роман распадается на куски, понятные и любителям реализма, и поклонникам фэнтези, а в целом оставляющие впечатление каких-то несвязных галлюцинаций, как будто речь идет не о реальности, а о приснившемся сне. Роман словно и о чем-то рассказывает, но в итоге — как-то ни о чем. И, видимо, эту вещь невозможно понять, если не обратиться к эстетике веданты или майяводы, которую, по всей вероятности, исповедует автор».

Как быть? Я об эстетике веданты и майяводы и слыхом не слыхал, а уж рядовой читатель, подозреваю, и подавно. Но одно уяснил: не прочитав предыдущие три романа из этого цикла, четвертый роман «Дом суриката» (кстати, самый объемный) вряд ли будет доступен читателю.

И вообще мне чудится, что многознатец А.Кодар наиболее близок к разгадке, к постижению этого «құйтыркианского» произведения. Кодар справедливо замечает: «Так и в произведении Жаксылыкова невозможно установить причинно-следственные связи. Но это сознательная стилизация под ведическое учение об иллюзорном мире. Поскольку мир иллюзорен, человек должен абстрагироваться от него и создать свое особое пространство».

А.Кодар определяет и главную идею романа: «выживание во враждебном мире, выживание любой ценой...»

IV

Есть у нас, в Казахстане, несколько признанных писателей, которые творят в необычном, непривычном стиле, исповедуют иную эстетику, пользуются совершенно иными изобразительными средствами, вооружены, что называется, до зубов философией, эстетикой, психологией, историей, культурологией и прочими атрибутами человеческого сознания и которые часто выражаются языком пришельцев с других планет, на грани зауми и бредового транса. Такая стилистика моментами захватывала моего покойного друга Аскара Сулейменова на заре его философско-филологических изысков и экзерсисов. Модерново ныне пишут Ауэзхан Кодар, Дидар Амантай, Дюсенбек Накипов, Аслан Жаксылыков, большая группа поэтов и прозаиков из литобъединения «Мусагет». Я, традиционалист, реалист, многих из них не только читаю, но и посильно пишу иногда о них, стараюсь вникнуть в их мировосприятие, мироощущение, абсолютно убежденный, что они представляют и выражают в своем творчестве на свой салтык многослойный, многоуровневый, многоликий, многосложный мир. Некоторые мои друзья, весьма известные писатели, нередко осуждают меня за потакание — по их выражению — дурновкусице. Говорят: «Представляете, если вдруг все захотят писать в такой манере?! Во что превратится наша литература?

В белиберду, в набор заумных фраз, в қойыртпақ, в хренотень, в абракадабру!» Я обычно отвечаю: «Не сгущайте красок. Нельзя, чтобы все писали одинаково. Пусть каждая птаха поет своим голосом. Большой литературе и модернисты, и модники не помеха. Они раздвигают литературные горизонты и приковывают внимание к сложностям бытия, противодействуют примитиву. Надо относиться к ним уважительно. А «мода» сама по себе пройдет. Ведь до поры до времени каждый творец модничает на свой лад». «Да они жизни не знают, оттого и выкаблучиваются!» — не унимаются мои оппоненты. «Почему не знают? — упорствую я. — Знают. Очень по-своему. И, как правило, они образованны, начитаны, упорно себя ищут, склонны к новизне».

Честно: я не вижу в этом явлении большой опасности. В конце концов все решают талант, вкус, чувство гармонии — врожденное или благоприобретенное. Кучка неисправимых модернистов не размоют крепкую, витальную ткань традиционного реализма, если она существует в той или иной национальной литературе.

Одно очевидно: у меня, читателя, и автора «Сны окаянных», мозги устроены по-разному. Мы в творческом плане бытуем в разных сферах бытия. И стыковка наших представлений происходит — неуглубленно, поверхностно — лишь на стыке реального и виртуального, предельно ясного и затуманенного, бредового, сомнамбулического, и вот эти редкие стыковки и рождают во мне, читателе, интерес к авангардистским, импрессионистским ухищрениям и завихрениям долгого повествования.

Да, говоря словами автора, мое сознание омертвело в сплошной базальтовой тусклоте. Я бесконечно застревал, как муха в патоке, в сверхсложных синтаксических конструкциях и инобытийных физических дефинициях. Обычно писатели стремятся к тому, чтобы читатели их понимали; автор «Дома суриката» в основном устремлен к тому, чтобы его никто ни за что не понимал, чтобы его разгадывали, как нескончаемый гигантский кроссворд, без нити Ариадны тут никак не обойтись, заблудишься в пещерных лабиринтах. Видно, автору совсем не нужно, чтобы его понимали, для него важно, чтобы читатель оказался обескураженным трансцендентальной аппер-

цепцией, априоритющей к филиациям, - ей-ей, не ведаю и сам, что это такое, а вот, поди ж ты, застряло в голове со студенческих времен. Зная мою расположенность к глубоко образованному литературоведу широкого профиля, мне звонят его студенты и аспиранты, сетуя на то, что они при всем желании и усердии не смогли одолеть «Дом суриката». Я их обычно утешаю: «Не все на свете подается пониманию, есть творения, которые следует только читать, перечитывать и про себя удивляться и восхищаться».

V

Знаменательно, что кое-кто из доморощенных интеллектуалов не прошел мимо этого творения Аслана Жаксылыкова. Называют его «книгой-прорывом», «новой ступенью в развитии казахской литературы», «смелым откликом на литературные эксперименты третьего тысячелетия», «образцом нового мышления в искусстве». О том напомнил Адольф Арцишевский в интервью с автором тетралогии «Сны окаянных» («Central Asia Monitor», № 11/08). И я со своей колокольни против этих оценок не возражаю, наоборот считаю их — как выражаются шахматисты — корректными. Понимаю, что все новое, сложное воспринимается поначалу трудно, со скрипом, нехотя, а то и в штыки. Так уж повелось издревле. Многое в названном выше интервью проясняет сам автор. Вот несколько фраз из ответов Аслана Жаксылыкова:

«Трудно обозначить сжато, в двух-трех словах, тему романа. И тем не менее речь идет о войне в истории человечества, о философии».

«В принципах построения моей книги задействованы квантовая физика, релятивизм, философский мунизм. И, разумеется, очень глубокий социально-исторический пласт. Здесь литературная игра не сама по себе, она служит раскрытию глубинных смыслов».

Интервьюер Адольф Арцишевский деликатно замечает в беседе с автором: «Все сходятся в одном — тетралогия сложна для восприятия читателя...» И автор соглашается:

«Да, сложна. И по стилистике, и по сюжету, и по своей семантической многослойности. Но так я мыслю, и я не

хотел намеренно облегчать труд читателя. А потом эта книга в значительной мере для творческой интеллигенции — поэтов, философов, культурологов, художников, музыкантов, мыслителей».

Автор весьма откровенен и исповедален в своих ответах. Он признает, что в книге есть элементы футуризма, неореализма, разные модернистские течения, что она автобиографична настолько, насколько он, автор, описывает свои сновидения, что его учителя-кумиры Фолкнер, Пруст, Толстой, японский кинорежиссер Хайио Миоцзаки («Остров Лапута»), что последует еще один роман этого цикла, и таким образом в казахской литературе родится пенталогия.

Мудрый Адольф Арцишевский назвал ту беседу «Магическая тайна бытия». Здесь каждое слово на месте: и магия, и тайна, и бытие. Точно определена душа романа. Да и весь романный цикл «Сны окаянных» пронизан сокровенным философским смыслом. По Далю, окаянные — проклятые, нечестивые, изверженные, отчужденные, преданные общему поруганию, недостойные, жалкие, погибшие духовно, несчастные, грешные. Даль приводит поговорку: «Окаянные сквозь землю, Господь по земле». На этой антитезе, по-моему, и построен роман. Читателя преследуют, как наваждение, жуткие картины подземного, крысиного царства, ожесточенные схватки темных сил, отчаянная борьба за выживание всего светлого в развитии разума, души, в катарсисе — очищении сердца. Чего и кого только нет в этом романе — и деревья-людоеды, и растения-вампиры, и цветы - охотники, и всякие химерические чудовища, которые даже во сне не каждому приснятся.

VI

Чувствую, статья моя, помимо воли, разрослась. Скорее всего, гипотетический читатель ее и не осилит, как и роман «Дом суриката». Разумеется, есть прозаики, которые могут писать только в таком стиле, в таком ключе. Так сложилось их мировосприятие. Они новаторы, авангардисты, модернисты, постмодернисты, футуристы и другие чудоисты. Имеют право. И требовать от них

писать иначе никто не правомочен. Несомненно, и у художников такого типа имеются свои поклонники. Им писание традиционалистов могут показаться пресными, скучными, примитивными. Единственное, мне не хотелось бы, чтобы апологеты такого метода, такой технологии возвели бы себя в абсолют, не возомнили бы себя исключительными, «самыми-самыми», первопроходцами, художниками высшей марки, глашатаями некой тайны или магической истины. Любая литература не может состоять из одних новаторов и авангардистов, вовсе не все подряд обязаны малевать «черный квадрат» в искусстве. И мир, и искусство бесконечно многогранны. Но что искусство? Случайно наткнулся на дневниковую запись Льва Толстого. 17 мая 1896 года он писал в дневнике: «Главная цель искусства, если есть искусство и есть у него цель, чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. От этого и искусство. Искусство есть микроскоп, который наводит художника на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям».

Выходит, у Аслана Жаксылыкова есть тайны, которые нельзя (невозможно) высказать простыми словами. Выходит, у него есть свой микроскоп, который он навел на тайны своей души. И тайна сия велика есть. Она сопряжена с неизбывной тревогой о человеческих судьбах, с болью и отчаянием за будущее всего сущностного на земле. Этими тревогами и поделился автор «Дома суриката» с читателем, погрузив его в затейливый, причудливый калейдоскоп своих окаянных снов, жутких фантазий и сумрачных видений. Ауэзхан Кодар свой отзыв на четвертую книгу Аслана Жаксылыкова заключает такими словами: «В наше время, которое объективно характеризуется как эпоха «столкновения цивилизации», роман А.Жаксылыкова, как проводник по лабиринту «апокалипсиса наших дней».

Полностью согласен. Я не один месяц блуждал по этому лабиринту, читая «Дом суриката», и наконец решился поделиться с читателем своими посильными впечатлениями и соображениями.

01-03.01.09 г.
«Город», № 11 (23), 13.03.09.

БАХЫТЖАН – СЧАСТЛИВАЯ ДУША

Несть числа славным Бахытжанам среди казахов. Но я веду здесь речь только об одном из них — о Бахытжане, который Канапьянов.

Литератор он истинно профессиональный, многослойный, многопластовый, многопрофильный — поэт, переводчик, редактор, издатель. Он много и успешно пишет («Он славно пишет, переводит»). Издает и издается. И о нем многие и много пишут. О нем, как и о любви, едва ли не все сказано. Все знают — и не только в Казахстане: у Бахытжана глубокие и благородные корни, славные родители, просветитель-отец (мне знакомы книги о нем), даровитые братья и сестры, и сам многократно талантлив, образован, начитан, не барчук, не сибарит, а истовый трудяга, «пахарь», неуемная, возвышенная душа, светлая, добрая личность, человек, бескорыстно влюбленный в Поэзию и Поэтов, чутко чувствующий Время и себя во времени и пространстве. Да что тут говорить, одним словом, счастливая душа — Бахытжан — бақытты жан — во всех смыслах и параметрах.

Ничуть не преувеличиваю: тесно знаю его три десятка лет, читал и храню все его книги.

Кстати, и я о нем где-то, что-то, когда-то сказал. Не стану здесь повторять ни себя, ни других.

А постараюсь коротко поделиться своими впечатлениями (Расул Гамзатов, вспомнилось, изящно произносил «пэхчатления») о его последней (на нынешний день, понятно) книге «Весы» (Алматы, 2008), куда — как сказано в аннотации — вошли его литературные очерки, этюды, статьи за почти тридцатилетний период.

(Одно попутное замечание: в журнале «Нива» — № 8/08 — некий семиреченский казак посчитал нужным подчеркнуть, что Бахытжан Канапьянов, пишущий

по-русски, — нерусский поэт, нет, мол, в нем русского духа. Эка, беда! Важно, что в нем есть казахский дух, поэтический дух, выраженный подлинным русским речестроем. Для меня имеет главное значение то, что он Поэт, что воспринимает мир возвышенно, нравственно, поэтически чисто, незамутненно, незаумно и облагораживает людские сердца духом Поэзии. Именно это Бахытжан блестяще доказал своими книгами и издательскими, просветительскими деяниями).

Попытаюсь определить суть и значимость «Весов» Бахытжана. Почему такое название? Мне автор объяснил, что он по гороскопу относится к этому созвездию. Название, думаю, удачное: короткое, запоминающееся, имеет разный — тематический и философский — подтекст.

Знаковые события литературы и культуры — казахстанской и российской — автор как бы взвешивает, оценивает на своих творческих весах. Многие статьи и эссе знакомы по московским и алматинским изданиям. Есть и такие, которые я прочитал впервые. Я все читал и перечитал с интересом, будто по душам побеседовал с младшим собратом-коллегой за дастарханом или за шахматной доской. Бахытжан мне доверительно признался, что он, в сущности, за эти три десятка лет не изменился и в веке нынешнем. Тут я, пожалуй, с ним не совсем соглашусь. В творческом плане какие-то перемены явно просматриваются: естественно, возмужал, окреп духом и пером, рассуждает глубже, основательней, заметней расширился горизонт, «лета к суровой прозе клонят». И вообще подозреваю, Бахытжан как-то понемногу удаляется из хорошо обжитого аула поэзии в сторону раскинувшихся по низовьям и верховьям аулов прозы, эссеистики и публицистики. Так сказать, новый этап творчества. Который я — на правах старшего — приветствую и благословляю.

Что сразу же бросается в глаза? Это широкий социокультурный фон «Весов». Автор значительно расширил горизонты своих литературных пристрастий. Тридцать статей, эссе и этюдов автор распределил по трем частям. Первую часть («Из века в век») составляют

исторические статьи-размышления-раздумья, охватывающие и анализирующие предтечи национальной культуры: «2000 лет и вечность», «Скифосак Анахарсис», «Словарь столетий», «Юсуф Баласагуни и его город», «Кей Кавус и его педагогический трактат «Кавуснаме», «Эпос «Кыз Жибек». Эти шесть фундаментальных работ свидетельствуют о глубоком проникновении автора в культуру и историю своего народа, о его причастности к великим истокам, о его мироощущении заповеданных предками нравственных идеалов. Автор оперирует основополагающими трудами крупнейших ученых по фольклору, истории, культурологии, этнографии, языкознанию, эстетике, тюркологии, из седой древности перекидывает мост к современности, старается вычленить из всех этих элементов объединяющую национальную идею, убежденный, что «базис и предпосылки — это наше великое прошлое. Великое и по возрасту нашего многовекового бытия, великое и по чаяниям и деяниям наших предков».

В статьях этого исторического цикла Бахытжан превзошел самого себя, выявив еще одну грань своего таланта — грань историка-исследователя, культуролога-аналитика, в котором гармонично сочетаются чувства прошлого и настоящего. Он вовлек в орбиту своего исследования монблан научной литературы, осмыслил, прочувствовал и обобщил все эти факты в горниле своей поэтической души. И вот его вывод мудрости земной: «Вместе с каждым!» — вот мой девиз и принцип в поисках своего «философского камня» и своей истины».

Вторую — наиболее объемную — часть «Весов» составляют очерки и этюды о выдающихся казахских писателях, поэтах, общественных деятелях Магжане Жумабаеве («Великий поэт мировой культуры»), Жусупбеке Аймауытове («Великая соль созидания»), Шакариме («Апрель Шакарима»), Султанмахмуте Торайгирове («Три тома Султанмахмута Торайгирова»), Ильясе Жансугурове («Кулагер»), Ахмете Байтурсынове, Смагуле Садвокасове, Жумагали Тлеулине, о лидерах «Алаш-Орды» Алихане Букейханове, Мир-Якубе Дулатове. Об этих неординарных личностях написано в последние годы много. Но о каждом из них Бахытжан

находит свои суждения, свои слова, свои краски, доводя до сознания главным образом русскоязычного читателя их творения и деяния. В этих этюдах автор выступает как пропагандист, популяризатор, посредник между народами. Ответственная миссия! И Бахытжан имеет на то право не только как — в данном случае — литературовед, а как переводчик, составитель и издатель книг, как культуртрегер в высоком смысле. А чего, например, стоят в развитии культуры два его поэтических календаря — пушкинский и абаевский — совершенно уникальные проекты (немцы говорят: «einmalig», казахи — «бірегей»), о которых в «Весах» также идет проникновенная речь. В эту же часть входят такие блистательные эссеистские работы, как «Поэтический год России и Казахстана», «Образ Махамбета в творчестве Олжаса Сулейменова и Андрея Вознесенского», «Чокан Валиханов и русская литература», и другие.

У Бахытжана много друзей-поэтов в России и за рубежом. Его любят, ценят. В том я убедился на грандиозном торжестве в Алматы по случаю его 50-летия, когда его через спутниковую связь сердечно поздравляли выдающиеся современники из разных стран. Помню я и поэтический вечер в феврале 1996 года, когда весь вечер читали стихи Бахытжан и его московские друзья-коллеги Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина и Александр Ткаченко. Недавно в «Литературной газете я прочел теплые слова о Бахытжане, сказанные его однокашником по Высшим литературным курсам в Москве поэтом и критиком Мнацаканяном. Напомню здесь и монографию о творчестве Бахытжана, написанную безвременно ушедшим от нас профессором Виктором Бадиковым. Привязанность Бахытжана к русской культуре ярко выразилась в его эссе о Павле Васильеве («Родительница-степь»), Арсении Тарковском. Поистине «поэту поэт-кунак».

Анализируя творчество Павла Васильева, Бахытжан делает удивительно точные наблюдения и дает верные характеристики.

«С появлением Павла Васильева, я бы сказал, впервые в оригинале, минуя переводческие издержки, в русскую советскую поэзию вторглись образы казахской степи».

Это справедливое заключение автор иллюстрирует эффектными поэтическими строками.

Или:

«Стихи Павла Васильева равны бушующему ночному костру. Увидев в кромешную ночь такой костер, потянешься к нему всей озябшей душой, а подойдя, обжигаешься о языческое пламя».

Это сказано броско, метафорично, лапидарно.

Бахытжан с трепетной любовью и естественной гордостью упоминает в своих этюдах десятки и десятки выдающихся имен, ярко горящих на небосклоне русской поэзии. Он сам представитель двух культур, двух литератур, на стыке которых сложился и окреп его дар. Как Чингиз Айтматов. Как Олжас Сулейменов. Как Бахыт Кенжеев. Как многие его собратья из разных республик почившего в бозе СССР.

Третья часть «Весов» — «К истокам» — проникновенная, лирическая исповедь-новелла об отце, педагоге-просветителе Мусахане Канапьянове («Часы и время отца»), о матери и родном крае («К истокам»), о детстве, о духовном и нравственном становлении, о старших наставниках, друзьях, о «Свете нашей памяти и печали нашего беспамятства». Эти страницы написаны чутким сердцем и неизбывной памятью к благотворным истокам. Этими мотивами навеяны с любовью и тщанием изданные когда-то Бахытжаном фамильные книги «Ұстаз» — «Учитель» и «Тағылым» — «Уроки», которые хранятся в моей домашней библиотеке.

Венчают книгу «Примечания», указывающие когда и где, в каком виде и по какому поводу впервые была опубликована та или иная статья. Эти важные сведения дополняют достоинство и значимость интересной, полезной и поучительной книги Бахытжана Канапьянова.

11.01.09 «Город», № 1-5, 2.01.09-30.01.09.

ПЫТАЯСЬ ЧТО-ТО СКАЗАТЬ МИРУ...

(О книге, о писателе)

Два дня с утра до вечера я разбирал книжные завалы на балконе. Для меня книга — живое существо. Ее нужно время от времени брать в руки, мягко протереть, погладить, полистать, вчитываться в какие-то абзацы, тихо побеседовать с ней. Книга, которая годами безмолвствует на полке, не испытывая тепла и ласки человеческих рук, черствеет, сохнет, чахнет, умирает. Чуткая ее душа нуждается, как женщина, как ребенок, в любви и внимании.

Для всех моих книг, к большому сожалению, не хватает места в моей келье-кабинете. О просторном кабинете с книжными полками до потолка я мечтаю всю жизнь. Осуществиться этой мечте уже не суждено.

И я несколько сот книг расселил по балконам: на одном — немецкая литература (главным образом, российских немцев), на другом — казахская, на третьем — журналы. Конечно, не очень им, беднягам, уютно. Летом жарко, сушь; зимой — холодно, стынь и сырь. Но они мужественно терпят, зная о суженном жизненном пространстве хозяина. Мне тоже неудобно. Иногда в своих писаниях мне позарез нужны Магауин, Байтурсынов, Мухамедханов, Кайдари, а их многотомники томятся в нижнем ящике, и чтобы добраться до них, мне понадобится разгрузить пять-шесть коробок сверху. Уйму нужных, ценных книг я расселил по коробам-квартирам, и побеседовать с ними за чаем очень хлопотно. Но я знаю, в каком ящике обитает пленник-автор, помню о нем, и он терпеливо ждет, когда я, наконец, постучусь к нему и загляну в его сокровища. В крохотном кабинетике в 13 кв. метров сожительствуют со мной лишь груды рукописей, словари, энциклопедии,

справочники, литература, без которой мне просто существовать невозможно. Мудро и понимающе взирают на меня, на мое убогое бытование из-за стекол Гете, Гегель, Шиллер, Гейне. Но редкие свидания с балконными залежами и радость, и тяжкий труд. Я с каждой книгой встречаюсь будто впервые после долгой разлуки. И с каждым автором побеседовать наедине, в тиши, словно со старым знакомым, — услада. При этом я заметил: старею я, а книга — вечно юная, полна тайны, очарования и благодарной любви.

Говорят, зачем, мол, книга, когда есть компьютер. Интернет. Не знаю, не знаю... Должно быть, поздно спохватился, отстал. С компьютером контакт у меня не заладился, с ним на «ты» дочь и внук. А правнучка, видно, сразу залезет в Интернет. Что делать? Таковы новые веяния. Я же свой век доживу в общении с книгами. Жаль только, что я им так и не смог обеспечить жилплощадь и рассовал их кое-как по балконам. А иногда их пускаю «в люди», чтобы не скучали, не томились без дела. А рукописи, письма, поздравления, разные документы сдаю в Президентский архив, продлевая им жизнь. В моем же владении остается старый, продавленный диван, сохранивший память о многих моих коллегах, друзьях, посетителях, многие из которых обитают ныне в иных пределах.

Да-а... Я ведь тоже имею слабость водить пером по бумаге. И даже печатаюсь. К настоящему времени издал сорок две книжки и храню дома от трех до десяти (а то и больше) экземпляров каждой. Тоже, выходит, не одна коробка. Я их раздариваю, но не кому попало, а тем, кому они действительно нужны, кто питает к ним интерес. И иногда думаешь: человечество со времен Гомера накопило монблан книг, так зачем и я еще пишу? Может, лучше вообще ничего не делать, чем изводить бумагу? Может твоя боль, твои думы, сомнения, тревоги и радости, твои чувства и терзания никому и не нужны? И я, например, напрасно стучусь в чьи-то закрытые двери? Но почему судьба уготовила мне жребий писателя? Может, и писатель нужен для чего-то, коли он в реальности существует и, несмотря ни на что, усердно шкрябает пером, пытаясь что-то сказать миру?

❂ ❂ ❂

И тут в самый раз есть смысл поговорить о писателе, как таковом. Жив ли писатель? Или он умер, как пишет в «Известиях» (04.09.08) Дмитрий Быков?

Действительно, наступили времена, когда писатель в «чистом» виде вроде бы уже и не нужен, не востребован обществом. Книги пишут ныне все — домохозяйки, парикмахеры, массажисты, чиновники всех рангов, спортсмены, удачливые дельцы-юркачи, отъявленные головорезы, жулики, паханы-преступники, пенсионеры всех мастей, проститутки, воры, бомжи, государственные и общественные деятели, и их как раз-то и читают, и их циничные откровения-опусы так называемым массовым читателям и воспринимаются литературой. Именно этой продукции — чаще всего, шикарно изданной, глянцевой, гламурной — обыватель отдает предпочтение, находит в ней ответа на свои вполне конкретные, прагматичные запросы. И это совершенно понятно. Зачем заморачивать свою голову какими-то лирическими описаниями, «соплями и воплями», пространными размышлениями, художественным изыском, разными литературными штучками-дрючками, любовными страстями-мордастями, крутыми сюжетными поворотами в духе бразильских сериалов, подтекстами, заумными анализами общественной ситуации, тривиальными похождениями героев, текстуальными выкрутасами и изощрениями, мукам слов и прочей банальной ерундой?

Писательство ныне не престижно. Писатель не авторитет. Если он талантлив и умен, то почему такой бедный? Авторитет в наше время — удачник, рвач, хапуга, шустряк, юркач, тот, который цап-царап и в дамки. Они занимаются конкретным делом, а на досуге еще и умудряются накатать книжку-другую о своих делах-делишках, аферах-операциях, о семье и сексе. Во, дает! А что писатель? Кому нужен тот комплексующий зануда? Кому интересны его душевные излияния, его заумь и потуги? Долдонит: «рухани, рухани», «духовность», «духовность». А одним «рухани» ведь сыт не будешь. На одной духовности не проживешь. Потребительское

общество диктует свои нравы, законы, потребности, вкусы. И с этим волей-неволей приходится считаться и даже мириться. И нечего ворчать, сетовать, жаловаться, обижаться на кого-то. Писатели напористо ратовали за свободу. И они ее добились. Так чего скулить по углам?

Лев Лосев еще 16 лет тому назад (ЛГ, 20.05.92) писал: «Единственное, что нужно писателю, — это свобода. Купят рукописи — хорошо, не купят — проживем... Тут (на Западе) и местные-то писатели литературным трудом не живут. Фермерствуют, плотничают, преподают».

Верно. Сколько можно надеяться на государство-патрона. Надо найти себе дело, а не ошиваться у кормушки власти с протянутой рукой. Совершенно очевидно, что возврата к тому, что было при Советской власти в области искусства и литературы, уже не будет. Скорей всего, никогда. Наша казахстанская власть и либеральное общество, на мой взгляд, весьма снисходительны и внимательны к литераторам и поныне. Примеров тому немало, начиная от Государственных и Президентских стипендий до ряда творческих лиц.

В том же 1992 году (как быстро пролетело время, однако!) азербайжанец Акрам Айлисли прозорливо писал: «Кстати, если наш республиканский Союз писателей будет и дальше стараться спасти литераторов как массу, он окончательно пропадет. Надо думать о том, как спасти Литературу» (ЛГ, 21.10.1992).

Когда нужна литература? Прав Дмитрий Быков: «Писатель нужен там, где общество намерено заглядывать в себя. А у нас оно не намерено, более того — полагает это задание скучным и вредным».

Точно сказано.

Но я полагаю, что это временная хворь. Общество не может существовать, тем более — функционировать, не заглядывая в себя, довольствуясь лишь потребительскими инстинктами. Вот тогда-то и расцветет вновь литература. И писатели будут востребованы. Но это будут другие писатели и другая литература. И во имя этой литературы стоит мужественно преодолевать все трудности и терпеливо оберегать, взращать свой божий дар, если таковой наличествует.

«Кітап жаршысы»,
№3 (15/389), сәуір, 2009 жыл

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ (ЛИДЕРА)

«Для спасения государства достаточно одного великого человека»

Вольтер

«Любое государство могут поднять десять честных, умных и порядочных людей»

Маргарет Тэтчер

I

Удивительно познавательную, поучительную и актуальную книгу написал журналист-политолог Сейдахмет Куттыкадам. Она называется «Служение нации». Имеет подзаголовок: «10 мировых примеров управления государством». Вышла в Институте экономических стратегий — Центральная Азия (ИНЭС-ЦА) в 2009 году. Объем 22 п.л. Тираж — 2000. Редактор Ерлан Сейтимов.

На кого рассчитана книга? Аннотация подсказывает: «Предназначена для руководителей государственных и коммерческих организаций высшего и среднего звена. Интересна она будет политологам, журналистам, экономистам, студентам и всем интересующимся вопросами управления государством».

Я, литератор, видно, отношусь к разряду «интересующихся», и мне — констатирую — читать эту книгу было безумно любопытно, хотя о каждом из ее героев имею определенное представление, ибо жил и живу в то же время, в ту же эпоху, что и большинство из них.

О ком речь? Вот они — «десять мировых примеров управления государством»: воин и строитель Мустафа Кемаль-паша Ататюрк; архитектор послевоенного мира Франклин Рузвельт; упрямый чудотворец Людвиг Эрхард; китайский мудрец-реформатор Дэн Сяопин; американский президент Рональд Рейган; живая легенда

Нельсон Мандела; создатель Сингапура Ли Куан Ю; строптивый преобразователь Малайзии доктор Михатхир Мохамад; железная леди Маргарет Тэтчер; цепкий, расчетливо храбрый, обладающий большим природным умом поляк Лех Валенса.

Представили? Десять выдающихся государственных деятелей — десять блестяще написанных очерков, читающихся как бестселлер. И каждый очерк венчает сжатый экономический комментарий. В конце книги к каждому очерку приводятся необходимые примечания. А предваряют книгу предисловие руководителя Экспертного центра национальной стратегии Адиля Тойганбаева, названное «Карма лидерства», и вводная статья «От автора», поясняющая политическое, философское и мировоззренческое кредо книги.

Таковы основные параметры сочинения Сейдахмета Куттыкадама, о котором ниже пойдет посильная речь.

II

«Оу! — воскликнет изумленный читатель моей статьи-рецензии. — Действительно, достойных личностей выбрал Сейдахмет. Они, бесспорно, являются примерами служения нации. Но... где же остался Махатма Ганди? Джавахарлал Неру? Уинстон Черчилль? Шарль де Голль? Иосиф Сталин? Мао Цзедун? Фидель Кастро? Наверняка кто-то еще? Почему они-то оказались за бортом авторского замысла? Или их заслуги недостаточно велики? Или их роль в истории менее значительна?»

Сейдахмет отвечает: те несомненно великие государственные деятели, перечисленные чуть выше, «независимо от проповедуемых ими идей — либерализма, коммунизма, национализма, непротивленчества, — были фанатиками. И их типаж для нас не совсем подходит».

Те же личности, о которых идет речь в книге, — «слуги народа». «Этот типаж наиболее соответствует нынешнему духу времени и нашему обществу, уставшему от вождей. Поэтому этой группе мы и хотим уделить внимание, тем более выборка достаточно представительная и символическая, в ней пять западных и пять незападных лидеров».

Таков штандпункт автора. И меня он убеждает. «Эти

эскизы, в которой выступает некий собирательный образ Реформатора».

И именно в этом — в мирообразующем, созидательном деянии Реформатора — и заключаются ценность и пафос этой своеобразной книги.

III

Герои этой книги — редчайшие человеческие экземпляры. Личности с большой буквы, ярчайшие представители разных народов, разных стран, разной истории и ментальности, разных индивидуальностей и пристрастий, однако объединяет их одна пламенная страсть, одни высокие порывы и устремления — служить своей стране, своему народу, отдать ради его блага все свои знания, таланты, достоинства, энергию, интеллект и духовные силы, укрепить свое государство, вывести свой народ к вершинам всестороннего развития и благосостояния.

Каждый из них четко выразил свое кредо и с завидным упорством, титаническим усилием следовал ему.

Вслушайтесь:

Ататюрк: «У меня есть амбиции, но они ни в коей мере не касаются ни хорошей карьеры, ни денег. Я ищу реализацию моих амбиций в успехе великой идеи, которая касается моей страны, и только служение Родине может дать мне чувство глубокого удовлетворения от исполненного долга. Именно это стало принципом всей моей жизни... Я исполню свой долг и буду верен ему до самой смерти...»

А вот философский стержень Рузвельта:

«Истина обретается тогда, когда у людей есть свобода, чтобы искать ее».

В чем успех секрета Эрхарда: «Я добился успеха потому, что устно и письменно обращался к каждому немцу, убеждая его в правильности своих действий».

Мандела убежден: «Многие вещи кажутся невыполнимыми до тех пор, пока их не сделаешь». Это сказал человек-легенда, в общей сложности проведший в тюрьмах 28 лет.

Валенса: «Мы должны быть отважны, не теряя при этом здравого смысла».

Напомню знаменитый афоризм великого Реформатора Дэна Сяопина: «Какая разница, какого цвета кошка, главное — чтобы она ловила мышей».

Каждый из десяти очерков, мини-портретов, составляющих книгу Сейдахмета, — это конспект великой саги борьбы и деяний во имя своей страны в трудный час, во имя служения своему народу, устремленному к свободе и благоденствию. Само время и их страны нуждались в подобных рыцарях Поступка, и они их породили. И в этом выразились подвиг и счастье народа, воплотившего в своих Лидерах вековые чаяния. Можно сказать, что каждый из них — исходя из национальных интересов и зова судьбы — по-своему (убежденно или стихийно, интуитивно) руководствовался великим постулатом Джавахарлала Неру: «Нигде нет легкого пути к свободе, и многим из нас придется не раз пройти долиной теней и смерти, прежде чем мы достигнем сияющих вершин наших устремлений».

Герои книги «служение нации» ценой воли, таланта, ума, колоссального душевного напряжения, нередко всей жизни достигли этих сияющих вершин, за что и благодарны их восхищенные потомки во многих поколениях.

IV

Так и тянет пересказать героическое жизнеописание каждого из них. Они являют собой не просто пример управления государством. Они пример для подражания каждого сознательного человека, каждого гражданина своей страны. Но я не стану здесь пересказывать детали уникальных биографий в надежде, что читателю самому захочется узнать их из первых рук — из первоисточника. Но мне хочется подчеркнуть в этих жизнедеяниях некие основные, характерные, ключевые моменты и черты.

а) Происхождение.

Конечно, это важно. Каждый из них — дитя человеческое. И ни один из них не свалился с неба. У каждого были предки, родители, гены, среда, аура. Отец Мустафы Кемаля-паши Ататюрка служил офицером народного ополчения, работал писарем, торговал лесом, сознавал себя

убежденным османлы («османец») — государственником по социальному статусу. Мать происходила из известной семьи, отличалась энергией и волей.

Франклин Рузвельт — выходец из аристократической семьи, предки которого прибыли из Голландии и обосновали Новый Амстердам, переименованный впоследствии в Нью-Йорк.

Отец Людвига Эрхарда был предпринимателем, а мать происходила из семьи ремесленников.

Дэн Сяопин вышел из семьи довольно состоятельного земледельца. Отец его был образованным человеком, патриотом, предводителем тайной организации «Общество старейшин и братьев».

Отец Рональда Рейгана ирландского происхождения был торговцем обуви. Мать — англо-шотландских корней.

Мандела — потомок вождя; отец — вождь племени тембу народности коса.

Ли Куан Ю имеет китайские корни. Его дед был владельцем европейской аптеки.

У Махатхира отец школьный учитель, выходец из южной Индии, тамил. Мать — урожденная малайка.

Отец Маргарет Тэтчер отличался широким кругозором, упорством, пользовался уважением среди горожан, был мэром.

Отец Леха Валенсы был плотником, рано умер, мать — истовая католичка.

Я выписал все эти данные, чтобы обратить внимание читателя на этнические корни этих выдающихся личностей, ибо убежден, что все великое рождается на благодатной почве, нужен определенный генетический материал, из которого выпестовывается избранник судьбы.

б) Образование, воспитание.

Едва ли не главный стимул формирования личности. Прирожденный дар необходимо шлифовать, отрихтовать и окультуривать — расхожая истина.

Будущий Ататюрк учился в школе Хафиза Мехмета, потом — в школе Шамси, далее — в финансовом училище, в начальном военном училище, в Стамбульском высшем военном училище, в военной Академии, в Академии Генштаба. Проявил большие способности в математике, в

французском языке, в истории, философии, военном деле. Учитель математики дал ему имя Кемаль (по-казахски Кемел — зрелый).

Мать Франклина Рузвельта прививала сыну вкус к чтению. У родителей была большая библиотека. Франклин позже учился в Кембриджском университете, был глубоким знатоком истории, географии, литературы. Читал на шести языках. После окончания Гарварда учился на юридическом факультете Колумбийского университета.

Людвиг Эрхард учился в Высшей торговой школе в Нюрнберге, потом окончил университет во Франкфурте.

Юный Дэн учился во Франции, упорно занимался самообразованием, прекрасно знал русскую и мировую литературы.

Мандела окончил университет и получил юридическую специальность.

Ли Куан Ю окончил британский Кембридж и Национальный университет в Сингапуре.

Мехатхир по профессии врач, его почтительно называют Доктор М., преуспел также в социальных и экономических науках.

Тэтчер окончила престижный Оксфордский университет по специальности химия. Позже получила еще один диплом о завершении юридического образования и была одно время адвокатом.

И т.д.

Словом, все герои книги Сейдахмета — очень образованные, интеллектуальные люди, постоянно стремившиеся к знаниям, убежденные, что знание есть главный капитал и достояние страны и неизменно заботившиеся о подлинном образовании своих сограждан. Никто из этих деятелей дипломов себе не покупал, как ныне нередко случается в нашем отечестве.

в) Ни у кого из героев книги «Служение нации» не было гладкой дороги к вершинам власти. Они в своей политической карьере нередко терпели неудачи, невзгоды, падения, сидели в трюмах, познали лишения и разочарования, сомнения и душевные терзания, но упорно шли к высокой цели, к предназначению Судьбы. И потому их героические жизни достойны восхищения и подражания.

г) И суровые жизненные испытания закалили их характер, выработали непреклонную волю, жесткие принципы и мудрость в управлении государством, в заботе о своем народе. Читатель найдет в их биографиях поразительные примеры стойкости, мужества, целеустремленности. Достаточно вспомнить с молодых лет парализованного Франклина Рузвельта, который четыре срока подряд избирался своим народом Президентом США и удивлял своими деяниями современников, оставшись в истории человечества навеки. Или Манделу, яростного и непримиримого борца против апартеида, в течении 28 лет выдержавшего все испытания и пытки в свирепых тюрьмах. Или Дэн Сяопина, сполна изведавшего позорища «культурной революции» и краха карьеры.

д) Конечно, они титаны, ренессансные личности, гиганты Духа и Деяния, избранники Земли, если воспользоваться известным выражением Гёте. Но они и обыкновенные люди, как выражаются казахи, «жаралған сүйек-еттен» (сотворенные из костей и мяса). И у них была (и есть) своя личная, частная жизнь, свои человеческие слабости и недостатки. И об этом тоже рассказывается — деликатно и тактично — в книге Сейдахмета, и это делает его героев нам ещё более близкими, дорогими, симпатичными. Это их человеческие черты подкупают нас, заставляют нас, приземленных читателей, встрепенуться, распрямиться и возвыситься в нравственном совершенствовании.

V

Ради чего написана книга? В чем мораль? Чему она учит? К чему призывает?

В этих вопросах вся суть. Именно этим определяется ее актуальность, острая злободневность. Говоря об экономическом чуде других стран, о жизнедеяниях выдающихся заступников, радетелей, благодетелей народа, автор все время видит перед собой реальности родного Казахстана, пристально как бы всматривается в зеркало, все вопрошает пытливо: «А как у нас? Почему у нас не так? Чем мы хуже? Почему мы живем не по достоинству и чести, соответственно своим природным богатствам и духовной мощи и заветам предков-номадов? Почему наши

реформы все чаще буксуют? Почему мы не сладим никак с ложью, показухой, хвастовством и даракианством, безалаберностью, совершенно дикой коррупцией, кумовством, ахалай-махалаем и прочими бог весть еще какими «прелестями»? Почему добрые намерения очень часто оборачиваются фарсом? Почему лозунги очень часто остаются пустым сотрясением воздуха? Почему мы никак не осознаем нашу независимость? Почему мы так покорны, равнодушны, пофигисты, инерционны? Почему никак не создадим настоящее гражданское общество? Что у нас за подконтрольная, регулируемая демократия? Что у нас за особый такой путь развития и процветания?»

Об этом неизменно думает автор. Об этом, читая его книгу, поневоле задумывается читатель. Понятно, и я в том числе. В поисках ответа и написана эта своеобразная книга. Все существо автора пронизано взыскующей болью и неизбывной тревогой за Казахстан, за народ, за нашу реальность и грядущее.

Под призмой подобных вопросов и необходимо читать эту книгу. Читателя сопровождает абаевское кредо: «Болмасаң да, ұқсап бақ» — «Если и не дано, хоть подражать старайся».

Автор, охваченный высокими примерами служения нации лидеров иных стран («пять западных и пять незападных»), то и дело резко обращается то к «кандидатам в Ататюрки», выплескивая свою горечь и боль (стр. 42), то прямо задается вопросом: «Что мешает нам стать такими?» (стр. 232). Ответы его прочувствованные, беспощадные, отравленные ядом скепсиса и благородного возмущения. И, читая эти строки, каждый читатель поневоле вскрикнет: «Ну, почему, почему, почему у нас не так?! Почему мы за столько лет независимости не можем добиться того, чего (в заметно худших условиях) добились Дэн Сяопин, Ли Куан Ю, Махатхир и им подобные Реформаторы божьей милостью. В чем же дело? Земля скуднее? Народ хуже? Ментальность, культура не те? Кадры бестолковые? Организация плохая? Усердия нет? Лень, коррупция, ложь одолели? Стимула недостаточно? Национальный Дух подавлен? Традиции сковывают? Джуты, катаклизмы преследуют? Инвестиций мало? Почему не происходят ни экономические, ни духовные чудеса?

Вопросов на грани отчаяния много. Ответов вразумительных нет.

VI

Ответов нет у нас. А у героев книги Сейдахмета ответы есть. К ним надо прислушаться. И мотать себе на ус. Надо быть прилежными учениками, а не пускать пыль в глаза, или разноцветных мыльных пузырей, или открывать Америк в ковыльной степи.

Экономист Людвиг Эрхард учит:

- производство не может развиваться, не имея широкой базы для сбыта;

- увеличение покупательской способности населения стимулирует развитие производства и повышение производительности труда;

- чем выше жизненный уровень населения, чем лучше условия для развития экономики. И все это должно регулироваться в основном рыночными рычагами.

Мудрец Дэн Сяопин в духе древних китайских философов изрекает: «Переходи реку, ощупывая камни». Какой простор для интерпретаций этого многослойного изречения.

А вот правила Манделы:

«Все национальные группы пользуются равными правами. Богатства страны принадлежит всему народу. Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает.

Все равны перед законом.

Работа и обеспеченность всем.

Путь к образованию и культуре открыт для всех. Людям должны быть представлены удобные жилища. Должны царить мир и дружба».

Просто и доступно, не правда ли? Мы руководствуемся теми же принципами. По форме. По содержанию же чаще всего не получается. Собачка удачи все норовит бежать кривыми улочками.

Ли Куан Ю поставил перед сингапурцами три задачи:

1. Построение основ справедливого, сильного и мультикультурного государства.

2. Решение проблем его безопасности.

3. Создание мощной экономики нового типа.

У нас, полагаю, с третьим пунктом существует некоторая «напряженка».

Как Сингапур искоренил коррупцию? Три меры:

1. Культивирование честного образа жизни и высокого патриотизма.

2. Суровое уголовное наказание взяточников, причем к ним привлекались и те, кто вел несоответствующий доходам богатый образ жизни.

3. Высокая зарплата чиновников. Зарплата ежегодно корректировалась, причем не только в сторону увеличения.

Не буду комментировать, подробно разбирая каждый из этих пунктов, проецируя их на нашу отечественную действительность. Предоставлю эту возможность дотошному и проницательному читателю.

Махатхир рассуждает о возможных типах преемников лидера. Он пишет: «Честолюбивый преемник посредственного типа. Такой окружает себя подхалимами, отказывается от предыдущего опыта и делает все наоборот. Он отвергает огромный груз ответственности власти и пользуется только его благами. В итоге начинает процветать коррупция и криминал».

Нечто очень знакомое, не так ли?

А вот максимы «железной» Тэтчер:

- Самым главным ресурсом является человек. Государству нужно лишь создавать основу для расцвета таланта людей.

- Капитализм хорош и плох настолько, насколько хороши и плохи его люди.

- Надо обеспечить право человека работать так, как он хочет, тратить то, что он зарабатывает. Владеть собственностью и иметь государство в качестве слуги, а не хозяина.

Необходимо вникать в суть этих постулатов и внедрить их в реальность.

VII

В чем недостаток книги? Я узрел лишь один, но, по-моему, существенный.

Понятно, что Сейдахмет перелопатил монблан источников для написания этих десять очерков (или минипортретов). Иначе говоря, проделал огромные исследования. Вооружился, что называется, до зубов. Некоторые из этих источников (о Рузвельте, Дэн Сяопине, Махатхире, Тэтчере) и мне известны. Убежден: книга сильно бы выиграла, если бы каждый очерк венчал солидный список — перечень использованной литературы. Это заметно приподняло бы научное реноме книги и способствовало бы ориентации читателя в океане фактов. Я так и не понял, почему отсутствует в столь солидном издании перечень использованной литературы. Чем тут руководствовался автор Сейдахмет Куттыкадам и редактор Ерлан Сейтимов? При случае спрошу у них. Для подобной литературы это, на мой взгляд, серьезное упущение.

VIII

Кто должен внимательно и заинтересованно читать-изучать эту книгу в первую очередь?

Думаю, те, кто стоит у власти, кто управляет (или участвует в управлении) государством, руководит (или делает вид) народом, заботится о благосостоянии страны по всем экономическим, социальным, политическим, культурным, перспективным параметрам. То есть, нашим радетелям и благодетелям, чиновникам высшей сферы.

Должен признаться: политика — не моя стихия. Но с высоты своих прожитых лет и житейского опыта я, надеюсь, в состоянии понять, что управлять государством, страной, народом, хозяйством — искусство наивысшего предназначения. И давно осознал, что в этом искусстве нет места пресловутой ленинской «кухарке». Правители государством (если они не случайные лицедеи) — избранники Судьбы. Они — вершители человеческих судеб. Здесь все особенно важно и значительно: генетический заряд, предопределенность стихий, образование, цель, предчувствие и осознание своей роли (миссии), характер, талант, темперамент, национальные традиции, ум, интеллект, страсть, дар служения народу, пренебрежение к шкурным интересам — то, что казахи

называют «пендешілік» — все-все в высшей, превосходной степени. В политике, видно, не обойтись и без хитрости и коварства. Правда, исключительно на этих лошадках тоже далеко не ускачешь. Политик — профессия жертвенная. Увы, понять это не всем дано.

Обо всем этом, собственно, и книга Сейдахмета. Внушение этих банальных с первого взгляда истин и составляет сверхзадачу данной книги.

Чего я опасаюсь? Боюсь, что далеко не все наши доморощенные правители (вплоть до акимов и акимчиков) будут читать эту книгу (что такое 2000 экземпляров для Казахстана?). А кое-кто из высшего эшелона власти, которые эту книгу все-таки прочтут, начнут спесиво, высокомерно, чванливо воротить нос: дескать, и мы не лыком сшиты, и мы сами с усами, никто нам не указ, пусть герои «Служения нации» хоть семи пядей во лбу, а у нас свой путь, свои традиции, своя ментальность, своя, если хотите, гордость, и ничего нас учить уму-разуму.

И если мы будем руководствоваться таким «штандпунктом», то — поверьте моему аксакальскому предчувствию — не видать нам вожделенного прогресса-процветания, как своих собственных ушей, раздрызганный воз окажется и ныне там и будем долго-долго-долго (до мартышкиного заговения) пурхаться в протухшем коррупционном болоте, где обитают одни лягушки и кикиморы, продолжать пускать мыльные пузыри, навешивая на уши своих любезных сограждан тонны лапши. Самому не знать и не прислушиваться к тем, кто знает, — самый большой грех дараккинства. На этой инерции далее не продержишься, не проживешь. Механическая перестановка мелких людишек с места на место — еще не реформа. Точнее: совсем не реформа. И без истинных, кардинальных реформ во всех экономических и политических структурах ну, никак не обойтись, будем сидеть — как выражаются казахи — голым задом на льду.

Об этом то завуалировано, иносказательно, намеками, то открытым текстом, прямо в лоб и говорит высокопоучительная книга сильно, по-граждански озабоченного состоянием нашего общества смелый и чуткий журналист-аналитик Сейдахмет Куттыкадам.

IX

«Если мы хотим искренне учиться...» — таков ключевой оборот рассуждений автора «Служение нации». Для подъема страны, считает он, нам надо избавиться от трех больших напастей — лжи, коррупции и бездарей (стр. 234).

Вот они три — всего три! — драконовые головы, которые во имя прогресса, во имя спасения страны необходимо срубить.

И далее цитирую: «А самое главное — нам надо вспомнить арийский моральный принцип, родившийся на нашей земле в древние времена: «У благородного человека, особенно правителя, должны быть благие мысли, благие слова и благие дела».

Ну, что тут скажешь? Бұдан артық не дей аласың? Как говорится, ни прибавить, ни убавить.

Май 2009 г.
«Дат» и в качестве
предисловия во втором
издании книги.

ДИДАР И ЕГО РАССКАЗЫ

I

Ему ныне сорок. А писать начал рано. Помню: еще лет пятнадцать назад он был на устах казахской молодежи. И на моем слуху давным-давно это звучное имя — Дидар Амантай. Правда, я был вначале в недоумении: он Дидар Амантай или, наоборот, Амантай Дидар? Потом разобрался.

Мое внимание привлекли его философские этюды и лапидарные литературные зарисовки о казахских и зарубежных писателях. Импонировало то, что он читающий писатель. Мне всегда казалось (и кажется), что пишущих писателей в казахской литературе много, а читающих — слишком мало. А Дидар и пишет, и читает. И читает при этом не только казахскую и русскую литературу, но исправно и увлеченно — зарубежную.

И еще одна грань: он поразительно краток. Тоже неказахская черта. Казах предпочитает говорить долго, длинно, обстоятельно, издалека, от Адама и Евы, витиевато, упиваясь красноречием, нанизывая слова-словеса, как люля-кебаб, на саженный шампур. Абай заметил: «Слово казаха длиннее, чем у других наречий». Хотя из каждой строки самого Абая нынешние рыцари пера запросто выкроют повесть.

У Дидара роман — сто страниц; повесть — десять, рассказ — три-четыре, литературоведческий, философский этюд — одно-два предложения. Пишет он плотно, короткими фразами, экономно, сухо, оставляя много «люфта» для разгадывания, додумывания, размышления, толкования читателя. Он не разжевывает. В прозе он философ, в философии — прозаик. Читателю он предлагает только выжимки, экстракт, суть своих раздумий и наблюдений.

Он убедителен в диалогах, деталях, штрихах, нюансах. Он создает настрой. Часто овеянный печалью. Герои его — молодые люди, ищущие, сомневающиеся, легко ранимые, рефлексирующие, взыскующие.

Все это я смутно чувствовал, читая лишь обрывки, фрагменты из его ранних писаний. Чем-то, отдаленно Дидар напоминал мне моего незабвенного друга Аскара Сулейменова.

II

...И вот летом 2000 года приятно возбужденный поездкой в Европу, где он учился на каких-то курсах, совсем еще молодой, легкий и стройный Дидар, встретив меня возле памятника Чокану, преподнес мне свой только что вышедший из печати объемистый сборник «Қастерле мені», в который вошли два его романа, повесть, новеллы, рассказы, философские, литературоведческие этюды. Я понял: в казахскую литературу пришло свежее дарование, немного непривычное, ершистое, своеобразное, на стыке мировых культур, с желанием высказать свое сокровенное, прочувствованное и сказать нетрадиционно, на свой салтык, на свой лад, смело прибегая к эксперименту, к подтексту, к недоговоренности, к обобщениям, не разжевывая то, к чему десятилетиями привык казахский читатель. В результате эстетических и философских поисков его порою заносило, в его казахском речестрое слышался чужеродный акцент, русские обороты, мне почудилось, что в нем затейливо перемешались Вольфганг Борхерт (им мое поколение было одно время повально увлечено), Альбер Камю, Фридрих Ницше, Эрнест Хемингуэй, Франц Кафка; диалоги (нередко длинные, на всю страницу) при всей обыденности отнюдь не плоски, не банальны, они на что-то намекают, их нужно расшифровывать, они характеризуют его героев, их сиюминутное настроение, которые — повторяю — навеяны грустью, печалью, одиночеством, неуверенностью, поиском своего «Я».

Юношеский максимализм и новаторство Дидара кое-кто из казахских литераторов встретил в штыки.

Говорили: оторвался от национальных корней, не чувствует природной сути родного языка, излишне рационален, умничает, философствует там, где философия и не ночевала, оригинальничает любой ценой, видит одних «асфальтных» казахов, завсегдатаев кафе и баров, прожигающих жизнь в разговорах, попойках, случайных связях, оторвавшихся от испытанных канонов, заповеданных предками.

И т.д. и т.п. в таком же духе.

Я слышал подобные суждения-нарекания, но в душе не разделял их. По опыту знаю: то, что непривычно, нестандартно, мы долго всерьез не воспринимаем, ищем изъяны, разоблачаем, отвергаем. Аскара Сулейменова начали признавать лишь после его смерти. Ауэзхан Кодар кое у кого и теперь вызывает неприятие. И Мурат Ауэзов не всегда угоден строптивым и нетерпимым национал-патриотам. Аслан Жаксылыков пишет, мол, слишком сложно и туманно. Дюсенбек Накипов тоже, дескать, ударился в заумь. Дидар хоть и пишет по-казахски, но будто прибыл с другой планеты.

Подобные тары-бары я слышу постоянно, однако мне эти авторы симпатичны, они самобытны, они в поисках, они видят, воспринимают и изображают мир не так, как большинство. Они раздвинули национальные горизонты. Они чутки к новым веяниям в искусстве. И для меня это не изъян, а достоинство.

III

Как бы я определил основные мотивы рассказов и новелл Дидара Амантая? Из чего сотканы его жизненные впечатления?

Родился он в центре Арки, с детства рос в аульной среде, познал исконный уклад жизни казахов, испытал благотворное влияние деда и бабушки, мальчика впечатлила девственная природа Каркаралинска; окончил школу; учился в Казахском политехническом институте; отслужил в Советской Армии на Дальнем Востоке; окончил факультет философии и политологии КазНУ; учился на факультете кино Института театра и кино им. Т.

Жургенова; работал в агентстве «Хабар»; лауреат премии «Дарын»; редактировал газеты; активно участвовал в общественной жизни. Всю жизнь много и упорно читает, размышляет, анализирует. Это я к тому, что темы и мотивы своих произведений Дидар не из пальца высасывает, как думают иногда наши доморощенные «классики». Сочинения его переводятся на иностранные языки. Они находятся в русле современного модерна.

Вокруг чего строятся сюжеты коротких рассказов Дидара? Герои его — в подавляющем большинстве — современная казахская молодежь — городская и аульная, как правило, образованная, читающая, настойчиво ищущая себя в обществе. Девушек в рассказах зовут по-разному, но они очень похожие даже внешне, в одежде, в поступках. На мой взгляд, они психологически выписаны наиболее выпукло, выразительно. И юношей, понятно, зовут по-разному (хотя некоторые переходят из рассказа в рассказ), но и они знакомые незнакомцы. Они встречаются в кафе, в турпоходах, в квартирах, в горах, дождливой ночью, в экстремальных условиях, дружат, влюбляются, расходятся, сходятся вновь, подолгу выясняют отношения, интригуют, пьют (случается, больше нормы), очаровываются друг другом и разочаровываются, волнуются, страдают, скучают, мечтают, занимаются сексом, грезят о любви, о семье, ломаются психологически, не выдерживая иногда чепуховых испытаний и недоразумений, причиняют друг другу боль, совершают глупости, рассуждают о жизни и смерти, предаются печали, тоске, неизбывному одиночеству. И рассказы эти — то от первого лица, то от третьего — окутаны флером романтики, юношеской бравады, зыбкости, неясности, монотонным бормотанием дождя, шальным горным ветром, сырой ночью, густым мраком, ресторанным чадом, легким флиртом, робкой влюбленностью, дурманом любви, винными парами. Все происходит как бы в легкой дымке, намечено едва уловимым духом ирреальности, прописано акварельным мазком. О том свидетельствуют сами названия рассказов: «Разбитый хрусталь», «Шепот дождя», «Розали, это я», «Костер в степи», «Маржан, Маржан», «Печаль», «На вершине Каркаралы».

О том и диалоги. В описаниях Дидар не силен (возможно, он нарочито избегает их), но диалоги выстраивает эффективно.

- Здесь речь зашла о философии. — И о чем спор? — О смысле бытия и о том, как раздобыть полбутылки коньяка. — Сложный случай.

Или:

- Каждый человек должен спасать сам себя. — Каким образом? — Самому приходится сотворить мир, в котором обитаешь. — Чтением книг? — И чтением тоже. Духовно обедненный человек — одинок.

Или:

- Давай, за дружбу. — Нет. Давай за то, чтобы друг друга никогда не обманывать. — Ладно. — За это. — Ныне нет правды. Поэтому и верные друзья — редкость. — За правду! — Ты знаешь, почему люди друг друга легко предают? — Не знаю. — И я не знаю. — Но ведь не все. — Ясное дело. — Это — Истина.

Или:

- Ты боишься смерти? — Нет. — А я боюсь. — Боятся все. — Оттого, что люди несчастны. — Не согласен. — Все мы обречены на тяжкий жребий. — Человек несчастен, потому что по природе нуждается в счастье.

Или:

- Мне расхожие сравнения не нравятся. Нужна конкретность. — Мусрепов — великий писатель. — А Ауэзов? — Ауэзов — тоже. — А всех выше Оралхан Бокеев. — Может быть. Но только для тебя. — Казахская литература для меня не очень, — заметила Шолпан. — Значит, находишься под влиянием западной, — откликнулась Гайнижамал. — Чтобы стать писателем, надо всех читать. — Какой смысл тратить время на чтение плохих книг?! — Надо больше читать западную литературу. — Читать надо всех.

О литературе герои Дидара говорят много и часто.

- Чтобы стать писателем, надо внимательно и упорно читать Франца Кафку, Стефана Цвейга, Томаса Манна, Лиона Фейхтвангера, Ремарка, французов Флобера, Эмиля Золя, Оноре де Бальзака, Ги де Мопассана...

И далее герой перечисляет еще два десятка известных имен и названий популярных книг.

Видно, таково кредо самого автора.

- Литература — не копия действительности. — Знаю. — Литература открывает человечеству иной мир, отличный от действительности, в которой мы обитаем. Тот мир прекрасен. В нем царит гармония. Он манит, прельщает.

Так рассуждают юные герои Дидара.

IV

Однако откуда неизбывная печаль?

«Несправедливость рождает печаль», — сказал Жунус.

«А печаль — самое тяжкое духовное испытание».

От печали скептицизм, нигилизм, неверие, неуверенность, сомнения, апатия. Они не чужды героям Дидара.

V

Однако, мне почудилось, что его герои все больше обитают во времени и пространстве, которые исчезли, истаяли десять и более лет назад. Жизнь-то, реальность заметно изменились. И герои Дидара, несомненно, повзрослели, возмужали. Наверняка они и рассуждают ныне по-иному, и ведут себя по-другому, и иные проблемы их волнуют. Они не могут ведь вечно пребывать в инфернальном мире. Романтический флер развеялся, инфантильность сменилась практицизмом. Их гложат другие заботы. За эти годы и Дидар возмужал. И читатель вправе увидеть все эти перемены в другом ракурсе.

И еще мне немного жаль, что в новой книге Дидара отсутствуют его снайперские эссе-заметки о литературе, об искусстве, о философии, о политике, об обществе — то есть то, в чем он особенно силен; точен, афористичен. Прозаик Дидар для меня исключительно интересен в тандеме с философом Дидаром. Таким я хотел бы его увидеть в очередной книге.

10.06.09
«Город»,
№ 50-52 (62-64), 4.12.2009-25.12.2009

ЧАРЫ ВОСТОКА

(Эссе)

Туда, туда
Уйти б, мой покровитель, навсегда.
Гете

Мотивы Востока робко и сладостно коснулись струн моей немецкой души еще со школьных времен. Арабские и персидские (фарси) слова, в той или иной форме, чаще всего искаженной, редкой жемчужиной вклинивавшиеся в обыденный казахский речестрой, ублажали мой слух, звучали льющейся невесть откуда музыкой, томили, будоражили, волновали. Это были какие-то осколки, знаки, фрагменты таинственного, сказочного мира, манящего и недоступного, окутанного хмарью зыбкого времени.

Откуда этот смутный зов? Отчего сердце поволжского мальчишки-немца неизъяснимой усладой, точно трепет, пронзали звуки чужеземной, неведомой речи?

Может, Абай невзначай взбудоражил дремотную душу, заронив в нее незнакомые имена и слова?

Фзули, Шәмси, Сайхали,
Науаи, Сағди, Фирдоуси.
Хожа Хафиз — бу һәммаси
Мәдәт бер шағири Фәрияд,

Непонятное манило, томило, ласкало слух, арабские и персидские слова и фразы в поэзии и прозаических гаклиях Абая звучали возвышенно, вдохновенно, будто не в человеческих устах, словно исходили от неземных пери или гурий. Слышалось в них нечто колдовское, чарующее.

Особенным шиком казалось, подсев к какой-нибудь старшеклассница, сроду не слышавшей комплиментов,

прочитать с придыханием, явно смущая ее, строчку-другую из раннего Абая:

Иузи — раушан, көзі-гәуһар,
Лағилдек бет үші әхмәр,
Тамағы қардан һәм биһтар
Қашың құдрәт қоли шигә.

Вроде бы и по-казахски, однако не совсем: непонятные слова как бы зачаровывают, будто молитва муллы, искушают, как азазель-искуситель.

Моей смутной тяге ко всему восточному способствовал и мой учитель казахской словесности — Жылгельды Муканов, эстет, златоуст, артист, умевший в торжественных случаях, точно маг-волшебник, искусно плести слова, придавая им особенный лоск, блеск и шарм, неотразимый лад и склад. Делал он это без напряга, изысканно: как бы снимал коросту с расхожих казахских слов, придавал им первоначальное — иноязычное — звучание и смак. Он произносил мягко, ласково: энсаф (ынсап), эхтият (ықтият), элтифат (ілтипат), сұхән (ұсқын), зәһр (зәр), заруар (зәру), мәшәккәт (машақат), мәмләкәт (мемлекет), мәһрбан (мейірбан), файда, фани жалған, хақиқат, хамал, бәчехар, бәрдеуат, ғадауат — боже, всех этих очаровательных слов-словечек я теперь и не упомню, но музыка, мелодичный звон сохранились приятным отголоском в душе. Казалось, Жылгельды-мугаллим снимал с обыденных казахских слов заскорузлый чапан, тяжелый тымак, непомерные сапоги в кошомных чулках и обряжал в легкие, яркие, восточные одежки.

«Тысячу и одну ночь» читали в послевоенном ауле повально. Упругий сюжет, обаятельный динамизм, диковинный кружев слов, отточенные назидания, своеобразная поэтика, чудотворный строй речи, сказочная вязь очаровали стар и млад.

Я грезил Востоком. Я блуждал по караванным тропам древних стран. Ходил по тесным, глухим улочкам Багдада. Вслушивался в заунывный голос муэдзина. Я упоенно произносил где-то вычитанные слова-названия: «Кабус-намэ», «Гулистан», «Тоты намэ», «Синдбад-намэ». Я еще не знал, кто и что относится к арабской или персидской

литературе. Я воспринимал все это как нечто единое, родственное и, несомненно, очень близкое ко всему казахскому, в котором я уже кое-что понимал.

Студентом первого курса я впервые прочел «Кабус-намэ». Через год-два проштудировал впервые «Западно-Восточный диван» Гете. Потом по разному поводу обращусь к нему неоднократно. Восприму, впитаю в себя Восток уже через ощущения великого веймарца. Уже первое стихотворение этого дивного дивана — «Гиджра» — вновь всколыхнуло мою душу.

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальный,
Воздух пить патриархальный.
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни.

То был трудный этап в моей жизни. Я был в растерянности. Душа в развале. Дискомфорт преследовал меня отчаянно. «К новой жизни там воскресни» чудилось спасением.

Там, наставленный пророком.
Возвратись душой к истокам,
В мир, где ясным, мудрым слогом
Смертный вел беседу с Богом,
Обретал без мук, без боли
Свет небес в земном глаголе.

Я, кажется, уже понимал тогда Гете, его мятущуюся душу, его всеохватное, страстное увлечение «светом небес в земном глаголе».

В мир, где предкам уваженье,
Где чужое — в небреженье,
Где просторно вере правой,
Тесно мудрости лукавой.
И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово.

(пер. В. Левика)

И мне чудилось, что только там, на Востоке, «слово вечно ново», что именно там «просторно вере правой».

И стали моими кумирами («пір») Гете и Абай — два духовных собрата, чей поэтический и нравственный дух оказался соприроден и созвучен. И дивно слились во мне Запад и Восток. В их — Гете и Абая — лице я, этнический (россйский и казахстанский) немец, обрел устойчивость и гармонию в этом вечно бурлящем мире.

Все эти мысли-раздумья пришли в мою голову не сейчас, не в данный миг, когда я пишу эти строки, а сложились в течение тех лет, как я не расстаюсь с шикарно изданным, богато иллюстрированным, с любовью составленным двухтомником «Энциклопедия персидско-таджикской прозы» в объеме около 70 п.л. От самого издания, дизайна, формата, оформления, буйно ярких вклеек веет восточной роскошью и пышностью. Содержание двух книг составляет средневековая персидская проза: «Кабус-намэ», «Синдбад-намэ». «Сказки» — народный роман о благородном юноше Хатеме, «Гулистан», «Бахаристан», «Тоты-намэ». (Здесь я должен внести уточнение: собственно, первая книга называется «Персидская проза» и вышла в 2006 году; через год эта же книга вышла вторично с единственным добавлением стихотворения «Гиджра» Гете; а в 2007г. увидела свет и вторая книга.) Издатель — ИП «ДАР» — Дюсенбаев Ахмет Рахметович, вице-президент Фонда Ильяса Есенберлина, известный психофизиолог, автор уникального труда «Анатомия души» («ДАР», 2005), человек увлеченный, целеустремленный.

Словесные узоры поэзии Омара Хайяма, Хафиза, Саади и многих других чародеев Востока известны и любимы издавна в разных переводах. Их цитирует не одно поколение разноязычных читателей во всем мире. И казахской литературе знакомы их блестящие переводы. (Правда, переводов непосредственно с персидского все же маловато; большинство опирается на русский посредник.) А вот о средневековой персидской прозе долгое время имели представление лишь специалисты-востоковеды и редкие любители изящной словесности.

Три броских и одновременно благородно-внушительных тома, с таким тщанием изданных с комментари-

ями, со вступительными статьями, с пояснением восточных реалий, с редчайшими иллюстрациями из сокровищ Посольства Исламской Республики Иран в Республике Казахстан, радуют душу самого привередливого, изысканного поклонника культуры Востока.

Чем привлекает современного читателя средневековая персидская проза?

Если быть максимально кратким, тем, что:

— реальность той далекой, увлекательной, своеобразной жизни сочетается с вдохновенным, затейливым вымыслом, погружающим нынешнего прагматичного и несколько очерствевшего сердцем читателя в мир, «где ясным, мудрым слогом смертный вел беседу с Богом»;

— цветистая, ароматная, диковинно-фантастическая, ярко-образная проза то и дело пересыпана мудрой и чувственной поэзией Востока, что придает ей особый шарм и элегантность;

— магия увлекательнейшего повествования о превращениях, путешествиях, о женском коварстве, о влюбленных, о духах-дивах, о скупых и жадных, о тупых и мудрых околдовывают, зачаровывают вас чистотой и первозданностью, незамутненностью чувств, восторгом мироощущения;

— слух ласкает чистота речений, высокий слог, омытый мудростью, чувственностью, жизнелюбием, неизбывной радостью пестрого бытия;

— сама форма изложения — «обрамления», «рамочная повесть», полуфантастические странствия, очаровательные назидания, волнительная дидактика, неназойливые советы, отшлифованные опытом многих поколений и аурой своеобычной ментальности орнаментальная стилистика, плетение словесных кружев — все эти притягательные «элементы», как томящая музыка, как сладостное пение и соблазнительные танцы небесных гурий, волнуют, будоражат, поражают, умиляют самого черствого современного читателя;

— неоценимое значение имеют эти творения восточного духа в воспитании художественного вкуса читателя. Ощущение такое, будто ты испил глоток воды из священного родника зямзям.

В суете повседневных забот, в изнурительной борьбе со всевозможными кризисами, душевными сомнениями, дискомфортом и стрессами нет лучшего средства для спасения живой души, чем, отключаясь от всех треволнений, в тиши, наедине с собой, с наслаждением читать средневековую мудрую персидскую прозу, всецело окунаясь в диковинный, спасительный мир Востока, где сосредоточился многовековый опыт и чувственность человечества, где счастливо сосуществуют диковинный опыт и изощренная фантазия.

У меня такое ощущение, что время и пространство воспринимаются Востоком и Западом по-разному. Запад все более привязан к «теперешнему», данному, конкретному, строго ограниченному времени и пространству; на Востоке время и пространство тяготеют все более к категории вечности. Персидская проза тысячелетней давности очаровательно современна. Она понятна и жизнеутверждающа во все века. И тут приходит в голову мысль Льва Толстого: «Я не понимаю и не люблю, когда придают какое-то особенное значение «теперешнему времени». Я живу в вечности, и поэтому рассматривать все я должен с точки зрения вечности. И в этом сущность всякого дела, всякого искусства. Поэт только потому поэт, что он пишет в вечности».

Видно, это ощущение вечности восточного мировосприятия и прельщало в свое время Гете.

Конечно, у каждого прилежного читателя есть книги, к которым он обращается вновь и вновь. Такие книги есть и у меня. Порой душа как бы иссыхает, оскудевает, сплин охватывает все твое существо, и белый свет, случается, становится не мил. Мучительная пора для творческого человека. Белый лист бумаги манит и отвращает, перо не бежит, не скрипит, буксует, сердце глухо, и в голове будто сквознячок гуляет, мысли вспорхнули и улетели, как стая птиц. И тогда меня, например, спасают, как бы аккумулируют, настраивают на действие:

—Бунин (с его девятитомником не расстаюсь десятилетиями);

—Гете и Абай в оригинале, перед аруахами которыми постоянно испытываешь стыд и неизбывную вину за свое невежество и бездарность;

— Огромный том-альбом «Томас Манн», содержащий 1,5 тысячи фотографий и текстовых иллюстраций из произведений немецкого классика — подарок германского посла в Казахстане господина Бракло к моему 60-летию;

— Персидская проза в двух томах. Они-то и поддерживают мой дух, спасая от уныния. Вновь возвращают к жизни, дают энергию и стимул.

Давно я осознал: самое страшное в мире — духовная опустошенность, нищета духовной культуры. Очевидная эта истина ныне не в чести. Ныне сплошь помешались на долларах, на неуемной жадности, на кризисах и разных неурядицах. Надеюсь, пройдет, как и все на свете. Ибо человек должен (вынужден, обречен) понять, что украшение жизни, бытия, Вселенной — он, только он, один он.

Омар Хайям это прекрасно понимал почти тысячу лет тому назад:

Сомненья нет, что цель творенья — мы,
Что разума источник зренья — мы.
И если мирозданье наше — перстень,
То лучшее в том украшенье — мы.

15.06.09,
«Город»,
№ 25 (37), 19.06.2009

МУРАТ И МАРАТ: ДВЕ ПОЛОВИНКИ ОДНО ЦЕЛОЕ

(Заметы о романе Мухтара Магауина «Жармақ»)

1.

О чем собственно, речь? Если коротко: о раздвоении личности и о причудах-следствиях этого явления. Распавшаяся, точнее, волей обстоятельств (и автора, понятно) раздвоившаяся генетически незаурядная личность очутилась вдруг (!) в разных сферах общественного бытия и национального самосознания. Когда-то, на заре юности, личность оказалась цельной, монолитной; одно сердце, одна душа, один интеллект — все едино: цель, страсть, прошлое, порыв, натура, жажда познания, темперамент, ментальность, любовь, мечта.

И вот наступил-нагрянул-обрушился момент Истины. Цельная личность дивным образом, обремененная реалиями бытия на крутом повороте истории, раздвоилась, рассеклась на две равные половинки (не поперек, а повдоль — от макушки до пят), и каждая половинка в своем развитии отныне пошла своим путем: одна (как бы изначальная или первоначальная, базовая) осталось верной своей юношеской максималистской мечте, воплощая собой духовное начало человеческого существа, а вторая половинка с той же страстностью и неуемностью, что называется, с головой окунулась погрузилась в мир материальный, сугубо меркантильный, в мир наживы, фарисейства, лжи, большого хапка, демагогии, сиюминутного успеха и выгоды. Каждая половинка руководствуется в жизни своими принципами, своей логикой и правдой. Две половинки более сорока лет живут независимо друг от друга; одна — в неизбывной душевной маете, в заботах о своем народе. О его будущем

и подлинной духовности, ратует за справедливость в освещении исторического пути своего многострадального этноса и во имя этой высокой цели тратит все свои незаурядные силы духа и талант внешне казалось бы неудавшейся, неустроенной, полной борьбы и лишений жизни; другая половинка в угоду низменных и циничных своих потребностей ловко устраивается в этом сумбурном мире, пользуется широко и вольготно всеми мыслимыми и немыслимыми житейскими благами, процветает, кайфует, делает бешенные деньги, забавляется политикой, становится баловнем, рыцарем авантюрной удачи, с помощью интриг и денег внедряется в сенат, воплощая собой все гнусное, гадкое в человеческой душе.

Эти две половинки делают попытку вновь соединиться, снова стать единой целой, вступают в изнурительные контакты, беспощадную дискуссию, нескончаемую полемику, каждая старается навязать свою волю, свою выношенную правду, свое понимание предназначения в жизни, приводя — казалось бы — неотразимые доводы, убедительные аргументы, но все тщетно, трагически безнадежно, ибо две половинки при неразрывном единстве общей души, одной основы, одних генов оказываются абсолютно несовместимы, слишком сильно разошлись первоначальные пути и объединить их может только смерть, неизбежная и спасительная, так как физическая смерть одной половинки окажется духовной гибелью другого. И — наоборот.

II

Да, и — наоборот. В жизни мы с этим явлением сталкивались сплошь и рядом. В нашем нынешнем бытии подобная ситуация обострилась необычайно. Раздвоение личности оборачивается двуличием, лицемерием, двурушничеством. И мы все свидетели таких трансформаций. Нужно только чуточку внимательнее приглядываться к тому, что происходит вокруг повседневно. Самосознание (точнее, видимость его) хамелеонски меняется в зависимости от ситуации, от конъюнктуры. Самое скверное: мы к этому катастрофически привыкаем.

III

Одну половинку в нашем конкретном случае зовут Мурат Бейсенович Казыбеков; вторую — Марат Бейсенович Казыбеков. Одна буковка разделяет их в именах. Но какая буква! Существенная, знаменательная, радикальная — сугубо казахская — ұ (Для ясности: русская «у» с поперечиной). Вся увлекательная и поучительная интрига крутого повествования построена на динамическом столкновении братьев-двойников, бывших некогда единой плотью.

Глубокий конфликт между интернациональным «А» и национальным «ұ» — Муратом и Маратом. Две половинки — одно целое. Но одно целое — две половинки.

IV

Речь — поясняю — идет о последнем романе выдающегося казахского писателя и ученого Мухтара Магауина. Роман в красочном издании вышел два года назад (на казахском языке) в Праге, где уже несколько лет живет и творит писатель, у нас роман был опубликован в журнале — кажется — «Жамбыл», мне же в руки книга попала лишь недавно, и я, прочитав ее, посчитал нужным поделиться своими впечатлениями с русскоязычным читателем. Перевод еще неизвестно когда выйдет. С переводами у нас, в Казахстане, вообще напряженка. А читательской аудитории полагается иметь хоть какое-никакое представление о том, что происходит на литературной ниве Казахстана.

Называется роман в оригинале редким казахским словом «Жармақ». В том краю, где я вырос (Северный Казахстан), этим словом называлось половинка пшеничного зернышка, иначе говоря, дробленка, ровная часть целого ядрышка. Видно, образование от слова «жарма», «жару» — дробленка, доля, часть, осколок, поделить, расколоть, рассечь. Писатель перенес семантику слова на человека, обозначил «жармаком» половинку человека — не только физическую, но и нравственную, духовную. «Жармақ» в данном случае расколотая, раздавленная

равно пополам человеческая сущность. (На всякий случай решил свериться с Далем. Наверняка, подумал, встречу у него либо «жармак», либо «ярмак». Не оказалось ни того, ни другого). Благодаря этому удачному и эффективному литературному приему, писатель психологически убедительно и интригующе поведал об острых — политических, этнических, социальных — проблемах нашей современности, о моральных язвах, разъедающих общество, о нравственных изъянах так называемой элиты («елдің игі жақсылары»), незаметно, исподволь продавших и предавших прочные устои национальной жизни, нравы-уклады, испытанные веками и заповеданные предками. Именно на этом фундаменте построен конфликт романа, жгуче современного произведения, захватывающего читателя и вовлекающего его в орбиту исконних и новоявленных человеческих страстей.

Роман публицистичен от начала до конца. Ситуации в романе, абсолютно знакомы людям моего поколения, они прошли на наших глазах, они запечатлены на страницах СМИ недавнего времени, они затрагивают те темы и проблемы, которыми мы живем и сегодня. Вот эта актуальность, злободневность и привлекают внимание читателя к этому небольшому по объему, но ёмкому по содержанию произведению.

V

Не все, однако, так просто и определенно, как я все выше изложил. Произошло отнюдь не механическое разделение некогда целого, единого. В данном случае личности. Получилось не так, чтобы одна половинка вобрала в себя все позитивные черты, а другая, антипод — все негативные. Все значительно сложней и запутанней, более зыбко и взаимопроникновенно.

Мурат в повествовании своеобразное alter ego автора, которого широкий читатель неплохо знает и по его произведениям, и по общественному реноме, по характеру и неординарным творческим манерам. И понятно, что автор «Жармақа» больше сочувствует, симпатизирует своему герою Мурату, принципиальных

взглядов ученому, дипломированному историку, страстно, увлеченно изучающему давнее прошлое своего народа, доказывающему на основе источников разных стран и народов, на основе уникальных, редчайших архивных данных, что номады (здесь конкретно кипчаки) отнюдь не были вне цивилизации и никак не представляют собой пыль на ветру. Мурат с принципиальных позиций занимается историей древних кипчаков, попутно разоблачая шовинистические, евроцентристские взгляды одних и нигилистические, уничижительные тенденции доморощенных «зиялы қаум» — горе-интеллигентов, псевдоученых, квази-мудрецов разных мастей. Тут он, Мурат, не идет ни на какие компромиссы и уступки. И это хорошо понимает его двойник, его вторая половина, предпочитающая конкретные земные блага теоретическим, идеалистическим представлениям и концепциям.

Мурат ориентируется на подлинную, чистую и честную науку, которая воздает народу должное, вдохновляет, воодушевляет, будит совесть и честь, размытые рабской психологией, обстоятельствами и вековым гнетом извне. При этом Мурат постоянно помнит, что вторая его половинка, Марат, не просто его антипод, а он сам («Өзім»), то есть Мурат есть Марат, а Марат — Мурат. Они, обе половинки, сознают, что он — это я, а я — это он. Потому и получается диалектически, психологически крайне все сложно. Мурат, обстоятельно излагая все перипетии своей затяжной борьбы с оппонентами, которым он не дает спуску нигде, ни в чем, даже после их земного существования, тем не менее, то и дело задается вопросом: он — это я, но я тогда кто? В определении трагической участи двух половинок некогда единого и целого и сокрыты причины принципиального конфликта. В этом пафос романа.

VI

В глазах изнуренного нищетой, бытовой неустроенностью и одиночеством Мурата его преуспевающий во всем двойник Марат, удачник, жуир мерещится счаст-

ливчиком, везунчиком, прожигателем жизни. Марат несказанно богат, сыт, пронырлив, ухожен, купается, как сыр в масле, прекрасно устроен, живет с милой Балжан, первой непреходящей любовью Мурата, растит способного, сверхобеспеченного сына (которого, кстати, две половинки никак не могут поделить, хотя доподлинно известно, что зачат он Муратом), тешит свою плоть и спесь с молодкой-токалкой, преуспевает, делает головокружительную карьеру, щедро спонсирует Мурата, способствуя ему завершить капитальный труд — «Историю кипчаков» — в двух томах — «в тысяча триста сорок страниц». Однако Мурата все дальновидные, расчетливые, корыстные благодеяния его двойника не прельщают, он скептически относится к ним, хотя и принимает его несметные «дары» как закономерную мзду за все лишения и перенесенные испытания. Жизненная позиция и нравственное кредо Марата, его цинизм и авантюризм для совестливого Мурата противопоказаны, неприемлемы. Конфликт между двумя началами жизневосприятия, мировоззрения усложняется, углубляется из года в год, пока не входит в непреодолимый тупик. Мурат решается на самоубийство, сознавая, что только таким образом можно будет пресечь неистребимую, всепоглощающую жадность, коварство, карьеризм, подлость, интриганство, нуворишское хамство, всецело охватившее разномастных «жармаков», отравляющих своим существованием святость жизни и общественный созидательный Дух.

VII

А о чем спор между Муратом и Маратом? Долго описывать. Спор идет по всем параметрам общественного и социального бытия. Проще прочитать весь роман, но он пока существует только на казахском языке. Не мешало бы быть при этом в курсе творческих и научных конфликтов самого автора, начавшихся еще в 60-80-ые годы прошлого века. Все эти — мне памятные — перипетии публичных айтысов с драматическим накалом изложены в романе через восприятие Мурата. Со своей колокольни могу подтвердить: все было — кляузы, подметные письма,

интриги, тайные и явные, коллективные и личные доносы, подлоги, инсинуации, наговоры, преследования, наветы, оргвыводы. Все эти испытанные оружия тотальной системы были пущены в ход ради эгоистической цели, мелкой, низменной корысти, недостойных интересов. Мурат прошел через все эти испытания, с честью одолел многие преграды. В числе тех, кто иезуитски травил молодого вольнодумца-историка, находились и ответственные работники ЦК КПК в лице «горе-активиста», не в меру ретивого «большайбека» Нуркана Жангельдина, хитрого и коварного Нурмаша Сатарова, умного и верткого Ивана Мокеевича Есенгалиева, историка-чинуши, сумакая-слизняка Алдабека Каражуманова, малообразованного интригана, шумливого поэта-депутата Муштара Маканова (таковы определения героя «Жармака»), разных верноподданных власти и прислужников известной сверхбдительной организации. Прототипы этих отнюдь не славных азаматов (их имена и фамилии лишь слегка изменены) моему поколению хорошо известны, и Мурат (и сам автор, конечно) беспощадно разоблачает их позорные в глазах потомков деяния. Марат, второе «я» Мурата, в сущности является их достойным продолжателем, но уже современной генерации, то есть, более богатым, нахрапистым, циничным, подлым, коварным, расчетливым, юрким и хватким.

VIII

Тотальная подозрительность, нетерпимость к инакомыслию, недозволенность идти непроторенной дорожкой, беспощадность в расправе с теми, кто позволяет себе думать не так, как положено, как определено сверху, всеобщий контроль над духовностью, настойчивостью в истреблении малейшей самостоятельности, сознательное вытравление подавление малейшей вольной мысли, служение Мамоне — все это с лихвой изведал центральный герой «Жармака», и все эти родовые приметы недавно обрушившейся системы ловко, иными способами и мерами внедряются в сознание тех, кто ныне искренне полагает, что обрел независимость. Да, вожделенную

независимость он обрел, но стал рабом нового культа наживы, разъедающего, как ржа, здоровую ткань общества. Историк Мурат яростно срывает маски с тех, кто рядится в «нового казаха», кто считает себя подлинным хозяевом рыночной стихии, вершителем людских судеб, мерилом бытия, где все продается и покупается, где в развале нравственные устои, где приоритеты отданы лжи, фарисейству, рвачеству и лиходейству, где в фаворе проходимцы и юркачи.

IX

Автор цену себе знает. Он издал около 60 книг. Собрание его сочинений составляет 13 томов. Теперь он помышляет о 17-томном собрании. Он лауреат всевозможных престижных премий. У него на все есть свой оригинальный взгляд. Независимый борцовский характер. Потому и нет недостатка у него ни в поклонниках, ни в противниках. Выражается снайперски круто, резко, принципиально. Он говорит: «Я». Двухтомник о себе так и называется. Кое-кого это раздражает. Считают, слишком самоуверенно, дерзко, хвастливо. Я так не считаю. Мухтару такая манера к лицу. Я — это Мухтар Магауин. Его жизнь, судьба, душа, ментальность, нрав, излюбленные взгляды. Я — это только он. И никто более. Художник, личность имеет право говорить о себе: «Я», «Я сам».

Подстать автору и герой «Жармака». Историк. Мыслитель. Полемист. Борец.

X

Знакомый коллега отозвался кисло: «Да, читал. Любопытно. Но это не художественная проза». Я насторожился: «А что?» «Голая публицистика», — последовал ответ.

Ну и что? Я знаю: признанные писатели прошлого и настоящего на склоне лет стыдятся писать «художественное», вымышленное, предпочитая писать «голую» правду, поучения, гаклии-назидания, философские притчи, миниатюры.

Верно: «Жармақ» публицистичен, злободневен, полемичен. Для меня эти качества — достоинство. Меня это привлекает, занимает, заставляет задуматься, пристально всматриваться в недавнее прошлое и во всем приемлемое настоящее, настраивает на критическую волну, на раздумья о будущем. С точки зрения национального и общечеловеческого. Это — роман-раздумье, роман-эссе, роман-полемика.

Так я воспринял.

Он, роман, сильно привязан к нашему конкретному времени, к нашему обществу, к сугубо нашим проблемам, в нем преобладает color lokal. Но его проблемы характерны, пожалуй, всем независимым странам. Он неравнодушно затрагивает больные стороны общественного развития. Он, думаю, прозвучал бы актуально и на других языках. Он выходит за рамки сугубо национального явления.

Так мне показалось.

«Город», № 36, 28.08.09.
«Жулдыз», № 2, 10.
«Лит. Алма-Ата», № 6, 2009.

ПРЕДТЕЧА ЕВРАЗИЙСКОГО ДУХА

О «Степной дилогии» М. Х. Сулейманова

Интересно все же, сколько я книг прочитал на своем веку о Чингисхане? На ум приходят Ян, Кара-Даван, Чивилихин, Калашников, Кекилбаев, Досжан, Адибаев... всех сразу и не вспомню. Добавьте сюда книги научно-исследовательского характера. И еще недавнюю дурную перепалку о Чингисхане наших доморощенных сарбазов. Вспомните еще несколько многосерийных фильмов. А сколько обывательских кривотолков о Чингисхане? Мол, кто он по роду-племени. Русак, монгол, китаец, бурят, казах? На каком языке разговаривал? Раньше Ленин был живее всех живых. Ныне живее всех живых Чингисхан. Теперь еще и наш Мухтар Магауин, уединившись в Праге, пишет о нем роман. И его идейно-философская концепция мне примерно известна.

А пока читаю еще одну любопытную книгу, которая вышла в этом году (2009) и называется «Эра Чингисхана в истории казахской нации» (Степная дилогия). Автор — ныне покойный Мухаммед-Халел Сулейманов (1939-2008). Я знавал его, нередко общался с ним по телефону. Бывало, накоротке встречались. Знаменательная, разносторонняя, весьма увлеченная была личность. Человек редкого дара, широких координатов. Физик, химик, историк, публицист, переводчик, исследователь творчества Ахмета Байтурсынова, знаток казахских биев, национальной шежире, общественный деятель, неутомимый радетель культуры, увлекавшийся всерьез военной историей... Обладая столькими талантами, он — по моим ощущениям — был очень скромным, неброским, даже внешне неприметным человеком. Он показывал мне свои стихотворные переводы, приносил книги об

Ильясе Омарове, блистательном министре культуры Казахстана, приходил в редакцию журнала, где я состоял членом редколлегии, приглашал меня на концерты своей талантливой и обаятельной дочери-пианистки, на какие-то конференции и симпозиумы, которые временами организовывал. В своих увлечениях он себя не щадил. О себе забывал. Спесь и чванство, высокомерие и гордыня были ему чужды. Он был родом из вырождающегося племени дон кихотов. Теперь сознаю: я его, Халела Толеубайулы, при жизни недооценивал. Это я понял, прочитав его книгу, изданную, отредактированную и откомментированную с любовью и тщанием его сыном, доктором философских наук Ильясом Сулеймановым и ознакомившись с теплыми отзывами об этой книге славных казахских азаматов С.Куттыкадама, М.М.Ауэзова, А.Касымова, М.Сабитова, Н.Амрекулова, М.Калматаева и двух «инородцев» Тумура Цэрэндоржа и Адольфа Арцишевского.

Внимательно прочитав книгу «Эра Чингисхана в истории казахской нации», обогатив свои куцые знания серьезными мыслями, редкими фактами, заключенными в этой книге, я могу только присоединиться к суждениям вышеназванных именитых лиц и почти всецело разделить их высокий пафос.

Со своей колокольни могу констатировать, что в этой книге четко выражена субстанция титанической фигуры Чингисхана, названная им самим «ар-іс», то есть «благородная сущность», «аристократизм духа», «дело чести и достоинства». В этом квинтэссенция философии того гигантского исторического явления, которое в официальной историографии столетиями выдавали как кровавое, дикое тиранство, как захватничество, как безумная жестокость, насилие, тотальное разрушение.

В том, что это было однобоким, примитивным и банальным суждением, ныне сомневающихся все меньше и меньше. Ныне рушатся веками сложившиеся стереотипы. Очень точно и лапидарно определил суть исследования М.Х. Сулейманова его издатель и редактор:

«Ему (автору — Г.Б.) удалось свести воедино данные летописных хроник с народным эпосом, устным наследием биев, перевести непривычные казахскому слуху имена

и названия в китайских и персидских транскрипциях на современный казахский язык и доказать культурно-генетическую преемственность ариев, скифов, гуннов, сяньбийцев, тюрков, кипчаков, монголов и современных казахов».

Это верно. Это так. В этом можно убедиться, читая все главы «Степной дилогии». Почему дилогия? А потому что означенный труд Халела Сулейманова состоит из двух книг.

Назову — дабы привлечь внимание читателя — названия некоторых глав из первой книги: «Чингисхан — тюрок или монгол?», «Монгол — идея, лозунг, эпоним, этноним», «Кто такие тюргеши?», «Эль «Туркеш-Алаш», «Об историографической революции Чингисхана» и «Чингисхан и казахская родословная». А вот ключевые главы второй книги: «Истоки национальной идеи «мангі кол» и философия чингизизма», «О военно-философском учении Чингисхана «Жасак», «Идея государственности «Алаш-Орда». Алаш-Хан Жошы», «Алаш-Орда» и Джагатаевский улус. Трагедия отца и сына». «Историческая судьба народа «Алаш», «О роли Чингисхана в истории казахской нации» и т.д.

Уже по названию этих глав можно судить о содержании и масштабности книги Халела Сулейманова.

С особым интересом читаются примечания и комментарии редактора. Они занимают тридцать книжных страниц и существенно дополняют содержание своеобразного труда. Своеобразие я увидел в затейливом и увлекательном смешении разных жанров: очерка, исследования, полемики, научной констатации, предположения, беллетризма, лингвистических анализов, осовременивания контекста, гармонии прошлого и настоящего.

В восприятии Чингисхана и его эпохи, думается мне, все еще преобладает невежество (неведение) и примитивизм. Почему-то упорно чудится, что Чингисхан и его жестокий век не имеют отношения, скажем, к мировоззрению, философии, идеологии, к каким-то глобальным, общечеловеческим идеям. Все содержание книги М.-Х. Сулейманова убедительно опровергает это глубоко ложное, инерционное, стереотипное представление. Ко второй книге данного труда эпиграфом приведены слова

известного русского востоковеда В.П.Юдина: «Чингизизм был мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и структуры социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции в семье и обществе...»

В этих словах охвачены основные координаты и параметры исторического явления под названием «Чингизизм».

М.Х. Сулейманов увлеченно и глубоко вникает в это явление, докапывается до его истоков. Как и многие другие исследователи эпохи «потрясателя Вселенной», он склонен утверждать, что Чингисхан «родился в нужное время в нужном месте». Автор констатирует: «Он (Чингисхан) родился на территории, на которой в свое время зарождались великие военные державы гуннов, сяньбийцев и тюркотов. Именно на этой территории находился центр Великого тюркского каганата, служивший позже центром Восточно-тюркского, а затем Уйгурского каганатов. Все население, которое проживало на данной территории к моменту рождения Чингисхана, состояло из прямых потомков древних гуннов, древних сяньбийцев, тюркотов, тюргешей, кипчаков и огузов (стр.116)». В основополагающей главе «Политико-экономическая ситуация на территории бывшего Восточного тюркского каганата в конце XII века» убедительно раскрыты корни чингизизма.

Что в этой книге привлекло мое внимание? Широкая панорама эры Чингисхана, разносторонность в освещении этой эпохи, проникновение в ее политико-экономическую суть, лингво-этимологические экскурсы, раскрытие роли Майкы бия в учениях Чингисхана, разоблачение старых шаблонов, прорыв к Духу великого азийского эля, «магический реализм», о котором уместно напоминает в книге Мурат Ауэзов, и обилие разнообразных исторических фактов, познавательных сведений и многие другие достоинства.

Исключительно ценными показались мне и два приложения к книге. Первое: «Реконструированные фрагменты совместного учения Майкы бия и Чингисхана «Жасау ізі» («Яссы») с комментариями». Второе: «Шежире» (родословная казахов).

О легендарном Бие Майкы, вращаясь 68 лет в казахской ауре, я, разумеется, был наслышан. Но о том, что Чингисхан находился с ним в творческом контакте, я подробнее узнал из книги М.-Х. Сулейманова. Меня поразил этот факт: «Весной 1206 года Чингисхан призвал к себе Майкы бия и поручил ему, как признанному языкотворцу, изложить на этом языке свое историко-философское учение, а также воинские уставы и законодательные акты, разработанные каганом и его сподвижниками». Далее автор обстоятельно рассматривает основные положения учения Чингисхана, изложенные на языке бия Майкы. Это исключительно любопытно. И я бы добавил: потому-то местами спорно.

Второе приложение — «Шежире» — занимает 25 книжных страниц и охватывает не одну сотню имен представителей Большого жуза — Акарыс, Среднего жуза — Жанарыс и Младшего жуза — Бекарыс.

Я уже где-то писал, что в мою немецкую голову диковинное, необычно разветвленное казахское шежире никак не лезет. Шежире существуют много. И не только Шакарима или Тынышбаева. Издаваемые ныне в большом количестве так называемые семейные книги, как правило, включают в себя локальные и глобальные шежире. Я пытался вникнуть в них. Снимал копии. Сопоставлял. Сравнивал. Выяснял, кто от кого произошел — от какого отца, от какой матери — от байбише или от какой по счету токал. Тщетно. Безнадежно терялся в казахской родословной, как в заячьих петлях в порошу. Пришел к выводу: а) не моего ума-разумения это дело; б) во всех шежире слишком много отклонений, противоречий, разночтений. Обстоятельное шежире, разработанное и включенное в книгу М.-Х. Сулейманова, вызвало у знакомых знатоков тоже кое-какие несогласия и коррективы. Где правда, в чем истина — увы, не мне судить. Но вглядываться в происхождение и в затейливые отношения казахских родов и ветви потомков — довольно любопытно.

В чем короткая суть длинной речи? Она емко изложена в главе «О роли Чингисхана в истории казахской нации».

Автор пишет: «Казахи имеют много оснований быть благодарными Чингисхану за его деяния» и перечисляет

основные его заслуги: во-первых, во-вторых, в-пятых. И делает заключение: «По сути, чингизизм, являясь квинтэссенцией евразийского духа, впитавшего в себя силу и притягательность арийских, скифских, гунно-сяньбийских и тюркских императивов, стал глубинной, интуитивной основой межэтнической комплиментарности и взаимопритяжения народов евразийского суперэтноса» (стр. 232).

В этих словах, мне думается, ключ ко всей книге. Еще раз скажу: книга интересна и полезна. Пронизана высоким гражданским чувством и обаянием интеллекта. Меня порою лишь смущает смешение жанров в повествовании и отсутствие развернутого справочного аппарата. Хотелось бы побольше ссылок (ведь автор перелопатил монблан литературы), источников, указаний — откуда что взято, на чем или на ком зиждется то или иное утверждение или заключение исследователя. Я ведь склонен думать, что имею дело не с мифологической, вольной беллетристикой, а с серьезным научным трудом.

«Central Asia Monitor», № 38, 25.09.09

СОВЕСТЬ? ЭТО ЕЩЁ ЧТО ТАКОЕ, ГОСПОДИ?!

(Эссе)

«Глаза — мера, душа — вера, совесть — порука»
Русская пословица
«На богатство не полагайся, а на совесть опирайся»
Казахская пословица
«Спокоен тот, у кого совесть чиста»
Немецкая пословица
«Совесть — тысяча свидетелей»
Латинская пословица

Замечаю: понятие «совесть» незаметно отодвинуто на обочину бытия. Почти вышло из употребления. Люди, похоже, вполне обходятся без слова и понятия «совесть».

Да что там без слова и понятия? Без самой совести вполне комфортно приноровились жить. Совесть — не товар. Не рыночная категория. На базаре не продают. Казахи издревле заметили: у торгаша ни совести, ни веры.

Сплошь и рядом косяками рыщут совсем уж бессовестные люди. Ну, может быть, не совсем бессовестные, может, у них есть некие атавистические приметы совести, но они так далеко упрятаны, что и под микроскопом не разглядишь. Впору создавать Союз и Партию бессовестных. А что? Функционировал же в 20-30-е годы прошлого века Союз безбожников. Почему бы век спустя не благоденствовать Союзу бессовестных?

Ныне, случается, скажешь зарвавшемуся пошляку, хапуге, наглецу, держиморде, нуворишу и подобным им бесславным азаматам, которых развелось пруд пруди: «Эй, совесть у тебя есть?!» — он, распахнув от изумления рот и выкатив бесстыжие глаза, недоуменно переспросит: «Не дейді? Совесть?» «О, алла-ай, это еще что такое?!»

Попробуй объясни, растолкуй. Если есть в таком типе хоть крохотная, с гулькин нос, толика совести,

унаследованная от предков, он может что-то и уразуметь; если же кожа толста, как у носорога, то хоть колом теши по голове — бесполезно.

Как-то при мне знакомая ученая дама, мать троих детей и, между прочим, доктор наук, поинтересовалась у опечаленного поэта-земляка, отчего тот не в духе. Поэт буркнул: «Совесть заела»... «Что?!» — удивленно переспросила ученая дама. «Совесть», — уточнил поэт. Даму это так неожиданно развеселило, что она стала в поэта тыкать пальцем и хохотать, оглядываясь на присутствующих: «Ха-ха-ха! Смотрите-ка на него! Его — ха-ха-ха! — совесть заела». Смеялась она так заразительно, что и присутствовавшие начали потешаться: «Совесть? Ха-ха-ха! Совесть? Хи-хи-хи! О-хо-хо! Где она совесть? И где она вообще бывает? Покажи хоть!» Поэт нахмурился. Рукой показал на сердце. Весельчакам стало неловко.

Это не анекдот. Я свидетель той сцены. Сколько ни слушаю наших народных избранников по радио и ТВ, в их лексиконе я этого слова не услышал. И вообще, наша элита к этому понятию не прибегает. И с трибун это слово давно не звучит. И народ от него отвык. Боремся отчаянно и безжалостно с коррупцией и коррупционерами, а к «СОВЕСТИ» не прибегаем. Понятие выхолощено, атрофировано. Оттеснено в архаику. Стало невостребованным. Оно абортировано, как нежеланный плод. И когда я о своем ужасном наблюдении поведал давнему знакомому, он усмехнулся: «Выдумываешь, черт знает что! Зачем тебе совесть? Это твой Кант или Гегель какой-нибудь выдумал. Нам-то она зачем? Вполне комфортно живем и без совести».

- Ну, как же, скажи на милость! «Ар-ұят», «намыс», «ождан» («уәждан») всегда звучало у казахов весомо. На «ар-ұят» постоянно уповали сотни поколений номадов. Да и «обал-сауап» — такая значительная этическая категория у казахов, которую в других языках и не встретишь.

—Да. Есть такое понятие «обал-сауап». Оно крепко обосновалось в сознании, миропонимании степняков. Это поведенческая норма. Кстати, как «обал-сауап» звучит по-русски?

—Не знаю точного адеквата. У русских есть «грех», «кара», «расплата», «искупление», «воздаяние»,

«возмездие», «раскаяние», «божья милость», что-то еще в этом роде, но они все вместе не передают глубинный смысл казахского «обал-сауап».

- Значит, можно обходиться и без этих понятий, — глубокомысленно изрек мой собеседник.

- Астафиралла! — схватился я по казахскому обыкновению за воротник. — Неужто можно жить без совести?!

- Живут же вполне, однако, — убежденно заявил мой собеседник. — Совесть — химера, выдумка, нонсенс. Нечто фантомное. Совесть, если хочешь знать, все равно, что безразмерные трусы. На любые формы и размеры можно натянуть.

А в самом деле, чего я-то всполошился? Не с неба ведь свалился и не вне общества живу. Ну да, сызмальства вырос в немецкой семье, в патриархальной деревне российских немцев на Волге, где совестью руководствовались с младых ногтей и где «Фуй, бессовестный!» было едва ли не самым крупным ругательным словом. Совесть считалась основой всего — Труда, Веры, Долга, Обязанности, любого поступка и Любви во всех проявлениях. «Бессовестный» — была прерогатива недочеловека.

Потом я очутился в казахском ауле на берегу Ишима-Есиля. Жили бедно, убого. Но непременно с совестью в душе, с иманом на лице, с «обал-сауапом», с «ар-ұятом». Обижать сироту, изгнанника, убогого, бессильного, несчастного было высшим проявлением бесстыдства. Бесстыдника («арсыз», «ұятсыз», «имансыз») презирали в ауле и стар и млад. Проступок бесстыдника ложился пятном, Каиновой печатью на весь аул и его окрестности.

Прошло несколько десятилетий, на моих глазах пошатнулся незыблемый, казалось бы, остов нравственности, вдруг выяснилось, что жить-то можно вполне вольготно и сытно, припеваючи, не считаясь ни с какой совестью. Ну, в самом деле, чтобы возводить для себя каменные палаты, обзаводиться с помощью ахалая-махалая регалиями, научными степенями и званиями, должностями, недвижимостью, банками, давать кредиты и добывать инвестиции, потакать своим чадам-недорослям, заводить счета и южных токалок, водить за нос одураченный плебс, тешить свою спесь и амбиции,

совесть-то совсем ни к чему. Она и даром не нужна. Она в тягость. Обуза. Путы на ногах вольного джигита. Как опостылевшая баба. Как непрошенная смута на душе. Как собаке пятая нога. Как вагине дверца. Да пусть она провалится, эта совесть. Буду я еще терзать себя по всякому поводу. От нее одни неудобства. Недоумения и неурядицы. Терзания и тревога. Видно, наши «ыгай мен сыгай» это инстинктивно осознали и вытравили ее из обхождения и употребления. Трижды объявили ей: «Талақ!» И правильно: долой ее, искусительницу бесплодную, тварь смутную, душу грызущую.

Совестно мне стало. Чего я будоражу людей какой-то совестью? Оставим ее далеким предкам, разным мудролюбам-мудрецам, поэтам-писателям, муллам-священникам, праведникам, мугаллимам-наставникам. Кого Всевышний одарил совестью, пусть и тешит ее, пусть ее ублажает, пусть возится с ней, как с писаной торбой. А у кого ее нет, и сроду не было, те будут успешно, на свой салтык, продвигать жизнь и дальше. Для успеха совесть нередко лишь помеха.

В растерянности я обратился к спасительной литературе. Что думали (и думают) о совести умные люди разных времен и народов? Сперва-наперво я потянулся к четвертому тому всезнающего Владимира Даля.

Владимир Иванович сначала дал обстоятельное определение понятию «Совесть»:

«Совесть — нравственное сознание, нравственное чутье как чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла, тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка, способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития».

Вчитывайтесь в эти объяснения. Ну, все охватил мудрый Даль, во все аспекты этого объемлющего понятия вник, все важные этические принципы сплел в тугой узел. Нравственное сознание и чутье, добро и зло, тайник души, стремление к Истине, отвращение ото лжи, прирожденная правда — все эти высокие понятия сопряжены, соприродны с «Совестью». Свое определение Владимир

Даль подкрепляет русскими народными пословицами, имеющими вековые корни, включающие в себя мудрость народа:

Робка совесть, поколе не заглушишь ее.

От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь.

Совесть мучит, съедает, томит и убивает.

У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится.

Совесть беззуба, а с костьми сгложет.

Делай по совести, честно.

Мы на совесть сделались.

Это у меня лежит на совести.

Надобно же и совесть знать.

Напала совесть и на свинью, как отведала полена.

У него совесть мешок: что хошь положи.

Добрая совесть — глаз Божий.

Рожа кривая, да совесть прямая.

Совесть спать не дает.

К кафтану совести не пришьешь.

Богатый совести не купит, а свою погубляет.

В ком стыд, в том и совесть.

У кого совесть нечиста, тому и тень кочерги виселица.

Глаза — мера, душа — вера, совесть — порука.

Даль приводит и другие фразеологические сочетания, связанные с понятием «совесть». Отсылаю любопытных к этой статье «Толкового словаря живого великорусского языка».

Вспомним и некоторые казахские пословицы по этому поводу. Они, видно, смыслово перекликаются с пословицами всех народов. Ибо понятие «совесть» у всех народов с сотворения мира почитается высоко.

Вот несколько примеров из изящно изданной, подарочной, красочно иллюстрированной книги «Казахские пословицы и поговорки» («Алматыкітап», 2007. Составитель и переводчик Мадат Аккозин):

Честь и совесть — спутники каждому шагу.

Стыд сильнее смерти.

На богатство не полагайся, а на совесть опирайся.

Гнев — враг разума, неумеренный аппетит — враг совести.

Когда с котла крышку снимают, собака всякий стыд теряет.

Совесть в узелок завязал.
Честного совесть удерживает.
Бессовестный себя победителем считает.
Тело — жертва души, душа — жертва чести.
С водкой подружился — с совестью простился.
Плюющий на свою совесть, на чужую и не посмотрит.
Бессовестный свою совесть проедает.
Если рожа кривая, на зеркало не серчай;
Если совесть нечиста, на родню не пеняй.

Еще раз обращу внимание читателя на то, что у казахов понятия «совесть», «честь», «стыд» идут в тесном сопряжении, зачастую синонимизируя друг друга.

Пожалуй, здесь уместно вспомнить и немцев.

У немцев — обратите внимание! — «совесть» обозначается понятием «сознание» (Gewissen) и лишь во втором значении с понятием «стыд» (Scham, Shande). Вот, к примеру, ряд немецких словосочетаний со словом «Gewissen» в русском переводе.

Самая чистая совесть на свете.
Не способен на сделки с совестью.
У него спокойная совесть.
Он щепетилен в вопросах совести.
Заговорила совесть.
Обратиться к своей совести.
Лежит на совести.
Вызывает угрызения совести.
Вопреки долгу и совести.
Со спокойной совестью.
Спокоен тот, у кого совесть чиста.

Словом, нетрудно заметить параллели и созвучия с адекватными этико-моральными представлениями русских и казахов.

Совесть не позволяет пройти в таком деликатном вопросе мимо Абая. Степной философ-одиночка часто и много размышлял об имане (помните — «якини иман» и «таклиди иман» — истинная вера и традиционная вера), о чести, совести, стыде. Послушаем:

«Предаваясь пустому смеху, человек теряет совесть...» (Слово четвертое).

«Чтобы сохранить в себе иман, необходимо иметь отважное сердце, твердую волю, уверенность в своих силах» (Слово тринадцатое).

«Да будет проклята жизнь, не ведающая стыда» (Слово двадцать девятое).

«Все должно служить делу разума и чести» (Слово тридцать второе).

«В хадисе нашим пророком, да благословит Аллах его имя, сказано: «У кого нет стыда, у того нет и веры». В народной пословице говорится то же самое: «У кого есть стыд, у того есть иман». Становится очевидным: стыд есть неотъемлемая часть имана. Но что такое стыд?..

...Истинный стыд тот, который испытывают, совершив поступок, противный законам шариата, совести, человеческому достоинству.

...Стыд — это человеческое достоинство, заставляющее изнутри признать свою вину и вынести себе наказание» (Слово тридцать шестое).

«...Об этом свидетельствуют следующие слова пророка, да благословит его Аллах: «Кто несправедлив, тот не имеет совести. Не имеющий совести, не имеет веры».

...Отсюда мы уясняем, что вера не может возникнуть сама по себе, она рождается справедливостью и благонравием» (Слово тридцать восьмое).

Мы видим, как Абай в своих неторопливых гаклиях постепенно расширяет границы понятий «совесть», «честь», «иман», «стыд», прибегая к таким высоким этико-моральным категориям, как «благородство», «благонравие», «любовь к Аллаху», «благочестие», «духовное самосовершенствование», «милосердие».

Отсюда вывод: откровенно пренебрегая в наше торгашеское время понятием «совесть», мы тем самым незаметно для себя трагически отходим от незыблемых, основополагающих нравственных категорий извечного бытия, от краеугольных камней, на которых издревле зиждется мир.

Трактовка «Совести» в «Кратком словаре по этике» (М., Политиздат, 1965) показалась мне научно наиболее всесторонней и значительней, всеохватней, что ли.

«Совесть — категория этики, характеризующая способность личности осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формировать для себя их выполнение и производить самооценку совершаемых поступков, одно из выражений нравственного самосознания личности (во многих европейских языках

слово «совесть» этимологически близко слову «сознание», в русском языке оно происходит от слова «ведать» — знать). Совесть может проявляться не только в форме разумного осознания нравственного значения совершаемых действий, но и в форме эмоциональных переживаний, например, в чувстве удовлетворенности или угрызений совести.

Совесть — это субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед обществом».

Я прерываю здесь цитирование научной статьи со ссылками на И.Канта, И.Фихте, К.Маркса, на многочисленные дефиниции принципов коллективной и индивидуальной совести. Важно, что в этом определении «совести» четко прослеживается сопряженность этого понятия с моральным самоконтролем, с самооценкой своих поступков, с нравственным самосознанием, с долгом и ответственностью.

Это весьма знаменательно. Я ведь стараюсь подчеркнуть, что именно эти моральные принципы в нынешнем нашем обществе (во всех его слоях!) заметно, даже катастрофически ослабли, потускнели, стерлись, стали невостребованными, что, на мой взгляд, свидетельствует о серьезном нравственном, духовном изъяне. Иначе говоря, я подчеркиваю дефицит совести, охвативший, поразивший едва ли не каждого индивиду ума нашего конкретного времени и взываю к путям его преодоления.

Думаю, что отступать далее некуда. Небрежение к устоям нравственности, выработанным человечеством веками, незаметно приведет к тотальному расчеловечиванию, к непоправимым потерям. Человеку несвойственно по самой своей природе обходиться без совести. О том вопиют не только священные книги и классическая литература всех времен и народов, о том необходимо вопрошать повседневно в домашней и общественной жизни. Все наши неблаговидные дела-делишки во всех сферах общества, которым мы ныне свидетели, в конце концов упираются в забвение совести во всех ее нюансах и проявлениях. Необходимо вернуть это понятие в обращение в диалектическом сочетании с другими понятиями, упомянутыми мною выше. Общественный статус совести должен быть поднят до императивного,

взыскующего вопроса к себе и другим. Почаще спрашивать и себя, и других: «Эй, у тебя совесть есть?»

Необходимы широкие обсуждения, круглые столы, конференции на тему совести. Скажем: «Совесть и политика», «Совесть и экономика», «Место совести в рыночном мире», «Совесть в творчестве казахстанских писателей», «Совесть и коррупция», «Совесть и суд», «Совесть и власть» и т.д. и т.п.

Словом, необходимо привлечь внимание к дефициту совести, к возрождению, к культивированию этого священного, масштабного понятия. Лишенный совести — лишается всего.

На этой ноте я уже намеревался было закончить свой опус, как глаз вдруг, скользя по полкам книг, зацепился на научно-публицистическом сборнике «Этическая мысль», изданном в Москве еще в 1990 году. Взял, рассеянно полистал и наткнулся на трактат профессора Латвийского университета Августа Милтса, названный кратко «Совесть». Серьезное, оказалось, исследование, обстоятельный обзор, глубокий экскурс в древность. Ограничусь лишь одной цитатой.

«Совесть — зеркало, отражающее, в какой мере в человеческом сознании утвердились доброта, честность, ответственность, в какой мере они затронули чувства, убеждения, мотивы поступков, волю, характер, даже подсознание. Но требование морального долженствования не имеет пределов».

Очень верно и тонко замечено насчет морального долженствования, которое поистине не имеет пределов. Трактат имеет приложение «Мыслители разных эпох о совести», в котором собраны мысли и суждения Конфуция, Демокрита, Сократа, Сенеки, Цицерона, Ювенала, Ларошфуко, Паскаля, Лабрюйера, Локка, Лихтенберга, Вольтера, Дидро, Деметри, Гельвеция, Канта, Гегеля, Фейербаха, Гумбольдта, К. Маркса («Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре»), Делакруа («Не сближайся с людьми, у которых слишком гибка совесть»), Пушкина, Ушинского, Достоевского, Л. Толстого («Берегись всего того, что не одобряется твоею совестью»), Сухомлинского.

Я все эти мнения великих людей прочитал с трепетом сердца (так они проникновенны!), радуясь, что их волновало то, что тяготит и меня сейчас, но излагать (пересказать, процитировать) все эти мудрости не стану, воздержусь, ибо боюсь, что моя публицистическая, эссеистская статья превратится в скучный, занудный трактат.

А в заключение скажу (или, точнее, повторюсь):

Совесть не архаизм, не атавизм. Ее нельзя абортировать, оттеснять на обочину сознания, нельзя вырезать, как грыжу, удалить, как аппендикс, как желчный пузырь. Совесть прочно обитает (если она есть) в сердце человека, в тайниках души. Человек без совести — бессердечный, бездушный человек. Антихрист. Робот. Осознав эту очевидную истину, необходимо громко бить в колокола тревоги. Везде и всюду. Тормошить сознание. Взывать к совести — единственной спасительной и движущей нравственной силе рода человеческого.

Плодотворны и прочны лишь деяния, руководимые (инициированные) совестью. Бессовестные дела (харам) рано или поздно приводят к бесславию, к позору. Все бессовестное сшито белыми нитками подлости. И они вылезут наружу. Фарисейство, лицемерие могут править лишь временно. Там, где совесть дремлет или по каким-либо причинам задавлена, можно до поры до времени творить темные дела-делишки, можно за нос водить толпу, насадить вокруг себя ауру бессовестности и лжи, но это все лишь потуги, тщета и суета, комплекс буры (по казахской поговорке), за которыми неминуемы расплата и кара, тот самый непереводимый казахский «обал-сауап».

Человечество исключительно уповает на совесть. Только совесть созидательна. Это Истина из вечных категорий.

В нигилистическом отношении к совести мы зашли так далеко, упали так низко, что нужно срочно спасать положение и возродить в своем изначальном, священном виде этическую норму и каноны тончайшей субстанции — СОВЕСТИ. Иначе тупик. Катастрофа. Оскотинивание. Гибель.

«Город», № 30, 24.07.09

О ЧЕМ СПОР?

По поводу интервью Анатолия Кима в «Свободе Слова»

Старый спор: что такое перевод? То, что соответствует оригиналу по содержанию, по форме, по языковой мощи, по образному строю, по чувству и энергии выражения, по силе эстетического воздействия и восприятия и т.д., или то, что на свой субъективный салтык, на свой аршин воспроизведено обработчиком, стилистом, художественным редактором, украшателем, «донором» — называй, как хочешь?

Первый, как правило, знает язык (языки) оригинала, слышит его дыхание, музыку и переводит с языка на язык. Переводит по возможности точно, адекватно, реалистично. Он, собственно, и есть переводчик. И поскольку он знает язык оригинала, к нему у читателя и доверия больше.

Второй тип «переводит» со всех языков, даже с самых экзотических, ибо ни одного не знает, кроме, понятно, языка, на котором воспроизводит на свой страх и риск то, что ему услужливо подставляют литературные «негры», т.е. подстрочникисты. Самое любопытное то, что он при этом совершенно искренне называет себя переводчиком, когда на самом деле он, если быть точным, является обработчиком (доработчиком), т.е. художественно обделывает, обрабатывает сырье, подготавливаемое другими. И труд его никто не умаляет.

Но в принципе это неправильный, неверный подход к переводу, как таковому. На Западе искони сложилась прочная практика: чтобы переводить, надо по крайней мере хорошо знать два языка и обладать при этом чувством соразмерности. Там, если переводят, скажем, с русского (Толстого, Достоевского, Бунина etc.) на английский, французский, немецкий и т.д. языки, само

собой подразумевается, что переводчик до тонкостей знает русский язык. В европейских странах нет такой традиции, чтобы кто-то подготовил «художнику» глину, из которой тот лепит все, что ему заблагорассудится. Там с этим строго: нужно знать язык, на который переводишь и с которого переводишь. Иначе и быть не может и не должно.

А вот в бывшем СССР поневоле сложилась уродливая, так называемая, двустадийная система перевода, поскольку языков много, народы в состоянии знать друг друга исключительно через русский язык (доподлинно знаю, что даже с казахского на узбекский и киргизский языки переводили с русского — смешно), специалистов, которые могли бы непосредственно переводить с балкарского, кумыкского, каракалпакского, эрзя и мокша, чукчи и тобасаранского и т.д. языков днем с огнем не сыщешь, а культурное сближение, взаимопознание должны иметь место, то и прибегли не от хорошей жизни к такому способу: мало-мальски владеющий двумя языками изготавливает «глину», а некий «писатель-художник», не отличающий якута от таджика, лепит из этой «глины» нечто удобоваримое, в конкретном случае, на русском языке и выдает свое изделие как художественный перевод.

Так случилось. Так сложилось. И со временем к этому привыкли. И это уродливое дитя стало считаться переводом.

Абсолютный нонсенс!

На эту тему написано сотни томов, тысяча и тысяча статей-исследований, за многие годы интенсивного переводовечества я прилежно изучил эти груды, сам написал несколько переводоведческих книг, участвовал в разных «круглых столах», отечественных и зарубежных, научно-практических конференциях и праздниках переводческого искусства (в Ереване). Могу сказать без хвастовства: в этом деле съел не одну собаку. И перевел на русский язык около 200 произведений с казахского и немецкого на русский язык.

Ничего не меняется в этом мире: спор о том, кто переводчик — тот, кто переводит с языка на язык, или тот, кто главным образом обрабатывает и украшает чей-

то подстрочник — продолжается и поныне. И каждый считает себя правым. При этом выявляется определенная тенденция: кто обрабатывает подстрочники с любого языка, склонен считать себя художником, творчески одаренным, мастером, мэтром, а тот, кто переводит с языка на язык непосредственно, по их мнению, — толмач, подмастерье, ремесленник, и уж потому стоит, конечно же, на уровень ниже.

Однако, толмач толмачу рознь. Толмач тот, кто изготавливает «глину», из которой Имярек должен, вылепить нечто одухотворенное. А тот «толмач», который выдает подстрочник, максимально приближенный к оригиналу (термин и его теоретическое обоснование принадлежат писателю Абдижамилу Нурпеисову), уже не совсем ремесленник. Конечно, он сковывает «художника», не позволяет ему своевольничать, заставляет плясать от печки оригинала, связывает по рукам и ногам вольного творца, потому такой «толмач» раздражает художника. «Глину давай, глину! — требовал Юрий Казаков, обрабатывая наш с Нурпеисовым неудобный ему максимально приближенный к оригиналу подстрочник. — Я сам знаю, что и как лепить». На корявый, ляп-тяп сработанный подстрочник, на «глину» уповал и Солоухин, переводивший с тридцати языков, не зная ни одного. Так же «катал» по подстрочникам десятки азиатских романов Дудинцев (с супругой Гордеевой), не отличавший туркмена от казаха и узбека. И таких примеров уйма. Помню, накануне декад национальных литератур из Москвы наезжал десант «обработчиков», который бригадным, авральным методом такое наперводил, что хоть стой, хоть падай. «Обработчиков» было пруд пруди, но переводчиков не было, не хватало и поставщиков «глины». С высоких трибун «обработчики» заявляли: «Мы не переводим, а сотворчествуем и пишем кровью сердца». Как говорит ныне Владимир Познер, «такие были времена».

Об этом литературном «беспределе» я говорил и писал не однажды. Кто-то из «обработчиков» смущенно опускал голову, а кто-то вставал на дыбы, защищая свое ремесло.

Похоже, пресловутой теории «глины» придерживается и Анатолий Ким, снискавший доброе имя как писатель-

стилист, как прекрасный и признанный русский (руссейший!) прозаик. В интервью «Свободе Слова» он всерьез уверяет, что художнику-переводчику совсем не обязательно знать язык оригинала, он, де, мастер, импровизатор-пианист, работает по подстрочнику, переводит чувства, эмоциональный слой, ему нет дела до разных нюансов, мелочей, бытовых реалий и языковых (национальных) штучек-дрючек. Этим, мол, пусть занимаются толмачи. Он полагает, что истинный перевод выходит из-под пера только художника-творца, которому знание языка оригинала — скорее, обуза, помеха. Дескать, все великие произведения созданы только таким способом, таким путем. Апырай, а! Я и не знал. Ни Маршак, ни Пастернак, ни Чуковский, ни Наталья Манн, ни Соломон Апт и т.д. уж точно не переводили по подстрочнику, а переводили — как и положено — с языка на язык.

Что тут скажешь? По-казахски выражаясь, от удивления хватаешься за воротник.

В корне неверная позиция. Ложный штандпункт. Сомнительное кредо. Абсолютно неверный принцип. Неужто наши признанные мастера перевода с английского, французского, немецкого, испанского, итальянского, шведского и т.д. прибегли (прибегают) к услугам подстрочникистов? Чушь!

Не зная языка, истории, психологии, материальной культуры и ментальности казахов, Анатолий Андреевич удачно справился с переводом «Пути Абая» на русский язык. Особенно, если сравнить со стародавним коллективным переводом. Каким образом это ему удалось? Во-первых, он весьма ответственно отнесся к своей миссии, прекрасно осознал, на что идет. Во-вторых, он признанный художник, который по языковой мощи оказался во многом соприроден эпику и лирику Мухтару Омархановичу. В-третьих, два прилежных казахских азамата (К. Жорабеков и М. Тнимов) обеспечивали, судя по всему, добротный подстрочный перевод, который уж никак не был «глиной» и не позволял «переводчику-обработчику» на свой лад окимовать художественный текст.

Перевод получился достойный. И я, дотошно сопоставляя его с оригиналом и предыдущим коллективным переводом, оценил его высоко и доказал это на конкретных примерах в двух обстоятельных статьях, опубликованных раз пять-шесть в периодической печати, а теперь еще и изданных отдельной книжкой («Жизнь-эпопея», «Жибек жолы», 2009 г.). Высоко оценили перевод «Пути Абая» и другие коллеги. И оценка эта бесспорная. Но бесспорно и то, что в перевод закрался корджун-другой разных «блошек» («Әттеген-айлар»), связанных с бытом, культурой, хозяйствованием, родственными отношениями, речевыми характеристиками казахов. И я на них тактично и деликатно указал, ибо я все же воспитанник казахского аула, казахской среды, казахского языка и культуры и (полагаю) кое-что по этой части знаю.

Можно исправить эти «блошки»? Можно! Легко! И нужно, пока их переводчики на иностранные языки не усугубили. Не надо только упрямиться и выдумывать какие-то квазитеорийки, которые не лезут ни в какие ворота, и наводить тень на плетень в ясный день. Все мои замечания носят абсолютно доброжелательный характер. И я это сделал по зову сердца, из-за почтения к аруаху, из-за давней любви к бессмертному оригиналу и по просьбе двух уважаемых коллег — М.М. Ауэзова и М.А. Кул-Мухаммеда, инициаторов данного перевода. А отнюдь не из-за конфронтации с Ан. Кимом. С какой стати? Мы, как явствует из его интервью, люди разных координатов, разных социальных, общественных, национальных и этических воззрений.

Так отчего «блошки», на которые я указываю? От незнания, которое не скроешь никакими измышлениями и надуманными теоретическими посылами.

Я давно заметил: бишара-писатель уповает исключительно на художественного обработчика. В душе он сознает, что звезд с неба не хватает, но хочет выглядеть красиво. Поэтому он ищет не столько переводчика, сколько рисовальщика. Помню, в те давние теперь годы ко мне обратился один известный казахский прозаик (ныне покойный): «Слушай, друг, сделай подстрочник

моего романа. Если ты сделаешь подстрочник, а Шолохов или Леонов — перевод, представляешь, как заиграет мой роман!»

Это характерно для многих казахских писателей. Им чудится, что художник-переводчик извне непременно поднимает их творение на всемирную арену. Увы, если нет прочной основы, никакие вышивки и узоры не спасут. Нужна амуниция, а не амбиция. Из ишака, как ни старайся, призового скакуна не выпестуешь.

Выходит, теоретический спор, затеянный Анатолием Кимом на страницах «Свободы Слова», стар, как мир. И я банальную суть не Киму объясняю (эти азы он и без меня знает), а широкому читателю, который может быть сбит с толку авторитетным именем. Охотно признаю, что сам Анатолий Андреевич — мастер, художник, одаренная натура, а я — переводчик-толмач. Меня это никак не унижает, ибо что бы сделал «художник» без «толмачей»? При несуразной двустадийной системе перевода острая нужда остается и в тех, и в других. Беда в том, что это вынужденная мера. И более чем сомнительный выход. На «двустадийку» уповают только в бывшем СССР по давней инерции и по причине бедности. И высшая правда заключается в бесспорной истине: переводчик тот, кто знает языки и переводит с языка на язык. А тот, кто переводит по подстрочнику, вынужден пользоваться посохом, поводырем, интуицией, чувством и соразмерностью, если этими качествами в той или иной мере наградил его Бог. Перевод «Пути Абая» я оценил по совести и по достоинству. Не след, однако, при этом забывать, что сам Мухтар Омарханович в отличии от многих поздних его коллег в доноре, обработчике, стилисте и художественном оформителе никогда и никак не нуждался.

И еще. Ким говорит, что некоторые казахские писатели, неудовлетворенные якобы моими переводами 15-20-летней давности, ныне обращаются к нему, чтобы он эти переводы «дотянул», «осовременил», «наполнил жаром». Речь идет о некоторых моих переводах из Д.Досжанова, А.Нурпеисова, А.Кекильбаева. Переводы эти печатались много раз. С них делались переводы уже

на иностранные языки. Понятно, переводы устаревают. Время от времени вполне закономерно их обновлять. Это мировая практика. И тут спора нет. Понятно и то, что авторы желают усовершенствовать переводы своих творений, использовать художественную потенцию знаменитого писателя. Но почему мои давние переводы дают без моего ведома и согласия кому-то на обновление и улучшение в качестве подстрочника? Разве не справедливее и порядочнее было бы авторам заказать новые подстрочники, а не предлагать кому-то (в данном случае Киму) в качестве подстрочника то, что сделал некогда я и что неоднократно уже публиковалось?

Вот листаю книгу Д. Досжана «Когда я умирал» («Фолиант», 2009). Нашел в ней рассказы «Кумыс», «Ветер Львиная Грива», «Много ли богатства нужно человеку?», «Маленький Ягимус», «Голубые миражи Куланчи», «Перевал молодой женщины». Все эти рассказы с оригинала некогда перевел я. И публиковались они не однажды под моим именем. Теперь переводчиком указан А. Ким. Точно знаю, что подстрочников этих рассказов не существует. Выходит, автор передал мои опубликованные переводы как подстрочник, и Ким их «довел» до кондиции и поставил свое имя. Допускаю, что давний мой приятель Дукенбай ввел его в заблуждение. А если нет, то получается элементарная уфит-суфит, ахалай-махалай. Меня в известность не поставили ни автор, ни «обработчик». И как к этому факту отнестись? А если бы я надумал взять перевод Кима, малость его отрихтовать и поставить под ним свою фамилию, как бы это смотрелось? То-то же!

Вопрос деликатный, щепетильный. По-моему, обе стороны поступили в этом случае несколько некрасиво.

Есть еще некоторые моменты в упомянутом интервью, о которых не мешало бы высказаться. Но тогда может возникнуть спор. А я решил ограничиться тем, что явно бесспорно.

«Свобода слова», № 26, 06.08.09

МИНИАТЮРЫ ДАРИИ

Будучи членом жюри конкурса очерков на тему «Казахстан — моя родина», объявленного в 2007 году «Альянс - Банком», я обнаружил среди более стопятидесяти авторов и это, доселе не знакомое мне имя — Дария Джумагельдинова из Караганды. Она представила на конкурс две лирические, проникновенно поэтические зарисовки — «Поэт и Балхаш» и «Сказка о храброй капельке», которые «зацепили» мое внимание. Со своей колокольни я посчитал, что они достойны поощрительной премии, а уж в сборник лучших работ культурной акции их следует включить непременно. Кажется, так и вышло.

Вскоре Дария и сама мне позвонила, представилась и прислала две свои книжки — «Еркегали по прозвищу «Кошмарик» и «Мужчины умеют ценить умных женщин». Я прочитал обе книжки и понял:

а) автор пробует себя в разных жанрах литературы — пишет повести, рассказы, сказки, очерки, пьесы для детей, стихи, статьи, юмористические миниатюры;

б) тональность ее литературных опытов светлая, добрая, с легкой женской лукавинкой, со склонностью к материнским наставлениям, в них виден человек бывалый, внимательный, наблюдательный, душевный, познавший жизнь в разных проявлениях.

Наиболее любопытными, привлекательными, стилистически опрятными, щедродушными, доверительно-исповедальными мне почудились юмористические миниатюры Дарии Джумагельдиновой.

Чем они подкупают?

Жизненной достоверностью, простотой бытовых коллизий, легкостью и игривостью повествования, доступностью, женским обаянием, неназойливостью, психологической выверенностью. Они вызывают у читателя добрый настрой, понимание, сочувствие, реальные ассоциации из повседневного бытия.

В этих незатейливых миниатюрах-зарисовках читатель найдет и поучительную притчу, и осколки нашего быта, и смешные конфликтные ситуации, и подтекст, аллегории, лукавые советы, тонкую усмешку по поводу вечных отношений мужчин и женщин, психологизм, точность и легкость слога.

Дария умеет рассказывать непринужденно, сходу интригует читателя. Она сообщает с улыбкой: «Вообще-то мы, женщины, хитрющий народ! При знакомстве с мужчинами говорим: «Хочу большую любовь!», «А что, ты не знаешь, что большая любовь — это большая квартира + дорогая иномарка + большая зарплата». А мужики, дураки, не знают, что для женщины большая любовь бывает только при большой зарплате. А вы слышали, чтобы кто-то из нас, женщин, сказал: «Хочу маленькую любовь!». «Потому что маленькую любовь при маленькой зарплате каждый может дать!».

А ведь улыбнешься: верно, откровенно, с хитрецой.

И как проникновенно и бесхитростно рассуждаст Петух в рассказе «Год петуха»: «Мне жалко мужчин: у них неинтересная жизнь. Они, несчастные, не могут справиться с одной женой. Я представляю себе, как скучно жить с одной курицей! Мы живем весело, каждая жена хочет мне понравиться. Утром они приводят себя в порядок, не то, что жена моего хозяина — всегда растрепанная и неопрятная. Мои курочки никогда не ссорятся и не сплетничают».

Не стану пересказывать. Пересказ убивает прелесть миниатюры, изящно изложенной автором. У каждой миниатюры — своя изюминка. Они читаются с интересом, легко, заставляют улыбнуться, задуматься. Именно в этом их пафос и потаенный смысл.

Автор по телефону мне сообщила, что она хотела бы издать свои юмористические миниатюры отдельной книжкой, небольшой по формату, удобной для чтения на ходу, в очереди, на кухне, в поезде, в автобусе, в минуты досуга.

Думаю, получится полезная книжка. Занимательная. Поучительная. Добрая. И я своим коротким предисловием пожелаю и книжке, автору счастливого пути.

25.09.08

ВОКРУГ КУЛЬТУРЫ

(по поводу программной статьи Шуги Нурпеисовой о культуре)

«Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли»

Карл Маркс

I

Весьма пространную и актуальную статью-интервью написала Шуга Нурпеисова. Она увлеченно, азартно даже затронула многие насущные проблемы нашего современного духовно-интеллектуального бытия. Речь в статье идет о культуре в самом широком, объемном ее толковании, о литературе, о религии, о нравственных координатах кочевых и оседлых народов в историческом преломлении развития, о разных цивилизациях, о вечном противостоянии Духа и Материи, о тоталитаризме, о мировоззренческом восприятии бытия, о позиции власти и оппозиции, о значении культуры в эпоху кризисов, о культе потребления, о всесторонне развитой духовной личности (по Абаю «толық адам»), о новых инициативах в культурном, идеологическом наполнении современной нашей жизни... и о многом-многом другом. Статья объемная, более 30 страниц плотного компьютерного набора, с умными цитатами, с развернутыми рассуждениями-раздумьями, с афористическими заключениями, с конкретными предложениями. Шуга здесь выступает как литературный критик, культуролог, философ, религиовед, обществовед, полемист, традиционалист в одном лице. Я-то ее помню шестилетней девочкой, опрятной, ухоженной, аккуратно сидящей на крохотном стульчике и читающей громоздкие

фолианты, лежавшие на ее коленках. С тех пор Шуга одолела монблан мудрой и мудреной литературы и разного заумного чтива по всей выше перечисленной ипостаси, обернулась зрелой, уверенной дамой, опубликовала уйму статей, которые далеко не всем по зубам. У ней есть излюбленные мысли, выношенные годами в результате прилежного чтения и усердного размышления о жизни, искусстве и обществе. Большинство ее работ я читал еще в рукописях и имею о них посильное суждение. И данная ее статья спровоцировала меня на отклик, на отзыв души, на какие-то раздумья касательно темы, мне не чуждой. Тезисы статьи Шуги я обнаружил в газете «Литер» (от 5 ноября 2009 г.), а полная версия статьи размещена на сайте названной выше газеты www. liter.kz. С сайтами по причине своей дремучести я не в ладу, и Шуга завезла распечатку домой. И теперь, внимательно прочитав ее, попытаюсь о ней немного поразмышлять.

II

Несколько слов о своем понимании вопроса. «Закон о культуре» инициировали депутаты Верховного Совета Казахстана в 1993-1994 годах. Мурыжили его долго. Закон понемногу превратился в набор дряблых, обтекаемых, банальных слов. Я состоял в разных комиссиях по выработке Закона о культуре. Многие выдающиеся деятели приложили к нему руку. Но гора, кажется, родила мышь. Со временем я отошел от умной-заумной говорильни, искренне полагая, что закон о культуре это все равно, что закон о Солнце, о Луне, о воздухе, об океане, о любви. «Закон о культуре» все же был обсужден и принят. Время от времени в него и поныне вносят десятки дополнений и редакций, но все равно, на мой взгляд, он полудохлый, и общество его присутствие вроде не чувствует.

В самом деле, сколько существует определений культуры? Кто-то посчитал: несколько сот. Для одних культура — бытовое понятие: чисто вымытый пол, побеленный дом, цветочки на подоконнике, картинки-вышивки, опрятность во всем. Прекрасно! Das ist schön!

Для других культура — нечто нравственно-эстетическое, духовное. Культура духоустройства. Чудесно! Для третьего культура — массовое гулянье, веселье, той-думан, шоу, гастроли Пугачевой и Киркорова, шествие по улицам, ламбада, «камажай». Для четвертого — манера ладно-складно, ловко-витиевато-сладко-красно говорить, плести узор словес, вести себя на публике эффектно, изысканно. И т.д. Примеров столько, сколько определений. И наоборот. Для большевиков культура всегда была нечто вторичным, прикладным, удовольствие, забава, кайф сытого, приложение к экономике, затратное мероприятие. Этого взгляда придерживается большинство и нынешних правителей разных рангов. Для них культура — «культур-мультур». Я же всегда считал и считаю, что культура — первичное. Все остальное — экономика, политика, идеология, нравственный облик общества, благополучие, быт и прочее — всецело зависит от состояния и уровня культуры. Точнее, обуславливается ею. Некультурный человек — просто-напросто дикарь, даже если он рыгает от сытости, облачен в шелка и золото, облеплен дипломами, регалиями, цацками. Что мы и видим повсеместно в наше торгашеско-воровское время.

Приведу для любопытства пассаж Н.К.Рериха о культуре. «Культура есть истинное, просветленное познание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культура есть красота во всем ее творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра во всем его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения искренних сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к совершенству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа» (Н.К.Рерих, Нерушимое).

Великолепный штандпункт, с которым вполне созвучен и пафос статьи Шуги. Каждый тезис в пассаже Н.К.Рериха актуален и поныне. И еще одна цитата из

Рериха, которая обнажает, оттеняет мировоззренческое кредо Шуги. «Дело культуры никогда не может быть лишь делом правительства страны. Культура есть выражение всего народа, вернее, всех народов».

Это, полагаю, очень важная мысль, которой должны руководствоваться все радетели культуры.

III

Что так тревожит Шугу? О чем ее печаль?

Статья ее написана плотно. Ее не сложно развернуть в монографию — так она насыщена мыслями. Здравыми. Бесспорными. Очевидными. Парадоксальными. Полемическими. Абстрактными. Конкретными. Идеалистическими. Всякими. Постараюсь вычленить основные положения статьи.

«Нет сферы, свободной от влияния и состояния культуры, и если в политике, экономике, правовой системе вас что-то не устраивает, ищите причину в состоянии культуры».

«В жизни обязательно бывают всевозможные оппозиции: правые — левые, власть — оппозиция, город — село, отцы — дети, либералы — монархисты, технократы — гуманитарии и уйма всего прочего, но над всеми полярными силами должно возвышаться одно — некие нормы и заповеди культуры, всеми усвоенные на уровне рефлексов. Вот это я и называю третьей силой, не дающей расщепить общество на атомы».

«Есть две стороны у сердца — высокая, та, что дает основание утверждать, что Человек — искра Божьего огня, и животная — низшая. И оттого есть высокая культура и антикультура».

«Повторяю: не сводите культуру к искусству».

«Пока мы всем обществом являемся потребителями потребительского менталитета, бороться с коррупцией — сизифов, иначе мартышкин труд».

«Реально культуре потребления противостоит лишь одно — культ служения идеалу. Это подразумевает возвращение духа героизма, самодисциплины и даже жертвенности».

«Культура с ее завышенными требованиями дает возможность рассчитывать на долгосрочную перспективу».

«Современная дикость, варварство предстают в закамуфлированном, гламурном виде».

«Культура сегодня просто не выживает на крохотном пятачке. Потом, как традиционалист Рене Генон говорил: разделяет только материя. Дух объективно работает на объединение».

«Необходима последовательная государственная культурная политика, претворяющая слова в реальное дело. Почему государственная? Потому что — наплыв масскультуры, антикультуры столь мощно организован и неотражаем, что одно лишь государство в состоянии его одолеть».

«Традиционализм оперирует критерием качества. Если мы сумеем предложить миру свою модель гармонического развития, у нас появится шанс стать своего рода магнитом, центром всеобщего притяжения».

«Мир сейчас, по сути, одна большая деревня. И мыслить глобальными категориями — это более чем нормально. А иначе решениями, касающимися непосредственно нас, нашей судьбы, будет заниматься кто-то вместо нас. Иначе нас ждет судьба бесправной окраины Китая, марионетки, поставляющей ресурсы США».

«Либо мы выбираем культуру, которая подобно вхождению в воду ледяного, приводящего в чувства потока, либо мы принимаем неизбежный конец, ибо нам лень за себя побороться как за качественных людей». «И у нас еще нет национальной идеи, которая бы всех нас сплотила в неустойчивый момент. Культура в такой ситуации могла бы производить очень мягкую, бережную, но в то же время глубинную работу с менталитетом общества, с его приоритетами, привычками». «У культуры есть совершенно замечательное свойство — она аполитична и надпартийна».

«Мы сейчас, безусловно, пребываем в крайне запущенном, одичалом состоянии».

«Не стоит долго ломать голову над общенациональной идеей — она в нормах культуры была дана от веку. Будет культура, будет и хлеб».

«В нашем обществе не сформирован запрос на культуру».

«Гуманитарные дисциплины нынче не в цене, они очень заброшены».

«Вот парадокс, культура важна как воздух, но при этом остается убыточной».

«...пора вынимать из рукава новые козыри и задействовать фактор культуры и фактор человека. Пора возвращаться к обществу-семье, связанной едиными нравственными и идейными нормами. Бедные и богатые будут в обществе всегда, власть имущие и ею не обладающие тоже. И только нормы культуры гарантируют, что казахстанцы всегда будут выступать как единое целое, с едиными устремлениями и единой волей, направленной не на потребительство, но на что-то более разумное».

«И лишь государство, взяв под свою опеку культуру, поможет ей вернуться в центр приоритетов общества. И если не лукавить, кому под силу такие задачи, как не президенту?»

Понятно, эти цитаты выдернуты из контекста, в котором они аргументированы и оснащены разными рассуждениями. Статья-то, повторюсь, громоздкая, в ней затронуто и замешано много всякой мудрости. Но пафос ее объективно передают те установки, которые я выше привел. На их основе читатель, полагаю, вполне может себе представить суть направления мыслей Шуги Нурпеисовой. Я со своей колокольни их считаю разумными, злободневными и поддерживаю, хотя где-то в чем-то сомнения старого скептика и присутствуют. Искренне считаю, что программная статья стоит того, чтобы к ней прислушались и по возможности конкретно поддерживали.

IV

Всецело разделяю заботу и тревогу Шуги о нынешнем состоянии культуры в Казахстане. Правда, отрицать все на корню тоже несправедливо. Не годится, выражаясь по-казахски, вытирать рот пучком сухой травы. И широкоохватная программа «Мәдени мұра», и многотомые издания казахского фольклора, и серия «100 казахских романов», и уникальный проект «1000 традиционных

кюев казахского народа», и успех наших музыкантов, и международное признание наших живописцев, певцов, государственное внимание к театрам, к архитектуре, к возрождению памятников старины, опять-таки различные конкурсы, выставки, фестивали — все это, конечно же, имеют прямое отношение к культуре. И замалчивать это не след. Но Шуга мыслит значительно шире и предупреждает: «Не сводите культуру к искусству». Она ратует за возрождение рыцарства в сознании людей, за аристократизм Духа, за возрождение былой чести и достоинства, за мужское начало в мировоззрении и жизнедеятельности, за приоритет духовности, за изживание всего низменного, недостойного, навеянного потребительским обществом, за качественного человека в понимании Абая. И в этом отношении она, полагаю, права. Надо решительно расширить сферу и горизонты культуры в человеческом бытовании, бороться с антикультурой и насаждать повсеместно, постоянно, упорно и настойчиво культ служения идеалу, рассчитывая на долгосрочную перспективу. Вот о чем идет речь. Вот в какие колокола тревоги бьет озабоченная Шуга. Она горой стоит за государственный подход в решении традиционных проблем Духа и уповает при этом на добрую волю Президента, инициировавшего до этого немало глобальных идей. Надо бы к Шуге прислушаться и активно, делово поддержать пафос ее программы.

V

Немало места в ее статье уделено литературе. И хотя Шуга считает, что в последние годы отошла от литературной критики, все равно ее суждения по этой части вызывают любопытство. И я позволю себе здесь поделиться своими раздумьями последних лет.

В самый раз есть смысл поговорить о писателе, как таковом. Жив ли писатель? Или он умер, как пишет в «Известиях (04.09.08) Дмитрий Быков?

Действительно, наступили времена, когда писатель в «чистом» виде вроде бы уже и не нужен, не востребован

обществом. Книги пишут и издают ныне все — домохозяйки, парикмахеры, массажистки, спортсмены, чиновники всех рангов, бизнесмены, удачливые дельцы-юркачи, отъявленные головорезы, жулики, паханы-преступники, пенсионеры всех мастей, проститутки, воры, бомжи, государственные и общественные деятели, и их как раз и читают, и их циничные откровения-опусы нередко становятся бестселлером, ибо так называемый массовый читатель их принимает за настоящую литературу. Именно этой продукции, чаще всего шикарно изданной, глянцевой, гламурной, обыватель отдает предпочтение, находит в ней ответы на свои вполне конкретные вопросы и прагматичные запросы. И это совершенно понятно. Зачем забивать-заморачивать свою голову какими-то лирическими описаниями, «соплями и воплями», пространными размышлениями, художественным изыском, разными литературными штучками-дрючками, любовными страстями-мордастями, крутыми сюжетами поворотами в духе бразильских сериалов, подтекстами, заумными анализами общественной ситуации, тривиальными похождениями героев, текстуальными выкрутасами и изощрениями, муками слов и прочей банальной, расхожей ерундой?

Писательство ныне не престижно. Писатель не авторитет. Если он талантлив и умен, то почему такой бедный? Авторитет в наше время — рвач, хапуга, авантюрист, шустряк, юркач, тот, который с куриного яйца шерсть настрижет, который цап-царап и в дамки. Они запоминаются конкретным делом, играют по-крупному, а на досуге еще и умудряются накатать книжку-другую о своих делах-делишках, аферах-операциях, о семье и сексе. Во, дает! А что писатель? Нытик и зануда! Кому нужны его скучные комплексы? Кому интересны его душевные излияния, его заумь и потуги? Он ведь ни на что не способен! Долдонит: «рухани, рухани», «духовность, духовность». А одним «рухани» ведь сыт не будешь. На одной духовности не проживешь. Потребительское общество диктует свои нрав, законы, потребности, вкусы. И с этим волей-неволей приходится считаться и даже мириться. И нечего ворчать, сетовать, жаловаться,

обижаться на кого-то. Писатели напористо ратовали за свободу. И они ее добились. Так что́ скулить по углам? Теперь они не нужны. Пусть не путаются под ногами, не тревожат власть имущих, пусть выживают себе, как могут, пусть приспосабливаются к свободе и независимости, пусть радуются, если их терпят, как вечных попрошаек и жарапазаншы-аллилуйщиков.

Лев Лосев еще 17 лет тому назад (ЛГ, 20.05.92) писал: «Единственное, что нужно писателю, — это свобода. Купят рукописи — хорошо, не купят — проживем... Тут (на Западе) и местные-то писатели литературным трудом не живут. Фермерствуют, плотничают, преподают».

Верно. Сколько можно надеяться на государство-патрона? Надо найти себе дело, а не ошиваться у кормушки власти с протянутой рукой. Совершенно очевидно, что возврата к тому, что было при Советской власти в области искусства и литературы, уже не будет. Скорей всего, нит-ког-да. Наша казахстанская власть и либеральное общество, на мой взгляд, весьма снисходительны и внимательны к литераторам и поныне. Примеров тому немало, начиная от Государственных и Президентских стипендий для ряда творческих лиц.

В том же 1992 году азербайджанец Акрам Айлисли прозорливо писал: «Кстати, если наш республиканский Союз писателей будет и дальше стараться спасти литераторов как массу, он окончательно пропадет. Надо думать о том, как спасти Литературу» (ЛГ, 21.10.1992).

Когда нужна литература? Прав Дмитрий Быков: «Писатель нужен там, где общество намерено заглядывать в себя. А у нас оно не намерено, более того — полагает это задание скучным и вредным».

Точно подмечено.

Но я полагаю, что хворь эта все же временная. Общество не может существовать, тем более — функционировать, не заглядывая в себя, довольствуясь лишь потребительскими инстинктами. Вот тогда-то и расцветает вновь литература. И писатели будут востребованы. Но это будут другие писатели и другая литература. И во имя этой литературы сто́ит мужественно преодолевать все трудности и

терпеливо оберегать-взращивать свой божий дар, если, разумеется, таковой наличествует.

VI

Статью свою Шуга заканчивает вопросами — своеобразное интервью. Вот эти вопросы и мои посильные, краткие ответы на них.

1. Что вы могли бы сказать о тезисе, что культура фактор национальной безопасности?

- Всецело соглашусь, ибо так оно и есть.

2. Верите ли вы в то, что помимо репрессивных мер по обузданию коррупции, существует еще и такой фактор как духовно-нравственное оздоровление общества?

- В идеале верю. Но больше склонен думать: коррупция — столь жуткое, мохнорылое, загребущее чудовище, что духовность, нравственность по крайней мере в XXI веке ему не противостоять. Чудовище это дрогнет только перед суровыми репрессивными мерами, которые, чует мое сердце, тоже уже бессильны.

3. Верите ли вы, что мы, взрослые, в ответе перед детьми Казахстана за то будущее, которое их ждет?

- Бесспорно. Но взрослые, пораженные потребительской ментальностью, вряд ли находят в себе силы думать о будущем детей.

4. Разделяете ли вы представление Льва Толстого, что мы любим тех, кому делаем добро. И, значит, если нас для начала объединить в общем реальном деле на благо культуры и детей, это поможет нам отчетливей ощущать свою причастность и ответственность за судьбу общества?

- Теоретически абсолютно разделяю. Но то, что вижу вокруг, скорее, вызывает у меня скепсис и отвращение.

5. Если президент возглавит такую программу и объективно вы находите ее привлекательной, готовы ли вы лично по мере сил содействовать ее воплощению в жизнь?

- Готов поддержать (конечно, по мере сил и разумения) даже в том случае, если президент такую программу и не возглавит, ибо боюсь, ему не до этого.

6. Считаете ли вы, что нужна подобная целостная культурная программа для детей и юношества, которая в теории и на практике будет прививать им основы действенной высокой культуры?

- Очень даже считаю. И только в этом направлении и стоит что-то предпринимать.

VII

В заключении благодарю Шугу Нурпеисову за то, что она спровоцировала меня на эту статью.

«Город», № 47-49, 20.11.09

ОТ СЛЕПОТЫ – К ПРОЗРЕНИЮ

(О романе Ермека Турсунова «Мамлюк»)

«Когда вас приводят в отчаяние современники, ищите спасения у тех, кто в могилах»
Древнее изречение

Плавный орнаментальный речестрой, торжественная восточная вязь, величавая стилистика, созвучие Духа и Слова завораживают, околдовывают, манят. Настраивают на раздумчивый, философский лад.

«Пустое, брат мой. Пустое...
...Нет предела речам человеческим.
Слова что песок в пустыне.
Сыплются ниоткуда и исчезают в никуда.
Лишь ветер играет с ними,
перекатывает с холма на холм.
И растут холмы в пустынях безбрежных,
Как могилы людских обещаний.
И нет им конца, нет начала.

Пустое ты затеял, брат мой, пустое.
Все сны пересказаны.
Все разговоры переговорены
И все песчинки пересеяны...
Перемешаны...»

Звучит, как музыка. Как стихи. Как мудрый сказ. Как библейская песнь. Как сура Корана. Не правда ли?

Я по обыкновению с карандашом прочитал роман Ермека Турсунова «Мамлюк». С упоением. С радостью. С трепетом. Впервые — еще два года назад. В рукописи. Один из вариантов. Их было, уверяет автор, восемнадцать.

Потом слушал живые рассказы Ермека — очарованного странника по арабскому Востоку, окунувшегося в сказочный мир мамлюков и легендарного предка султана Бейбарса. Теперь заново прочел окончательный вариант романа, с тщанием и любовью, изящно, точно Коран, изданного в Гонконге.

И вот пытаюсь о нем что-то сказать.

В моем невежестве никто не виноват. Но так получилось, что ни в аульной школе, ни в столичном вузе и аспирантуре, ни в том захолустье, где некогда учительствовал, не довелось мне слышать ни о мамлюках, ни о славном их предводителе, правителе страны Мысыр султане Бейбарсе, полное имя которого звучит длинно и витиевато Ас-Султан Рукн ад-Дин ас-Захр аль-Мансури аль-Миери Абуль Футух аль-Бундуктари. Ныне я только диву даюсь, как такое могло со мной случиться, как нашло на меня такое затмение. Слабое утешение то, что схожая участь постигла не меня одного из моего поколения.

В 70-ые годы прошлого века (или еще раньше?) удивил, поразил, ошеломил своей пропахшей степным жусаном дивной повестью «Емшан» Морис Симашко. Потом был фильм «Бейбарс» с колоритным Жантуриным в заглавной роли. Потом попалась мне в руки солидное исследование Бекета Карашина «Бейбарс: эпоха и личность» (2003) — сплав истории, философии, литературы, реальности и мифов. Потом в «Казахстанской правде» (25.05.04) на двух полосах появилась объемная, всеохватывающая, насыщенная конкретикой вдохновенная статья Мухтара Кул-Мухаммеда «Султан Бейбарс». Понятно, что о Бейбарсе существует колоссальная литература, накопившаяся за столько веков (годы жизни Бейбарса 1223-1277), имеется специальная отрасль науки — мамлюковедение. Мои же познания по этой части ограничиваются лишь теми источниками упомянутыми выше, а художественное воплощение и осмысление той эпохи и масштабы той личности я в некоторой степени постиг, лишь прочитав исторический роман Ермека Турсунова.

А о значимости личности Бейбарса в истории лапидарно высказался мамлюковед из Дамаска, доктор исторических наук, профессор Мухаммед Мухаффель, автор предисловия к роману. Он пишет:

«Сегодня уже очевидно, что Бейбарс по праву занимает место в одном ряду с такими историческими личностями, как Атилла, Александр Македонский, Ганнибал, Гай Юлий Цезарь, Чингисхан, Наполеон... Подобно этим деятелям, Бейбарс реально повлиял на ход всей мировой истории. Однако существенное отличие Бейбарса в том, что этот человек, доставленный в чужую для него страну в качестве бесправного невольника, стал ее властитель».

Все дивно сплелось в этой книге: запахи и голос Востока, героические судьбы, причудливая мешанина народов и племен, какафония речей, кровопролитные сечи, суровые, подчас жестокие нравы воинов Аллаха, испытания голодом, стужей и жарой, подлостью и коварством, одиночеством, изнуряющей тоской по родине, китайская, арабская, славянская философия, сказовость слога, мусульманский мир, библейские сюжеты, коранические вкрапления, моральные и житейские постулаты, поиск дороги к Господу, тернистый путь к Нему, Творцу, неуловимому и вездесущему.

Такова мозаика романа.
«Таков уж удел человеческий:
От храма — к храму.
Таков его путь:
От слепоты — к прозрению»

Роман насыщен арабскими, тюркскими, китайскими, древнееврейскими, монгольскими, казахскими, персидскими словами, выражениями, образами, затейливыми, звучными древними названиями городов, улиц, храмов, мечетей, и все это, органично вплетаясь в чистый русский слог повествования, звучит, как чарующая музыка, как одухотворенный, очищающий от скверны родниковый поток слов в мудрых, священных книгах.

«В каждой строке романа, — сказано в аннотации — следы странствий по тропам библейских старцев, путям пророков, святых мучеников веры. В каждом слове — отзвук дыхания далеких времен, запечатленного на страницах древних манускриптов и трудов современных историков, богословов, религиоведов. Эти источники

стали для автора объективными ориентирами при выработке оригинального взгляда на легендарного тюрка и создании его художественного образа».

Здесь все верно: ни прибавить, ни убавить.

Конечно, это приблизительно, условно, но я усмотрел в этом историческом повествовании два главных достоинства:

а) реальность, воздух той далекой от нас эпохи, выраженной сочно, красочно, убедительно, многогранно и многолико, запечатленной в ярких деталях, красках, образах, словах и деяниях. Иначе говоря, калейдоскопический колорит Времени;

б) актуальность, созвучие настоящему, общность человеческих мотивов в разных политических системах, мировоззренческое единство, характерные для всех эпох и этапов явление в неразрывном развитии, духовная близость древних, непреходящих ценностей и истин. Никак не могу точнее выразиться. Я имею в виду магический сплав древнего и настоящего, это и создает актуальность, современность данного творения, его философскую суть, пафос и значимость.

Эти выявленные мною достоинства романа «Мамлюк» позволяют мне оценивать его по всем параметрам высоко. Это не умозрительная фантазия, плод искушенного воображения. Роман зиждется на прочной основе доскональ ного знания Востока, на собственном опыте, на реальном ощущении и осмыслении Времени, его духа, дыхания, ауры, истории, философии, веры, о чем свидетельствуют примечания, сноски, комментарии, источники, словарь и список людей, которым автор выражает свою искреннюю признательность за помощь в работе над книгой.

Эта книга Откровений и Предопределений. Книга вечных истин.

«И расцвела,
богатая страна Миср
со всеми своими вилайетами.
Грозная сила охраняла ее границы,
защищала справедливость и закон.

И жила на свете только одна справедливость —
Воля Великого Султана.
И правил на свете только один закон —
Слово Великого Султана.
И те, кто противился Воле и Слову,
считались противниками Веры.
А это —
непростительный грех.
Такой жила она —
Истина страны Мирс.»

В книге щедро разбросаны, точно россыпь жемчужин, меткие изречения, хлесткие фразы, парадоксальные, диалектические сентенции, мудрые афоризмы в сугубо восточном стиле. Они естественно звучат в устах мудрецов, правителей, наставников, предводителей, украшают текст, придают глубинный смысл и блеск диалогам. Вот несколько образчиков, вырванных из контекста:

«Рыба, которая не хочет быть, как все рыбы, выбрасывается на берег».

«Нет у человека врага страшнее, чем он сам».

«Негнущееся дерево живет до первой бури».

«Сколько в жизни путанных дорог! Бродит по ним сын человеческий, не догадываясь о предопределении. Бывает так, что рождается он искусственным гончаром, а занимается всю жизнь пастушеством. А не его это. И в горемычном неведении своем никак не поймет раб Божий, почему Господь обходит его Своей милостью? Почему скот его все время дохнет, а выпасы дотла сжигает солнце?

А просто выбрал он чужое. Не свое. Забыл о предопределении.»

«Волка не держат вместе с собаками».

«Есть такие, кто смотрит на море и не видит ничего, кроме воды».

«В старости приходится расплачиваться за все то, что ты занял у своей молодости».

«Мудрый правитель окружает себя умными слугами. Злокозненный любит клеветников или разводит льстецов».

«А когда у человека нет выбора, он обычно выбирает глупость».

«Дети рабов счастливее своих родителей: они не ведали другой жизни».

«Мудрость посещает только в дороге».

Пройдя все круги ада на земле и достигнув высшей власти в чужой стране, то есть, став правителем Египта, мамлюк Бейбарс ошеломленно узнает, что мудрый и любимый наставник, старый китаец Вэй покидает его.

«Почему? — вскинул брови Махут. — Завтра я принимаю нисбу султана. Теперь я буду правителем.

- Нет, — возразил Вэй. — Ты ошибаешься. Ты был и останешься рабом. Просто раньше ты принадлежал ему. А теперь — многим.

Махутбек растерялся.

- Как ты можешь так говорить, старик! Меня называют подобным Солнцу.

- Да, я слышал. И если это правда, то лучше любить солнце на расстоянии. Вблизи оно может просто сжечь.

- Я — Султан Бейбарс! Я — Отец Победы! Я подарил народу радость!

- Было уже сказано: прославлять себя победой — значит радоваться убийству людей. А тот, кто радуется убийству, не заслуживает любви.

- Я не понимаю тебя, старик. Мое имя рядом с Небом. Теперь я свободен и нет предела моим желаниям.

- Опять ошибаешься, — снова мягко возразил Вэй. — Свобода — это Бог. А ты всего лишь Его наместник на пыльной земле. Ищущий свободы не ищет власти.

- Но Он избрал меня. И мне доверил заботу о моих подданных.

- Это правда, — согласился Вэй. — Он избрал тебя из многих и сделал властителем. Но никто доподлинно не знает: милость это или наказание. Потому как власть обязывает всех, кто к ней прикасается. Не нужно много храбрости, чтобы добиться власти. Это дело во многом случайное. Настоящая доблесть — передать его другому. Мы все рабы Божьи и все зависим от воли Всевышнего. А самый зависимый из всех Его рабов — правитель. Разве ты не видишь: расстояние между твоим рабством и твоим господством не сократилось. В царстве рабов не родятся цари».

Замечательная сцена! Прекрасный диалог двух мужей. И он имеет продолжение. В нем много примечательного, поучительного, благородного. Сцена прощания наставника и ученика потрясает своим философско-психологическим накалом. Я просто обрываю ее и ставлю точку.

Этнически западный человек, я, насколько себя помню, всегда тяготел к чарам Востока, о чем и писал, и говорил не раз. И я многого обрел в романе «Мамлюк» для моей неизбывно тяготеющей к Востоку душе. У меня сроду не было провидческих поползновений, но этому роману предрекаю долгую и прочную жизнь. Он сейчас уже зазвучал на четырех языках мира, обрел многоголосье.

«Город», № 51-52, 2009

ФОЛЬКЛОР И ФОЛЬКЛОРИСТ

(Вольные заметы на полях книги «Ойөріс»)

О каком фольклоре речь? О казахском. А кто фольклорист? В данном случае Сеит Каскабасов. В литературном мире его знают давным-давно. О фольклоре вообще и казахском в частности он защитил две научные диссертации, написал несколько сот исследовательских работ и уйму фундаментальных книг. Вот некоторые: «Казахская волшебная сказка», «Казахская народная проза», «Родники искусства», «Колыбель искусства», «Казахская несказочная проза», «Абай и фольклор», «Золотая жила», «Казахский любовный эпос», «Козы Корпеш-Баян Слу» и «Кыз Жибек», «О фольклоре и не только». Конечно, я не все его книги перечислил. Автор — лауреат разных премий: Государственной, имени Джамбула, имени Махамбета. Он член Международного общества фольклористов (Финляндия), Академии наук РК, Международной академии Чингиза Айтматова. И еще директор Института литературы и искусства имени Мухтара Ауэзова. О других званиях-регалиях умолчу: и так понятно, что Сеит Каскабасов — незаурядная личность на ниве литературоведения и фольклористики. Добавлю, пожалуй, что я знаком с ним с середины 60-х годов прошлого века: у нас общая альма-матер — он заканчивал институт (КазПИ им. Абая), а я — аспирантуру при нем, и мы оба учились у доктора филологии, профессора Нины Сергеевны Смирновой, которую с благодарностью вспоминаем и поныне. С тех пор мы нередко встречаемся на разных уровнях (и даже, замечу, за общим дастарханом), обитая в литературных аулах по соседству.

Последняя по времени издания его книга называется «Ойөріс» (Астана, 2009, 20 п.л., тираж 2000). Казахские

слова, как правило, семантически богаты и многозначны. В названии книги гармонично сплетены два слова: «ой» — мысль, дума, размышление, раздумье и «өріс» — выгон, пастбища, пространство, обиталище, горизонт, круг охвата. По смыслу это сочетание приближается к понятиям «Простор раздумий», «Пространство мыслей», «Раздумье», «Ширь размышлений», «Круг мысли», «Обитель дум» — никак не попаду в «девятку». По-казахски звучит свежо и неожиданно. Это статьи, очерки, исследования по широким аспектам фольклористики.

Кому предназначена книга? Специалистам-фольклористам, литературоведам, деятелям культуры, студентам, магистрантам, преподавателям, любителям казахской словесности. Это научный труд, автор рассматривает проблемы широкоохватно, глубоко, аргументированно на фоне тюркоязычной, русской и мировой фольклористики, снабжая каждую главу ссылками и указателями. Книга воспринимается как обстоятельный, добротный учебник по разнообразному, богатому казахскому фольклору.

Прежде, чем поделиться некоторыми суждениями об этой книге, есть, пожалуй, резон сказать немного о моем личном восприятии казахского фольклора. И тут мне понадобится возвращаться к военному и послевоенному времени и к тому аулу на берегу Есиля, где я, поволжский немец, вырос и формировался.

Теперь я поражаюсь, осознавая, как аульчане и жители казахских аулов по обе стороны Есиля (Ишима по-русски) были глубоко погружены в фольклорную стихию. Фольклор довлел в сознании казахов той поры от мала до велика. И вместе со своими сверстниками-казашатами (русских в ауле было всего две семьи) и я понемногу, постепенно приник к необъятному, увлекательному, магическому роднику казахского устного народного творчества.

В чем и как это выражалось?

Пленяли слух казахские народные песни, длинные батырские сказы, фрагменты лиро-эпических поэм или дастанов, очаровали меткие казахские поговорки, пословицы, образные выражения, запомнились диковинные сказки о животных, о людях, неодушевленных предметах, о волшебствах и превращениях, о приклю-

чениях Тазша-бала, Алдар-Косе, Ходжи Насреддина, застревали в цепкой детской памяти даже непотребные, скабрезные стишки бог весть каких времен, в чьей-нибудь задымленной шошале, у очага посередке чья-нибудь әже-әжетай или женге-женеше таинственно нашёптывали сказки с традиционным зачином («ерте, ерте, ертеде...»), молодка-апа напевала колыбельные песни, кто-нибудь из речистых подростков артистично пересказывал нескончаемые батырские ристалища с «атаңа нәлет» джунгарами, в сознание прочно входили звучные имена Козы-Корпеш, Баян-Слу, Кыз Жибек, Толеген, Сансызбай, Енлик-Кебек, Калкаман-Мамыр, Ер-Тостик, Аяз би, Камбар батыр, Алпамыс, Кобланды... Я сейчас всех и не упомню, а во сне, особенно зимой, под завыванием многодневного бурана нас посещала всякая нечисть — жезтырнаки, джин-шайтаны, дию-дивы, албасты, птица Самрук, а на школьной сцене нередко разыгрывались отрывки и сценки из популярных историко-эпических повествований. Шла война, потом нудно тянулись голодные послевоенные годы, а все равно происходили какие-то события — шильдехана — родины, свадьбы, скромные тои, поминки, аульчане пели «жар-жар», домбра за дастарханом ходила по кругу, каждый демонстрировал на что горазд, играли в древние игры, затевали посильные айтысы, слушали заезжих сказителей-жырау, задавали каверзные загадки, декламировали сердечные излияния героев стародавних поэм, словом, прелесть устного казахского творчества ублажала слух, просветляла душу, навевала надежду, придавала силу, отвлекала от неладов и напастей скудного, убогого бытия. В этом спасение. Казахский фольклор стал нам, детям войны, опорой, мощным духовным подспорьем, нравственным ориентиром. Мы, аульные шалопаи, находились ближе к истокам народной мудрости, к многообразию устного народного творчества. Мы, понятно, не разбирались в тонкостях его, а воспринимали его живо, всем сердцем, всей душой, как теперь принято говорить, адекватно, первозданно, как выражение вечного, многогранного бытия.

Случалось, аульная самодеятельность (учителя, сотрудники аулсовета и колхозной конторы, старше-

классники), мобилизовав все силы и собрав по всем аулам реквизиты — старинные предметы обихода, затевала спектакли, в том числе и «Кыз Жибек», с песнями, музыкой, речитативом, декламацией, натуральными драматическими стычками — это были праздники для всего нашего края. И мы переживали за Жибек, горевали за Толегена, надеялись на Сансызбая, восхищались Шеге, ненавидели Бекежана. Это было событие, о котором с удовольствием вспоминаю и сейчас, спустя десятилетия. Позже, прибыв в Алматы и став абитуриентом, я, аульный парень, в галошах, помятых спортивных штанах, опираясь на костыли, первым делом отправился в театр оперы и балета, чтобы послушать в роли Жибек легендарную Куляш Байсеитову. Меня потрясли и игра артистов, и хор, и оркестр, и световые эффекты, и неувядаемое казахское поэтическое слово...

Нынешнему поколению, полагаю, все это чуждо, все это уже мало трогает, даже не волнует, все куда-то ушло, отодвинулось, размылось, растворилось. И мне почему-то кажется, что души наших внуков, правнуков заметно оскудели, обеднели, очерствели, отдалившись от немеркнущего кладеза, незамутненного источника. Впрочем не о том я веду сейчас речь. Я просто пытаюсь обозначить роль казахского фольклора в формировании души немецкого мальца с Волги. Я хочу этими воспоминаниями выразить свою любовь, свой восторг в отношении несметного богатства казахского устного народного творчества.

Вернусь, однако, к книге Сеита Каскабасова. Я читал этот труд несколько дней с карандашом, восстанавливая в памяти полузабытое, изумляясь новизне, тонкостям профессионального анализа, неожиданной трактовке, умению ученого находить любопытные связи, сближения, созвучия, способности разложить глыбу народного многовекового сокровища, что называется, по полочкам. Автор — прирожденный фольклорист, знаток, умелец, крупный, авторитетный специалист, аналитик, обладающий системным мышлением. Он так глубоко проник в предмет своего исследования, что только диву даешься, как и по каким признакам,

по каким-то призрачным, зыбким отличиям он делит, скажем, лиро-эпические поэмы, дастаны, исторические песни, мифы, легенды, сказки на разные виды-типологии и умело, грациозно раскрывает их потаенные смысл и очарование. Разумеется, он пользуется строгой, научной стилистикой, подчиняясь логике и магии материала, но пишет понятно, доступно, аргументированно о таких концептуальных проблемах, как статус и теоретические основы фольклора, об этапах его исторического развития, об его жанровом составе, о теории фольклорных жанров, об его исторической типологии, о текстовых вариациях, различиях казахских песен, о текстологии фольклорных произведений, об исследовании поэтики фольклора (последние два аспекта меня особенно заинтересовали своей новизной в постановке вопроса). Это, так сказать, общие проблемы фольклора, рассмотренные и изложенные в строгой научной системе.

Отдельной главой в данной книге рассматриваются прозаические жанры фольклора (мифы, рассказы, легенды, сказки — фантастические, о животных, героико-батырские, новеллистические, сатирические). В них отражены философское представление номадов о мире, о поэтическом восприятии бытия, о нравственно-этических нормах бытования скотоводческих племен, о поучительно-назидательно-образовательном пафосе устного народного творчества.

Третья часть книги — статьи-исследования об эпических творениях казахского фольклора: сказание о «Кобланды батыре», любовные поэмы «Козы-Корпеш — Баян Слу», «Кыз Жибек», об особенностях исторических песен, о казахском дастане, о балладах, о «Айман-Шолпан» и «Наурызбай-Ханшаим».

Три эти главы дают цельное, системное, всеохватное представление о беспредельном океане казахского фольклора, об его достоинствах и нетленной культурной ценности. Это поистине золотая жила, колыбель казахского искусства, источник и предтеча национальной цивилизации. И — подчеркиваю — автор поведал о том увлеченно, заинтересованно, убедительно, продемонстрировав свой «ойөріс» — горизонты своих раздумий,

пространство, ширь размышлений, кругозор ученого-фольклориста. И именно в этом я узрел значимость данного труда. Я лично обогатил свои познания по части казахского фольклора и испытал радость по поводу столь фундаментального систематического исследования. «Ойөріс» Сеита Каскабасова я воспринял как уникальное вступление, мощную научную увертюру в необъятное казахское Литературоведение.

Завершая свой отзыв о книге «Ойөріс», я еще раз ее перелистал, вникая в мои карандашные пометы на полях, убедился в несомненной весомости этого труда и в том, что о многих его достоинствах я так и не сказал, надо чтобы в них искушенный, любознательный читатель сам удостоверился.

Книга издана опрятно, в твердой обложке, на которой в цветном изображении легендарный Асан Қайғы, Асан-Печальник на своей одногорбой, быстроногой верблюдице Жел-мая объезжает бескрайнюю казахскую степь в поисках обетованной земли Жер-уюк и, притенив ладонью глаза, пристально всматривается в даль. Бездонное казахское небо, сизая ковыльная степь, парящий в выси одинокий сокол, скачущий во весь опор табун ... — все это настраивает читателя на глубокие раздумья о вечности жизни и возвышенности бессмертного Духа.

Вспомнил: а ведь нынешним летом давнему моему знакомцу Сеиту Аскаровичу Каскабасову исполняется семьдесят лет. Значит, этими строками я поздравляю его со знаменательной датой и искренне пожелаю ему новых творческих свершений.

«DAZ», № 23, 17.06.10

ВОЗДУХ ВРЕМЕНИ

Странно: я вроде с давних пор нахожусь в тесном общении с представителями разноязычных казахстанских СМИ, а с журналистом Амантаем Дандыгуловым, главным редактором «Новой» — Казахстан», сталкиваюсь впервые.

Тем приятнее мое удивление.

Прочитав серию его статей на актуальнейшие, животрепещущие темы нашего времени, я с высоты своей скромной колокольни убедился, что он — крепкий, гражданski мыслящий, широко эрудированный журналист-аналитик, обладающий четким, образным русским слогом, бойким, острым пером, открытым, смелым взглядом.

Я узрел в его писаниях созвучие с моими мыслями и представлениями о том, что происходит в нашем обществе, в нашей среде, в нашей сфере. Мы дышим одним воздухом. Воздухом нашего настоящего. Воздухом единого Времени.

Амантай — не фиксатор пыли бытия. У него есть свой надежный штандпункт. Он выхватывает из мутного потока хаотического Хроноса суть явлений и проблем, характеризирующих нашу боль, наши тревоги, наши надежды. И он эту суть рассматривает в исторической перспективе, сквозь толщу времен, прибегая к мифическим, историческим, литературным реминисценциям и аллюзиям. Кругозор его видения широк. И пульс Времени он нащупывает точно. Это говорит о культуре и эстетике его журналистского дара. Он умеет выражаться энергично и лапидарно, подкрепляя свои выводы и наблюдения меткими казахскими фразеологизмами.

Стиль его подкупает.

О чем бы ни писал Амантай Дандыгулов — о трайбализме в Казахстане как проклятии богов, о потомках Чингисхана глазами Макиавелли, о духовенстве, за восемнадцать лет независимости так и не отыскавшем

для себя ответа на главные вопросы: кто мы? где мы?, о наползающей тени Терминатора, о псевдокультуре и застое, о таможенном Союзе, о драконе, дремлющем в виртуальных объятиях, о государях-правителях, о Темучине и миссии в Кабуле, об изъянах медицинского цеха в Казахстане, о партиях власти и прочих карликовых партиях, о проблемах физической культуры и спорта в стране, о невыученных уроках отечественной элиты, об оралманах, о трагических событиях в Кыргызстане, их уроках и последствиях — он неизменно полифоничен, убедителен, откровенен, исповедален. Он анализирует, обнажает нерв явления, обнаруживает подспудные течения и камни преткновения, тревожит, будоражит читателя, предупреждает, предрекает, размышляет, погружаясь в глубь истории, сопоставляет, сравнивает.

Тем он и интересен.

Он констатирует: «Самое слабое место казахстанцев — это опасное разобщение и расщепление именно титульной нации: по кланам, жузам и родам. Никто не спорит, уважать права всех этносов, всех тех, с кем мы живем бок о бок десятки лет, — это признак в первую очередь нашей собственной цивилизованности. Однако в интересах всех казахстанцев, на мой взгляд, сначала надо сцементировать в единую нацию самих казахов, остановить часовой механизм этой мины замедленного действия».

Он предупреждает: «Пушка уже заряжена, и эйфория отечественной элиты может стать фитилем к непредсказуемым событиям. Как показывает практика, осечка исключена. Из киргизских потрясений наш истэблишмент просто обязан извлечь пусть горький, но полезный урок: обитателям властного Олимпа необходима комплексная прививка».

Сказано изящно, но жестко.

Я читал статьи Амантая Дандыгулова с карандашом, сделал много пометок. В его работах обилие ярких выражений, мудрых замечаний, эффектных цитат, блестящих слов-озарений.

Читатель в том сам убедится.

Я понял, что автор намерен издать эти работы отдельной книгой. Я приветствую это намерение и желаю автору всяческих удач. Наше время, наше общество очень нуждается в подобных честных и нелицеприятных свершениях.

Май 2010 г.

НАЙТИ И СОЗДАТЬ СЕБЯ

(Заметы о книге Адила Тойганбаева
«Демократия каждый день»)

> «Сохранить человека от самоуничтожения можно только одним способом: дать ему уникальную задачу, способную преобразить мир, а также честно предупреждать — его путь не будет ни легким, ни безопасным»
>
> *А.Тойганбаев*

Уже несколько лет я внимательно слежу за публикациями Адила Тойганбаева на политические, экономические, социально-общественные темы. Мне нравятся его задор, напористость, широкоохватность насущных проблем, романтизм, уверенность, умение выражать свое видение максимально энергично и лапидарно, часто — мускулисто, метафорично, подкупают его молодой максимализм, убежденность, открытость к спору, к дискуссии, парадоксальность и «крутость». В любом случае он заставляет активизироваться, внутренне ощетиниваться и чаще всего соглашаться с ним.

Он эрудирован, знающ, умело сопрягает разномастные факты, высекает ослепительную искру вожделенной истины.

КПД его рассуждений мне кажется весомым.

Надо еще иметь в виду, что он не рядовой журналист-общественник, не один из расплодившихся ныне дилетантов-политологов, он отличается профессиональной хваткой, с признаками природного лидера. Неслучайно он руководит Экспертным центром национальной стратегии, инициативным Комитетом Казахского Национального Конгресса.

Это ведь что-то значит. О чем-то говорит.

Сам Адил молод. И уповает прежде всего на молодых.

На новое поколение свободных казахов, «которому пришла пора становиться самостоятельным, ответственным и гордым».

Охотно соглашусь с высоты своей аксакальской колокольни. Пора. Давно пора.

И цель свою Адил определяет четко: «Возрождение Казахской нации, достижение передовых позиций в мире».

Ойдойт! Это серьезно. Именно такова должна быть цель у молодых. Никак не меньше. О том вопиют сами заглавия его статей: «Своя игра», «Строиться вместе», «Перейти мост», «Демократия каждый день», «Право на кризис», «Битва за идентичность», «Казахская мечта: расширить горизонты», «Мне не все равно!», «Создать себя».

Таков штандпункт-кредо Адила. И тем он и интересен. Он сам настроен и настраивает других взлететь высоко. Правильно. Как говорят казахи: если уж падать, так с верблюда.

Мы с ним — представители разного поколения. По молодости своей он охотно и толково, во всеоружия знаний и воли энергично объясняет ЧТО и КАК нужно делать («Мы — научим!», «Мы достойны лучшего будущего!», «Наше Будущее — это казахская миссия»), я же пребываю ныне в почтенном возрасте, а потому более склонен скептически порассуждать о том, почему ничего не получилось в очередной раз, почему никак не можем выбраться из трясины, почему годами утешаем себя откровенной ложью и самодурным бахвальством-даракианством. Полный энергии и молодого максимализма Адил весь устремлен в будущее, а я, тертый калач, старый воробей, во всех благих прожектах временщиков-саруаров разочаровался, и потому ворчу-бурчу в своем углу, поневоле настраиваюсь на библейский лад: все, что будет, уже было, а то, что было, — сплыло, превратилось в труху, кануло в вечность, растворилось в тумане бренного бытия.

Это так. Может, потому и манят меня рассуждения Адила?

Он пишет плотно, сжато. Вся его книжка просится на цитаты. У него широк обзор видения. И в своем кратком отзыве я не смогу охватить все те проблемы и измышления, которые затрагивает автор «Демократии каждый день».

Мои комментарии наверняка породили бы еще одну книжку такого формата.

Но кому это нужно?

Значит, попытаюсь посильно вычленить суть, то есть, затронуть некоторые струны широкоохватного труда.

К чему призывает, что, собственно, утверждает, за что ратует автор 17 статей, составляющих сборник? Обозначу лишь ударные моменты в виде цитат:

«Идти не вперед, а вверх. Идти налегке на высший уровень Игры».

«Мы в состоянии построить совершенную политическую систему».

«Казахстан критически отстает от нормативов собственного маршрута».

«Большинство перемен все-таки выгодны. Выгодны и даже необходимы».

«Привычными кадровыми рокировками и переменами фамилий ответственных лиц проблему не решить».

«Многие, например, уверены, что президент «уже не тот». Ему необходимо порвать паутину и сделать неожиданный Ход».

«Ныне Будущее основано на трех принципах: Самобытность, Справедливость, Свое место в мире».

«Следующий президент неизбежно будет мельче и обыденнее».

«Гипертрофированно раздутые президентские полномочия в сочетании с исторической непредсказуемостью создает неопределенную ситуацию».

«Демократия не бывает «раз в пять лет», демократия по смыслу своему непрерывное действие».

«Так что рисковать нам следует, а ждать — нечего. Но рисковать следует разумно».

«Руководствоваться двухпалатным парламентом — то же самое, что избирать двух президентов».

«Кризис драматичен, но не фатален. Право на кризис нам предстоит заслужить».

«Строить единый мир никто больше не собирается».

«Однополярный мир, в котором Америка кормила всех конфетами и чесала за ухом, кончается».

«Победой справедливого общества будет полное изгнание государства из всех социальных сфер».

«Чиновничество громоздко и примитивно».

«Та стена, у которой мы упрямо мнемся уже много лет, не желая это признавать, — стена между резервацией и империей. Но народ должен все-таки жить по одну, определенную сторону. Третьей стороны нет. А неготовность называть вещи своими именами означает отсутствие жизни, и больше ничего».

«Нам нужен огонь. Большой, яркий, обжигающий костер. Доменная печь, а не печка-голландка».

«Культурная матрица, воплощенная в реальность живого языка, умеренный, но постоянный приток иностранной крови».

«Казахи находятся в ситуации, настоятельно, но неизбежно пробуждающей к имперскому «чингизовскому» выбору».

«Открытое государство в открытом мире».

«Исторические ориентиры у нас как раз по двум краям — Турция и Япония».

«На территории Казахстана гражданин любой нации должен чувствовать себя защищенно и комфортно, никто не посягает на его мир».

«У нас в политику и силовые структуры идет в основном те, кто ничего в жизни не умеет, кроме как командовать и свистеть в свисток. «Власть людей» должна перестать быть «властью худших людей».

Обрываю цитацию. Таковы основные тезисы, точки опоры в политических воззрениях Адила Тойганбаева. Правда, существует еще контекст, который объясняет, анализирует, толкует эти дефиниции. Мне по душе авторская интонация, я разделяю пафос этих установок. Они инициируют прогресс, движение. Они нацеливают на задачу-максимум. Именно в таком направлении развивается мысль автора-аналитика, автора-романтика, автора-максималиста. Он ставит высокие задачи, преследует яркие цели, исповедует гражданские и национальные мотивы, видит будущее Казахстана в ореоле славы, благополучия и достижений, в державности, в равноправии содружества передовых стран.

Устами Адила мед бы пить. В сущности его гордую мечту всецело разделяю и я, этнический немец, россиянин

по рождению, чья судьба с 1941 года неразрывно сплетена с судьбой необъятной страны по имени Казахстан.

Не стану пространно комментировать основные положения тщательно продуманного манифеста молодого и дерзкого аналитика-политолога Адила Тойганбаева. Отсылаю читателя к самой книжке, которая вышла тиражом в три тысяч экземпляров. Но на трех-четырех моментах остановлюсь, пожалуй, чуть подробнее. Это не идеи, к которым, я не могу быть равнодушным.

а) Разные типы задач и разные типы лидеров.

Что в разное время, на разном этапе развития перед обществом встают разные типы задач — это понятно, естественно и бесспорно. В том убеждается каждое поколение, каждый сознательный индивидуум. Разумеется, новые конкретные задачи выявляют, рождают и разные типы лидеров. Автор «Демократии каждый день» условно выделяет три типа лидерства: лидер-отец, лидер-брат, лидер-сын. Лидер-отец, как правило, начинает с нуля. Всецело занятые будущим нации, они создают новую точку отсчета, новый стиль, новую ментальность (Махатма Ганди). Лидер-брат выходит на арену тогда, когда на повестке дня стоит не создание нации, а ее поддержка или спасение (Конрад Аденауэр). Лидер-сын наиболее полно отвечает стандарту служения нации. Таковых много, они идут верным, прописанным в инструкциях капитанским курсом.

Любопытная градация. Мне лично по душе третий тип лидерства, когда правитель как заботливый сын, честно, скромно и преданно служит своему народу. Об этом можно долго размышлять.

б) О каком преемнике идет речь? И нужен ли он вообще?

Господи, сколько я прочел за последние годы статей и разных предложений о гипотетическом преемнике нашему Президенту! Уму непостижимо! Все ла-ла-ла и а-ляу-ляй. А зачем он нужен-то, этот преемник? Прочитав аргументированные рассуждения Адила по этому поводу, я окончательно убедился в своей давней, несколько смутной догадке. В самом деле, в нужный исторический момент сама природа, сами обстоятельства позаботились о лидере на определенном этапе Казахстана. И шамалганский наш джигит, вот уже двадцать лет руководя страной,

вполне выполнил свою историческую миссию. Может, с переменным успехом. Может, с каким-то изъяном. Не о том речь. Речь о том, что он появился в нужное время на нужном месте, а обо всем остальном рассудят потомки, всесильное Время. Любой преемник, как бы ни старался, каким бы достоинствами не обладал, станет его — помимо воли и благих намерений — всего лишь копией. А зачем нам копия? Копия ведь всегда хуже оригинала. Как ни толкуй, а второго Назарбаева не будет. Да и не надо. Надвигаются новые времена, необходимо двигаться вперед, а не топтаться на месте. Страна, полагаю, вполне обойдется в дальнейшем и без президента. Без президентского правления. Пойдет по сугубо европейскому пути. Встанет на парламентские рельсы. Обзаведется достойным, поистине народным (а не карманным, суперкарманным, декоративным, дамбальным) парламентом и дееспособным, ответственным правительством. Что ни говори, а президент в казахском понимании все же монарх, высший правитель, верховный хан. А к чему нам хан с неограниченными полномочиями, дрожащий за свой трон и имущество, пекущийся о своей бесчисленной родне, боящийся своего народа, придумывающий для себя разные смешные и позорные статусы?! Это уже отжившее средневековье. Было время, когда Казахстану президент был необходим по всем политико-экономическим параметрам. Ныне же Казахстан достиг такого уровня развития, что разумно от президентского правления решительно отказаться. Далее распространяться на эту тему здесь не стану, а отсылаю читателя к рецензируемой книге Адила Тойганбаева.

в) Излюбленные слоганы Адила.

Вот некоторые:

«Отправить государство подальше». К государству, как к таковому, Адил относится более чем сдержанно. Он видит в нем тормоз, балласт. Дилетантство. Государство — неумеха. Сборище непрофессиональных чиновников. «Наше развитие разменено на бесконечные оброки, подачки и сборы в пользу бюрократов и бездельников». Он верит в личный успех активных, напористых людей, в значимость собственного дела, в деловитого

предпринимателя. Он хочет изгнать государство из всех социальных сфер.

«Выйти из тени», — призывает Адил. Он против стратегии выживания. Это курс пожилых. Это вчерашний день.

«Создать себя». Хватит плестись в хвосте. Надо стряхнуть с себя вековую спячку. Взбодрить себя. Ощетиниться. Встать в ряды передовых наций. Страна казахов обречена стать державой.

«Стать примером». Верный выбор обходится без начальников. Власть — знаковый и качественный сервис.

Конечно, все это хорошо и красиво звучит. Но мне, аксакалу, все эти слоганы — первомайский призыв в былые времена. Зная ментальность казахстанцев почти семь десятков лет на разных крутых этапах, я, поддерживая подобные лозунги-призывы, упорно вижу перед глазами раздрызганную арбу, которую не так-то просто вытащить из хляби, из болота. Для этого, боюсь, понадобятся еще многие десятилетия, а за это время прыткие, крутые страны рванут столь мощно вперед, что угнаться за ними будет почти невозможно. Помните «Алису из Страны чудес»? Чтобы только не оставаться на месте, необходимо бежать сегодня в два раза быстрее, чем вчера. А казахстанец, насколько я знаю, жайбасар, шибко бежать не любит. «Мой не собака!» — изрек в 1941 году мой аульный кореш Аскер, когда я ему предложил бежать наперегонки вокруг дома.

г) Метафоры Адиля.

У автора «Демократия каждый день» хороший слог. Он владеет упругим, сжатым языком. Обходится без воды в отличии от доморощенных романистов. Читая его, я подчеркивал карандашом едва ли не каждое его предложение. Он метафоричен. Вот несколько примеров:

«Новые руководители (речь идет о Киргизии Бакиевского периода — Г.Б.) напоминают трактористов, сидящих за штурвалом лайнера и убежденных, что он тоже в каком-то смысле трактор».

«Полуфабрикатная демократия — по-моему, верное определение сегодняшнего положения дел. В той же степени, в которой фастфуд — «как бы еда», наше устройство — «как бы демократия». Основные принципы и

там, и там соблюдены. У фастфуда в наличии жиры, белки и углеводы, у нас — выборы, президенты и конституции».

«...кризис малоприятная штука, но он случается с теми, кому есть что терять. Как болезнь — радости в ней мало, но ничем не болеющие люди живут в основном на кладбище».

«Каждый будет сам за себя, а между развивающимися и развитыми странами будет прорыт глубокий ров, где будут резвиться пираньи».

«Системообразующие факторы, в которые необходимо вложиться, чтобы не стать отцепленным вагоном, ржавеющим на запущенном полустанке».

Вообще Адил выражается метко: «идеология потреблядства», «В Казахстане живут казахи и казахстанцы», «мы обречены на Империю, как слова обречены на Смысл».

Изъянов в книжке я заметил два: а) надо было бы пометить каждую статью данными — когда написано, где опубликовано; б) последняя главка «Создать себя» целыми абзацами повторяет статью «Нация: создать себя». Ни автор, ни редактор не обратили на это внимание.

Я вынес доброе впечатление от этой книжки. Я почувствовал соприродность автору. Созвучие. Он будоражит мысль. Он неустанно призывает прилежно учиться у всех, но оставаться самим собой, т.е. сохранить свою природную индивидуальность. Он ориентирует нас на проблемы послезавтрашнего дня. Полемичность его привлекает.

Небольшая по объему книжка статей «тянет» на обширную монографию, на обстоятельный анализ текущего политического момента. Яростно устремленный в будущее, автор увлекает и читателя, зовет его куда-то, манит, а это — главное достоинство публициста-политолога. Да и любого, кто шкрябает пером.

«ДАТ», июль, 2010 г.

«БУДЕМ ЗДРАВСТВОВАТЬ, ДЖИГИТЫ!»

Так он говорил каждый раз, заканчивая свои длинные и увлекательные устные рассказы и прощаясь с завсегдатаями прогулок у памятника Чокану перед бывшей Академией наук. Нас, традиционно совершавших моцион пенсионеров на этом примечательном пятачке по двум параллельным аллейкам, которые склонный к юмору писатель Симашко окрестил «Аллеей юных дарований», было тогда много — писателей, ученых, партийных и советских деятелей, именитых служащих разных учреждений. Это был наш «гайд парк». Здесь мы решали все локальные и глобальные проблемы. Всех участников тех бурных и вялых бесед я теперь и не упомню: Т.Ахтанов, А.Алимжанов, Б.Сокпакбаев, М.Дюйсенов, К.Исабаев, А.Нурпеисов, Б.Кыдырбекулы, М.Симашко, Е.Жакупов, еще один литературовед, двое бывших министров, один старый ботаник, знавший латинские названия разных трав, три чекиста, которых немного сторонились, один областной партийный чин, еще несколько бывалых «ака», «еке» (Бейсеке, Кареке, Исеке, Хама), участники Великой Отечественной войны.

Часто присоединялся к нам и Ади Шарипов, неизменно расположенный к доброй и обстоятельной беседе. Он увлеченно рассказывал нам партизанские были. Это были законченные новеллы о белорусских лесах, болотах, тропах и топях, о партизанском быте и ратных подвигах, о причудливых людских судьбах, о мужестве простых людей, о пережитом. Некоторые эти эпизоды известны по повестям Адеке.

Слушать его было интересно. Рассказывал живо, вновь переживая давние события, поблескивал большими, чуть навыкате глазами, был прост и доступен в общении несмотря на то, что по службе всегда занимал высокое

положение: замминистра, министр просвещения, министр иностранных дел республики, зампред Совмина, депутат Верховного Совета, первый секретарь СП Казахстана и секретарь СП СССР, директор Института языка и литературы Академии наук Каз.ССР, доктор филологии.

В пору наших прогулок у Чокана был Адеке уже в летах. Ходил грузно, но держался бодро. Удручался хворостями или кончиной знакомых. Говорил со вздохом: «Аман болайық, жігіттер! Аман болайық».

«Будем здравствовать, джигиты»

Я пишу не биографию его, а куцые воспоминания. Он был почти ровесником моего отца. Для него я был «бала» — мальцом. И, разумеется, наши пути редко или мало скрещивались. Мы относились к разным поколениям. Имя его я впервые услышал в 1954 году. И потом оно сопровождало меня вплоть до 1993 года — год его кончины.

А встретились в начале 60-х прошлого века. Однокашник мой Аким Тарази, отправляясь на учебу в Москву, оставил мне страниц 30 из повести «Партизан қызы» и сказал: «Переведи на русский и покажи автору. Если Адеке одобрит, заключишь с издательством договор. Гонорар не помешает».

Что и говорить? Нуждался я в ту пору дико.

Перетолмачил я эти 30 страниц и, переборов робость, подался к Адеке. Не помню, какой он в ту пору занимал пост, но попал я к нему легко (не то что, замечу, в нынешнее время) и принял он меня по-простому, радушно. Ощущение было такое, будто я навестил аульного дядюшку. «Оу! — удивился он, — кто тебе перевод поручил? Какой Аким? У меня уже есть подстрочник. И повесть, Алла бұйырса, выйдет еще нынче».

Выходит, я опоздал.

В 1966 году, когда я уже, как одержимый, переводил Нурпеисова, Мусрепова, Жубанова, Есенжанова, первым руководителем Союза писателей Казахстана пришел Ади Шарипов.

Меня он помнил и разговаривал со мной, как со старым знакомым. Не было в нем ничего от заскорузлого бюрократа. Держался просто, был со всеми приветлив, интересовался и моим житьем-бытьем, в шутку

спрашивал: «Ты только одних классиков переводишь? Когда же до меня доберешься?»

Однажды, сварганив очередной подстрочник, я зашел к Адеке и сказал: «У меня образовалось свободное время, и я мог бы приступить к переводу Вашего произведения.» «Ә, солай ма? — сказал он. — Но... я же не могу ждать, пока ты освободишься. Над переводом уже работают в Москве».

Я опять опоздал.

Думал: обиделся мой начальник. Оказалось, ничуть. Предложил даже место консультанта в СП. При мне Мусрепову сказал: «Я давно приглядываюсь к этому джигиту».

Однако, в консультанты я не пошел. Дорожил свободой, хотя и жилось туго на вольных хлебах.

Пять лет руководил Адеке Союзом писателей Казахстана. Знаю: осуществил немало добрых дел. Устраивал рукописи в московских издательствах; выбивал квартиры для остро нуждающихся литераторов; используя свои старые связи в правительстве, заполучил большой участок земли для дома творчества и писательских дач; улаживал конфликты, часто возникающие в писательской среде. Был демократичен, участлив и справедлив. Ловко обходил острые углы.

«Аман болайық, жігіттер!»

Из СП Казахстана он ушел руководить Институтом языка и литературы им. М.О.Ауэзова.

Запомнились два ярких эпизода его жизни. О том он поведал нам на прогулках у Чокана не раз.

Где-то в начале 30-х годов прошлого века, когда Адеке то ли учился, то ли работал в КазПИ им. Абая, над ним сгустились тучи. Бдительные органы изготовились его арестовать. О том ему заблаговременно сообщил декан факультета, будущий академик Митрофан Семенович Сильченко. И в ночь накануне намеченного ареста Адеке каким-то образом, тайком отправился в Туркмению. Там устроился на работу в каком-то техникуме или училище. Так и спасся от лиха. В туркменской глуши и схоронился на два-три года. Потом вернулся и учительствовал где-то под Алма-Атой.

С огромным пиететом рассказывал о Мухтаре Омархановиче Ауэзове. Классик казахской литературы

навестил его неожиданно в больнице перед своей роковой операцией в Москве. Ади Шарипову он передал свою сокровенную просьбу-аманат: способствовать переизданию запрещенной «Лихой годины».

Ауэзов умер на операционном столе, а исполнить его просьбу-завет оказалось очень непросто. Недруги-завистники не дремали. Выход был один: выходить к читателю через русский перевод. Это было лишь через несколько лет осуществлено, благодаря огромных усилий Адеке. В этой драматической истории, помимо его, огромную роль сыграли А.Пантиелев (переводчик), А.Твардовский (главный редактор «Нового мира»), Ч.Айтматов (автор предисловия). А казахский оригинал с предисловием Ади Шарипова вышел года два спустя. Такова общая канва той почти детективной истории. Подробности я запамятовал. Помню только, как взволнованно о том Адеке рассказывал.

Он прожил богатую жизнь. Общался со значительными людьми своей эпохи. Не знаю, изложил ли он на бумаге свои воспоминания, сумел ли поведать о прожитом. Вряд ли. Многое, полагаю, ушло с ним навсегда.

Прожил он в общем-то большую, напряженно-насыщенную жизнь. Был осторожен, бдителен. И в меру оглядчив.

Вероятно, какие-то эпизоды, связанные с ним, запечатлены в моих дневниках. И все же теперь жалею, что не все зафиксировал по горячим следам. А судьбе я благодарен: я был знаком со многими незаурядными людьми.

06.06.10.
См.кн."Воспоминания
о Ади Шарипове", А.,2010г.
стр. 266-270.

О ДУХЕ КАЗАХОВ И О ТОМ, ЧТО «шала́»

I

Небольшая по объему, но весьма ёмкая по содержанию книжка называется «Шала қазақ». Подзаголовок гласит: «Прошлое, настоящее, будущее». Автор не известный мне молодой человек — Жумабай Жакупов.

С настороженностью повертел книжку в руках. Подумал: опять, наверное, срамит-разоблачает «асфальтных» казахов, не по своей воле оторванных от национальных корней, воспитанных в городах, в русских школах, плохо владеющих родным языком, несколько потерянных-растерянных, ни то, ни се, от казахов ушедших, до русских не дошедших, о тех, кто ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. Их и называют «шала», т.е. неполный, неполноценный, ущербный, «недо...» — недоросток, недоделанный, недоумок, недоразвитый, недоучка, оставшийся на меже — в таком вот смысле. В какой-то мере искусственный продукт.

Меня само это слово — «шала́» — обескураживает, озадачивает, настораживает, угнетает. (Сознаю: все мы в определенной степени далеки от совершенства, все мы «шала́»). И виной тому внешние обстоятельства, объективное, а не главным образом субъективное.

Так сложилось. Так воленс-ноленс изуродована человеческая душа.

Автор считает: «Возникновение шала қазақ можно отнести к шестидесятым годам прошлого столетия как результат проводимой тогда политики освоения земель». Допускаю. Но считаю, что «шала қазақ» появился в казахской степи еще до того. Уже в 20-30-ых годах прошлого века «шала казахи» отнюдь не были редкостью.

И еще автор считает: «В Алма-Ате феномен шала

началом Великой отечественной войны, когда в столицу Казахстана было эвакуировано значительное количество людей с европейской части СССР».

Тоже верно. Но лишь отчасти.

Я был депортирован в казахский аул осенью 1941 года и могу свидетельствовать, что шала казахи встречались там-сям уже тогда. Некоторые этим кичились. Выражались на русско-казахской тарабарщине и считали это большим достоинством.

Сразу скажу: шала қазақ отнюдь не определяется лишь слабым знанием родного языка. Дело значительно сложнее: шала қазақ отторгнут от национальных корней, от национальной истории, культуры, музыки, ментальности. И шала казахи зародились давным-давно, а шала немысы, шала урусы, шала евреи и т.д. еще раньше и еще в большем масштабе.

Словом, «шала» — философское, нравственное, политическое, идеологическое понятие маргинальных личностей.

Я так понимаю.

Полистав книжку, я понял, что и автор понимает это явление примерно так же: широко, объемно, всеохватно. О чем свидетельствуют названия глав: «Возникновение и эволюция шала қазақ», «Современное состояние шала қазақ», «Шала қазақ и язык», «Шала қазақ и власть», «Шала қазақ и армия», «Шала қазақ и аул», «Шала қазақ и социо-экономика», «Новое мировоззрение шала қазақ».

Автор рассматривает проблему глубоко, с разных позиций, в социально-общественных ее проявлениях. И такой авторский штандпункт меня заинтересовал, и я проштудировал книгу с карандашом.

Автору современное казахстанское общество мерещится причудливым многослойным пирогом, «в котором шала қазақ и нағыз қазақ».

Тут необходимо пояснение: автор делит казахов на три группы — «шала казахи», т.е. неполноценные, значительно оторвавшиеся от национальных истоков, «нағыз қазақ», т.е. истинных, настоящих, «чистых» и «жаңа қазақ», т.е. новых.

Вот его кредо: «Шала қазақ болма!» — «Не будь шала казахом».

И: «Шала қазақ и нағыз қазақ предстоит трудный и созидательный путь к рождению жаңа қазақ».

Мне известно и другое деление казахов по этому принципу: «ада казахи» — т.е. те, что напрочь оторвались от всего национального, полные перерожденцы; «шала казахи» — т.е. «недо...», «серединка на половинку» и «таза казахи», т.е. настоящие, полноценные, «чистые».

Конечно, все это условно, но очевидно, что такое явление имеет место быть.

Автор задается вопросом: «Почему такое разделение существует, чем оно может обернуться для будущего нашей страны и какие шаги нам нужно предпринять?»

И пространно на этот вопрос отвечает, стараясь его понять и осмыслить.

И в этом я вижу ценность книги.

И своим серьезным отношением к сложнейшей проблеме она меня и заинтересовала.

Автор выходит за рамки «шала». Он говорит об острейших вопросах нашего современного бытия, нашего общества, о язвах, разъедающих его, смело оперирует фактами и делает серьезные умозаключения. И выходит, что «шала» — только фон, на котором развернута широкая панорама современного бытия.

II

Мерещилось: обретет Казахстан независимость — и проблема шала казаха сама собой решится быстро и легко. Так полагали многие. И автор упомянутой книги в том числе.

Не получилось. Не решилось.

Автор констатирует: «Таким образом, при общей численности казахов в 8,9 миллиона человек к шала казахам можно отнести порядка 4,5 миллиона человек». Представили? Половина! О том было сказано устами самого Президента. «Нынешние реалии таковы, что первое поколение шала қазақ за годы независимости в своей основной массе так и не выучила родной язык», — с горечью замечает автор. Обитая 68 лет в гуще казахов, я не осмелюсь отрицать этот тезис. Цитирую дальше: «Более того, в стране растет второе и третье поколение

шала казахов, а их разрыв с нағыз қазақ не только не сокращается, но и увеличивается».

Думаю, так дела и обстоят.

Так, в чем дело? Где собака зарыта?

Автор указывает три причины.

1. Относительно низкий уровень образования в казахских школах.

«На настоящий момент качество образования в казахских школах по многим параметрам уступает русским школам» (стр. 16)

2. Отсутствие в Казахстане эффективной структуры обучения шала қазақ родному языку. «К сожалению, за прошедшие 18 лет в Казахстане не удалось создать систему обучения казахскому языку для шала қазақ» (стр. 17)

3. Сохраняющаяся культурная и информационная зависимость Казахстана от России. «Казахстанцы в своем большинстве предпочитают смотреть российское телевидение, читать российские газеты, слушать российскую популярную музыку. Казахская культура по-прежнему находится на периферии и не оказывает какого-либо влияния на мировоззрение шала казахов» (стр. 17)

Так полагает автор. И я по этому поводу спорить с ним не стану.

III

Читая книгу Жумабая Жакупова, приходишь исподволь к такому выводу: не надо вбивать клин между ада, шала и таза казахами, ибо все они — казахи по природе, по сути, все братья по крови, и должны они не отчуждаться друг от друга, а тянуться друг к другу. Нужно мощное встречное движение. «Причем достижение единства не должно быть дорогой с односторонним движением, по которой движатся только шала қазақ» (стр. 25)

К какому идеалу следует стремиться? Необходимо сформировать модель, в которой шала қазақ и нағыз қазақ снова станут единым целым.

Возможно ли это?

Автор считает: да. И я так считаю. Иначе зачем огород городить и всуе рассуждать о высоких материях?

IV

Четко и точно описывает Жумабай современное состояние казахского языка. Он отмечает, что до 30-х годов прошлого столетия казахский язык развивался только в рамках патриархально-аграрного уклада. И это сказывается и поныне.

«Шестидесятилетнее высыхание казахского языкового моря сыграло с ним злую шутку — после обретения независимости в него влился большой мутный поток казахского новояза, существенно загрязнившего языковую флору и фауну» (стр. 36)

Это так. О том написана уйма статей. Прав автор и в том, что «проводимая модернизация казахского языка ведет скорее к разобщению, чем к общению». Соглашусь я и с его мнением, что «сила языка в том, сколько людей на нем говорит», а не в количестве древних, ныне вышедших из активного употребления слов. О богатстве, образности, выразительности казахского языка я пишу десятилетиями. Но это богатство проявляется в литературе, философии, искусстве. В других сферах жизни казахский язык сужается на глазах. И автор ратует за стандартный казахский язык в пределах примерно двух тысяч слов употребления. «Стандартный язык» для меня лично термин неприемлемый. Не понимаю я и термина «городской литературный язык». В этом мне видится определенное бишаринство. И еще автор предлагает идею: шала казахов казахскому языку должны обучать шала казахи, овладевшие «стандартным» казахским языком. Не думаю, что это выход. «Главная задача — вовлечь шала қазақ в казахское телевизионное пространство, где бы он почувствовал себя в своей среде» (стр. 48) Теоретически это, пожалуй, верный посыл, но как это осуществить. По Жумабаю, нужны сугубо казахские телевизионные каналы, на которых «вещание должно вестись на простом, может быть, примитивном казахском языке». Не знаю. Я вообще противник всякой примитивности. Мы и без того примитивизируемся катастрофически.

А вот этот тезис мне по душе: «Основная задача сейчас — вовлечь в ареол казахский язык в первую очередь шала

казахов, а затем и других русскоговорящих казахстанцев». Отрадно, что в этом направлении что-то конкретно предпринимается. И кое-какие результаты налицо. Но успехи эти спорадические. Я склонен считать: а) оттого, что «инородцы» овладеют бытовым, разговорным языком, казахский язык не обогатится; б) на казахском языке должны говорить прежде всего сами казахи, и не на «примитивном», «стандартном» языке, а на сочном, полнокровном; в) никакие меры-полумеры, методики и разговорники, школьные программы не помогут, если те же самые шала казахи, пробужденные сознанием и национальным намысом (честью, гордостью), сами не захотят овладеть подлинным и прекрасным казахским речестроем.

Проблему же Жумабай обозначил остро.

V

Приведу еще несколько снайперских фраз из разных глав книги «Шала қазақ», предельно ясно характеризирующих позицию автора:

«Современное политическое устройство Казахстана отличает глубокое несоответствие между его декларируемой формой и реальным содержанием».

Главный порок современного казахстанского государственного аппарата «отсутствие нравственно-духовного начала».

«Современный казахский госаппарат значительно проигрывает советской бюрократии в уровне профессиональной компетентности».

«С юридической точки зрения, вранье не является уголовным преступлением, поэтому для нашего чиновника соврать — что стакан воды выпить».

«Нынешняя власть в большинстве своем заполнена людьми с обыденным сознанием, ставящими личные интересы выше государственных, что не удовлетворяет ни шала қазақ, ни нағыз қазақ».

«Разруха в сознании казахской элиты главный источник бедственного положения простого народа».

«Коллективное сознание казахстанской правящей верхушки отравлено культом денег и наживы, который

для придания благообразной формы маскируется в одежды неолиберализма».

«Несомненно, религия играет в современном мире важную роль, однако ставить в прямую зависимость процветание нации от религиозного доминирования, по-моему, неправильно».

Подобных сентенций в книге Жумабая Жакупова немало, и они свидетельствуют о его гражданской позиции и боли, и актуальности, глобальности его труда.

VI

На что уповает автор? На могучий, многотерпеливый и бессмертный дух казахского народа, выстоявший в неслыханных вековых испытаниях.

Две цитаты:

«Из глубины веков, через толщу столетий, к нам пробивается дух «монгольства» — дух, в свое время управлявший половиной мира. Наш Президент — несомненный обладатель этого духа» (стр. 68)

«Будущее Казахстана зависит от появления во власти новой элиты «аристократии духа». «Аристократию духа» составят люди с государственным мышлением, для которых интересы государства стоят выше личных, семейных и клановых интересов» (стр. 73)

Я — старый воробей, пораженный изрядным скепсисом. Но против этих тезисов возражать не стану. Я — принципиальный противник всего «шала» — всего «шала» в экономике, в политике, во власти, в культуре, во всех сферах человеческого бытования. И в этом смысле книга Жумабая Жакупова мне созвучна и соприродна.

«Общественная позиция»
№№ 6,7,8 за 2010 год.

РОВЕСНИК

Немного горжусь тем, что мы с Союзом писателей Казахстана — ровесники. Союз старше меня всего месяцев на семь. О том, что есть такая писательская организация, я впервые услышал в аульной школе. Жил в нашем ауле один из старейших писателей Казахстана, член СПК, поэт Галым Малдыбаев. В его сосновом дому на краю аула на стене кабинета висели фотографии видных писателей того времени: С.Муканов, М.Ауэзов, Д.Абилев, К.Абдыкадыров, А.Тажибаев, А.Токмагамбетов, П.Кузнецов. И мне они казались небожителями. Я подолгу вглядывался в эти фотографии. Этих писателей в ауле читали и почитали.

В 1953 году каким-то образом очутился в нашем ауле молодой, стройный, высокий, недоступный, гонористый Сафуан Шаймерденов. Я с любопытством издали взирал на него, но подойти не осмелился.

В студенческие годы я видел и слышал многих знаменитых литераторов. В то время Союз писателей находился на улице Пролетарской, возле Зеленого базара, рядом с комендатурой, куда я ходил «отмечаться» как спецпереселенец. Нередко встречал писателей там возле пивнушки. Они пили пиво, ели манты и шашлык, горланили, и мне небожителями уже не казались.

На последнем курсе аспирантуры в КазПи им. Абая через однокашника Аскара Сулейменова познакомился с А.Нурпеисовым, Т.Ахтановым, З.Кабдоловым, потом Абе (Абдижамил, тогда главный редактор журнала «Жулдыз») привлек меня к сотрудничеству. И я очутился среди Кадыра М., Зейноллы С, Саина М., Калихана И., Абиша К., Акима Т., Аскара С. (все они позже стали лауреатами Государственной премии в области литературы) сплошь образованные, талантливые, дерзкие, шумные, амбициозные. Меня тотчас обласкали

аксакалы Г.Мустафин, Г.Мусрепов, А.Сарсенбаев, Х.Есенжанов, А.Абишев, Дм.Снегин, и я почувствовал вдруг свою нужность, востребованность. Союз писателей стал моей духовной обителью. Для того довольно урегулированного, жестко ограниченного, старого застойного времени Союз был островком свободы, духа, вольного поведения и творчества. Здесь бурлила жизнь. Здесь происходили заметные события. Здесь собирались нестандартные, незашоренные, умные и независимые люди. В этом импозантном здании на Коммунистическом (теперь Аблайхана) проспекте царила духовная вольница. Союз писателей манил, притягивал. Даже казенные мероприятия, приуроченные к какой-либо дате, волновали душу. И о Союзе, и о писателях ходили слухи, легенды, любопытные россказни. Если что-то и происходило, то только в Союзе писателей. И писатели казались божьими избранниками, баловнями судьбы, носителями высоких идей и вдохновенного дара.

Стать членом СП Казахстана в те годы было сложно. Мои документы «мурыжили» в приемной комиссии и в секретариате шесть долгих лет, пока приняли меня в Союз уже при Ануаре Алимжанове в 1971 г.

О Союзе писателей Казахстана 60-90-х годов могу засвидетельствовать много достойного. То время отражено в моих дневниках.

В начале нового века я имел неосторожность публично высказаться в том смысле, что времена, мол, изменились и СП как таковой изжил себя, стал анахронизмом. Я был неправ. Вскоре убедился: СП по-прежнему нужен. Хотя, признаться, былые аура, ореол, общественная востребованность заметно поблекли.

И я испытываю радость оттого, что ныне хоть и запоздало все же отмечают славное 75-летие этой уникальной, своеобразной организации. В истории нашей страны СПК сыграл, несомненно, благородную и благодарную роль.

15 июля 2010 г.
«Простор» № 2010

«ШЕКСПИР» ПИТЕРА АКРОЙДА

Таланты образуются в потоке,
характеры – среди житейских бурь
Гёте

Несколько месяцев прожил, погруженный в мир Шекспира. Можно сказать, маленькими глотками пил нектар той эпохи, обложившись двумя объемистыми книгами: Питер Акройд, «Шекспир», Биография, М., «Колибри», 2009, 730 стр. и Уильям Шекспир, Сочинения (хроники, трагедии, комедии, сонеты), М., «Книжная палата», 1999, 1165 стр. (98 п.л.)

О первой книге сказано в аннотации: «Лучшей книги о Шекспире вам не найти». Судить мне трудно: я не в такой степени знаток Шекспира, хотя читал его и о нём примерно с 9-го класса казахской аульной школы. Книга Питера Акройда в самом деле блистательна и всеохватывающа. Автор глубоко проник в ту эпоху и обнародывает факты и документы, разные – казалось бы – мелочные, житейские сведения, которые непременно изумят, удивят самых искушенных, эрудированных шекспироведов. Книга безукоризненно выстроена композиционно и снабжена подробной библиографией (13 страниц убористого шрифта исключительно английских наименований) и предполагаемой хронологией произведений Шекспира (42 названия!)

Вторая, названная мною выше книга, включает в себя 21 произведение Шекспира (в т.ч. и сонеты) в переводе на русский язык, а также: «Из хроники жизни и творчества Уильяма Шекспира» и «Литература о жизни и творчестве Уильяма Шекспира» (исключительно русские источники).

Первое, что пришло мне в голову: «Любопытно, сколько написано произведений в мире за четыреста лет о Шекспире? Иначе говоря, сколько томов составляет полная библиография? И существует ли она вообще?».

И второе, что меня десятилетиями поражает — это полярные суждения о Шекспире двух величайших, непререкаемых философских и литературных авторитетов — Гёте и Льва Толстого. Германский гений — олимпиец боготворил Шекспира. Неизменно возвеличивал его, восхищался им, считал его высшим проявлением человеческого духа, уделял ему постоянное внимание, подчеркивал мощь его вселенского таланта.

Другой же, русский гений — исполин, титан, глыба, последовательно и убежденно отвергал Шекспира, напрочь отрицал какую-либо художественную значимость его и в своем низвержении драматурга был беспощаден (впрочем, он и Гёте не особенно жаловал). В статье «О Шекспире и о драме» (цитирую ниже по 15-ому тому Собрания сочинений в 22 томах, М., Худлит, 1983) Лев Толстой пишет: «Долго я не верил себе и в продолжение пятидесяти лет по нескольку раз принимался, проверяя себя, читать Шекспира во всех возможных видах: и по-русски, и по-английски, и по-немецки в переводах Шлегеля, как мне советовали, читал по нескольку раз и драмы, и комедии, и хроники и безошибочно испытывал все то же: отвращение, скуку и недоумение. Сейчас перед писанием этой статьи, 75-летним стариком, желая ещё раз проверить себя, я вновь прочел всего Шекспира от «Лира», «Гамлета», «Отелло» до хроников Генрихов, «Троила и Крессиды», «Бури» и «Цимбелина» и с еще большей силой испытал то же чувство, но уже не недоумения, а твердого, несомненного убеждения в том, что та непререкаемая слава великого, гениального писателя, которой пользуется Шекспир и которая заставляет писателей нашего времени подражать ему, а читателей и зрителей, извращая свое эстетическое и этическое понимание, отыскивать в нем несуществующие достоинства, есть великое зло, как и всякая неправда» (стр.259).

Подобных резких и несправедливых сентенций в статье Л.Толстого встречаем немало. Ограничусь еще одной цитатой:

«Произведения Шекспира не отвечают требованиям всякого искусства, и, кроме того, направление их самое низменное, безнравственное. Что же значит та великая слава, которую вот уже более ста лет пользуются эти произведения?» (стр.300)

Аналогичные суждения встречаются у Л. Толстого неоднократно и в его дневниковых записях.

Доставалось, как известно, от Толстого и Веймарскому олимпийцу. Где-то он высказался в том смысле, что Гёте он читал всего, из них, мол, только два, три тома ничего, остальное все — вздор.

В своих критических суждениях Толстой особенно не церемонился и особых пиететов не испытывал. Он пишет: «Ряд случайностей сделал то, что Гёте, в начале прошлого столетия бывший диктатором философского мышления и эстетических законов, похвалил Шекспира, эстетические критики подхватили эту похвалу и стали писать свои длинные, туманные, quasi—ученые статьи, и большая европейская публика стала восхищаться Шекспиром» (стр.310).

По Толстому, решительно нет никаких оснований для восхваления Шекспира, кроме внушения.

Чем объяснить разногласия великих личностей в оценке гения-предшественника? Видно, максимальным, гипертрофированным субъективизмом и тем, что абсолютной истины, должно быть, в природе не существует.

Я вовсе не намерен писать статью о Шекспире: во-первых, это было бы смешно — лезть в ряд сонма искушенных шекспироведов, а, во-вторых, ничего нового все равно не скажу, если даже одолею сотни книг об английской эпохе четырехвековой давности. Я ограничусь лишь некоторыми впечатлениями о капительном исследовании последнего по времени биографа Шекспира — Питера Акройда.

Так вот, первое главное впечатление: человек и драматург по имени Shakespeare рассматривается в этом уникальном труде не как некое исключительное, божественное создание, как гений, а как земной человек со своими достоинствами и слабостями, страстями и житейской расчетливостью, озабоченный и боговдохновенным творчеством, и бытовыми, низменными проблемами. То есть, перед читателем проходит со всеми подробностями недолгая по нынешним меркам жизнь человека, по-казахски выражаясь, созданного из костей и мяса. Таков принципиальный штандпункт. Мне на моем

веку приходилось читать немало биографий на русском, казахском и немецком языках, в которых повествователь стоял перед своим божеством — объектом описания в позе подчеркнутой и явно избыточной почтительности, млея и восхищаясь взахлеб. Читать подобные переслащенные апологии всегда неловко, даже тягостно.

Второе очевидное впечатление: автор рассматривает своего обожаемого героя в реальности его эпохи (елизаветинский), в конкретных условиях английской истории и культуры 17-го и начала 18-го веков. Читателя этой книги обволакивает воздух того уже не близкого нам времени. «Я пытаюсь придумать новый вид биографии, взглянуть на историю под другим углом зрения», - признался Питер Акройд. И, думаю, его «другой угол зрения» и есть самый оптимальный, воссоздающий явление истории, культуры и литературы по имени Шекспир во всеохватном его величии.

Кстати, о самой фамилии великого драматурга.

«Родословная Шекспиров уходит далеко в прошлое. Фамилия самого Шекспира насчитывает более восьмидесяти (!) вариантов написаний — в том числе Сакспер, Шакоспер, Шафтспер, Шакстаф, Часпер, Шаспиир - и, возможно, лишний раз подтверждает данную ему природой многогранность. Такое множество вариантов предполагает универсальность и плодовитость. В одних только стратфордских документах находим около двадцати различных написаний» (стр.36).

Автор «Биографии» допускает, что фамилия Шекспир имела нормандское происхождение, ссылается на нормандские реестры 1195 года, приводит варианты этой фамилии из источников разных веков (Сакспеер, Шакспер, Сакиисписа, Сакесеп, Шейкспейр, Шейкспер и т.д.).

В роду Шекспиров были оборотистые дельцы, землепашцы, земледельцы, торгаши, имевшие дело с разными ремеслами, с ячменем, с шерстью, древесиной, словом, предки Шекспира отличались энергией, деловитостью, волей, активностью, любознательностью, целеустремленностью, практичностью, расчетливостью, упрямством и множеством талантов. За себя могли постоять всегда и всюду.

И еще явствует из книги Питера Акройда исключительная многогранность и одаренность драматурга во всех областях знания — в литературе, истории, медицине, биологии, ботанике, языкознании, астрологии, астрономии, философии, психологии, юриспруденции, военном деле, в искусстве и ремеслах, в житейских навыках, обрядах и обычаях разных народов и времен. В этом убеждаешься и читая его хроники, трагедии, комедии, сонеты. Познания его были необычайно широки. Мне непонятно, почему на эти очевидные грани его феноменально богатой натуры не обратил внимания Лев Николаевич Толстой, не однажды читавший все произведения Шекспира.

О Шекспире и его происхождении в советском литературоведении долгие годы господствовали превратные суждения. Но, читая его произведения («Гамлет», «Король Лир», «Ромео и Джульетта» мне были знакомы еще в 9-10 классах аульной школы и, поступая на литфак КазПИ им.Абая (1954 г.), страшно удивился, что редко кто из абитуриентов тогда слышал вообще такие имена, как Шекспир, Гете, Бальзак), я всегда ловил себя на мысли, что Шекспир, скорее всего, является выходцем из обеспеченной семьи. Он как-то не вписывался в классовые схемы, которыми было ушиблено мое поколение.

И теперь читаю у Акройда: «Шекспир, безусловно, происходил из состоятельной семьи и усвоил ту непринужденность и уверенность в себе, которые порождаются богатством» (стр.49).

Питер Акройд изучил жизнь и творчество Шекспира досконально, во всех подробностях. Вот несколько разительных примеров:

«В целом в пьесах (Шекспира — Г.Б.) уточняется 108 разных сортов растений».

«Всего у Шекспира упоминается около шестидесяти видов птиц».

«Язык шекспировских пьес богаче и звучнее языка Лондона».

«Убийство Каином его брата Авеля упоминается в двадцати пяти случаях».

«Слово корона встречается у Шекспира 380 раз».

«В тринадцати из шестнадцати комедий в заключительной сцене появляется принц».

«Слово «время» сорок четыре раза встречается в тексте «Макбета».

«Всего в пьесах Шекспира около двадцати трех аллюзий на классические басни Эзопа».

«Шекспиру известна охотничья лексика, он использует эти термины так же непринужденно и естественно, как слова из домашнего обихода».

«Шекспир 80 раз упоминает в своих произведениях различные виды спорта».

«Его пьесы пестрят юридической терминологией, особенно относящейся к праву собственности».

«Шекспир был необыкновенно восприимчив к языку, который слышал вокруг — в стихах, пьесах, памфлетах, торжественных речах, народной речи на улицах, - он впитывал все».

«Шекспир работал актером более двадцати лет».

«Шекспир всегда очень ловко вел свои дела».

«Спектакли начались зимой в два часа, летом в три часа».

Конечно, в объемной книге (91 глава) подобных деталей, фактов, констатаций уйма. Они свидетельствуют о прочной фактологической основе уникального по охвату исследования.

На все обращает внимание биограф: на то, что Шекспир блистательно играл монархов, что он глубоко вникал в психологию королей, что основательно изучил Плутарха, великолепно знал древние хроники, знал приемы красноречивых ораторов, что самая длинная Шекспировская пьеса — «Гамлет» (она продолжалась четыре с половиной часа), что отец Уильяма — Джон Шекспир был богаче, чем принято считать, что драматург питал пристрастие к каламбурам и замысловатой (нередко двусмысленной, рискованной) словесной игре, что Шекспир охотно и успешно переделывал, перерабатывал свои и чужие пьесы, приспосабливая к конкретному репертуару, что «он носил плащ, который обычно перекидывался через плечо и мог быть любой длины — и коротким, до пояса, и длинным, до щиколоток, а также меч — знак, отличавший джентльмена», что «самые популярные книги печатались тиражами примерно 1250 экземпляров (как у нас, в наше время, замечу я в скобках), что он собирал

знания понемногу и отовсюду, что у Шекспира на моду всегда было чутье, что болезнь Шекспира тянулась четыре недели, что он написал подробное завещание, что...

Остановлюсь, пожалуй. Не пристало перечислять все факты и подробности из книги опытного и дотошного исследователя Питера Акройда.

Отмечу еще, что огромный биографический материал строго хронологически классифицирован и расположен по девяти частям и 91 главе, и каждая глава названа строкой из той или иной пьесы и в главе обстоятельно рассмотрены все пьесы Шекспира — возникновение замысла, варианты, редакции, постановки в театрах. Книга щедро иллюстрирована фотографиями, достопримечательностями из эпохи Шекспира, а также рисунками сцен из многочисленных спектаклей. Книга в объеме 46 печатных листов издана на русском языке тиражом в 4 тыс. экземпляров.

Начало биографии:

«Принято считать, что Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года, в день святого Георгия».

Заключительные строки:

«Он ушел из жизни 23 апреля, на самом пороге своего пятьдесят третьего года... Шекспира хоронили на глубине 17 футов».

Вот эпитафия, по-вероятности, написанная им самим:

«Добрый друг, ради Иисуса берегись тревожить прах, погребенный здесь; благословен будь тот, кто пощадит эти книги, и проклят будет тот, кто потревожит мои кости».

Несколько месяцев, пока я неторопливо читал два огромных фолианта Шекспира и о Шекспире, я с головой окунулся в ту эпоху, приблизился к постижению величия земного человека и божественно одаренного драматурга и испытал редкий духовный катарсис, о чем и решился поделиться с гипотетическим читателем. Тень незаурядной личности и ее бессмертных творений витала вокруг меня. Английский ученый литературовед и, должно быть, искушенный писатель Питер Акройд (1949 г.р.) сумел в своей книге живо воссоздать гигантскую Личность в неразрывном контексте его Эпохи.

P.S.

Закончив свой беглый отзыв о книге «Шекспир. Биография», я задался вопросом: «А кто такой Питер Акройд?», «Что он еще написал?». В доступных мне справочниках ничего не нашел. И тут пришли «Известия» (12 августа 2010 г.), и там я обнаружил заметку «Встреча с Мэри Шелли», где дан ответ на мой вопрос. Вот та справка, которая приводится в начале заметки: «Питер Акройд, один из самых замечательных современных британских прозаиков, автор романов «Дом доктора Ди», «Лондонские сочинители», биографических книг о Чаттертоне, Диккенсе, Уайльде, Элиоте, Блейке, Море, а также биографий города Лондона и реки Темзы, выпустил новое сочинение «Журнал Виктора Франкенштейна» об ученом, который, исследуя законы жизни и смерти, порождает на свет чудовище».

Таким образом, я расширил свое представление об авторе книги, о которой повел посильную речь.

14.08.2010 г.
"Керуен"№4,2010

ВЯЗЬ ЖИЗНИ

(Заметки о романе Иды Бендер)

> Да и что значит «невыносимо», если приходится выносить, и ничего другого не остается, как выносить, покуда ты в ясном уме?
>
> *Томас Манн. «Иосиф и его братья»*

Ида Бендер из Гамбурга назвала свою объемную (608 страниц) книгу строкой из очень популярной среди российских немцев песни: «Schön ist die Jugend... bei frohen Zeiten». О, да... молодость прекрасна в веселую, беззаботную пору. И о том речь. В том числе и о молодости, безвременно угасшей, загубленной, растоптанной. О слишком краткой ее поре, отнюдь не в веселом, беззаботном отрезке реальной жизни.

Песня эта звучит в моих ушах еще с довоенного времени. Ее я слышал многожды раз в поволжских деревнях - на свадьбах, на полевых работах, в колхозном клубе, на молодежных посиделках. Рефрен запал в душу: «Schön ist die Jugend... sie kommt nicht mehr». Многоголосный хор обычно ладно, стройно подхватывал: «Ja, ja, sie kommt nicht mehr...» И все же в этой песне звучали радость, торжество жизни, неизбывная вера в будущее, надежда.

Ида Бендер определила и жанр своего творения - биографический роман. Строго говоря, это не совсем точно. Или спорно. Это не роман, а скорее хроника жизни поволжской семьи Гольманов. Или: драматическое повествование (главным образом от первого лица) о тяжкой одиссее нескольких поколений российских немцев. Или: трагический сказ, САГА о крушении светлых идеалов на фоне одной семьи. Или: вязь жизни выходцев из германских земель, уповавших на благоденствие в России при кайзерин Екатерине Великой (к слову, мой предок

Андреас Бельгер перебрался в Россию, на Волгу в то же время) и после невыносимых страданий и мук, мытарств и лишений с превеликим трудом вернувшихся в седьмом-девятом поколениях на вожделенную, спасительную землю предков.

Дело, однако, не в чистоте жанра. А в правдивости и честности книги, написанной без утайки, без идеологической фальши, с чувством гражданского долга мужественной женщиной - свидетельницей крутого, извилистого жизненного пути, выпавшего на ее долю и долю представляемого ею народа в черные годы сталинских репрессий и на последующих этапах национальных, политических и идеологических ограничений и изломанной судьбы униженных и оскорбленных. Вполне потому закономерно посвящение книги: «Meinen Wolgadeutschen Volke gewidmet».

Гордые, веские слова!

Книге предпослано предисловие одного из ярких и принципиальных автономистов, крупного, авторитетного деятеля немецкого движения в СССР Гуго Вормсбехера, точно определившего суть автобиографического повествования Иды Бендер: «Daüber, wie alles war, wie die Heldentat des Überlebens unserem Volke gelungen ist und wie die Russlanddeutschen, in beliebigen Lebensbedingungen, selbstlos alles Mögliche für den Erhalt ihres Volkes geleistet haben, kann der Leser in diesem Buch lesen, im Buch, das zu schreiben allein schon eine Heldentat ist».

Читать эту книгу тяжело: страдания описанных людских судеб становятся порой невыносимы. То и дело ввергаешься в оторопь: неужели такое могло быть?! Бесконечные, беспросветные лишения, нужда, холод, голод, неприкаянность, злобная травля, бездомье, непосильный рабский труд, издевательство, унижение, глумления, оскорбления, злорадство, упоение властью над бессильными и обреченными, двойная, тройная депортация, комендантский произвол и беспредел, повсеместное культивирование ненависти, травли народа, тихий, бытовой геноцид, тотальная несправедливость...

И все это в течение не одного десятилетия! Все эти ужасы невозможно передать ни в одних «записках из мертвого дома» (Достоевский), ни в «вагоне смерти атамана Анненкова» (Сейфуллин), ни в репортажах из концлагерей (Гроссман). Представляю, как мучительно тяжело было женщине в преклонном возрасте описывать все эти «свинцовые мерзости» (Горький).

В письме автору этих строк Ида Доминиковна признается: «Начала писать по настоятельной просьбе моих внуков. После многих унижений они, рожденные много лет после войны и ни в чем не виноватые, очень болезненно переживали это отторжение от общей массы советского народа. А я еще больше страдала от этого, чем когда меня унижали. Потом еще хотелось написать про горькие судьбы своих ровесниц - немецких девушек. Было очень много скорбных фактов в жизни моих родственниц и одноклассниц. Все это снилось ночами и днем не давало покоя. Почти десять лет ушло на работу над книгой. Делала перерывы, иногда на месяц-другой. Написано было много. При переработке сократила текст, оставив основные, характерные для всего нашего народа факты. Мучали сомнения часто: надо ли теперь про все это писать? Подбадривал сын, Рудольф» (январь 2011 г., Гамбург).

Убежден: надо, надо было написать. Ибо все это было, было. Было! О том не следует забывать и тем, кто остался на пепелище под обломками развалившейся в одночасье империи, и тем, кому удалось после неимоверных испытаний вернуться на круги своя, то есть, в ту страну, откуда в поисках лучшей доли эмигрировали далекие предки.

Читать эту книгу легко - в смысле простоты и доступности повествования, стилистической ясности, манеры рассказа без литературных ухищрений-выкрутасов, без беллетристических фигур, без зауми и нудного философствования, без излишней драматизации, нагнетания страстей, без надрыва, в русле сдержанной тональности. Тремя словами я определил бы достоинства этой книги так: доброта, простота и правда.

Пересказывать содержание этой объемной книги немыслимо. Такую задачу не преследует и рецензент.

Однако, считаю нужным перечислить названия глав, дабы оконтурить длинный сказ и дать читателям представление о тех вехах бытия, которые живописует Ида Бендер.

Вот эти главы: «Rothammel. Appelhans», «Marienfeld, Hollmann», «Rothammel. Der Lehrer», «Marienfeld, Domnik-Lehrer», «Engels», «Krieg», «Am Jenissej Trudarmee», «Erste Nachkriegsjahre», «Kasachstan», «Freundschaft», «Wieder an de Wolga», «Klassentreffen», «Der deutsche Klub in Kamyschin», «Enttruschung. Wir wandern aus».

Таков пространственный охват повествования. А вот временной: «Neunzig Jahre spzäter, 1857, wurde meine Grossmutte mütterlicherseits, Elisabeth Frank, geboren. Sie hatte drei Brüdcr Andreas, Leo und Josef, keine Schwestern».

Одна из заключительных фраз семейной саги: «Um 6.00 Uhr früh am 26. November 1991 wurde unsere Ankunft in Übergangslager Friedland registriert und wir in einer der Baracken untergebracht».

Выходит, 150 лет жизни немцев Поволжья охватывает Ида Бендер в своем обстоятельном повествовании.

И что же произошло за это время?

Вот перечень основных событий: прибытие на фурах первых переселенцев-немцев в пустынные, запущенные, дикие поволжские степи, освоение нового места жительства, отчаянная борьба за выживание, работа, работа, работа от зари до заката, мужчин и женщин, стариков и детей, набеги кочевых племен на первые немецкие поселения, угон молодых в рабство, обычаи и нравы переселенцев, уклад их жизни, социальная и общественная замкнутость немецких колоний, религия и кирхи, школы, начальное обучение, подробности быта, села Rothammel, Marienfeld, судьбы старожилов, их дети, расширение круга интересов и контактов, обработка земли, животноводство, полевые работы, приспособление к климату и сезонным переменам, к периодической засухе (все это мое поколение в какой-то мере знает по истории, фольклору, преданиям, рассказам дедов и отцов, устойчивому семейному укладу, обрядам, национальной ментальности, милому сердцу диалекту и речевым особенностям), ну, а далее опять-таки известные этапы

и вехи общественно-социального развития -революции, волнения, докатившиеся до тихих немецких поселений, введение новых порядков, классовое расслоение, крушение привычного уклада, отмена былых привилегий, обещанных Екатериной Второй, участие поселенцев в русско-турецкой, русско-японской войнах, гражданская война, продразверстка, комитеты бедноты, товарищества по обработке земли, большевистские реформы, голодомор, кровавый террор, бесконечные грабежи, раскулачивание, насильственная коллективизация, непосильные налоги, борьба с классовым и внутренним «врагом», гонения на верующих, разрушение кирх, физическое истребление пасторов и грамотных людей, казни, аресты, погромы, кровавое подавление воли, жестокие травли и расправы, всевозможные запреты, сознательное отлучение от национальных корней, закрытие школ, национальных культурных очагов, тотальные преследования, а далее - о, господи! - война с фашистской Германией, огульный указ от 28 августа 1941 года (в этом году будем «отмечать» его 70-летие), депортация, культивирование ненависти ко всему немецкому, выселения, ссылки, трудармия, каторжный труд за колючей проволокой, советский концлагерь, методическое истребление народа, изгойство, сиротство, общественное презрение, несправедливости на каждом шагу, социальные и политические ограничения, комендантское управление депортированными народами, запреты на возвращение в родные места, грозные указы о 20-летней каторге за своевольное перемещение, постоянный гнет и произвол, лишение элементарных прав, преследование «автономистов», пустые обещания Горбачева, убийственное выступление пьяного Ельцина в Саратовской области («автономии не бу-у-у-дет!»), массовый исход, искусственные препятствия по выезду из СССР и СНГ, обдираловка на таможнях, изощренные преграды, вымогательства, грабежи имущества «возвращенцев», мытарства эмиграции... - нет, я не в силах перечислить все эти «этапы большого пути», получившие отражение в длинном сказе Иды Бендер. И то, что все эти мерзости и пакости происходили не только с российскими немцами, но и со многими другими изгоями великой

империи (поляками, греками, чеченцами, ингушами, кумыками, крымскими татарами, турками, хесмшидами, латышами, эстонцами, литовцами и другими), отнюдь не утешение. Трагизм российских немцев в большой степени вызван был их великой законопослушностью, порядочностью, смиренностью, робостью, трудолюбием и лояльностью к властям. Национальные достоинства и особенности обернулись исторической бедой для всего этноса.

Такова в общих чертах, в приблизительных контурах тематика и сюжетная канва семейной саги Иды Бендер, замешанная на объемных исторических фактах, изложенная сквозь призму богатой личной биографии.

Не думаю, что Ида Доминиковна руководствовалась идейной предпосылкой Стефана Цвейга в его предисловии к книге «Вчерашний мир. Воспоминания европейца». Стефан Цвейг определил свой штандпункт так: «Много должно было произойти - намного больше, чем обычно выпадает на долю одного лишь поколения, - событий, испытаний и катастроф, прежде чем я нашел в себе мужество начать книгу, в которой мое «Я» -главный герой или лучше сказать - фокус... Время само создает картины, я лишь подбираю к ним слова, и речь пойдет не столько о моей судьбе, сколько о судьбе целого поколения, отмеченного столь тяжкой участью, как едва ли какое другое в истории человечества».

Сознательно или инстинктивно, по наитию эта предпосылка Стефана Цвейга стала целевой установкой и трагического повествования Иды Бендер. Да, ее «Я» стало главным героем «Schön ist die Jugend», фокусом исходной точки, судьбой целого поколения (поколений!), «отмеченного тяжкой участью» в пространственном и временном протяжении. И мы, читатели, соплеменники, должны быть благодарны за ее эпический сказ, за терпеливый, огромный труд, который зримо запечатлел историю и судьбу нескольких поколений российских немцев на фоне биографии одной семьи.

А о какой семье идет речь?

О семье писателя, педагога, переводчика, радетеля культуры, истории, литературы, языка российских немцев, коренного волжанина, принципиального борца и подлинного культуртрегера, человека, вобравшего в себя все лучшие качества и достоинства поволжского немца, сполна испытавшего все тяготы, выпавшие на долю его горячо любимого народа - Доминика Иосифовича Гольмана (1899-1991). Это придает повествованию Иды Бендер особые шарм и значимость.

Подчеркиваю: в моей судьбе Доминик Гольман сыграл большую роль. Когда в 1971 году в журнале «Простор» увидела свет моя пространная обзорная статья о литературе советских немцев (тогда нас называли именно так в отличие от западных и восточных немцев Германии) под названием «Как брат среди братьев», из далекого Красноярска я получил письмо, написанное на немецком языке. Автор письма лестно отозвался о моей в общем-то компилятивной статье, всячески поддержал меня, убеждая и впредь заниматься осиротелой литературой поруганной немецкой диаспоры в СССР.

Письмо, написанное разгонистым, каллиграфическим, учительским почерком, принадлежало Доминику Гольману. С того времени до конца его жизни мы регулярно переписывались, встречались в Москве на литературных семинарах, в редакции «Нойес Лебен», в Центральном доме литераторов, и мне было приятно общаться с этим бывалым, скромным, внимательным, внешне несколько суховатым, деликатным и глубоко порядочным человеком. Я ученически внимал каждому его слову. Помню, как мы, группа российских немецких писателей, ликовали по поводу его награждения высоким орденом Дружбы. Это было важное признание. Это был прорыв. Это вселяло надежду.

О Д.И. Гольмане, авторе многих эпических, широкоохватных исторических повестей, рассказов, стихов, скетчей, статей, я писал не однажды, составил его Lesebuch, откликался на его книги, изданные Идой Бендер уже после ее эмиграции в Германию.

Об Иде Бендер я впервые услышал в бытность ее переводчиком в целиноградской (тогда) газете «Фройндшафт» от ее главного редактора Алексея Дебольского (он же Шольц, Шмелев, Стражевский). Но долгие годы даже не представлял, что она родная дочь Доминика Иосифовича. Странно, что наши пути-дорожки никак не пересекались. Я знавал всех (!) российских немецких писателей старшего поколения, до сих пор храню их письма, имел множество встреч с российскими немцами разных возрастов на московских, целиноградских, павлодарских конференциях, съездах, семинарах, а вот Иду Бендер, урожденную Гольман, мельком встретил, кажется, в какой-то редакции лишь один раз в сопровождении двух-трех активисток. Но в памяти моей эта мимолетная встреча почти не зафиксировалась. Хотя с ее сыном, Рудольфом Бендером, тоже знаком, и о нем у меня остались теплые впечатления.

Правда, находясь в Германии, Ида Доминиковна иногда пишет мне, присылает отцовы и свои книги.

Тут, кстати, замечу, что несколько сот писем российских немецких писателей я сдал в Президентский архив города Алматы. Там находится папка писем и Доминика Гольмана.

Хорошо было бы издать эти письма (понятно, не только Гольмана) отдельной книгой: ведь в них разговор идет совсем не о погоде и недугах, а о национальной воле, о культуре, литературе, об издании газет, книг, учебников, о неосуществленной автономии, о потерях и надеждах. У меня уже нет сил и времени на составление и издание такой книги - скажем, 200 писем двадцати писателей, но, может, этой идеей кто-нибудь заинтересуется. Письма, которые у меня хранятся дома, я тоже сдам в Президентский архив, который заключил со мной договор хранить все мои документы (рукописи, книги, фотографии, открытки, письма и т.д.) в течение 70 лет после моего земного существования.

Еще до войны Д. И. Гольман, будучи доцентом и заведующим кафедрой в Энгельсском педагогическом институте, читал лекции по литературе и языку, писал учебники, переводил на немецкий язык книги, печатался в газетах, стал членом Союза писателей СССР, вел активную общественную работу, имел много благодарных

учеников, после депортации очутился с большой семьей в далекой Сибири, был призван в трудармию, валил лес, отчаянно голодал, подорвал здоровье на непосильной работе, стойко вынес все унижения и издевательства, лишения и разлуки с семьей, был списан как «доходяга» (так называли изможденных трудармейцев, обреченных на смерть), в суровом Заполярье работал учителем, бухгалтером, продавцом в магазине, потерял любимую, верную жену, потом в аварии погибла и вторая жена, от случайного выстрела погибла и шестилетняя дочь (одна местная жительница злобно сказала: «На земле одной фашисткой стало меньше»), сын и дочь тоже оказались в трудармии, двое сыновей-подростков мыкали горе, позже Гольман перебрался в Красноярск, стал преподавать в институте, провел первый послевоенный семинар российских писателей в Сибири, находился постоянно под комендантским прессом, под надзором бдительных органов, но выдюжил, выстоял, и на исходе жизни вернулся в родной Камышин на Волге, где продолжал так же активно трудиться и ратовать за немецкую культуру и литературу, насколько это позволяло время, обстоятельства и власть. Умер в почтенной старости и глубоком разочаровании от того, что доводилось видеть, слышать и читать. Убежденный оптимист, он понял, однако, что главная его мечта восстановить Автономию немцев Поволжья и возродить свой народ - уже не осуществится, а дочь с детьми и внуками решилась на эмиграцию.

Вот этот единственный в своем роде, уникальный Гольман, нравственная опора многих российских немцев, и стал сквозным героем скрупулезного повествования Иды Бендер. В книге подробно рассказывается о его жизни с самого рождения до кончины, приводятся отрывки из его дневников, стихи, проникновенные высказывания. Дочь с любовью и благодарностью пишет о своем отце, о его предках по материнской линии, о его детях, внуках, правнуках, то есть охватывает тем самым несколько поколений одной семьи.

Книга Иды Бендер навевает разные мысли и воспоминания

Позволю себе поведать еще о трех моментах. Красочно и сочно описан быт и уклад жизни немецких колонистов Поволжья как горной (Bergseite), так и степной, долинной (Wiesenseite) части. Вес эти картины из жизни колонистов (обитателей колоний) и мне неплохо знакомы, хотя я жил в родительском селе Мангейм Гнаденфлюрского кантона в пяти-семилетнем возрасте. Но детская память приметлива и цепка.

«Я помню...», - то и дело начинает Ида Бендер рассказывать тот или иной эпизод, описывая повадки немецких бауэров-крестьян, их работу на полях и по дому, их бытовые заботы, домашнюю обстановку, устройство жилья, подворья, приусадебных участков, одежду, манеры, людские отношения и прочие этнографические подробности. Все эти детали памятны и достоверны. Я на двенадцать лет (по-казахски: на один мушель) моложе автора «Schön ist die Jugend», однако и поныне поражаюсь устойчивости, незыблемости, упорядоченности нравов и обычаев, быта и манер, генетических и психологических норм поведения, консервативности и некогда заведенных домашних и житейских порядков российских немцев. Мои родители, с 30-х годов прошлого века проживавшие в городе Энгельсе Саратовской области, время от времени привозили меня, мальца, в родную деревню, где я подолгу обитал в домах моих дядьев, тетушек и бабушек (дедов по обеим линиям я не застал: один умер с голоду еще в 1921 году, другого «забрали», как говорится, с концом в 1931 году). И в мою душу въелись, можно сказать, тот уклад жизни, те людские взаимоотношения, вся житейская атмосфера, весь строго регламентированный быт, основанный в течение веков на трудолюбии, порядочности, честности, нравственной чистоте, верности традициям, заповеданным далекими германскими предками. Я помню все традиционные предметы обихода, все устойчивые запахи немецкого дома - запахи молока, теста, квашеной капусты, поджаренных семечек подсолнуха и тыквы, копченого сала, кровяной колбасы, требухи, крепкого

табака-самосада, чистой одежды, шерстяной пряжи, опрятности во всем.

И годы спустя, уже после депортации, после, казалось бы, тотального крушения былого национального устройства, этот быт, этот уклад жизни сохранился в возможной степени в домах спецпереселенцев, высланных в Сибирь и Казахстан. Поразительное явление!

Уже в студенческие годы я наведывал тетю Гульду, ее деверя и сноху в селе Куприяновка Северо-Казахстанской области, позже своих двоюродных сестер в Костанайской области и Челябинске, дальнюю родню в Сары-Агачском районе на юге, двоюродного брата в степном краю Казахстана, часто приезжал в отчий дом на берегу древнего Есиля, потом в Ташкенте, бывал в домах многих знакомых и незнакомых немцев и наблюдал, чувствовал, видел, обонял эту неистребимую общность, созвучность быта и уклада, всего немецкого духа, которые не в состоянии были вытравить ни новые условия, ни чуждая аура, ни внешнее влияние. Еще лет десять-двадцать назад я замечал это уникальное свойство. Ныне, конечно, все изменилось в судьбе российских немцев, где бы они ни проживали; другие времена другие песни, другие нравы, другие устои, другие запахи.

Быт поволжских немцев достоверно и тщательно описан в произведениях российских немецких писателей старшего поколения (Август Лонзингер, Давид Куфельд, Вильгельм Брунгардт, Герхард Завадски, Доминик Гольман, Виктор Клейн, Андреас Закс, Христиан Эльберг, Рейнгард Кёльн), в эту струю внесла свою лепту и Ида Бендер, прожившая в атмосфере немецкого Поволжья целых 19 лет еще до войны и сокрушительной депортации.

Кстати, о самой депортации так обстоятельно и подробно, веско и убедительно, со всеми драматическими деталями поведала одна из первых именно Ида Бендер. Много страниц ее семейной саги посвящено этой скорбной одиссее российских немцев. Как это происходило, в каких масштабах, в какой садистской обстановке, при каких лишениях и мытарствах, в каких муках и издевательствах, в каких нечеловеческих условиях, в каком горемычье - обо всем этом автор повествует так зримо, будто все это происходило только вчера, хотя прошло с тех пор

семьдесят лет - дата, которую ныне отмечают российские немцы в СНГ и Германии.

Восемнадцать дней и ночей тащился паровоз с товарными вагонами, набитыми до отказа репрессированным людом с Волги до Заполярья. Восемнадцать суток без воды, без горячей пищи, без туалета, в жуткой антисанитарии, в замкнутом пространстве, в духоте, тесноте и в обиде везли невинных людей - мужчин, женщин, стариков, детей, огульно обвиненных в шпионаже, в диверсиях, в пособничестве гитлеровской Германии. Что испытали эти люди, вчерашние крестьяне и рабочие, служащие, преподаватели, члены партии ВКП(б) и комсомольцы, абсолютно лояльные к властям, в долгом-долгом пути в неизвестность, лишенные в одночасье родины, крова, насиженных мест, вековым трудом налаженной жизни, отлученные насильно от всего родного, привычного, обреченные на ненависть, злобу, на голод и холод, на муки и страдания, на погибель, трудно даже представить нынешним поколениям, и Ида Бендер, прошедшая через все круги земного ада, через все эти нечеловеческие испытания, мужественно поведала об этом преступлении против человечности.

А я ведь это тоже помню

Помню тот эшелон, который нас вез от станции Плёс до станции Мамлютка Северного Казахстана. Помню тот скрипучий, вонючий, щелястый, продуваемый всеми ветрами деревянный вагон, в который запихали восемь немецких семей со всем скарбом - сундуками, баулами, чемоданами, узелками, корзинами, бочонками со снедью. Помню тот уголок на верхнем ярусе телятника возле зарешеченного крохотного окошка, через которое я обозревал диковинный ландшафт неведомых земель. Помню плач детей, мольбы старух, ропот растерянных мужчин, сидевших возле чуть приоткрытой двери на железном засове, ловя свежий воздух. Помню долгие стоянки, на которых охранники выпускали по ветру по двадцать человек, пересчитывая их потом поголовно, помню тоску в черных глазах моей мамы, суетливые хлопоты моего долговязого, ловкого отца,

обеспечивавшего санитарный надзор по всему эшелону. Отец был коммунистом, семь лет служил в Рабоче-Крестьянской Красной армии, лейтенант медицинской службы, обладатель множества солидных значков того времени, человек с ярко выраженным общественным темпераментом, и охранники-чекисты в какой-то мере ему доверяли. Помню безысходность людей, которые разговаривали на одном наречии. А ведь нам еще несказанно повезло: мы были в пути всего шесть дней. Отец записал в своей дневниковой тетради (ей 76 лет, и я ее храню свято): «Из Гиадснфлюра мы выехали 11 сентября 1941 года, а уже 17 сентября мы прибыли в Казахстан, т.е. были в пути всего 6 дней».

Это было 17 сентября 1941 года, а через сорок дней мне исполнилось семь лет. Я уже знал буквы, немного читал по-русски и по-немецки, умел считать до ста, последовательно и с конца, что-то изображал на бумаге, о чем свидетельствуют мои детские экзерсизы в заветной отцовской тетради.

Это я к тому, что те, отнюдь не веселые события в ссылке напрочь врезались в мою чуткую детскую душу, и о том я значительно позже напишу в своих рассказах, повестях, романах. Это тема, которой мое поколение ушиблено с раннего детства. Отражение этот период жизни получил в произведениях не только моих, но и Виктора Гейнца, Лео Вайдмана, Леонида Гартунга, Роберта Вебера, Якова Иккеса, Эдмунда Матера, Леонида Биля, Гарри Гегелена, Гуго Вормсбехера, Виктора Штрека, Вилли Мунтаниола, Эльзы Ульмер, Олега Клинга, Вольдемара Эйснера, Курта Гейна, Вальдемара Люфта, Анатолия Штайгера, Александра Райзера, Нелли Бастерс - называю далеко не всех. О том же исповедально повествует и Ида Бендер в своем эпическом сказе.

И еще одна важная - на мой взгляд – деталь

Я о том говорю не впервые. О мытарствах, унижениях, обидах, оскорблениях, испытанных моими сверстниками-сокровниками, я прекрасно осведомлен: о том и читал немало и слышал не однажды из устных рассказов на конференциях и съездах по проблемам

российских немцев. Жуткие случаи из реальной жизни, имевшие место быть. Несмышленые дети-переселенцы подвергались гонениям и издевательствам, сплошь и рядом обзывались фашистами, фрицами, недобитками, гитлеровским отродьем, немчурой, немцем-перцем, кислой капустой и так далее. Многие сироты, чьи родители горбились в трудармии, за колючей проволокой, в условиях концлагеря, вынуждены были попрошайничать по селам, в холод и пургу, гонимые и голодные. Есть сведения о сотнях тысяч загубленных детских жизней в годы войны. Мимо этого скорбного и позорного факта невозможно пройти. Исступленный призыв Ильи Эренбурга и Константина Симонова «Убей немца!» был кое-кем из местных властей принят к действию однозначно и в отношении невинных советских немцев. Посильно подливали масло в огонь и классики советской литературы Михаил Шолохов и Константин Федин. Ненависть ко всему немецкому стала государственной политикой.

То, что я слышал от своих сверстников на московских тусовках - конференциях и съездах, меня, воспитанника казахского аула, выросшего при родителях, и вовсе ошеломило. И я постоянно ловил себя на мысли, что я лично таким унижениям и оскорблениям в хрупком детском возрасте не подвергался. В казахской среде подобное не случалось. Ни Коран, ни мусульманская вера, ни нравственный уклад номадов не позволял унижать и без того униженного, обиженного. Никто меня, сколько себя помню, даже в шутку не обзывал, глумясь над моей немецкостью. Я вырос любимчиком казахского аула, был окружен добротой, вниманием, лаской. И потому вырос необозленным, неподшибленным, нравственно не ущербным. Видно, я был исключением. Рос в относительном благополучии. И в том было мое счастье. Конечно, бывали трудности, хмурые периоды, связанные с ущемлениями, ограничениями по национальному признаку, с комендатурой, паспортным режимом, исключением из института и прочими мелкими пакостями, но всегда подворачивались в моей судьбе добрые люди, главным образом в лице казахов, которые меня неизменно опекали, поддерживали. Допускаю, что сказалась моя

искренняя близость к казахам, знание казахского языка, благообретенная казахская ментальность.

И об этом мне невольно мимолетно подумалось при вдумчивом чтении с карандашом саги Иды Бендер. Автор «Schön ist die Jugend» при написании своей объемистой книги руководствовалась не только своими личными впечатлениями, чувствами, мыслями, переживаниями. Да, она сплошь и рядом оговаривается: «Ich erinnere mich...» Да, она исключительно точна: указывает не только год того или иного события, но и месяц, день, нередко и часы суток. И конкретных имен, названий местностей она приводит уйму. Не проходит и мимо рассказов, сказок, игр со своими детьми и внуками. Ну, а страницы, посвященные отцу, и вовсе потрясают своей сокровенностью, задушевностью, дочерней любовью.

Мы бессильны сохранить время

Это не в нашей воле. Но мы можем сохранить память. И Ида Бендер ее сохранила. Автор называет источники, которыми она пользовалась:

1. Einige Ausgaben aus dem Buch «David Schmidt. Studien über Geschichte der Wolgadeutschen». Erster Teil. Charkow, 1930.

2. Das Buch von Dr. Igor Pleve «Deutsche Kolonien an der Wolga in der zweite Hälfte des 18. Jahrhunderts». Verlag Gotika, 1996.

3. Vieles aus der Erzählungen meiner Grossmutter Susanna Hollmann und meiner Eltern Emilia (Appelhans) und Dominik Hollmann.

4. Und noch mehr meine eigene Erlebnisse, Gefühle, Gedanken. Обращу внимание читателей и на две карты, приведенные в конце книги: административно-географическая карта Автономии немцев Поволжья (со всеми кантонами, границами, крупными населенными пунктами) и географическая карта Енисея - места ссылки семьи Гольманов - с названиями сел, где проходили многие события повествования: Верхне-Имбатск, Искуп, Бородино, Карманы, Куба, Чулково, Новоселовка, Бахта.

Повествование Иды Бендер - повторюсь - вобрало в себя жизнь и судьбу нескольких поколений российских немцев,

и потому о нем можно говорить долго и пространно. Многие впечатления, навеянные при чтении этой книги, остались за рамками данной статьи. Рядом с повествованием Иды Бендер тянулась нить моей собственной жизни, о которой я уже немало поведал в своих произведениях, а при случае, может, еще скажу. А пока я вынужден ограничить себя в надежде, что в какой-то мере дал читателю представление об этом уникальном, своеобразном труде.

Это документ эпохи. Документ национальной судьбы. Жизни. Живое свидетельство о том, что было и как было.

И в этом заключена непреходящая ценность сказа Иды Бендер. Думаю, у этой книги долгая жизнь. Как и у ее автора. Как и у ее главного героя.

Бендер не делает глобальных обобщений. Она не претендует на художественное осмысление своего Времени. Она, скорее, регистратор фактов бытия. Добросовестный летописец пережитых событий.

Российские немцы десятилетиями находились в числе униженных и оскорбленных. И за это должны стыдиться не они, а та мерзейшая власть, та гнусная идеология и политика, та рухнувшая империя, что считали себя вправе унижать и оскорблять.

И о том надо помнить.

Всегда.

DAZ, № № 7,8,9 за 2011г.
Кн.«Координаты»,А.,2011г.
стр.235-254

СЕМЕЙНАЯ САГА ЛЕО КОШУТА

Книга написана по-немецки и в оригинале называется «Ach, Väterchen!». Есть и подзаголовок «Meiner Mutter Prinz». А третья строка определяет, уточняет временные рамки: «Familien-Saga 1850-2010». Крупного формата, тщательно, с любовью изданная книга. Плотная бумага, прекрасный шрифт, 215 фотографий. Занимательное, увлекательное, облагороженное высоким, искренним чувством, благодарной сыновней любовью и памятью повествование. Исповедь. Дотошное исследование ветвистой родословной. Семейная, многоклановая сага, охватывающая эпохи — 160 лет. Автор — Leonhard Kossuth. Книга издана в Берлине в издательстве «Nora».

Получив книгу от автора, я ее два вечера заинтересованно листал, оглаживал, обнюхивал, подолгу разглядывал фотографии: благородные лица, исполнен-ные собственного достоинства и чести, горделивая осанка, броские костюмы и позы, глубокий, умный, цепкий взгляд далеких предков, узнаваемые черты наших современников — их разноплеменных потомков. Неразрывная цепь времен. Портрет и дыхание эпохи. Обаятельная фигура творца саги, живого свидетеля многообразного, многоликого во времени и пространстве бытия.

Именно в этом шарм книги.

Именно в этом ее пафос и значение.

Именно этим она выходит далеко за рамки обыденного семейного повествования и обретает форму панорамной саги, охватывающей страны, судьбы, эпохи, память, страсти, надежды, боль, утрату поколений.

А кто такой Леонард Кошут? С какой такой стати он замахнулся на столь объемистую семейную сагу? И что это будет, если каждый надумает писать и издавать свои пространные семейные истории?

Так вполне резонно может спросить иной неискушенный читатель...

Отвечу коротко.

Леонард Кошут (1923) — «не каждый». Это крупная личность, широко известная в культурном, литературном, издательском мире; он признанный культуртрегер, переводчик, эссеист, критик, составитель и издатель великолепных книг; он благородный связной разных культур и литератур; он бывалый, активный, неравнодушный человек, познавший жизнь во всех ипостасях, свидетель драматических коллизий XX века, участник бурных событий и благополучно и полезно внедрившийся в созидательный процесс XXI-го века; он само обаяние, излучающий добро и свет, такт и деликатность в общении с людьми самых разных слоев; он носитель культуры народов; воплощение живого ума, высоких порывов, множество лучших человеческих качеств.

Далее не стану перечислять достоинства Кошута, дабы не смущать моего давнего старшего друга. Я его знаю — дай Бог памяти — более тридцати лет, встречался с ним много раз в Алматы, в Москве, в Берлине; все эти годы прилежно переписываюсь с ним; храню все его написанные, составленные и изданные книги; в его переводе вдвоем издали две книги Абая на трех языках; и еще: он восемь раз в разные годы посетил Казахстан; издал в свое время два десятка книг казахстанских коллег на немецком языке; он друг моих друзей; друг казахской литературы и культуры; лауреат премии Казахского ПЕН - клуба; он объездил многие страны мира, многие республики бывшего СССР; он хранит в своей цепкой памяти огромное количество выдающихся имен и событий разных стран и культур; он, сын австрийца Роберта Кошута (с австро-венгерскими корнями) и украинки Галины Логиновой, чувствует себя уверенно и надежно и в славистике, и в германистике, обладая широкими познаниями в мировой цивилизации.

Как явствует из книги «O, Väterchen!», Лео Кошут владеет богатым семейным архивом, письмами, дневниками, документами, воспоминаниями, фотографиями огромного числа предков, родичей из разных стран, людей с диковинными судьбами и биографиями. Имея под рукой такое богатство, а за спиной — столь своеобычный

жизненный опыт, и вокруг — столько многочисленной, разветвленной родни, не написать масштабную, эпическую сагу, было бы — ей-ей! — грешно. Кошут должен был написать эту книгу, и он ее написал. Это было не только его правом, а обязанностью. Он сумел искусно сплести разрозненные факты семейного уровня и значения, неназойливо вычленить из них общественно-социальную суть и тем самым воссоздать картину Времени и людских судеб, подать все это чарующее многообразие через свою личную и гражданскую судьбу и сотворить Книгу о Времени, о себе, о своих сородичах. Словом, Лео Кошут выполнил с блеском свой сыновний и человеческий долг.

Книга выстроена композиционно искусно, занимательно и читабельно. Чувствуется опыт старого литератора. Кошут умеет рассказывать — просто, доступно, понятно, увлекательно. Главные части повествования составляют Bildteil, в основе которых лежат семейно-клановые отношения разных корневых систем. Скажем, Kossuth + Von Zimani / Kossuth + Rothe. Разговор здесь идет о предках австро-венгерского происхожления и о сородичах по первому браку отца — Роберта Кошута. Обозначаются географические точки повествования — проживание тех родичей: Wien — Odessa — Kiew — Butscha.

Следующий Bildteil: Kossuth + Rothe, то есть идут описания двух семейных кланов. Географические координаты: Odessa — Wien — Archangelsk — Butscha — Hamburg и т.д.

Далее подробно рассматриваются следующие родственные кланы: Buckland + Kossuth; Kossuth + Scheitzel; Kossyth + Himmelmann и т.д.

Есть Bildteil, посвященные друзьям, коллегам, авторам, писателям, потомкам в третьем, четвертом поколениях.

А между этими главами даются короткие новеллки, этюды, зарисовки, воспоминания, выдержки из документов, лирические отступления, выразительные штришки, а венчают каждую главку серия фотографии с текстовками-объяснениями, с обозначением времени и места. В композицию книги уместно вплетены изящные отступления — интермеццо. Их всего девять и озаглав-

лены они завлекающе: «Wo die Rothes herkamen?», «Anstöße aus Sizilien», «Liebe Schwesterkinder!...», «Gefängnisbriefe», «Tag von Butscha» и т.д. Эти отступления — факты реальной жизни автора — дают возможность перебрасывать мостик от далекого прошлого к настоящему и возбуждают интерес читателя.

Тут я тоже отступлю немного в сторону от изложения своих впечатлений о рецензируемой книге и скажу, что в последние годы у нас, в Казахстане, тоже пишутся много семейных книг-воспоминаний, в которых, как правило, берет верх шежире - родословное клана, племени, жуза автора. Композиционно эти книги выстроены однообразно и скучно. Я их по просьбе друзей и знакомых прочитал не один десяток. К некоторым писал даже предисловия. А сколько накатал рецензий на подобные мемуарные изделия, и не упомню. Должен признаться, что авторы подобных творений обозревают свою пройденную жизнь с невысокого аульного холма. Отсюда узкий горизонт и монотонный монолог. Кошут, как мне кажется, избрал для своей саги самый разумный, оптимальный вариант, дотошно изложив «сухую» фактологическую часть и перемежая ее изящной, доверчивой повествовательной тональностью. Поэтому его семейно ограниченная сага обрела художественную значимость, как впечатляющий, значительный документ эпохи.

Особенно привлекло мое внимание 9-ое интермеццо, озаглавленное: «Was ist das, Heimat?». Дело в том, что для российских немцев это кардинальный, животрепещущий, вечный вопрос. «Что есть Родина?», «Где моя родина?» - о том мучительно раздумывает каждый мой соплеменник. И в моем творчестве — в моих романах, повестях, рассказах — этот вопрос звучит вновь и вновь во всех вариациях. Не обошел его и Лео Кошут. Вот фрагмент его размышления на эту тему (цитирую по оригиналу):

«Geboren in Butscha, aufgewachsen in Wien, mit Wohnort, Lebenszentrum seit Jahrzehnten in Berlin, Mutter — Ukrainerin, Vater Österreicher. Was antworte ich auf die Frage nach meiner Heimat?... Da muß wohl erst eine Historikerkommission klären, ob man für mein Geburts — Land UdSSR oder Ukrainische SSR sagen kann».

Тема эта для автора «Ach, Väterchen!» настолько сложна, что он прибегает к реминисценциям, аллюзиям из творчества трех выдающихся русских поэтов, книги которых он составлял и переводил с любовью на немецкий язык, - Владимира Маяковского, Сергея Есенина и Булата Окуджавы. Во всем Лео Кошут серьезен, сосредоточен и дотошен. Он приводит определение-понятие «Родина» по словарям Дудена и Клаппенбаха и ссылается на поэтические трактовки этого священного понятия в творчестве русских поэтов. Эти литературоведческие, лингвистические, историко-биографические этюды впечатляют и оживляют семейную сагу.

Своеобразием композиции данной книги является и то, что каждую главку венчает и все повествование обрамляет проникновенное лирическое, исповедальное обращение 86-летнего сына к 83-летнему отцу. Сын изливает свою благодарную душу незабвенной памяти отца, объясняется ему в верности, в любви, восторженно вспоминает трогательные случаи и детали прошлого бытия и ведет с ним, как с живым, задушевную беседу.

Вот фрагмент из первого обращения:

«Ach, Väterchen, gelänge es mir doch, Dir mit meinen Dokumentationen und Erinnerungen zu geben, was ich Dir zu Deinen Lebzeiten als Dank für Dèine Liebe schuldig geblieben bin!»

«Und wieviel besser verstehe ich Dich heute, da ich beim Wiederlesen meines Manuskripts selbst schon über sechsundachzig bin und Dich wie all die anderen längst Verstorbenen meiner «Familien-Saga» - schon gar angesichts ihrer Fotos — zugleich als Junge in die Welt ihrer damaligen Erlebniszeit blichen sehe!

Und plötzlich ist mir, als sähe ich Dich — mein Väterchen-Leibhaftig vor mir sitzen, bereit, mir beim Verständnis von Begegnungen über eine Zeit von anderthalb Jahrhunderten zu helfen». (s. 8-9)

Обращений к памяти отца в книге Кошута много. И я приведу здесь еще несколько строк из заключительного обращения: «Ach, Väterchen, gut eineinviertel Jahre — nein zuletzt zwei! — sind vergangen, seit ich mit der Niederschrift dieses Buches begonnen habe. „Es fehlt nicht viel — und mir ist, als sähe ich Dich leibhaftig vor mir sitzen," schrieb ich dam-

als, noch ahnunglos, wie sich mein Blick auf die Welt weiten sollte. Im Gespräch mit Dir, mit der Entdeckung von Personen, Verbindungen, Schicksalen ist für mich Bekanntes und Unbekanntes lebendig geworden... Könnten wir doch über Generationen hinweg einen Familienrat einberufen, der mein Manuskript beurteilt, ehe ich es noch druckfertig mache!» (s.370)

Эти лирические обращения к отцу сами по себе составляют законченное произведение и звучат как своеобразная «Песня песней». Я написал о своем любимом отце Карле Бельгере (скончался в Ташкенте на 94-м году жизни) две книги, посвятил его памяти роман «Дом скитальца», сделал его прототипом многих своих произведений, но такой одухотворенности и поэтической возвышенности, как Лео Кошут, признаться, не достиг.

«Где бы мы могли собраться все вместе?» - вопрошает автор, перечислив всех живых родственников, большинству которых за восемьдесят и девяносто лет. И предлагает такой вариант: «In Butscha, das von den Genannten die meisten kennen? Das Wunder, das uns zusammenführt, wird uns auch die Veranda unseres einstigen Hauses wieder bereitstellen und den ganzen Garten für Nichtgenannte, Kinder, Enkel, Urenkel...» (s. 370)

В 2003 году Леонард Кошут был приглашен в Алматы своим другом Абдижамилем Нурпеисовым: решением Исполкома Казахского ПЕН-клуба он был удостоен премии ПЕНа за заслуги в пропаганде и популяризации казахской литературы в Германии. До этого Кошут приезжал в Казахстан семь раз как заведующий отделом советской литературы ГДР-овского издательства «Volk und Welt» (то в сопровождении жены Шарлотты, редактора и переводчицы с русского, то с двумя-тремя симпатичными и молодыми сотрудницами издательства) и впоследствии как председатель Кураториума по культурным связям с немецкой диаспорой за рубежом (вместе с историком, доктором Эрикой Фогт, кстати, давней и доброй моей знакомой).

На этот раз (2003г.) жил Кошут несколько дней в пустующей квартире Нурпеисова по соседству со мной, и мы много общались, встречаясь то в домашних условиях, то на моей любимой аллее возле памятника Чокану, то в

парке имени 28 героев-панфиловцев (это было в памятный День Победы 9 мая). Мы много беседовали. И мне было приятно его слушать. На площади Независимости Лео предложил мне перейти на «ты», но я, воспитанный в ауле в почитании старших, не смог преодолеть барьер в одиннадцать лет. И все эти годы нашего знакомства я обращаюсь к нему неизменно на «Вы». Так вот, мой старший друг тогда увлекательно и доверительно поведал мне о том, что описано в этой книге: о своем отце, о рано умершей маме, о своей богатой на приключения и испытания жизни, о войне, в которой его, неверующего, должно быть, спасал ангел-хранитель, о том, как был не однажды ранен, как был в плену, как нелегально переходил границу, чтобы свидеться с отцом в Австрии, о своей первой большой любви, как учился славистике и преподавал русский язык, о жизни и службе в Берлине, о родной сестре в Англии, о литературных контактах и многочисленных друзьях в разных странах. И слушая его неторопливую исповедь, я тогда еще подумал: «Вот изложить бы все это на бумаге, получилась бы увлекательная повесть».

Жизнь незаурядного человека всегда привлекательна, интересна и поучительна. И вот годы спустя эти житейские и творческие впечатления, судьбы и многоформатная жизнь, подкрепленные документами, письмами, выверенными фактами и фотографиями, воплотились в объемную семейную сагу, охватывающую временной отрезок человеческого бытия в 160 лет и сотканную из любви, памяти, гордости, достоинства и умения рассказывать живо и проникновенно.

Интересно все же, о судьбах скольких людей поведал нам в этой книге автор? Было бы любопытно посчитать: наверняка не одна сотня. Немецкие, русские, украинские и других национальностей фамилии причудливо перемежались — сплелись в этой многопластовой саге. О многих ее героях сказано столько доброго, приметного, что они предстают перед глазами читателя, как персонажи увлекательного романа. Кошут вообще-то не беллетрист, но слогом точным, ярким и образным владеет блестяще. Имен в саге много. Очень много. Все они тщательно описаны, охарактеризованы и выстроены в повествовании, и потому мне кажется, что в этой по

всем параметрам продуманной книге, может, не хватает еще именного указателя. Впрочем, вдумчивый читатель разберется в лабиринте имен и без указателя.

Из разных разностей сплетена величественная сага Лео Кошута. Бросаются в глаза и включают читателя в поток времени исторические, географические, литературные сведения, расширяющие панораму своеобразной «повести временных лет». Это любопытные, тщательно выверенные и точно определенные факты из античной, древнеримской истории и географии, об истории австро-венгерской монархии, из истории Киевской Руси, о катаклизмах Второй мировой войны в ряде европейских стран, о преобразованиях-ситуациях в Германии до войны, во время войны, после войны, после падения Берлинской стены и т.д. Жизнь людей, о которых так проникновенно повествует автор, погружена в общественно-социальную, историко-политическую реальность драматических XIX-XX веков. Такая диалектическая манера повествования, широкоохватный взгляд на бытие с высокой колокольни единого исторического процесса придают казалось бы сугубо мемуарной книге социально-художественную значимость.

Многое я узнал из книги старшего друга из Берлина. Я, оказывается, все же маловато знал о его жизни, житейских приключениях, непростой судьбе его в довоенные, военные и первые послевоенные годы, о его гражданском становлении и возмужании. Теперь, когда он искренне рассказал читателю о всех перипетиях своей богатой на впечатления, события и душевные переживания жизни, он стал мне еще более близок, дорог, духовно соприроден, и я испытываю гордость за него, за его высокую благородную душу, за его порядочный, обаятельный человеческий облик. Сказались, проявились в нем высокородные гены, чему казахи, в среде которых я вращаюсь почти 70 лет, искони придают огромное значение.

Узнал я многое не только о Леопарде Кошуте, но и о его окружении, о его предках и родичах, о его друзьях-товарищах, коллегах-литераторах, которых он не однажды упоминает и перечисляет на страницах своего обширного повествования.

Еще многое можно б было поведать о Кошуте и его семейной саге. Ну, например, о ее насыщенной литературной оснащенности: о стихотворных опытах разных лет, о его блестящих переводах, скажем, из Лермонтова (я с восторгом воспринял немецкий «Парус» и «Выхожу один я на дорогу». Какая точность, музыкальность, верность интонации, размеру, ритмомелодике!), Маяковского, Абая, о его, Кошута, художественных поисках выразительных средств, о его душевной настроенности на лад и склад оригинала, о его литературных и поучительных творческих контактах. Вообще в этой книге Кошута счастливо, органически перемежались-сплелись разные литературные жанры: мемуары, лирические описания, раздумья, стихи, переводы, письма-признания, скетч, пародия, хроника, исследования, очерк, эссе, элементы детектива (арест Шарлотты). Да, обо многом еще можно было бы сказать... Но, чувствую, что должен остановиться. Мои разрозненные заметы и без того растянулись. Я целую неделю не расставался с Кошутовой сагой. Какие-то фрагменты перечитывал не раз. А фотографиями вообще подолгу любовался. Знаю, что к этой книге буду обращаться временами и впредь. И чувствую: главные, достойные и высокие слова о роли и значимости в служении культуре и литературе крупной личности по имени Леонард Кошут еще впереди.

«DAZ», № 40, 41, 2010
В кн."Координаты"
А,2011,стр 170-181
Ach.Väterchen! –
Register und Rezensionen.
Berlin, 2011, стр. 20-28

НЕМЦЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

Двухтомный фундаментальный труд отца и сына Вильгельмов — Адама Францевича (Казахстан; ныне покойный) и Курта Адамовича (Германия) назван исчерпывающе ясно и точно: «Немцы в истории России: люди и события». По охвату исторического материала, по фактологической основе, по масштабности людских судеб и событий (чаще всего трагических) труд совершенно уникальный. Создавался он, понятно, не за одно десятилетие.

В 90-е годы прошлого века я состоял в переписке с авторами (они жили тогда в г. Темиртау) и опубликовал несколько глав из первой книги в альманахе «Феникс», который в те годы редактировал. Меня живо заинтересовала документальная насыщенность и актуальность этого кропотливого, обзорного труда. Самосознание российских немцев было тогда на подъеме, активизировалось движение за восстановление национальной автономии на Волге, и исследование Вильгельмов хорошо вписывалось в повестку дня. Однако по условиям, возможностям и политической конъюктуре того времени я сомневался в том, что удастся издать столь громоздкий фолиант. Упорство и настойчивость авторов увенчались успехом: первый том увидел свет в Москве в 2003 году, и мне его тотчас любезно прислали. Объем — 874 страницы убористого шрифта (почти 55 печатных листов). Издан под эгидой Общественной академии наук российских немцев. Редактор В.Ф. Дизендорф. Рецензенты: доктор исторических наук, профессор В.Г. Чеботарева и кандидат исторических наук, доцент В.А. Ауман. Тираж — увы! — всего 500 экземпляров. Конечно, первый том, едва увидев свет, сразу стал раритетом. Первый том обстоятельно повествует о роли немцев в истории России

и охватывает период до 1917 года. О содержании этого тома наглядно свидетельствуют названия глав, каждая из которых сама «тянет» на отдельную книгу.

Глав в первом томе десять:

«Русско-немецкие отношения. Появление немцев в русском обществе»;

«Эмиграция немцев в Россию. Немецкие колонии. Некоторые особенности жизни немцев в России»;

«Императрица Екатерина Великая»;

«Деятельность российских немцев в государственном управлении»;

«Судьба российских немцев на военном поприще»;

«Роль немцев в деловой жизни России»;

«Немецкий вклад в развитие русской науки»;

«Служение русской музе»;

«Родственные узы (интернациональные браки)».

Как может убедиться читатель, охвачены все сферы общественной, социальной, культурной жизни России с XII-XIII веков до Октябрьского переворота. Каждую главу венчает обширный список использованной литературы. В книге упоминается не одна тысяча славных немецких имен — путешественников, дипломатов, военных, государственных деятелей, ученых, литераторов, людей искусства, оставивших глубокий след в истории России на разных этапах ее развития. Немецкий элемент в этой истории весьма существенен. Авторы в своем исследовании ссылаются на сотни и сотни источников. Диву даешься, сколько труда, терпения, прилежания, поисков потрачено на освещение конкретной роли немцев в истории России.

В чем стержневый смысл этого исследования? О том сказано авторами в предисловии: «Тема книги нам казалось тогда, да и сейчас представляется крайне актуальной по двум причинам. Во-первых, эта тема в послевоенное время фактически была запретной для советской исторической науки, для писателей и журналистов, особенно, что касалось советского периода. Во-вторых, российские немцы имеют никак не меньше прав на собственную историю, чем другие народы. Советская пропаганда долго и упорно формировала у населения СССР негативный

стереотип восприятия немцев: отрицательные моменты в их истории всячески подчеркивались, а положительные замалчивались».

Да, это так. Тому свидетельством являются очевидцы той эпохи монблан литературы, изданной у нас и за рубежом за последние десятилетия. Драматическая и трагическая история российских немцев все еще не изучена и не осмыслена, как она того заслуживает. Однако, всеобщими усилиями писателей, историков, мемуаристов, истинная судьба депортированного, репрессированного, методично униженного и оболганного народа раскрывается все наглядней и правдивей.

Какую же цель преследовали отец и сын Вильгельмы при воплощении своего гигантского замысла? И о том они сказали четко в предисловии к книге: «Наш труд ни в коей мере не претендует на исчерпывающее изложение истории российских немцев... Наша цель значительно скромнее — дать широкое, насколько было в наших возможностях, представление о деятельности российских немцев за три столетия их активного присутствия в российской истории, заинтересовать будущих историков этой проблемой, а в сердцах наших соплеменников пробудить чувство утраченного национального достоинства, гордость за деяния своих предков, не только не посрамивших новой родины, но и неустанным трудом способствовавших росту ее богатства, мощи и славы. Исторический опыт был и остается наиболее мудрым учителем жизни».

Высокая, благородная цель! Во имя этой цели и я по сути дела пишу эти строки, дабы привлечь внимание читателя к этой актуальнейшей и достойнейшей теме.

Но подробно говорить я собираюсь ниже о втором томе данного труда, еще не изданного книгой то есть, о рукописи примерно такого же объема, как и первый том, которую один из братьев Вильгельмов совсем недавно любезно прислал мне.

И второй том написан в том же ключе, в той же тональности, с тем же тщанием и дотошностью и охватывает, главным образом, период российско-немецкой истории условно с Октябрьского переворота и до начала

XXI века. Получается, что последние десять лет истории российских немцев фундаментальное исследование Вильгельмов не охватывает, не освещает. Видно, это удел последующих историков.

Второй том состоит из 7 глав. Названия их дают полное представление об его содержании:

«Октябрьская революция и гражданская война, участие в них российских немцев. Вспышка немецкой государственности в СССР и ее трагический финал»;

«Сталинский геноцид»;

«Участие советских немцев в политической, военной и хозяйственной жизни страны»;

«Немецкие имена в истории советской науки»;

«Плодотворная деятельность российских немцев на ниве культурной жизни Советского Союза»;

«Общая характеристика состояния немецкого вопроса в странах бывшего СССР и проблема немецкого возрождения»;

«Религиозная жизнь российских немцев».

Читатель может убедиться: все грани все сферы жизни российских немцев на фоне истории Российской империи в годы становления, расцвета и крушения охвачены максимально широко.

Фамилий, событий, сведений, фактов, скрупулезно собранных и описанных из разных источников столько, что ни в одной главе говорить коротко в рецензии совершенно невозможно. Есть опасность утонуть в море реальных данных. Почти все главы композиционно выстроены так: приводятся фамилии, имена, краткие или пространные биографические сведения, события, в которых принимали участие та или иная личность, ее судьба, ее роль и заслуги, ее вклад в творчество, в общественно-социальную жизнь, свидетельства и отзывы о ней и финал — чаще всего трагический. Такая вот бесхитростная, но обобщенная, познавательная, поучительная, беспристрастная, объективная схема. И лишь в двух-трех главах, где, скажем, речь идет о национальном движении или о религиозной жизни, авторы прибегают к описательности, констатации явлений, к обзору, к научно-повествовательной стилистике, к анализу событий.

Несмотря на солидный объем двух томов (более 100 печатных листов), авторы по возможности старались быть лапидарными, пользуясь лишь «сухими» фактами, избегая субъективности и излишних эмоциональных оценок. Правда, иногда авторы приводят отрывки из мемуаров и беллетристики, что заметно возбуждает читательский интерес.

Мне все было любопытно. Разумеется, в истории российских немцев мне лично многое известно. Имею приличное представление о российских писателях, композиторах, музыкантах, актерах театра и кино, режиссерах, художниках, деятелях культуры немецкого происхождения — 18, 19, 20-го веков, знаю также военных, полководцев, разведчиков, дипломатов, хозяйственников, ученых с немецкими фамилиями, посильно участвовал в национальном движении последних десятилетий, написал уйму работ по этой проблематике — о судьбе, культуре и литературе российских немцев. Считаю нужным поделиться здесь мнением о двух главах рецензируемой рукописи, которые особенно впечатлили меня.

14-ая глава называется «Немецкие имена в истории советской науки». В этой области российские немцы оказались на высоте: сколько академиков, членов-корреспондентов, докторов наук, профессоров, деятелей науки и техники — плеяда созвездий! В главе поименно называются выдающиеся математики, астрономы, астрофизики, физики, минералоги, ракетчики, механики, автомобилестроители, химики-технологи, геохимики, геологи, биохимики, микробиологи, цитологи, физиологи, ботаники, географы, агрономы, растениеводы, зоологи, энтомологи, медики, исследователи космоса и Арктики, океанологи, педагоги, философы, экономисты, историки, востоковеды, филологи, искусствоведы, музыковеды и т.д. Я не поленился и сосчитал славные фамилии в этой главе. Их оказалось около 150! Разумеется, я здесь всех не перечислю, но хотя бы десяток имен должен озвучить: Отто Юльевич Шмидт (академик, полярник, энциклопедист, Герой Советского Союза, в совершенстве владел немецким, русским, английским, французским, итальянским, латынью, древнегреческим, титаническая

личность, человек - легенда); Владимир Александрович Фок (физик, академик, Герой Социалистического труда); Евгений Федорович Гросс (физик-экспериментатор, академик, Лауреат Ленинской премии); Аксель Иванович Берг (академик, адмирал-инженер, Герой Социалистического труда, лауреат множества премии); Борис Викторович Раушенбах (академик, Лауреат Ленинской премий, Социалистического труда); Эрнст Теодорович Кренкель (радист-полярник, Герой Советского Союза); Густав Густавович Шпет (философ, автор множества трудов, переводил с английского Шекспира, Байрона, Диккенса, с немецкого «Феноменологию духа» Гегеля); Валентин Фердинандович Асмус (философ, Лауреат Государственной премии, автор многочисленных трудов по философии, теории и истории логики, эстетики, литературоведению); Василий Владимирович Бартольд (академик, востоковед, автор фундаментальных трудов по истории, географии, культуре и религии народов Ближнего и Среднего Востока); Александр Павлович Дульзон (филолог, владел 40 языками, профессор, доктор наук, Лауреат Государственной премии — за монографию «Кетский язык»); Эрвин Францевич Госсен (академик, аграрий, Лауреат Ленинской премии).

Надо остановиться. Что ни имя — звезда первой величины на небосклоне российской науки.

Или вот глава — «Участие советских немцев в политической, военной и хозяйственной жизни страны». Здесь много имен и фактов, о которых я, например, и представление не имел. Принцип построения главы тот же: фамилии, даты, биографическая справка, заслуги, труды, характеристика деятельности. И в этой главе я насчитал около 100 имен — партийные, государственные деятели, дипломаты, разведчики, хозяйственники немецкого происхождения. Встречаются любопытные сведения. Первый Председатель Всероссийского центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), провозгласивший в стране советскую власть Лев Борисович Каменев (настоящая фамилия Розенфельд), по свидетельству родственников, происходил из обрусевших балтийских немцев. Эдуард Эдуардович Эссен, большевик с 1898

года, происходил из дворян. Занимал пост заместителя Наркома госконтроля. Людвиг Карлович Мартенс был представителем Наркомата иностранных дел в США. Карл Иванович Ландер был председателем Совнаркома Северо-Западного края, наркомом госконтроля РСФСР, членом Президиума ВЦИК. Электротехник Роберт Эдуардович Классон в начале 20-х годов прошлого века был участником создания плана ГОЭЛРО, а затем возглавлял управление по делам гидроторфа. Выходцами из российских немцев были — несколько значительных советских военачальников: Евгений Андреевич Беренс (1876-1928); Александр Васильевич Немитц (1879-1967); Вячеслав Иванович Зоф (1889-1937); комкор Константин Августович Нейман (1897-1937); генерал-полковник Макс Андреевич Рейтер (1886-1950); конструктор в области артиллерии Франц Францевич Лендер (1886-1927); генерал-майор артиллерии Сергей Сергеевич Волькенштейн (1900-1977);

И такие гримасы истории случаются Одним из конструкторов пороховых ракет («Катюш») был Георгий Орихович Лангемак. Но труд разработчиков этого грозного оружия присвоил себе некто А.Г. Костиков. Оклеветанный Г.Э. Лангемак был расстрелян в 1938 году. А доносчик, клеветник Костиков стал генерал-майором, членом-корреспондентом АН, Героем Социалистического Труда, Лауреатам Сталинской премии. Почти два десятилетия считался официально главным творцом «Катюш». В 1957 году С.П. Королеву и В.П. Глушко удалось развенчать авантюриста. В 1991 году через 53 года (!) после расстрела Г.Э. Лангемаку было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Авторы рецензируемой рукописи пишут: «Это, кажется, первый и единственный случай присвоения этого высокого звания посмертно».

В годы войны с фашисткой Германией специальным указом Сталина немцы (тогда говорили: «советские граждане немецкой национальности») были отозваны из действующей армии. Их отправили в трудовую армию — в концлагерь. Но некоторые остались в действующей армии, поменяв свою национальность на русскую, еврейскую, эстонскую, азербайджанскую (все эти

случаи неоднократно описаны в литературе. Например, писатель Д.Ф. Снегин вспоминает, как под Москвой в разгар ожесточенных сражений после сталинского указа генералы армии за одну ночь переписали всех военнослужащих — немцев русскими и евреями). Заменяли не только национальность, но и фамилии на русский лад (например, Герой Советского Союза Венцель стал Венцовым). В личных делах русскими числились Герои Советского Союза Волькенштейн, Гаген, Гартман, Миллер, Шульц, Петерс. Не изменил своей национальности Герой Советского Союза Роберт Александрович Клейн, уроженец Саратовской губернии (кстати, друг и боевой соратник прославленного казахстанского партизана Касыма Кайсенова).

Звания Героя Советского Союза были удостоены лейтенант Вольдемар Венцель, полковник Николай Охман, руководитель партизанской бригады Александр Герман, член Одесского подполья Николай Гефт, разведчик-партизан Эдуард Эрман, танкист Михаил Гаккель, разведчик Рихард Зорге.

Среди защитников Брестской крепости был майор А. Дулькайт, полковой врач В. Вебер, старший лейтенант медицинской службы Е. Кролл, политрук Н. Кюнг, старший лейтенант Г. Шмидт, старшина роты связи Н. Меер, а также Генрих Кюллинг и Эдуард Миллер.

Все это — разрозненные факты из двух главнеизданного пока второго тома исследования отца и сына Вильгельмов. А сколько подобных сведений — имен и событий — разбросано по всем 17 главам капитального двухтомника! И с большим сожалением приходится констатировать, что первый том издан всего в 500 экземпляров, а второй том вот уже десять лет не находит издателя. Очень досадно! Ни Общественная академия наук российских немцев, ни Международный союз немецкой культуры, ни Культурная автономия российских немцев, ни Научное общество немцев Казахстана не имеют средств на издание подобной крайне важной, актуальной литературы. В Германии, я знаю, успешно функционируют издательства бывших наших соотечественников — Бурау, Вебера, Штрека

(они радетели культуры российских немцев и обрели известность благими деяниями), но и им, видно, не по силам издать этот громоздкий труд. И хотя о судьбе, культуре, литературе, истории российских немцев существует уже изрядная литература, однако наши соплеменники в подавляющем большинстве живут в неведении о своих предках, о славной роли их в истории России. Понятно, что этот жуткий пробел мог бы в немалой степени восполнить капитальный труд Адама и Курта Вильгельмов, о котором я веду здесь речь. Своей скромной рецензией я посильно стремился хотя бы привлечь внимание читателей к столь значительному, важному, фактологически насыщенному исследованию.

"DAZ".№1, 2010
"Amanat" №4, 2011
В кн."Координаты", А.,2011, стр. 224-235

УНИКАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Статья первая

Люблю упрямых и настойчивых. Эдмунд Матер оказался из этого славного племени. Он сдвинул с места такой огромный валун, о чем совсем недавно и не мечталось. Опираясь на разные — отечественные и зарубежные — библиографические издания и на свое завидное упорство, он соорудил, выстроил такое громадное здание — четырехтомную энциклопедию «Das Autorenlexikon der Russlanddeutschen», перед которым, полагаю, снимут шляпу и поклонники, и оппоненты этого дерзкого замысла. Эдмунд Матер, давно уже гражданин Германии, испытавший в Советском Союзе, как и подавляющее большинство его соплеменников, много разных напастей с лихвой, приятно удивил меня, издав эти четыре громоздких тома. Я знаю его многие годы как добротного беллетриста — автора романов, повестей, рассказов, стихов, но столь составительского терпения, прилежания и дотошности почему-то от него не ожидал. Несколько лет назад, навестив меня в Алматы со своим киргизским другом-литератором, он доверительно поведал мне о своей грандиозной затее, о концепции и содержании уникального по масштабам Autorenlexikon а российских немцев. Будучи составителем двух подобных, но значительно более скромных по объему и охвату справочников, изданных на русском языке в Алматы и на немецком в Берлине, я хорошо представлял, сколько времени и усердия, кропотливого труда и старания потребуется на составление подобного рода справочников. Такой труд по плечу лишь научному коллективу — сектору исследовательского института или национальной АН. Эдмунд Матер сладил с этой задачей

один, в одиночку, в течение нескольких лет по крупицам собирая из всевозможных источников сведения для столь объемного лексикона. Его исходный штандпункт меня поначалу обескуражил. Понятие «руссланддойче» он толковал максимально расширительно. Я при составлении подобных справочников после мучительного выбора и неизбежных в таких случаях сомнений ограничивался, главным образом, литераторами явно немецкого происхождения, пишущими на немецком или русском языках, преимущественно, на российско-немецкую тематику. Разумеется, мне был известен не один десяток руссейших писателей, имевших немецкие (в той или иной степени) корни: Екатерина Великая, Фонвизин, Хемницер, Кюхельбекер, Дельвиг, Н.Берг, Фет, Эртель, Энгельгардт, Фигнер, Блок, Пильняк (Вогау), Одоевцева, К. Павлова (Яниш), Блаватская (Гаан), Цветаева, Бек, Шим, Вагинов, Бергольц etc., однако я их безоговорочно относил к представителям русской культуры. Известны мне были и сотни российских немецких авторов, писавших на темы философии, педагогики, истории, культурологии, археологии, литературоведении и других сфер науки, но мне и в голову не приходило включать их в свои лексиконы. У меня главным образом речь шла о российских немецких литераторах. Немцев XVI, XVII, XVIII веков, писавших о России, германских политэмигрантов, подолгу проживавших и работавших в Советском Союзе, я тоже избегал. Эдмунд Матер значительно расширил горизонты Deutschtum, никого в обиду не дал, не стал делить авторов на «чистых» и «нечистых», включил в свой четырехтомник любопытные сведения о трех тысячах (!) авторов, еще раз доказав и подчеркнув роль немецкого элемента в русской (точнее, в российской) культуре. И именно в этом я вижу уникальность и значимость труда Эдмунда Матера. Его пафос. Его научный смысл. Его масштабность.

Какими источниками пользовался составитель столь громоздкого «Autorenlexokon a»? Он их постоянно указывает во всех персоналиях. Для расширения представления читателей «DAZ» посчитал нужным некоторые источники здесь перечислить:

-Franz Schiller, «Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für Jahre 1764-1926», Pokrowsk Staatverlag, 1927, 64 Seiten, 1000 Exemplare.

-Dettler Brandes, Margarete Busch, Kristina Pavlovic «Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen» Band I von der Erwanderung bis 1917, R. Oldenbourg Verlag, München, 1994.

-Dettler Brandes, Viktor Dönninghaus «Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen», Band 2 von 1917 bis 1998, R. Oldenbourg Verlag, München, 1999.

- Герольд Бельгер «Российские немецкие писатели», Алматы, «Жибек жолы», 1995.

- Herold Belger, «Russlanddeutsche Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart», Berlin, edition Ost, 1999.

- Герольд Бельгер «Помни имя свое», Алматы, Ғалым, 1999.

- Герольд Бельгер «В поисках своего ритма» (О судьбе, культуре и литературе российских немцев), Алматы, Ғалым, 2006.

- Reinhold Keil «Russland-Deutsche Autoren», Mannheim, 1994.

- Константин Эрлих «Панорама советской немецкой литературы», Алма-Ата, Общество «Знание», 1983.

- Wendelin Mangold «Russlanddeutsche Literatur», Stuttgart, 1999.

- Annete Moritz «Lexikon der Russlanddeutsche Literatur», Klartext Verlag, 2004.

- Валентин Витренко «Литература волынских немцев», Житомир, 2003, издательство «Волынь».

-Большой российский Энциклопедический словарь, М., 2005

- А.Ф. Вильгельм, К.А. Вильгельм «Немцы в истории России: люди и события», М., 2003.

- Die Deutschen Russlands, Enziklopädie, M., 1999.

Это, пожалуй, основные источники, из которых Э. Матер черпал сведения для своего четырехтомного лексикона. Но и других источников, которых он «обшарил» усердно, немало: для их перечисления понадобилось бы еще две-три страницы моей беглой рецензии. Добросовестность,

аккуратность, щепетильность, порядочность — такими вот качествами и руководствовался Э.Матер при осуществлении своего гигантского замысла.

Читать библиографические справочники, энциклопедические словари — всегда увлекательное и познавательное занятие. Именно с таким чувством с карандашом я несколько дней изучал огромный фолиант на буквы «A-F». Издательство «Lichtzeichen» любезно прислало мне первый том этого уникального издания. Следуют еще три тома на оставшиеся буквы немецкого алфавита. Издательство, решившееся на обнародование такого труда, заслуживает признания и искренней похвалы. И бывший казахстанец, поэт и педагог Венделин Мангольд, отметивший в кратком предисловии основные особенности и достоинства издания, также заслуживает благодарности. Я же надеюсь, что со временем получу и оставшиеся три тома. И тогда, вероятно, еще раз вернусь к разговору об этом лексиконе. А пока отмечу несколько фактов, которые «зацепили» мое читательское внимание. Речь идет о тех личностях, о которых я был крайне мало осведомлен, а некоторые персоны и вовсе оказались мне внове. Возможно, эти сведения привлекут интерес и читателей «DAZ».

Полагаю, все российские немцы помнят потрясающее по эмоциональному накалу стихотворение «Аэропорт», прозвучавшее в периодической печати не один десяток раз. Знаю людей, которые с гневом, скорбью и болью читали это стихотворение наизусть. Стихотворение это вобрало в себя всю трагедию российских немцев, вынужденно возвращавшихся на историческую родину. «Душа и сердце рвутся пополам» - точная формула той трагедии. Автор этого знакового стихотворения — Эдуард Альбрандт. Я долго не мог найти хоть какие-то сведения о нем. Теперь читаю в матеровском лексиконе: «Поэт. Прозаик. Родился в 1961 году в Киргизии в г. Майли-Сай. Мать русская. Родилась в 1936 году в Ашхабаде. Языковед. Отец — Альбрандт Константин Александрович. Немец. Педагог. Родился в АРНП (село Гримм, Саратовская область) в 1939 году.»

Далее идут сведения о его творчестве. А стихотворение «Аэропорт» впервые было опубликовано в «NL» в 1991

году. Поэту было тогда 30 лет. И он с такой силой, с такой экспрессией сумел выразить боль и трагедию российских немцев. Поразительное явление!

А кто такой Bernhard Bartels? Увы, биографических данных о нем и Матер не обнаружил, зато привел полтора десятка его научных и публицистических трудов, опубликованных в 20-х годах прошлого века в российской и германской печати. Вот некоторые из них: „Die deitschen Bauern in Russland einst und jetzt", Moskau, 1928; „Geschichte der deutschen Bauern in Russland", „Sind die deutschen Kolonien noch Musterwirtschaften und wie können sie es wieder werden?", Moskau, 1925. Любопытно, не правда ли?

А что мы знаем о Готлибе (Теофиле) Зигфриде Байере? Востоковед. Историк. Мемуарист. Занял в 1725 году кафедру древней истории Петербургской АН. Был знатоком множества восточных языков. Автор многих научных трудов.

А сколько Беккеров мы знаем? Я лично ни одного. А Матер приводит в своем лексиконе А.Беккера (писал о немцах России на английском языке); Александра Беккера (печатался в «NL»); C.N. Becker'a (издал труд о поволжских немцах в Колорадо); Guido Becker'a (katolischer Pfarrer in Aktjubinsk); Густава Беккера (печавшегося в „Christlicher Volksbode" в 1868 году), Heins Backer'a (автор „Die Auswanderung aus Würtenberg nach Südrussland und Bessarabien — 1816-1830); Jakob'a Becker'a („Bessarabien und sein Deutschtum, 1966"); Johann'a Gottfried'a Becker'a (1758) — Pfarrer aus Shitomir, Johann'a Becker'a (печатавшегося в «NL»), Theodor'a Becker'a («Воспоминания о Саратовской губернии, М., 1852»)... Немудрено и запутаться. И подобных однофамильцев немало в одном только первом томе матеровского лексикона. Браунов, например, я насчитал 11 человек, Фризенов —12, Фастов — 12.

Обратил я внимание и на сведения о Беренштаме Федоре Густавовиче (1862, Тифлис —1937, Ленинград). Архитектор. График. Библиотековед. Библиограф. Художественный критик. Историк искусства. Общественный деятель. Действительный член АХ (1908 г.) Действительный статский советник. Отец — Густав Беренштам, уроженец

Митавы. Мать — Каролина Ивановна, француженка, урожденная Монье. Колоритная личность!

Берг Федор Николаевич (1839-1909) — поэт, прозаик, переводчик, журналист. Из обрусевшей дворянской семьи. Переводил на русский язык Гейне, О. Барбье, В. Гюго, П. Беранже, Х.К. Андерсена, А.Г. Эленшпигеля. Родом из лифляндских дворян.

В лексиконе Матера нашлось место и некому Фридриху Вильгельму фон Берхгольцу (Bergholz), родившемуся аж в 1699 году. Кто он такой? «Детство и раннюю юность провел в России, после смерти отца выехал в Германию. В 1718-1720 годах служил пажом при дворе герцога Мекленбургского. В 1721 году снова оказался в Санкт-Петербурге, был пожалован в камер-юнкеры, позднее в камергеры. «Дневник» Фридриха Берхгольца, охватывающий период 1721-1725 годы — ценнейший источник по России первой четверти XVIII века. Перевод его «Дневника» вышел третьим изданием в Москве в 1902 году».

Еще одна любопытная персона — Борис Карлович Бланк — (1769 — 1826). Стихотворец, драматург, переводчик. С 1799 года на военной службе в лейб-гвардии Измаиловском и Конном полках. Был знаком со множеством литераторов своего времени. Занимался литературными переводами с английского, немецкого и французского языков. Автор ряда оригинальных произведений в жанре сентиментального реализма.

Блюмер Леонид Петрович (1840-1888) — писатель, журналист, адвокат, литературный деятель. Автор более двух тысяч статей, фельетонов, очерков, рецензий, стихотворений на русском и иностранных языках.

Привлекла внимание и личность Брандта Романа Федоровича, крупного ученого, профессора, слависта (1853-1920). Владел двадцатью языками. Автор свыше 100 работ по фонетике, морфологии и синтаксису старо-церковного, старославянского и современного славянского языков, сравнительной грамматике и истории славянских языков, по русскому, болгарскому, польскому, чешскому языкам.

Пожалуй, наиболее древний персонаж матеровского лексикона — Даниэль Бухау (1546-1608). Принц. Пользовался большим доверием германских литераторов. По их поручению дважды побывал с дипломатической

миссией в Москве. Был очень наблюдателен. Знал чешский язык. Автор записи (на латинском языке) — «Moskoviae ortes et progressus».

Еще «древнее» оказался Nikolaj Bülow, он же Николай Булев, Николай Лобчанин, Николай Немчин, Николай Германец. Родился в середине XV века, умер в 1548 году в Москве. Публицист, переводчик, астролог, врач. Отец — Ганц Бюлов. В России его звали Николай Немчин. С 1508 года жил в Москве, где состоял придворным медиком великого князя Василия Третьего. В совершенстве владел русским языком. Перевел на русский язык много ученых трактатов.

Надо остановиться. Первый том «Autorenlexokon`a» Эдмунда Матера составляет 628 страниц, и на этой площади размещена не одна сотня фамилий, любопытных сведений и редчайших фактов, которые немыслимо перечислить в газетной рецензии.

Отмечу еще раз, что читатель имеет возможность прикоснуться к огромному культурному пласту, о котором, полагаю, он имеет, к сожалению, весьма смутное представление.

Правда, к расширительному толкованию понятия «руссланддойче», которое так наглядно инициирует Эмунд Матер, надо еще привыкнуть. Натыкаясь, скажем, на фамилии Андреянов, Бабст, Баленский, Иоганнес Бобровски, Богацки, Светлана Бондаренко, Вольфганг Борхерт, Иоганнес Бехер, Бородаевская — Ясевич, Генрих и Георг Боссе, Вилли Бредель и другие, поневоле подумаешь: «А эти-то господа какое отношение имеют к российским немцам?!» Одни явно германские граждане, другие неизвестно, каким боком соприкасаются с Россией. Несомненно, есть спорные моменты. В концепции. В конструкции. А некоторые персоны имеют только немецкую фамилию, а в биографии и творчестве — полный пробел.

Но я пока не о пробелах данного издания веду речь, а об его очевидных достоинствах. Составитель проделал колоссальный труд, перелопатил-перебрал монблан материала, подвел под этот непомерный пласт разумный базис, определенную систему, обогатил нас широчайшими

познаниями в немецко-русской культуре. Российские немцы должны приветствовать это уникальное издание. И я благодарен составителю за столь масштабное деяние. И с нетерпением жду последующие три тома (знаю, что они все вышли), чтобы обстоятельнее продолжить разговор.

Статья вторая

Моя статья под таким названием вышла в DAZ в ноябре 2009 года (№45). Речь, напомню, в ней шла о первом томе «Das Autorenlexikon der Russlanddeutschen», составленном прозаиком и поэтом Эдмундом Матером. За прошедшие месяцы составитель любезно прислал мне и остальные три тома этого уникального издания. И, разумеется, я посчитал своим долгом продолжить о нем разговор.

В первом томе (все четыре тома увидели свет в германском издательстве « Lichtzeichen», которое дерзнуло обнародовать столь громоздкий труд — 2500 книжных страниц!) приводились персоналии на буквы A-F немецкого алфавита. Во второй том вошли 845 персоналий на буквы G-K. Впечатляет, не правда ли? Многие из названных в этом томе авторов мне в той или иной мере знакомы. Незнакомых еще больше.

Кратко рассказать об этом томе — непосильная задача. Поэтому я обозначу в своем отзыве лишь те моменты, которые меня особенно впечатлили.

Бросаются в глаза целые немецкие кланы, именитые фамильные роды, оставившие глубокий след в русско-германских культурных отношениях. Думаю, любой грамотный человек имеет представление о своеобразной личности поэтессы, литературного критика, прозаика, драматурга Зинаиды Николаевны Гиппиус. Она блистала не только в начале XX века, ее произведения (даже собрания сочинений) издаются и поныне. В истории русской литературы она занимает памятное место. Скончалась она в Париже в 1945 году. В книге Э.Матера приводятся яркие имена рода Гиппиусов, чьи таланты всецело принадлежали русской культуре. Примеры: Александр Васильевич Гиппиус (1878-1941) — поэт, текстолог, корректор. Литературный псевдоним А. Надеждин.

Сотрудничал с А. Блоком. Дмитрий (Дитрих) Иванович Гиппиус (1812-1893) — публицист, переводчик, статский советник. Окончил Московский университет. Товарищ по выпуску А.И. Герцена и Ф. Кони. Переводчик с латинского, немецкого, французского, английского языков. Работал в архиве иностранных дел.

Никодим Васильевич Гиппиус — автор пьесы «В начале пути», повести «Крутые ступени».

Сергей Васильевич Гиппиус — автор статей и книг об актерском мастерстве и сценической речи.

Василий (Вильгельм) Иванович Гиппиус (1853-1918) — публицист, переводчик, действительный статский советник, надворный советник, коллежский советник.

Василий Васильевич Гиппиус — поэт, переводчик, критик, литературовед. Опубликовал работы о Пушкине, Гоголе, Салтыкове-Щедрине.

Владимир (Вольдемар) Васильевич Гиппиус (1876-1941) — поэт, прозаик, критик, педагог.

Владимир Иванович (Вольдемар Карл) Гиппиус (1847-1918) — военный писатель. Участник русско-турецкой войны. Окончил военно-юридическую академию.

Весь клан Гиппиусов связан с Санкт-Петербургом, Петроградом, Ленинградом.

Читатель матеровского справочника обратит внимание и на фамилии Корф и Корш.

Вот Корф Федор Федорович (1813-1853) — прозаик, барон, второй секретарь российской миссии в Тегеране, автор романов, повестей, комедий, исследований.

Корф Модест Андреевич (1800-1876) — писатель, историк, государственный деятель. Окончил Царскосельский лицей вместе с Пушкиным, Дельвигом, Кюхельбекером.

Корф Николай Александрович (1834-1883) — барон, педагог, методист, земской деятель, публицист.

Таков был род Корфов в России.

А вот представители рода Корш.

Федор Адамович Корш (1852-1923) — драматург, переводчик, театральный антрепренер. Автор комедий и множества переводов с французского и немецкого языков.

Корш Федор Евгеньевич (1843-1915) — филолог, педагог, переводчик, лингвист. Доктор филологии.

Изучал санскрит, арабский, персидский и другие языки, самостоятельно — турецкий. Переводил сочинения А. Мицкевича, И. Вазова, Дж. Байрона, Ш. Петефи. На греческий язык переводил Пушкина, Фета, Гете.

Корш Евгений Федорович (1809-1897) — переводчик, прозаик, журналист, издатель, библиотечный деятель, титулярный советник. Знал французский, немецкий, английский языки.

Корш Валентин Федорович (1828-1883) — журналист, переводчик, историк литературы. Корши относились к московским немцам. Отличались высокой культурой, образованностью и талантами.

Приведу из этой книги еще несколько примечательных сведений. Греч Николай Иванович (1787-1867) — яркий представитель дворянского рода Гречей, ведущих происхождение из Пруссии. Публицист, издатель, педагог, языковед, литературовед, мемуарист, член-корреспондент Петербургской АН (1827). Он состоял в контакте со всеми выдающимися личностями своего времени. Ему принадлежат такие фундаментальные труды, как «Пространная русская грамматика», «Начальные правила русской грамматики», «Краткая русская грамматика», романы «Поездка в Германию» и «Черная женщина».

Грот Яков Карлович (1812-1893) — историк литературы, языковед, переводчик, ординаторный академик, вице-президент Петербургской академии наук. Крупнейший специалист по скандинавской культуре и литературе, а также по русской литературе XVIII-XIX веков.

Совершенно уникальное явление литературы — Кульман Елизавета Борисовна (1808-1825). Она прожила всего 17 лет, а известность обрела мировую. Поэтесса и переводчица. Она в совершенстве владела русским, немецким, итальянским, древнегреческим, церковно-славянским, испанским, португальским, новогреческим, латинским языками. Первые стихи написала в 8 лет. Писала в основном по-немецки, переводила себя на русский язык. Перевела с испанского на русский язык «Саула» Альфьери, на немецкий язык — трагедии В.А. Озерова, фрагменты из Ломоносова, Державина, Мильтона, Камоэнса, а также новогреческие народные песни. Умерла

от чахотки, оставив после себя 100 000 строк. Большое будущее предрекли ей Гёте и Жан Поль.

В этом ряду поразительно одаренных людей стоят Готвальд Иосиф Федорович (востоковед, библиотекарь, профессор, член-корреспондент Петербургской АН. Владел арабским, персидским, древнееврейским, сирийским, латинским, английским, французским, итальянским языками); Граббе Пауль Христофорович (граф, генерал от кавалерии, автор «Памятных записок»); Иоганнес Фердинанд фон Гюнтер (перевел с русского на немецкий более 3500 стихотворений русских поэтов и составил 40 томов Пушкина, два тома Лермонтова, четыре тома А. Островского, шесть томов А. Чехова, пять томов Тургенева, три тома Н. Лескова, а также избранные Достоевского, Некрасова, Л. Толстого, А. Толстого, И. Бунина, В. Маяковского на немецком языке. Уму непостижимо!); Гильфердинг Александр Федорович (славист, фольклорист, член-корреспондент Петербургской АН); Голлербах Эрих Федорович (литературовед, библиофил, издатель, историк искусства, коллекционер, художник-график. За 25 лет творческой деятельности опубликовал свыше 50 книг и около 600 статей); Губер Эдуард Иванович (поэт, переводчик, перевел первую часть «Фауста» на русский язык); Гербель Николай Васильевич (поэт, переводчик, библиограф, историк, редактор, издатель); Ернштедт Виктор Карлович (филолог, палеограф, академик Петербургской АН, доктор греческой словесности); Канкрин Егор Францевич (граф, российский государственный деятель, доктор права, автор романа «Дагоберг»); Кизеветтер Александр Александрович (очеркист, поэт, рецензент, историк, общественный деятель, доктор русской истории. Более 1000 публикаций. Автор книг «На рубеже двух столетий», «Воспоминания 1881-1914 гг.»);

Федор Иванович Клингер (писатель, генерал-лейтенант, в 1818-1820 годах в Кенигсберге вышло в свет 18-томное собрание сочинений); Анатолий Федорович Кони (литератор, мемуарист, юрист, общественный деятель, действительный тайный советник, член Петербургской А.Н. Мемуары в пяти томах. Огромное количество литературных портретов).

Пожалуй, достаточно. Таких славных имен во втором томе «Autorenlexikon» Э.Матера множество.

Конечно, в книге немало и наших современников. Не один десяток названных имен — мои бывшие и настоящие знакомые, с которыми я состоял или состою в переписке, в контакте.

Очевидно, в том «затесались» и случайные имена. Когда-то где-то написал одну-другую газетную статейку на тему российских немцев и вот уже «обессмертил» себя в ряду признанных корифеев.

Но таков изначальный, принципиальный штандпункт Эдмунда Матера, который, полагаю, в чем-то спорен. Встречаются в книге фамилии совсем уж, что называется, из другой оперы: Я.Голованов, И.Губрина, А.И.Герцен, Л.Кошут, Ш.Кошут, Ильдар Ахметсафин, С.Назаров, А.Ипатаев, А.Егоршев и другие.

Ну, а в общем, труд Эдмунда Матера вызывает одобрение. Вот уж никак не ожидал я от него такой прыти. В смысле усидчивости и терпения. Он убедительно продемонстрировал масштабы немецкой ауры в русской истории, культуре и литературе.

...В 50-60-х годах прошлого века меня, неравнодушного к немецким фамилиям и вообще ко всему немецкому, не раз прорабатывали на разных уровнях, доказывая, что имена, которыми я то и дело щеголял иногда, должно быть, излишне усердно, вовсе не немецкие, а русские, эстонские, латышские, шведские, датские, еврейские и так далее. Немцы в те годы в соответствии с идеологической установкой могли быть только безымянными трактористами, комбайнерами, шоферами, скотоводами, доярами, шахтерами. И, вспоминая те годы, я ныне нередко ловлю себя на фантастической мысли: вот повернулось бы время вспять и я, вооруженный нынешними изданиями, мог бы вывалить на стол моим язвительным оппонентам, скажем, шесть томов исследований Льва Копелева по русско-немецким культурным взаимосвязям, два увесистых тома-кирпича «Немцы в истории России: люди и события» отца и сына Вильгельмов, четыре тома «Autorenlexikon» Эдмунда Матера, еще полсотню подобных исследований и документов, пару-другую своих, наконец,

книг и задиристо-злорадно-мстительно выдохнуть: «Ну, что? Съели?!»

Что и говорить, в развитии и укреплении национального духа, в постижении исторической справедливости и истины подобные издания неоценимы.

Статья третья

В третий том названной своеобразной энциклопедии вошли персоналии на буквы L-R. Том объемный — 587 страниц. Он охватывает 711 персоналий, отражающих литературный, научный и духовный мир российских немцев. Разумеется, мне, литератору, давно обитающему в сфере упомянутых в томе имен, многие имена знакомы — и лично, и заочно, и по книгам, библиографическим источникам, однако, как и в предыдущих томах данного издания, встретились персоналии, о которых я имел весьма приблизительное представление или вовсе ничего не ведал.

Полагаю, и читателю DAZ знать о них будет небесполезно. Вот несколько имен, привлекших мое внимание:

Lehmann Anatolij (1859-1913) — литератор, теоретик и мастер скрипичного дела. Из дворян Московской губернии. Автор юмористических стихов, афоризмов, острот, шарад и нескольких книг прозы.

Lemske Michail (1872-1923) — публицист, историк, археограф. Из дворян. Автор книги «Думы журналиста». Богатый архив его хранится в ИРЛИ (Пушкинском доме) РАН.

Lenz Jakob Michael Reinhold (1751-1792) — поэт, драматург, переводчик. Автор ряда пьес и переводов из Шекспира.

Lerch Peter (1827-1884) — востоковед. Изучал курдский язык, историю и этнографию курдов. Составил грамматику курдского языка. Автор свыше 80 работ по проблемам археологии и языкознания народов Средней Азии.

Luther Artur Robert Theodor (1876-1955) — журналист,

переводчик, критик и историк русской и немецкой литературы (псевдонимы: Артемьев, Дроздов, Кабанов, Нокольский, Орловский, Силин, Ludwig Adler, Dr. Lauterbach).

Mehnert Klaus (1906-1984) — писатель, публицист, политолог, общий тираж его книг превышает два миллиона экземпляров.

Mey Lew (1822-1862) — поэт, драматург, переводчик. Изучал русский фольклор, народные традиции и обычаи. Автор исторических трагедий «Царская невеста», «Псковитянка». Собрание сочинений в трех томах.

Meyer Alexander (1875-1939) — публицист, переводчик, религиозный мыслитель (псевдоним — А. Ветров). Был близок с З. Гиппиус и Д. Мережковским. Сотрудничал в разных газетах. Сидел в ашхабадской, ташкентской тюрьмах. Был выслан в Баку и Туркестан. В 30-е годы прошлого века создал около 20 философских сочинений.

Meyn Alexander (1836-1899) — публицист, переводчик, чиновник, общественный деятель. Из прибалтийских немцев. Дед по материнской линии Марины и Анастасии Цветаевых.

Miller Orest (Oskar) — (1833-1889) — публицист, поэт, драматург, фольклорист, литературный критик, историк русской литературы. Был дружен с Ф.М. Достоевским. Автор многочисленных статей и заметок, опубликованных в популярных журналах XIX века.

Murachina (Zeppelin) Ljubow (1859-1919) — прозаик, переводчица. Перевела более 200 книг с французского, немецкого, английского, датского, шведского и норвежского. Выступала с рассказами на историческую тему.

Münzloff Karl Rudolf (1811-1883) — поэт, педагог, историк, книговед, библиограф, переводчик, действительный статский советник. Писал на русском, немецком, французском и латинском языках. Переводил на немецкий язык Пушкина, Гоголя, Григоровича. Выполнил стихотворный перевод од Горация.

Oldekop Christian August Wilhelm (1786-1845) — журналист, поэт, переводчик, музыкальный критик,

надворный советник. Перевел несколько произведений Пушкина. Редактировал газету «St. — Petersburger Zeitschrift». Занимался переложением песен разных народов (в 1811 году издал сборник русских, немецких и французских песен). Писал стихи на немецком языке.

Romer Fjodor Emiljewitsch (1838-1901) — писатель, публицист, кандидат историко-филологических наук, почетный мировой судья, педагог, садовод. Владел французским, латинским, немецким языками. Выступал и на итальянском языке. Автор многих поэм и прозаических книг.

Могу еще назвать ряд знаменательных имен: Э.Ф.Лесгафт; Дарья Христофоровна Ливен (урожденная Катарина Доротея фон Бенкендорф); Карл Линдеман; Александр Лёвенталь; Николай Лорер (декабрист); братья Ипполит и Константин Манны; Всеволод Миллер; Федор Миллер («История Сибири» в трех томах); Рудольф Минцлов; А.Л. Николаи; Н.Ф.Олигер; К.К. Павлова-Яниш; Б.А.Пильняк (Вогау); Фридрих Вильгельм Радлов (академик-востоковед); Б.В. Раушенбах (академик); Лариса Рейснер; А.Е.Розен и другие.

Должен, пожалуй, назвать и немало имен, чье присутствие в этом томе вызывает вопрос: Ю.Д.Левин, Кристине Линкс, Н.П.Малиновский, М.Маннель, Л.Матунова, Яков Маурер, Г. Мокрицкий, Валентина Миллер, Карл Фридрих Мюнхгаузен, Н.Н. Неелов, Элизабет Нойфельд, Г.Панкратц, Юлия Нейман, В.И.Осипов, П.И.Пестель, В.Пильц, Б.Пинкус, Э.Пискатор, В. Полянский, Г. Пшеницын, Роберт Редецкий, Г. Реллер, Э. Репина, Кондратий Рылеев. К российским немцам они имели весьма сомнительное отношение, а чаще всего — и вовсе никакого.

Я испытываю неловкость за обилие имен в моем коротком отзыве. Но речь идет об «Autorenlexikon» и без перечислений тут не обойтись. Труд Матера, в который раз подчеркиваю, я оцениваю высоко, однако в отборе персоналий явно бросается в глаза всеядность. В Lexikon нередко попали личности, которые написали за всю жизнь одну-две статейки-заметки в газету, или люди, которые за волосы притянуты в немецкий стан. Дело не в

национальности, а в том, что слишком мала заслуга иных в Дойчтум, а то и вовсе близка к нулю.

И еще не всегда четко выражен принцип подачи материала, форма изложения. Иногда Матер обходится о том или о ином авторе буквально одним-двумя предложениями, а иногда выдает целую монографическую статью (см. о Р.Лейнонене), или перечисляет все публикации (см. о В.Мунтаниоле). Я подумал: а если бы Матер надумал перечислить, скажем, все мои публикации (на сегодняшний день более 1700), то на сколько томов потянул бы его «Autorenlexikon»? Если откровенно: третий том меня несколько насторожил. Если придерживаться такого принципа отбора (или подбора), то общий список «Autorenlexikon» может легко увеличиться еще на тысячу-другую имен. Боюсь, что это приведет к размыванию критерия, цели и задачи удачно задуманного издания.

А читателям DAZ я обещаю вернуться в ближайшее время к разговору о 4-ом томе матеровского труда.

Статья четвертая

Завершаю свой отзыв об объемном (2500 страниц!), уникальном труде Эдмунда Матера. В четвертый том этого издания вошли 807 персоналий на буквы S-Z. Концепция, порядок и форма изложения материала, источники и ссылки примерно те же, что и в предыдущих томах. Достоинства и изъяны те же. Это избавляет меня от повторения ранее сказанного.

В томе приведено немало фактов, которые, несомненно, заинтересуют читателя. Многие сведения и для меня, имеющего библиографический опыт, прозвучали внове. Особенно это касается крупных деятелей из числа российских немцев XVIII-XIX веков. Отмечу еще: временное протяжение «Лексикона» огромное — от Бухарда Валдиса (1490-1556), баснописца, до нынешних 30-летних, начинающих свой творческий путь в Германии или России.

С другой стороны, бросаются в глаза, на мой взгляд, совершенно случайные имена, о которых нет почти

никаких сведений, опубликовавшие к тому же всего одну-две газетные заметки. Мне показалось, что в этом томе таковых собралось явный избыток. И за их счет количественный показатель «Лексикона» заметно возрос, но качество издания в той же мере пострадало.

Дабы не быть голословным, приведу несколько конкретных примеров по обоим выше обозначенным параметрам. Вот имена, которыми российский этнос вправе гордиться.

Григорий Эдуардович Зенгер (1853-1919) — филолог, переводчик, государственный деятель, член-корреспондент Петербургской АН, тайный советник. Автор трудов по классической филологии, а также переводов на латинский язык сочинений А.С. Пушкина (в том числе «Евгения Онегина»), М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева и другие.

Христиан Августович Шлёцер (1774-1831) — ученый-экономист, историк, доктор прав. Издал несколько учебных пособий по политике, праву, всеобщей истории. Выступал одним из посредников в налаживании университетских связей между Москвой и Гёттингеном.

Александр Иванович Шренк (1816-1876) — ботаник, путешественник, автор художественных произведений («Fabelbuch», «Romancen und Balladen»). Профессор нескольких университетов.

Леопольд Иванович Шренк (1826-1894) — зоогеограф, океанолог, этнограф, ординарный академик Петербургской АН, тайный советник. Труды: «Путешествия и научные исследования в Приамурье в 1854-1856 годах» (четыре тома); «Об инородцах Амурского края» (3 тома).

Эрих Леопольдович Шренк (1869-1930) — магистр геологии. Преподавал в Риге, после в Аннешуле в Санкт-Петербурге. Автор книг: «Jesus und seine Predigt», «Richard Wagner als Dichter».

Сергей Сергеевич Шульц (старший) — 1898-1981 — геолог, доктор геологических наук. Автор более 100 научных работ.

Сергей Сергеевич Шульц (младший) — 1934-2004 — поэт, преподаватель, историк, геолог, доктор геолого-

минералогических наук. Автор около 170 научных работ по геологии, а также книг «Храмы Петербурга», «Бродячая собака», «Дом искусств», «Аврора», «Невская перспектива».

Егор Петрович Сиверс (1823-1879) — писатель, поэт, путешественник. Автор 25 книг и более 150 статей: «Deutsche Dichter in Russland», «Literarisches Taschenbuch der Deutschen in Russland».

Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882-1938) — поэт, писатель, переводчик. Из лифляндских немцев. Регулярно печатался в столичных журналах: стихи, рассказы, рецензии, эпиграммы. Осуществил переводы Т. Манна («Будденброки», «Волшебная гора»), С. Цвейга, А. де Ренье, И.В. Гете, Ф. Шиллера. Расстрелян в 1938 году.

Густав Густавович Шпет (1879-1937) — философ, основатель российской герменевтики, феноменолог, этнолог, искусствовед. Профессор философии Московского университета. Владел 17 языками мира. Автор многих философских трудов, а также очерков о А.И. Герцене, П.Л.Лаврове, П.Д.Юркевиче. В 1937 году расстрелян.

Любопытны сведения о Фонвизинах (von Wiesen) — Денисе Ивановиче Фонвизине (1745-1792), писателе, драматурге, публицисте, просветителе; его племяннике Михаиле Александровиче Фонвизине, генерал-майоре, активном деятеле движения декабристов, философе, мемуаристе; Павле Ивановиче Фонвизине (1744-1803), брате Д.И. Фонвизина, поэте, ректоре Московского университета.

Федор Андреевич Вальтер (1809-1886) — сочинитель од, филолог, библиограф, действительный статский советник, доктор философии. Преподавал латинский и греческий языки в Петришуле в Санкт-Петербурге. Писал оды на латинском и немецком языках.

Вальтер Рейнгольд (1882-1965) — писатель, переводчик. Переводчик русской литературы на немецкий язык («Огненный ангел» В.Брюсова; «Стихи» и «Скифы» А.Блока; «Маленькие трагедии» и «Собрание рассказов» А.Пушкина; «Идиот» и «Братья Карамазовы» Ф.Достоевского; «Размышления о собственной литургии»

Н.Гоголя; «Степь» А.Чехова; «Обломов» И.Гончарова; «Доктор Живаго» Б.Пастернака). Издавал сборники статей о русской литературе и истории культуры. Перевел четыре тома «Истории России» В.О.Ключевского.

Юрий Борисович Виппер (1916-1991) — литературовед, доктор филологических наук, академик АН СССР, член Союза писателей СССР.

Роберт Юрьевич Виппер (1859-1954) — доктор истории, профессор Московского университета, автор около 300 работ по всем периодам всеобщей истории.

Александр Христофорович Востоков (Остенек) (1781-1864) — поэт, филолог-славист, палеограф, академик Петербургской А.Н.

Разумеется, список знатных личностей в IV томе «Autorenlexikon» этими именами не исчерпывается. Я привел здесь лишь тех, о которых сам почти ничего не знал.

Теперь приведу ряд имен, которые в этом томе вообще кажутся мне неубедительными: Киоко Сакомото, И.Саламатов, А.Савин, В.Жирмунский, Б. Зайдель-Древке (немецкий славист), Н. Жолквер, Ф. Шибанов, В.Скалон, В Слайковский, Т.Смирнова, С.Терехин, В. Чернышев, М. Чанов, А. Тюфанова, Ан.Визе, Х.Ваффеншмидт, Р. Вандерер (один из псевдонимов Л.Вайдмана), В. Васютинский, Л.Вайст (переводчица Германии), Гедда Циннер, М. Цветаева и другие. Кто-то из них находился в родстве с немцами. Кто-то однажды куда-то тиснул заметку о немцах. Кто-то ночевал с немцем.

Более ста фамилий я насчитал, о которых ровным счетом ничего не известно. Или известно, что имярек опубликовал где-то заметочку. Они-то с какой стати вторглись в пространство «Das Autorenlexikon der Russlanddeutschen?»

Достохвально, что в томе прозвучали имена популярных российских немецких писателей, которых читатель, надеюсь, помнит и с которыми я состоял (состою) в переписке (таковых я насчитал четыре десятка). Несколько сот их писем я сдал на хранение в Президентский архив г.Алматы.

Необходимы разные уточнения. Карл Шифнер,

например, давно уже обосновался в Германии; Виктор Шмунк, кажется, умер; Зюзина тоже давно покинула Кокшетау; Ида Вебер, уехав в Германию, как в воду канула. Составителю придется в будущем многое отредактировать, скорректировать, отрихтовать.

Прочитав с карандашом все четыре увесистых тома «Das Autorenlexikon der Russlanddeutschen», я пришел к очевидному выводу, что о российских немцах наверняка в той или иной степени написала что-то и где-то не одна тысяча авторов. Охватить все это практически невозможно, тем более, если уходить вглубь XV-XVII веков. Получится сборная солянка. Это чувствуется даже по четырем томам, составленным Эдмундом Матером. У меня на балконе лежат кипы литературных страниц газет «Нойес Лебен» и «Фройндшафт» («DAZ») наверняка лет за двадцать. Если бы все эти пожелтевшие, хрупкие страницы просмотреть, можно, бесспорно, выудить несколько сот имен. Неужели и их включить в «Autorenlexikon»? Сколько же тогда понадобится томов? Значит, необходимо ограничение. Значит, нужен строгий критерий отбора. Значит, надо более ответственно подходить к составу персоналий.

За то, что сделал Эдмунд Матер, надо его поблагодарить. Но чтобы этот труд обрел научную фундаментальность, необходимо, видно, к этому уникальному изданию рано или поздно вернуться. И не мешки тут понадобятся, а сито.

«DAZ» №45, 2009;
№№ 5-7, 2010
В кн. «Координаты».
А., 2011, стр 128-153

ЭТНОС – ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

Елена Зейферт — литератор многогранный и талантливый. Она успела проявить свой незаурядный дар и в поэзии, и в прозе, и в детской литературе, в критике, в составлении книг и учебных пособий, в редактировании, в преподавании, став лауреатом разных конкурсов и премий. Она удивительно мобильна и контактна. Особенно ярко — на мой взгляд — проявились её способности в литературоведении. Именно в этой области счастливо сплелись её поэтическая натура и ум, интеллект исследователя. Мне, давно знакомому с её творчеством, так чудится.

В литературе российских немцев я бытую около сорока лет, знаю её «изнутри» во времени и пространстве, находился в тесном контакте с представителями разных её поколений, общался, переписывался с ними, бывал на всех послевоенных семинарах, чтениях-лезунгах, съездах в Москве, Алма-Ате, Целинограде, Павлодаре, входил в многочисленные комиссии, комитеты, редколлегии, советы, возглавлял многие годы Секцию советской (так тогда говорили) немецкой литературы при Союзе писателей Казахстана, написал несколько книг, не одну сотню статей, рецензий, делал доклады, сообщения, составлял книги, переводил, популяризовал, разделял нелёгкую судьбу народа, взлёты и крушения его истории, редактировал немецко-русский альманах «Феникс» (увидели свет 30 номеров), и поныне поддерживаю связь со многими представителями этой литературы, живущими в СНГ и Германии, и самоуверенно полагал, что знаю о литературе самобытного этноса почти всё, обладаю немалым числом изданий разных лет, но прочитав ёмкий и дотошный труд Елены Зейферт, посвящённый жанровым процессам в поэзии российских немцев второй половины

XX — начала XXI веков, только диву давался, сколько же она перелопатила книг по этой теме, как глубоко проникла в историю, культуру, жизнь, судьбу российских немцев, развеянных по странам-государствам, как основательно осмыслила творчество огромного числа поэтов, прозаиков, критиков, так блистательно проанализировав на фоне многоязычных литератур в широком контексте столь необъятный материал, подчинив его строго, тщательно выверенному штандпункту.

А штандпункт, основное кредо исследования автор определил так: «Писатели — российские немцы (Die Russlanddeutsche) — явление не вполне осознанное научной мыслью. Сложность определения их контингента обусловлена неоднозначностью идентификации российских немцев». Полагаю, абсолютно верный посыл.

Исследователь утверждает: «Литература в целом способна отражать этническую картину мира, а жанр — определённый фрагмент бытия этноса». И такой подход возражений не вызывает.

Вопрос: чем вызвана необходимость столь обстоятельного исследования? Автор отвечает: «Правомерность и необходимость подобного исследования обусловлена тем, что в литературоведении не ставился вопрос взаимодействия жанра и этнической картины мира, российско-немецкая литература не представала предметом самостоятельного изучения, комплексно не исследовались этническая картина российских немцев и их национальные ключевые понятия». И это бесспорно. И труд Е. Зейферт эффектно восполняет тот пробел.

Е. Зейферт чётко, логично определяет общую характеристику, актуальность, цель, материалы, объект, предмет, методологическую базу, научную новизну, основные положения, практическую ценность своего фундаментального исследования. Концепция и структура труда, на мой взгляд, выверены безупречно. Ну а «Апробация работы» и вовсе впечатляет своими масштабами.

Представьте: в общей сложности автором диссертации по проблемам жанра опубликовано 86 работ; по проблемам российско-немецкой литературы — 73;

проанкетировано 415 человек; материалом исследования стали 711 поэтических авторских и коллективных литературных сборников российских немцев; ещё в одном эксперименте участвовало 106 информантов; основные положения диссертации представлены на 26 научных конференциях; к анализу привлечено творчество 406 российско-немецких литераторов; библиографию исследования составляет 575 источников; диссертация составляет 491 страницу.

Таковы внешние параметры, дающие конкретное представление о данном труде.

Но это лишь видимая часть айсберга. Есть ещё подводная часть, внутренняя сторона исследования. И тут я имею в виду не только содержание, не только пять разделов, которые названы по научному фундаментально, теоретически и практически основательно — жанр и этническая (этнокультурная) картина мира; российско-немецкая литература как субсемиосфера; средние лирические жанры как быстрая эмоциональная реакция на этнические переживания; лиро-эпические и эпические стихотворные жанры как отражение исторической и социальной проблематики; большие жанровые формы, экспериментальные, религиозные жанры, «строфические» и «твёрдые» жанровые формы как свидетельство обновления российско-немецкой литературы; наконец, не только многочисленные главки и подглавки к каждому разделу, которые разбирают «по косточкам» все грани, явления, тенденции литературы российских немцев в конкретном временном отрезке, но для меня, литератора, этнического немца, особенно дорого то, что молодой исследователь весь этот огромный, причудливый мир трагического этноса воспринял не как абстрактный, холодный объект научного труда, а как близкое, душевное, кровное явление генетической памяти, реальность души и сердца, к которой исследователь никак не может быть равнодушным.

Мне особенно по душе, что Елена Зейферт рассматривает во всех ипостасях литературу российских немцев не со стороны, не отстраненно как беспристрастный учёный, а изнутри, прочувствованно, с теплотой,

с любовью, как личность причастная к литературе, культуре, истории, судьбе этноса. Может быть, эта сторона исследователя совсем не важна для науки, не знаю, кому как, я же лично усматриваю одно из значительных достоинств масштабного труда Е.Зейферт именно в этом. Она склонна рассматривать российско-немецкую литературу как часть мировой литературы и убеждена, что «литература российских немцев в её вершинных и массовых проявлениях требует внимательного, разностороннего изучения, а важность её исследования усилена сложностью проблемы соотношения национального и межнационального в литературе».

Понятно, проблемы не только в данном соотношении. Проблем много. Очень много. Ну, скажем, разных форм двуязычия; политической судьбы, субкультурности этноса; степени изучения разных аспектов; национальной идентификации и самоидентификации, двументальности (а в иных случаях — трёхментальности), бытования в двух культурах, этнической картины мира; ведущих черт российско-немецкой ментальности; доминантных понятий-символов; вечного поиска своей родины, дома; выявления национальной модели мира; изучения жанра в контексте этнической картины мира; накопления художественного потенциала; специфичности художественного восприятия и миропонимания, мироощущения... Не стану далее перечислять все проблемы, которые затрагивает исследователь в своём объёмном труде, ибо для этого мне надобно хотя бы пунктирно пересказать всё содержание диссертации.

Все эти бесчисленные проблемы, грани российско-немецкого бытия Елена Зейферт дотошно анализирует на конкретных примерах, приводя параллельно немецкие и русские тексты, иллюстрируя множеством фактов из произведений российских немцев прошлого и настоящего, не упуская при этом из виду общие тенденции литературного процесса.

И здесь я опять-таки подчеркну своё удивление: по части литературы российских немцев мне упорно мерещится, что я съел не одну собаку, однако, читая с карандашом в руке диссертацию (или монографию) Елены Зейферт, то

и дело натыкался на неизвестные мне факты, издания, нюансы, детали, трактовки. Исследователь глубоко проник в судьбу, боль, духовную ауру этноса и сумел сказать своё слово убедительно, проникновенно.

Признаюсь: теоретические выкладки и размышления на тему жанра и его формально-содержательной целостности и воплощения эстетической концепции действительности, механизма сопряжения жанра и этнической картины мира, а также обилие философских, литературоведческих терминов и учёных словосочетаний, разные точки зрения, иногда заумные (для меня) спорные и противоречивые высказывания меня лично не особенно заинтересовали, я с трудом пробивался через теоретические дебри, хотя и знаю, что так нужно, так принято (сам когда-то вымучивал диссертацию по методике преподавания в пору туманной юности). Это, собственно, и есть базовая основа, на которой зиждется вся живая конкретика исследования, однако — повторюсь — это не моя стихия, волнения меня посещали тогда, когда Зейферт анализирует конкретные (большей частью мне знакомые) произведения конкретных авторов, которых я знаю и чувствую. Именно здесь Е. Зейферт мне соприродна, и я воспринимаю её анализы и аргументацию близко, кровно, что называется, душой и сердцем, живо откликаясь, отзываясь на боль, судьбу, трагедию, художественное мировидение родного этноса — «немых отцов немых детей».

Особую ценность данного труда я вижу во всеохватном, детальном анализе самых разных жанровых моделей большого, среднего и малого объёма и их трансформаций: лирическая книга, лирический цикл, поэма, басня, баллада, шванк, песня, идиллия, элегия, послание, шпрух, псалом, молитва, отрывок, сонет, хайку.

Не один десяток лет прилежно читая российско-немецких поэтов, имея объёмное представление о многогранности их поэтических поисков и выражений, я, однако, только теперь, изучив труд Е. Зейферт, получил полную картину их масштабного эстетического мировосприятия.

Меня, прозаика и публициста, обрадовал и такой вывод учёного: «Проза российских немцев, привлекаемая

в исследовании как фоновое явление, подтверждает этнические тенденции, проявившиеся в поэзии».

Скажу со своей колокольни: да, подтверждает. Вполне. По всем параметрам. Органически. У меня нет научных званий, степеней, регалий, мои литературоведческие познания весьма ограниченны, и я, пожалуй, воздержусь от сугубо профессиональной оценки научной значимости данного труда, это прерогатива более компетентных людей, но как литератор, переводчик, публицист, много времени и сил уделявший литературе российских немцев, живший и живущий в литературной атмосфере родного этноса, могу свидетельствовать, что объект исследования Е. Зейферт знает глубоко, всесторонне, всеохватно, чувствует его, осмысливает, с любовью и тщанием анализирует, сопоставляет, сравнивает, и тем самым её труд является существенным вкладом в изучении и постижении уникального факта национальной культуры. Труд уникальный, актуальный, дающий мощный импульс развитию литературы, волей судьбы оказавшейся на распутии Духа.

Каюсь: в последние годы в своих раздумьях и писаниях о литературе российских немцев я нередко ударялся в пессимизм, в уныние, видел всё больше негативное, обречённое, фатальное, переживал крушение былых надежд на возрождение этноса в пределах России. В какой-то казахской газете, рассуждая о трёх национальных корджунах своей души, я высказался в том смысле, что думаю в основном по-русски, радуюсь по-казахски, а горюю, плачу по-немецки. Труд Елены Зейферт в немалой степени развеял мою тоску-кручину, вселил надежду на то, что мои соплеменники-коллеги вкупе со мной, видно, всё же не зря «шкрябают» пером, а исподволь, посильно работают во славу своего многострадального этноса, утверждая сокровенную мысль Льва Гумилёва о том, что этнос — продолжение земли.

Именно в этом я и узрел пафос уникальной работы казахстанского учёного Елены Зейферт.

«DAZ», № 28, 20.07.07.
«Труды НОНК» А., 2008
В кн. "Координаты"
А.,2011, стр.93-100

ХРОНИКА ЖИЗНИ ВИЛЛИ МУНТАНИОЛА

Полагаю, нынешний читатель «DAZ» прежде всего спросит: «А кто такой Вилли Мунтаниол? И что за фамилия чудная? Итальянец, что ли?» Вокруг этой фамилии много странностей-несуразностей-недоразумений происходит и в его пространном повествовании. Некогда в Россию (особенно после памятного манифеста Екатерины Великой) валом повалил пестрый западный люд в поисках вожделенного счастья и свободы с германскими, французскими, итальянскими, шведскими, датскими, бельгийскими, шотландскими, швейцарскими, голландскими и так далее корнями, и на немеренных просторах России со временем все они стали числиться немцами. Мунтаниолы, видимо, происходили из французских гугенотов. Но это было слишком давно.

Вилли (точнее, Василий Васильевич) Мунтаниол, о котором здесь пойдет речь, подлинный российский немец, более того, казахстанец по рождению, ныне проживающий на родине далеких предков, испытавший как немец все тяготы и превратности своих соплеменников в сталинскую и постсталинскую эпоху, то есть ссылку, бесправие, унижение, беззаконие, гонение, беспредел, с детства активно сопротивлявшийся «свинцовым мерзостям» большевистской национальной политики, боровшийся на всех этапах и участках своей бурной жизни за справедливость и достоинство своего оболганного и измытаренного народа, изо всех сил талантливого человека-активиста, певца, журналиста, музыканта, организатора, деятеля и сеятеля культуры — ратовавший за сохранение живой души и ментальности, чести и достоинства горячо любимого народа.

Такова самая краткая характеристика автора нестандартно увесистой книги под названием «ТЫ ВИНОВАТ

УЖ ТЕМ, ЧТО НЕМЕЦ». Заглавие — парафраз известной крыловской басни — может показаться несколько лобовым, но те люди, которые прошли через все долгие этапы антинемецкой истерии XX века вплоть до недавнего времени, прочитав все трагические коллизии данного повествования, поневоле согласятся, что это наиболее емкая, обобщающая и точная формула. Увы, именно так это было. Априорно виновато было даже дитя, рожденное от родителей-немцев в ссылке. И мое поколение (разумеется, и я в том числе) тому живой свидетель. Свою Lebenschronik Мунтаниол определил так: «Автобиографический документально-художественный роман-трилогия о российских немцах». Около 500 страниц убористого текста большого формата составляют две первые книги трилогии. Третья — тоже в объеме 500 страниц — как я понял, уже написана, но пока еще не опубликована.

С автором я немного знаком. Встречался с ним на съездах и конференциях российских немцев в Москве и Алматы. Помню, обменивались короткими репликами. А значительно раньше слышал о нем много хорошего от моих друзей — неистового бунтаря-диссидента, талантливого экономиста Вениамина Гинца, импульсивного, обаятельного композитора Оскара Гейльфуса, осторожного, бдительного Иоахима Кунца, знавал немецкий ансамбль, в котором заводилами были Вилли Мунтаниол и Эльвира Мут, был наслышан об успехах и мытарствах первого в соседней Киргизии, о его стычках с властями, о его энергичном участии в автономистском движении российских немцев на самых ранних его этапах. В наших судьбах много схожего. Мы оба пронизаны и немецкой болью, и казахской аурой. Оба часто печатаемся и — судя по всему — друг друга читаем. Словом, бытуем и функционируем в схожих, близких координатах. Но поскольку автор на три-четыре года старше меня, его жизненный опыт более крут, излучист и богат. Он дольше находился под комендатурским игом.

Получив от него неожиданно увесистый пакет, я тут же полистал его книгу, написал ему, что читать ее смогу лишь в зимнюю пору, когда, надеюсь, образуется большой досуг. Но потом меня что-то зацепило, и я едва ли не

залпом одолел этот «кирпич». Все в этом повествовании мне оказалось близко, знакомо, соприродно; знакомы мне многие коллизии и типы (немецкие, русские, казахские), судьбы людей, быт, обстановка послевоенных десятилетий, природа, стереотип манер, языковая сфера, воздух эпохи, все перипетии борьбы за восстановление немецкой автономии, все конспирации, нелепости, подлости, двурушничества и коварства властей и мелких людишек на этом тернистом пути. Все эти обстоятельства, о которых так подробно и местами азартно, вдохновенно, с точными реалиями пишет Мунтаниол, я испытал в немалой степени, как говорится, на собственной шкуре. И могу со своей колокольни все подтвердить: да, это правда. Так оно в сущности все и было.

Мунтаниол — опытный журналист. Пером владеет. Тонко чувствует казахский, немецкий, русский, украинский речевой колорит. То и дело вкрапливает в свое повествование слова и фразы разных языков, искусно имитирует акценты иноязычных персонажей. С натуры лепит своих героев, характеризует их психологически достоверно. У него чуткий слух, он мастерски подражает, воспроизводит, все подмечает. Он, главным образом, документалист. Верен натуре. Пишет о том, что увидел, пережил, перечувствовал, услышал. Он сострадает чужому горю. У него доброе, отзывчивое сердце. В нем сильно развито чувство справедливости. Он максималист, правдив, неравнодушен, порою вспыльчив, порывист; активная, деятельная, поэтическая, музыкальная, коллективная натура; увлекающийся, мобильный, темпераментный, чувственный, легко ранимый, склонный к решительным действиям, крупным поступкам, гражданским порывам. Об этих достойных нравственных качествах и гранях таланта свидетельствует ярко и убедительно все его повествование, и все сказанное выше нетрудно доказать конкретными примерами. Но я этого делать здесь не буду, дабы моя рецензия не превратилась в нудное литературоведческое исследование. Жаль, что данная добротно изданная книга, скорей всего, мало доступна российским немцам, живущим на территории СНГ, а читают ее, главным образом, те, что ныне обитают в благословенной Германии.

Считаю нужным еще отметить, что сильная сторона писательского дара Мунтаниола — очерковость и публицистичность. Он знает свой предмет, что называется, изнутри и говорит о нем страстно и убежденно. Это, несомненно, привлекает читателя. Уместны и выразительны фотографии, подобранные в приложении к разным главам.

Особое внимание я обратил на заключительную часть первой книги, озаглавленную «Вместо эпилога». В ней судьба, летопись семьи, история предков, родни автора и мимоходом приводятся факты, о которых нынешнему поколению российских немцев надо бы знать. Приведу два-три важных, на мой взгляд, примера. Вот факты из книги военного историка и писателя О.С. Смыслова «Пятая колонна Гитлера. От Кутепова до Власова». Автор не испытывает сочувствия к трагической судьбе российских немцев, считает, что их депортация была вынужденной превентивной мерой в условиях войны, то есть он оправдывает сталинскую репрессию народов. Что ж... пусть он останется при своем мнении, важны конкретные сведения, которые он приводит. «На начало 1939 года немцев в СССР насчитывалось 1 427 222 человека, в том числе в Российской Федерации — 700 231 человек. Первое решение о депортации немцев Поволжья было принято 12 августа 1941 года. Их предполагалось выселить в районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахской и Киргизской ССР и в другие соседние области.

27 августа появился приказ НКВД СССР «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». В республику были направлены 1 200 сотрудников НКВД, 2 000 работников милиции, 7 350 красноармейцев. Руководство операцией было поручено замнаркома внутренних дел СССР Серову» (стр. 439).

И еще одна цитата из газеты «Deutsch-Russische Zeitung» (№ 7, 2008 г.) — статья Леонида Строева под заголовком «Палач депортированных народов». Я должен здесь привести длинную цитату:

«С июля 1941 года по декабрь 1944 года в Советском Союзе было репрессировано и депортировано 67 народов и национальностей. Людей хватали и, ограбив до нитки, везли в не приспособленных для длительного путешествия скотовозах в отдаленные края.

Депортацию проводили войска НКВД СССР. Их насчитывалось в эти годы больше 150 тысяч человек. Полностью укомплектованная солдатами и офицерами армия, ни дня не воевавшая на фронте. Тем не менее, наград и ценных подарков от партии и правительства она получила больше, чем любая другая из армий. По данным исследователей, каждый из переселенных народов потерял при транспортировке и устройстве на новом месте проживания до 30 процентов своей численности. От попавших в трудармию в живых осталось меньше половины...

Самым крупным контингентом из переселенных были российские немцы. От остальных депортированных народов российские немцы отличались зажиточностью, усиленной тягой к знаниям, исключительным трудолюбием и самым высоким процентом наград за доблестный труд на благо социализма.

Переселены были также чеченцы, калмыки, крымские татары, ингуши, балкарцы с кабардинцами, турки-месхетинцы, турки-османы и прочие. Самым крошечным народом в этом позорном списке были убыхи. Маленькое племя, веками жившее в районе города-курорта Сочи, оно так надоело Сталину, большому любителю сочинского курорта, что он приказал чекистам присовокупить убыхов к врагам народа. Уже вскоре после депортации эта редкая народность прекратила свое существование.

Первым, кто приказал объявить эти народы вне закона, был сам «отец народов». План скоропалительно разработал заместитель Председателя Совнаркома СССР, куратор НКВД Лаврентий Берия. Осуществлял контроль по линии наркомата за проведением депортации нарком НКВД, комиссар госбезопасности первого ранга Меркулов.

Четвертым, главным исполнителем депортации и всех тайных сталинских поручений, был первый заместитель наркома НКВД СССР, комиссар госбезопасности

второго ранга Иван Александрович Серов. Выходец из крестьянской семьи, он сделал быструю и головокружительную карьеру в госбезопасности. Был сталинским любимчиком. Дослужился до звания генерала армии...Лишен в 1961 году звезды Героя Советского Союза за жестокости при проведении операции по депортации репрессированных народов».

Вот об этом на конкретных примерах, на фоне судьбы одной семьи и ведет свой длинный сказ Вилли Мунтаниол.

В конце рецензии принято говорить о замечаниях.

Мои замечания такие:

а)По литературному жанру это повествование все же не роман, а именно Lebenschronik. Так вроде точнее.

б) Есть, на мой взгляд, лишние главы. Плохо вписываются в хронику предисловие Сюзанны Мунтаниол и глава «Таинственная незнакомка».

в) Не понимаю, почему автору понадобилось так педалировать, смаковать свои любовные похождения. Кому это, кроме автора, интересно? Сомнительной показалась мне глава: «Ну, чем же он не Казанова?» Зачем надо было изображать себя веселым любовником и пошлым бонвиваном? Любовные и злишества встречаются и в других главах («Влюбилась»). Все это похоже на банальное самолюбование. Читать об этом как-то неловко.

г) Встречаются и семейные подробности, о которых этически было бы лучше умолчать.

д) К языковым погрешностям и акцентам героев автор тоже слишком неумерен. Получается часто назойливо, натуралисически.

е) Опечатков я насчитал не одну сотню. Явно многовато.

Надеюсь, в третьей книге трилогии автор все это учтет, не увлечется отступлениями от основной канвы повествования и не упустит из виду стержневую идею своей саги-трилогии, ради которой она и написана.

«DAZ», № 46, 26.11.09.
В кн. "Координаты"
А.,2011, стр.153-160

СОДЕРЖАНИЕ

Доброта в казахской ментальности 5
О мудром Морисе 12
Поборник национального духа 15
Но все же нельзя бросать весла 20
Если издатель твое имя..... 32
Творчество Абая в немецких переводах 39
XXI век – век развития языков и межнационального общения 46
В русле реалистических традиций .....- 52
Он мне соприроден 55
Беглые заметы завсегдатая «Номада» 58
Славное имя казахской земли 63
Книга Ильяса и об Ильясе 66
Свобода есть преодоленье страха 69
Читая о Тельмане... 72
Опыт судьбы и культуры 76
Тропа Роллана 79
Из записок старого толмача 81
Чудные мгновенья перевода 90
Уникальный проект 95
Духовные пастыри нации 99
Казахский речестрой 104
Таким он мне запомнился 109
Хаос, устремленный к гармонии 112
«Коран и Пушкин» 120
Латиница – pro et contra 127
Страсти премиальные 129
Культур-мультур 139
Долг и выбор 141
Его звали Ерик Магзумович 148
Скрывающий свою хворь обречен 152
Две струны одной домбры 155
Такие серые, одинаковые... 159
Пословица не даром молвится 162
Исповедь ветерана-«афганца» 165
КазПИ, который всегда с нами 168

Кто там шагает правой? 170
В гостях у сказки 173
Так в чем же заключается казахская идея?..... 175
О национальной ментальности 181
Политики не умеют говорить 184
Казахский пленник 186
О, казахи мои! 189
Человек большого парасата 192
Уроки и упреки 194
Таким я его знал 203
Пронизанная светом, любовью и добром 209
Рыцарь свободы и правды 212
Стезя литературного критика 219
Одиночество, обласканное мировой славой 225
Погружаясь в пучину иллюзорного мира..... 229
Бахытжан — счастливая душа 240
Пытаясь что-то сказать миру..... 245
Предназначение (лидера) 249
Дидар и его рассказы 262
Чары востока 268
Мурат и Марат: две половинки одно целое 275
Предтеча евразийского духа 284
Совесть, это ещё что такое, господи?! 290
О чем спор? 300
Миниатюры Дарии 307
Вокруг культуры 309
От слепоты — к прозрению 320
Фольклор и фольклорист 327
Воздух Времени 333
Найти и создать себя 335
«Будем здравствовать, джигиты!» 343
О духе казахов и о том, что «шала!» 347
Ровесник 354
"Шекспир" Питера Акройда 356
Вязь жизни..... 364
Семейная сага Лео Кошута 380
Немцы в истории России 389
Уникальное издание 398
Этнос — продолжение Земли 418
Хроника жизни Вилли Мунтаниола 424

Герольд Бельгер

Избранные сочинения в десяти томах

ВОЗДУХ ВРЕМЕНИ
Том девятый

Художественное оформление обложки – Ян Логинов.
Директор издательства – Ш. Байкенова.
Редактор – Г. Кудайбергенова.
Дизайнер – Д. Кадырбаева

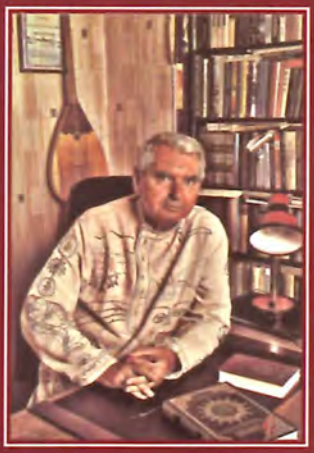
ИБ № 2 (160)

Сдано в набор 05.06.2011 г. Подписано в печать 05.06.2012 г.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Объем – 22,68 уc.п.л. 27 п.л Тираж 2000 + 100. Заказ № 6893/12

Издательство «Балалар әдебиеті»,
050009, г. Алматы, проспект Абая, 143. тел/факс: 8 (727) 395-51-80

Отпечатано с файлов заказчика в ТОО "Полиграфкомбинат" Республики Казахстан.
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.

125 ОУТ

Герольд Карлович Бельгер (1934) – казахстанский прозаик, переводчик,публицист, эссеист, литературный критик, литературовед. Исследователь литературы российских немцев.

Рос в казахском ауле на берегу Есиля, окончил казахскую школу. Лауреат премии Союза писателей Казахстана им. Беимбета Майлина (1988), заслуженный работник культуры Казахстана (1987), лауреат Президентской премии мира и духовного согласия (1992), лауреат Казахского ПЕН-клуба (1996), лауреат Независимой премии «Тарлан» (2002), лауреат высшей журналистской премии «Алтын Самрук» («Золотой Грифон») – 2007 и др. Автор 65 книг и около двух тысяч публикаций на русском, казахском, немецком языках.

Награжден орденами «Парасат» (1994), «За заслуги перед Германией» (2010) и медалями.

ISBN 978-601-252-059-0